

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

История

- Троицкий Н.А.** Александр I и Венский конгресс 3
- Парсамов В.С.** Александр I в 1812 году: поиск роли 12
- Майорова А.С.** Саратовская духовная семинария и ее роль в преобразовании культурного пространства губернского города в первой половине XIX века 21
- Голуб Ю.Г., Поздняков А.Н.** Большевики и педагогическая общественность в первые месяцы советской власти 29
- Мякшев А.П.** Власть и межэтнические конфликты в СССР в период «развитого социализма» 36
- Парфенов В.Н.** Дакийская война Домициана: победа или поражение Рима? 46
- Чернова Л.Н.** Внегородское землевладение лондонских олддерменов XIV–XVI веков (к проблеме городского джентри) 55
- Киясов С.Е.** Провозглашение Великой ложи Лондона: начало современной масонской истории 65
- Креленко Н.С.** О том, что увидел в Париже летом 1790 года «русский путешественник» Карамзина 74
- Кащеев В.И.** Антиковедение в Казанском университете как предмет исследований А.С. Шофмана 82
- Митрохин В.А.** Современная отечественная историография русской эмиграции «первой волны» (1990-е – начало 2000-х гг.) 93
- Галямичев А.Н.** Программа курса истории южных и западных славян в средние века 103

Право

- Варфоломеев Ю.В.** «Не могу молчать...» (к вопросу об участии лидеров «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова в общественном движении за отмену смертной казни в России в начале XX века) 113
- Хижняк В.С.** Международно-правовая жизнь России 120
- Косолапова Н.В.** Организационно-правовые формы современных медицинских учреждений в Российской Федерации 124
- Иванов А.Н.** Проблемы совершенствования понятийного аппарата следственного осмотра 133

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Мирзеханов Велихан Салманханович
Монахов Сергей Юрьевич
Первушов Евгений Михайлович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Салий Игорь Николаевич
Сперанский Дмитрий Васильевич
Федотова Ольга Васильевна
Худяков Глеб Иванович
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Мирзеханов Велихан Салманханович
- Заместитель главного редактора**
Парфенов Виктор Николаевич
- Ответственный секретарь**
Майорова Алла Степановна
- Члены редакционной коллегии:**
Герман Аркадий Адольфович
Данилов Виктор Николаевич
Девятайкина Нина Ивановна
Мезин Сергей Алексеевич
Мосолкина Татьяна Валентиновна
Плеве Игорь Рудольфович
Синюкова Татьяна Владимировна
Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77 7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Ишмухаметова Инга Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Васильева Наталья Юрьевна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 26.12.05

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 16,27 (17,5)

Уч.-изд. л. 17,9

Тираж 150 экз. Заказ 42.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2005

CONTENTS

Scientific Part

History

Troizskiy N.A. Alexander I and Congress of Vienna	3
Parsamov V.S. Alexander I in 1812: In Search of a Role	12
Mayorova A.S. Saratov Theological Seminary and Its Role in Transformation of Cultural Environment of Principal Town of Province in the First Half of XIX Century	21
Goloub Y.G., Pozdnyakov A.N. Bolsheviks and the Pedagogical Community Relationships during the First Months of the Soviet Power	29
Myakshev A.P. Authority and Ethnical Conflicts in the USSR during the Period of the «Developed Socialism»	36
Parfenov V.N. The Dacian War of Domitian: Victory or Defeat of Rome?	46
Chernova L.N. London Aldermen's Out-of-town Landholdings in the 14th – 16th Centuries (the Problem of City Gentry)	55
Kiyasov S.E. The Establishment of London Grand Lodge: the Beginning of the Contemporary Masonic History	65
Krelenko N.S. What Karamzin'n «Russian traveller» Had Seen in Paris in Summer 1790	74
Kashcheev V.I. Ancient History and Classical Scholarship at the University of Kazan as a Subject of A. S. Shofman's Research	82
Mitrokhin V.A. Modern Native Historiography of Russian Emigration of the First Wave (20–30s of the XX Century)	93
Galyamichev A.N. The Programme of the Course «Southern and Western Slavonic History during the Middle Age»	103

Law

Varfolomeev Y.V. «Ne Mogu Molchat...» (about the Participation of N.K. Muraviev and V.A. Maklakov, the Leaders of «Molodaya Advokatura» in the Public Movement for the Abolishment of the Death Penalty in Russia in the Beginning of the XX Century)	113
Hizhnyak V.S. The International Legal Life of Russia	120
Kosolapova N.V. Organizational and Legal Forms of Modern Medical Institutions in the Russian Federation	124
Ivanov A.N. Improvement of Conceptual Apparatus of Investigatory Inspection	133

ИСТОРИЯ

УДК [9:327](470-89) «1814/1815» + 929 Александр I

АЛЕКСАНДР I И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС*

Н.А. Троицкий

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: istfak@info.sgu.ru

Смысл работы Венского конгресса 1815 г. заключался в дележе добычи между победителями Наполеона. Александр I как вождь 6-й (победоносной) антинаполеоновской коалиции играл на конгрессе главную роль. Он действовал энергично и дипломатически изощренно с тройкой целью – сделать Россию доминирующей силой в Европе, вознаградить ее союзников и восстановить повсеместно «легитимных» (феодальных) монархов, свергнутых Французской революцией и Наполеоном. В принципе и то, и другое, и третье ему удалось, но поскольку победители Наполеона «обновляли» Европу не силой права, а правом силы, конгресс обнажил противоречия между ними и привел лишь к видимости политического благоустройства в Европе – видимости, чреватой революциями и войнами.

Alexander I and Congress of Vienna

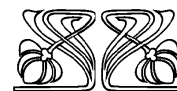
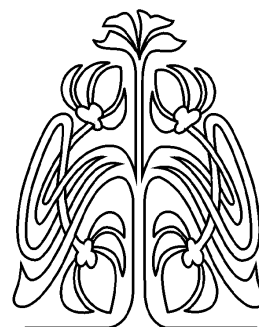
N.A. Troizskiy

The goal of the meeting of the Vienna congress in 1815 was to share the loot between the victors of Napoleon. Alexander I as a leader of 6-th (victorious) antinapoleon coalition played main role at the congress. His actions were active and diplomatically exquisite. His goal was triple – to make Russia dominant power in Europe, to reward its allies and to restore everywhere “legitimate” (feudal) monarchs, dethroned by the French revolution and Napoleon. In principle, he reached all his goals but as the victors of Napoleon were “renewing” Europe not through the power of law but through the law of power, the congress showed the controversies between them and created only the appearance of balance of powers in Europe – the appearance fraught with revolutions and wars.

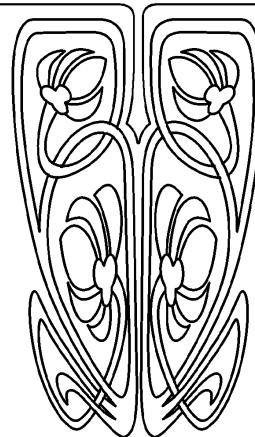
Венский конгресс (сентябрь 1814 – июнь 1815 г.) – важнейший в XIX веке и самый представительный из всех международных конгрессов в мировой истории. Европа прислала туда глав 216 государств (сегодня их меньше во всем мире), а именно: двух императоров (России и Австрии), пять королей (Пруссии, Дании, Баварии, Вюртемберга, Ганновера) и 209 прочих государей. Не была представлена только Турция. Впрочем, две сотни карликовых княжеств, герцогств, курфюршеств были статистами. Все дела на конгрессе решал квинтет великих держав – России, Англии, Австрии, Пруссии как победителей Наполеона и принятой в их компанию посленаполеоновской Франции.

Целью конгресса его устроители называли заботу о благе народов, освобожденных от диктата со стороны Наполеона. Но секретарь конгресса Ф. Гентц (Австрия) откровенно признавал, что все «громкие фразы об “обновлении политической системы Европы”, “прочном мире, основанном на справедливом распределении сил” и т. д. произносились с целью успокоить народы и придать этому торжественному собранию характер достоинства и величия; истинной же целью конгресса был дележ наследства побежденного (т.е. Наполеона. – Н.Т.) между победителями»¹. При этом четыре державы-победительницы старались себя как можно больше вознаградить, а побежденную, но теперь уже избавленную от Наполеона Францию как можно меньше обидеть.

* Русскоязычный оригинал статьи, подготовленной по заказу Серебряной палаты Ее Величества Королевы Дании и опубликованной на английском и датском языках в сб.: Denmark and the Dancing Congress of Vienna. Copenhagen, 2002. P. 72–91.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Главную роль в квинтете великих держав с начала и до конца работы конгресса играл император России Александр I. Он был тогда в апогее славы как общепризнанный глава 6-й (победоносной) антинаполеоновской коалиции², «Агамемнон, царь царей»³. Его сопровождали восемь главных советников. Первым уполномоченным от России на конгрессе официально был граф Ан.К. Разумовский – умный и опытный политик, уступавший, однако, своим противникам в искусстве интриги. Фактически же первую роль среди советников царя играл тогда управляющий Министерством иностранных дел граф К.В. Нессельроде – мастер интриги, но без должного ума и характера, к тому же нечистый на руку: начало его богатству положили 500 тыс. рублей, которые он получил в дни Венского конгресса от дипломатов разных стран за «услуги»⁴. Членом конгресса от России еще был русский посланник в Вене граф Г.О. Штакельберг – яркий царедворец, но бесцветный дипломат. Кроме того, Александру помогали пять личных советников: два немецких барона – И.О. Анштет и Г.Ф.К. Штейн, граф И.А. Каподистрия (будущий глава правительства Греции), польский князь А. Чарторыйский (племянник последнего короля Польши С. Понятовского) и граф К.О. Поццо-ди-Борго – земляк, друг юности, а затем и враг всей жизни Наполеона.

Таким образом, из восьми советников Александра I только Разумовский был русским (точнее украинцем), а семь остальных – три немца, поляк, корсиканец и грек плюс Нессельроде, о котором говорили, что его личность могла служить «кратким руководством по географии», поскольку он родился в португальском порту, на английском корабле, от еврейки и немца, принявшего русское подданство.

Австрийскую делегацию на конгрессе возглавлял министр иностранных дел и фактический глава правительства Австрии князь К.В.Л. Меттерних. Именно он, а не император Франц I, в качестве хозяина председательствовал и на официальных и на частных заседаниях. Он мнил себя «величайшим дипломатом в мире», но и на деле был не просто «лжецом и фанфароном»⁵, а виртуозом международной политики. Из всех дипломатов в Вене «только один оказался искуснее его – Талейран»⁶. Впрочем, уступая одному из них в дипломатическом искусстве, Меттерних превосходил их всех осведомленностью, ибо венская полиция ежедневно информировала его о результатах неусыпного наблюдения за каждым шагом любого из участников конгресса (в первую очередь Александра I!)⁷.

Глава английской делегации министр иностранных дел лорд Р.Г.С. Каслри – бездарный, хотя и тщеславный, педант, олицетворявший собою «все наиболее антипатичные черты британской олигархии»⁸, – уступал в дипломатическом соперничестве и Талейрану и Меттерниху, как, впрочем, и заменивший его в феврале 1815 г. лорд

А.У. Веллингтон – блестящий военачальник, но бесхитростный дипломат.

Главою прусской делегации король Фридрих Вильгельм III назначил канцлера князя К.А. Гарденберга – осторожного до трусости и к тому же почти глухого на оба уха. В трудных ситуациях его выручал второй уполномоченный от Пруссии барон В. Гумбольдт – искусный политик и ученый-гуманист (филолог и философ) с мировым именем.

Наконец, Францию представлял на конгрессе князь Ш.М. Талейран – бывший епископ (до революции) и министр иностранных дел у Наполеона, гениально одаренный дипломат и уникально порочная личность, «слуга всех господ», который всю свою жизнь продавал тех, кто его покупал, и которого в Вене называли «(конечно не в глаза) наибольшей канальей целого столетия (*la plus grande canaille du siècle*)»⁹.

С такими соперниками Александр I вступил на Венском конгрессе в дипломатическую борьбу. Если все прочие монархи верили деловую канитель своим министрам, а сами предавались развлечениям, то Александр занимался делами так энергично, что о нем говорили: «Он хочет сам быть своим представителем».

Впрочем, новый «Агамемнон» не отставал от других монархов и в развлечениях, по числу и размаху которых Венский конгресс превзошел все, что было за всю историю дипломатии до и после него. Кроме 700 делегатов конгресса с обслуживающим персоналом Вену заполнили больше ста тысяч гостей. Среди них были все европейские знаменитости того времени – политики, ученые, литераторы, художники, музыканты, певцы. Жители Вены проявляли к ним необычайный интерес, пользуясь любой возможностью для того, чтобы увидеть и услышать их. Когда въезжали в город Александр I и Фридрих Вильгельм III, «вся Вена высыпала навстречу высоким гостям; сотни тысяч зрителей покрывали оба берега Дуная»¹⁰. Если венцы празднично любопытствовали, встречая сонмище знаменитых гостей, то понаехавшие отовсюду гости шумно и дорого праздновали свой приезд. В честь конгресса Вена на девять месяцев закружилась в праздничной феерии: каждый день устраивались концерты и спектакли, пикники и охоты, лотереи и маскарады, даже «копии средневековых турниров»¹¹ и балы, балы, балы...

Александр I в этом «вавилонском столпотворении» успевал всюду. Он давал обеды и ужины на 350 и более персон с «гастрономическими редкостями» из разных стран, развлекал себя зрелищами, украшал собой все приемы и танцевал на всех балах («что до императора России, то он танцевал бы и во время пожара Рима», – иронизировал Е. Гук, секретарь лорда Каслри)¹².

Внешне очень эффектный, обаятельный, галантный, с изящными манерами («сущий прельститель», по выражению М.М. Сперанского), Александр I, пожалуй, не обошел вниманием ни

одну из красавиц, съехавшихся тогда в Вену со всех концов Европы. Больше других заинтересовали царя две женщины. Одна из них – княгиня Е.П. Багратион (урожденная Скавронская), правнучка родного брата императрицы Екатерины I, вдова героя войны 1812 г., смертельно раненного в Бородинской битве, – давно оставила своего мужа и держала в Вене собственный салон. Александр стал ее «интимным другом», но, как догадывались австрийские соглядатаи, ради того, чтобы узнавать от нее секреты другого ее «интимного друга» Меттерниха (от которого она имела дочь Клементину)¹³. С той же целью царь соблазнил и другую любовницу Меттерниха – герцогиню Вильгельмину Саган, внучку курляндского герцога Э.И. Бирона и (по слухам) императрицы Анны Ивановны.

Кроме женщин, развлекал Александра I и экзотический подарок императора Австрии – говорящий скворец, который, едва увидев царя, принимался кричать: «Виват, Александр! Виват, Александр!». Шарманщик, научивший скворца говорить, был принят царем и получил от него награду.

Удивительно, как столь вездесущий монарх находил время для обычных прогулок по улицам Вены. «Больше всего он любил ходить один, пешком, – свидетельствует со слов очевидцев его биограф. – Встретив на улице кого-либо из знакомых, он останавливал его, вступал в разговор, а иногда продолжал прогулку с ним вдвоем»¹⁴.

Главное же, при такой занятости развлеченными Александр успевал вникать во все дела конгресса, не уклоняясь от жарких споров с главами делегаций. Вот что записывал в дневнике 1815 г. полковник царской свиты, впоследствии знаменитый военный историк А.И. Михайловский-Данилевский: «Мне часто случается приглашать к Его Величеству Меттерниха, Гарденберга, Веллингтона, Каслри, Талейрана и других и слышать из другой комнаты весьма продолжительные и громкие их разговоры и споры, из коих господии выходили со столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать с них пот»¹⁵. После одного из таких споров о Польше Меттерних, как стало известно агентам венской полиции, «был столь озадачен резким ответом русского императора, что, уходя, едва мог попасть в двери»¹⁶. По донесениям тех же агентов, Меттерних и Талейран стали усматривать в Александре «второго Наполеона»¹⁷, а лорд Каслри в связи с этим заметил: «Разум императора не вполне здоров»¹⁸.

Александр I действительно строил «наполеоновские» планы. Как самый авторитетный из победителей Наполеона, он хотел бы стать или, по крайней мере, выглядеть перед Европой новым Наполеоном, преобразующим весь континент. С одной стороны, он утопически рассчитывал создать из России «евангельское государство» в качестве общехристианского центра и главного политического арбитра в Европе¹⁹, а с дру-

гой – восстановить на континенте *легитимных*, «законных государей», свергнутых Французской революцией и Наполеоном, и обеспечить политическое «равновесие» между ними. При этом, однако, Александр (в отличие от других монархов) считал, что «последствия революции уже не могут быть уничтожены» и что в интересах самих государей, возвращающихся к власти из прошлого, вводить у себя *конституционные* новшества²⁰. Более того, монархов, бывших к 1814 г. в союзе с Наполеоном (датского и саксонского), царь предполагал наказать ограничением или вовсе лишением их власти. Зато победители Наполеона, в первую очередь Российская империя, должны были быть щедро вознаграждены.

В каждом из пунктов этой программы Александр I встречал то или иное противодействие со стороны своих партнеров по антинаполеоновской коалиции. Собственно, общей у них, как подметил А. Дебидур, была «только одна мысль <...> и эта мысль заключалась в том, что они – самые могущественные державы, что Европа – в их руках, и что никто не может помешать им распоряжаться по своему произволу»²¹. Однако даже в рамках этого произвола (например, кого и как наказать или вознаградить) между ними еще до начала конгресса вскрылись острые разногласия. Чтобы урегулировать их, европейские дипломаты и русский царь затеяли предварительные совещания в частном порядке, которые затянулись настолько, что исследователи не могут определить дату официального открытия конгресса.

Сама форма этих совещаний была необычной – от аудиенций для дипломатов у русского императора до кулуарных бесед на праздничных тусовках. «Никогда более важные и сложные вопросы не обсуждались среди такого количества праздников, – вспоминал очевидец. – Во время бала дробилось на части или увеличивалось королевство, во время обеда получалось согласие на вознаграждение, план конституции намечался во время охоты»²². Конгресс предполагалось открыть то 15 августа, то 1 октября, то 1 ноября, но и 1 ноября официально он не был открыт. По мнению А. Дебидура, «он и вовсе не открывался, так как в сущности ни одного общего заседания не было»²³. «Единственное – пленарное, – уточняет Я. Шедивы, – состоялось лишь однажды, когда потребовалось подписать Заключительный акт»²⁴, т.е. 9 июня 1815 г. А до того дня делегаты конгресса больше танцевали, чем заседали. Известный на всю Европу остролов, австрийский фельдмаршал принц Ш.Ж. де Линь обронил тогда крылатую фразу: «Конгресс танцует, но не движется вперед» (*Le congrès danse? Mais il ne marche pas*)²⁵.

С первых же дней работы «танцующего» конгресса руководящую роль на нем стал играть квартет великих держав – победителей Наполеона (Россия, Англия, Австрия, Пруссия), а с 12 января 1815 г., благодаря дипломатической изобретательности Талейрана, квартет превратился в квинтет:

Франция вновь была принята как равная в ряд великих держав и, вместо «большой четверки», все вопросы конгресса стала решать «большая пятерка». Официально утвержденной повестки дня конгресс не имел. Вопросы ставились и обсуждались на частных совещаниях и в рабочих комитетах конгресса. Их было множество. Главными из них стали три: французский, саксонский и польский.

Вопрос о политическом устройстве и границах Франции после низложения Наполеона интриговал всех участников конгресса. К Наполеону все они относились враждебно, но за возвращение Бурбонов безоговорочно выступила только Англия, где и провел долгие годы изгнания Людовик XVIII. Меттерних, не отвергая Бурбонов, готов был согласиться на передачу французского престола сыну Наполеона при регентстве его матери Марии Луизы, которая устраивала Австрию как дочь австрийского императора Франца I. Пруссия же заботилась больше о том, чтобы из торжества над Наполеоном «выжать побольше миллионов и захватить побольше территорий», нежели о том, кто возглавит Францию²⁶. Самой сложной оказалась здесь позиция Александра I.

Русский царь не испытывал личных симпатий к Бурбонам и сомневался в их политической самостоятельности. Из советников царя только Поццо-ди-Борго стоял решительно за Бурбонов. Сам Александр, признавая Людовика XVIII «законным государем», соглашался вернуть его на французский трон лишь при условии, что он дарует Франции конституцию, иначе будет сметен новой революцией. Царь готов был даже породниться с Людовиком и выдать свою сестру Анну Павловну (ту, к которой в 1809 г. сватался Наполеон, но получил отказ) за герцога Беррийского, племянника короля. Людовик, однако, по наущению Талейрана, уклонился от заключения такой брачной сделки²⁷.

Личные встречи Александра I с Людовиком XVIII только повредили их отношениям. При свидании в Компьене 1 мая 1814 г. Людовик «с оскорбительной холодностью», не вставая с кресла, указал Александру на стул, а потом за обедом неуместно давал понять, что Бурбоны выше Романовых. Александр тогда съязвил: «Можно подумать, что не я ему, а он мне вернул корону»²⁸.

После этого Александр I называл разные кандидатуры взамен Людовика XVIII. На время он поддался влиянию швейцарского республиканца Ф.С. Лагарпа, который в 1783–1795 гг. был воспитателем юного Александра Павловича, а теперь стал негласным советником царя и «тянул в сторону Бернадота»²⁹. Благодарный Бернадоту за то, что этот бывший маршал Наполеона, избранный в 1810 г. правителем Швеции в качестве наследного принца (под именем Карла Юхана), поддержал Россию в 1812 г., Александр был не против кандидатуры Бернадота на французский престол. Более того, по слухам, он будто бы

предложил маршалу Ж. Э. Макдональду: «Выберите кого-нибудь из своих маршалов, как сделала Швеция относительно Бернадота»³⁰. А в разговоре с бароном Э. Витролем (ярким роялистом) царь ужаснулся своего собеседника, не только назвав Бернадота и принца Евгения Богарне (пасынка Наполеона!) возможными кандидатами на управление Францией, но и добавив при этом, что «умно организованная республика больше всего соответствовала бы духу французской нации (курсив мой. – Н.Т.)»³¹.

Однако противодействие союзников заставило царя уступить. Решающую роль в этом противодействии сыграл Талейран. Он выставил против всех вариантов Александра I принцип легитимизма, с которым царь не мог не считаться: «Возможны лишь две комбинации – Наполеон или Людовик XVIII. Республика не возможна. Регентство или Бернадот – интрига. Только Бурбоны – принцип»³².

Таким образом, еще до начала работы Венского конгресса вопрос о Франции, казалось, был уже решен: Наполеон низложен и сослан на о-в Эльба, а Людовик XVIII занял французский трон. По условиям Парижского мирного договора 30 мая 1814 г. Франция была низведена к границам 1792 г. (до революционных и наполеоновских завоеваний), но осталась в концерте великих держав.

Все перевернулось почти мгновенно. 6 марта 1815 г. в разгар веселья на очередном балу у императора Австрии вдруг началась паника. Засуетились государи, царедворцы, дипломаты и генералы. На монархов было жалко смотреть. «У императора Александра лицо сделалось желтым, как лимон»³³. Только что примчавшийся курьер привез невероятную весть: Наполеон 1 марта покинул Эльбу и высадился во Франции.

То, что произошло затем, с 1 по 20 марта, показалось еще более невероятным. Такого чуда не бывало в мировой истории никогда – ни раньше, ни позже: безоружный человек во главе горстки людей, не сделав ни одного выстрела, «только шляпой помахав»³⁴, за 20 дней положил к своим ногам великую державу.

Положение устроителей Венского конгресса осложнялось тем, что разногласия между ними к тому времени зашли в тупик. 3 января 1815 г. Англия, Австрия и королевская Франция заключили «секретный трактат» о союзе против России и Пруссии³⁵. Каждый из трех союзников обязался выставить армию в 150 тыс. человек. Австрийский фельдмаршал К. Ф. Шварценберг уже начертал план военных действий, «причем было решено, что кампания начнется в конце марта»³⁶, когда пришла весть о возвращении Наполеона во Францию. «Как будто среди “танцующего” конгресса, – читаем у В.О. Ключевского, – появился с того света страшный мертвец в белом саване со знакомыми всем скрещенными на груди руками. Обомлевшие интриганы судорожно схватились за Россию, за Александра, готовые вновь стать в его

распоряжение»³⁷. Александр I ответил им: «Что касается меня, то я готов пожертвовать моим последним солдатом и моим последним рублем»³⁸. 13 марта 1815 г. восемь держав (большая пятерка плюс Швеция, Испания, Португалия) подписали составленную Талейраном декларацию³⁹, в которой Наполеон был объявлен «вне законов» как «враг человечества». «Это было, – заметил А. Сорель, – объявление “вне закона”, практиковавшееся ранее Конвентом и теперь переведенное на монархический язык»⁴⁰. Вслед за этим 25 марта Россия, Англия, Австрия и Пруссия оформили 7-ю антинаполеоновскую коалицию, подчеркнув, что обязуются «устремить все свои усилия» против Наполеона, но не против Франции⁴¹.

Единство коалиции не было поколеблено даже тем ошеломляющим ходом, который сделал Наполеон. Он обнаружил среди бумаг Людовика XVIII текст договора от 3 января 1815 г. Король ратифицировал его и, спасаясь бегством от возвратившегося в Париж Наполеона, второпях оставил на своем столе. Наполеон отправил документ с секретарем русской миссии П.С. Бутягиным Александру I в Вену. Царь был в шоке, но чувство ненависти к Наполеону пересилило в нем все другие чувства. 9 апреля он пригласил к себе Меттерниха и, в присутствии Г. Ф. К. Штейна, показал ему текст договора: «Известен ли вам этот документ?» Биографы Меттерниха полагают, что он тогда единственный раз в жизни от растерянности не знал даже, что солгать, и молчал. «Меттерних, – обратился к нему Александр, – пока мы оба живы, об этом предмете не должно быть между нами ни слова. Наполеон возвратился. Теперь наш союз должен быть крепче, чем когда-либо!» С этими словами царь швырнул документ в пылавший камин⁴².

Однако теперь Александр I не хотел вновь навязывать Франции Людовика XVIII. Увидев, как Людовик непопулярен в своей стране⁴³, и в то же время считаясь с принципом легитимизма, он предложил на французский престол кандидатуру главы младшей ветви Бурбонов герцога Луи-Филиппа Орлеанского (будущего, с 1830 г., короля Франции). «На мой взгляд, – говорил царь первому уполномоченному на конгрессе от Англии лорду Р. Кланкарти (он заменил Веллингтона, отбывшего к армии), – примирить всех может только герцог Орлеанский. Он француз, он Бурбон, он женат на принцессе из дома Бурбонов, у него есть сыновья. Еще в молодости он служил делу Конституции <...> Он объединит все партии»⁴⁴. Пруссия и Австрия не возражали против такой идеи, но Англия расстроила ее.

После битвы при Ватерлоо Веллингтон доставил в Париж Людовика XVIII в английском обозе, и тот занял королевский дворец, «как будто бы ничего не случилось, и он не переставал царствовать над Францией ни одного дня»⁴⁵. Александр I усмотрел в этих действиях «явное пренебрежение английского кабинета к своим континентальным союзникам»⁴⁶. Но делать уже было нечего: Людо-

вик вернулся на прародительский трон. Поэтому, когда король, чувствуя шаткость своего положения, обратился к Александру за содействием, царь в письме к нему от 26 июня 1815 г. содействие обещал, но – при «восстановлении законного и *либерального* правительства (курсив мой. – Н.Т.)»⁴⁷. Он проследил за тем, чтобы Людовик сохранил дарованную французам «Конституционную хартию» 1814 г., а главой правительства и министром иностранных дел Франции по настоянию Александра король назначил, вместо Талейрана, «одесского дюка», т. е. бывшего градоначальника Одессы и Новороссийского генерал-губернатора герцога А.Э. дю Плесси Ришелье – внука знаменитого маршала Франции Л.Ф.А. дю Плесси Ришелье, который, в свою очередь, был внучатым племянником еще более знаменитого кардинала. Дюк не был во Франции с 1790 г. «Это француз, который лучше всего знает Крым», – посмеивался над ним Талейран, но для России и Александра I такой француз был полезнее любого другого⁴⁸.

Вместе с тем Александр I, ощутив на Венском конгрессе противодействие своим планам со стороны партнеров по антинаполеоновской коалиции (в первую очередь, Англии), позаботился о том, чтобы Франция сохранила статус великой державы как дружественный к России противовес другим великим державам. Он убедил своих союзников снять территориальные и умерить финансовые претензии к Франции, что и было узаконено Парижским мирным договором от 20 ноября 1815 г.⁴⁹

Кроме вопроса о Франции, самыми острыми на Венском конгрессе были польский и саксонский вопросы. Они оказались тесно связанными между собой.

В польском вопросе Александр I сразу занял твердую позицию: Россия должна быть вознаграждена за свою роль в разгроме Наполеона присоединением к ней герцогства Варшавского со столицей в Варшаве, которое Наполеон создал в 1807 г. из польских земель, отошедших к Пруссии и Австрии в XVIII в. по трем разделам Польши. Александр рассчитывал присоединить к России все герцогство посредством личной унии как Царство Польское во главе с ним, Александром – царем русским и польским. При этом Александр обещал даровать Царству Польскому конституцию «и тем самым обеспечить счастье его народа»⁵⁰. Такой проект царь считал не подлежащим обсуждению. «Это есть дело, которое касается только лично меня и в котором лишь я один могу быть судьей!» – заявил он Талейрану. «Слуга всех господ» тогда ему возразил: «Простите, государь, когда принадлежишь истории, весь мир является судьей»⁵¹.

Самым решительным противником России в польском вопросе выступила Англия. Лорд Каслри в меморандуме от 12 октября 1814 г. попытался изобразить Россию европейским пугалом: «План русского императора присоединить герцогство

Варшавское <...> распространил волнение и ужас при дворах австрийском и прусском, наполнил страхом все государства Европы <...> Россия, уже увеличенная Финляндией, Бессарабией, землями персидскими, устремляется на Запад, в сердце Германии⁵². Со своей стороны, Каслри в одном из частных писем заявил, что он «не намерен позволить калмыцкому князю перевернуть Европу»⁵³.

Александр I проявил твердость. Он пригласил к себе Каслри и повторил сказанное Талейрану («вопрос о герцогстве подлежит только русской компетенции»), подчеркнув при этом: «Я завоевал герцогство, и у меня есть 480 тыс. солдат, чтобы его защитить!»⁵⁴. В то же время царь заручился поддержкой своего давнего друга, короля Пруссии Фридриха Вильгельма III, обещав ему поддержать Пруссию в саксонском вопросе⁵⁵. Узнав об этом, Меттерних (разделявший, хотя и менее решительно, позицию Каслри) попытался расстроить альянс России и Пруссии в польском вопросе, пустив такой слух: «Император Александр более заботится о Польше, чем о Саксонии». Князь Гарденберг рассказал об этом царю. Александр был так разгневан, каким его еще не видели. Он даже вызвал Меттерниха на дуэль, но тот как истый дипломат уклонился от вызова. После этого, вплоть до скандальной сцены 9 апреля 1815 г., Александр «не посещал собраний и балов, устраивавшихся у Меттерниха, и, встречаясь с канцлером Австрии в других местах, поворачивался к нему спиной»⁵⁶.

Сговор Англии, Австрии и королевской Франции от 3 января 1815 г. позволил им усилить совместное давление на Россию и Пруссию, а побег Наполеона с Эльбы сплотил «большую пятерку» и помог ей урегулировать разногласия. Польский вопрос был решен посредством компромисса, выгодного для России. Территория герцогства Варшавского, за исключением Познани (осталась в руках Пруссии), Восточной Галиции (сохранилась за Австрией) и Кракова, объявленного вольным городом, присоединилась к России под названием Царство Польское (127 тыс. кв. км с населением в 3 млн 200 тыс. человек). Так фактически был содеян 4-й раздел Польши. 25 мая 1815 г. в Вене была опубликована октроированная (т.е. пожалованная монархом) Конституция Царства Польского⁵⁷.

Князь Чарторыйский свидетельствовал, что по разговорам с Александром I о конституции и «счастье народа» Польши «невозможно было понять, искренен ли он или лукавит; достаточно причин предполагать последнее»⁵⁸. В связи с этим важный вывод сделал российский историк С.В. Мироненко: «Конституция Царства Польского была для Александра I своеобразным экспериментом. Польша стала как бы полигоном для проверки того, насколько реален задуманный императором симбиоз конституции с самодержавной властью»⁵⁹. Это, пожалуй, верно. Но был в таком эксперименте и сугубо польский аспект: царь

стремился расположить к себе поляков и сплотить их под своим скипетром, как бы исправляя несправедливость, допущенную по отношению к ним Екатериной II. Ради этого Александр назначил первым наместником Польши с титулом Высочества даже не Чарторыйского, как ожидалось, а генерала Ю. Зайончека, который был соратником Т. Костюшко и Наполеона и учеником наполеоновского нашествия на Россию, где, кстати, потерял ногу и попал в плен. С той же целью Александр льстил патриотическим чувствам поляков в ряде акций, начиная с перезахоронения Ю. Понятовского.

Польский князь и маршал Франции Юзеф Понятовский, тоже сражавшийся против России под знаменем Наполеона в 1812 г., погиб в «битве народов» под Лейпцигом и был погребен на лейпцигском кладбище. В сентябре 1814 г. с разрешения Александра I поляки торжественно перенесли останки своего героя через Варшаву в Краков, причем царь поручил главнокомандующему русской армией фельдмаршалу М.Б. Барклаю де Толли со всем его штабом участвовать в церемонии. Более того, он разрешил полякам воздвигнуть памятник Понятовскому. Памятник был изваян великим датским скульптором Б. Торвальдсеном и стоит поныне в Варшаве перед зданием Совета министров Польши. Позднее, в 1817 г., опять-таки с дозволения Александра поляки перенесут на родину прах умершего в Швейцарии Тадеуша Костюшко⁶⁰.

Компромиссно, хотя и болезненно для Саксонии, был решен на конгрессе и саксонский вопрос. В наказание саксонского короля Фридриха Августа I за его союз с Наполеоном (в битве под Лейпцигом король потерял свои войска, перешедшие на сторону антинаполеоновской коалиции, и сам попал в плен) Пруссия стремилась присоединить Саксонию к себе. Александр I энергично поддержал Фридриха Вильгельма III: «Прусский король будет королем Пруссии и Саксонии, как я буду императором России и королем Польши!»⁶¹. Выслушав ссылки Талейрана на договоры, подтверждающие легитимность (и, стало быть, неприкосновенность) саксонского короля, царь заявил: «Какое употребление, думаете вы, я могу сделать из всех ваших пергаментов и трактатов? Для меня одно превыше всего – это данное мной слово. Я его дал и сдержу: я обещал Саксонию прусскому королю»⁶². Новые возражения Талейрана царь оборвал «окриком по-наполеоновски»: «Если саксонский король не отречется от престола добровольно, он будет отправлен в Россию и умрет там. Один король уже нашел там свой конец!»⁶³.

Главными противниками России и Пруссии в саксонском (как и в польском) вопросе были Англия и Австрия, которые не желали ни русского, ни прусского усиления. Но настойчивее всех убеждал Александра I вернуть Фридриху Августу I саксонский престол именно Талейран. Эта кажущаяся странность объяснялась просто:

во-первых, король Саксонии (как и неаполитанские, пармские, испанские Бурбоны) был в родстве с Людовиком XVIII, а главное, агенты Меттерниха дознались, что Талейран получил от саксонского короля взятку в 3 млн флоринов⁶⁴. Стараясь отработать полученные миллионы, Талейран на переговорах с Александром I позволил себе даже рискованные ходы. Когда царь стал говорить о том, что саксонский король «изменил общему делу Европы», Талейран возразил: «Государь, он уступил силе обстоятельств, в которых может оказаться каждый». Александр усмотрел здесь намек на свой договор с Наполеоном в Тильзите и воспринял это как оскорбление⁶⁵.

В переговорах с уполномоченными от Англии и Австрии по саксонскому вопросу царь держался корректнее, но столь же твердо. Его рескрипт послу России в Лондоне Х.А. Ливену от 15 (27) декабря 1814 г. гласил: «Передавая Саксонию под власть прусского короля, союзные державы лишь действуют в соответствии с принципами, уже ранее ими принятыми, <...> поскольку они завоевали Саксонию, после того как были испробованы все средства привлечь ее правительство к защите правого дела»; стремление же Англии, Австрии и Франции «вернуть саксонскому королю его прежние владения или их часть <...> противоречит не только доводам здравой политики, но и национальным чаяниям саксонцев»⁶⁶.

Однако после январского сговора Англии, Австрии и Франции Александр I вынужден был несколько уступить и побудить своего друга Фридриха Вильгельма III согласиться на компромисс. Королевство Саксония осталось под скипетром Фридриха Августа I, но 2/5 его территории с населением в 723,3 тыс. человек отошли к Пруссии.

Трудно решался на Венском конгрессе скандинавский вопрос. Здесь Александр I проявил дипломатическую изощренность. Дело в том, что Дания была втянута в коалиционные войны главным образом из-за двух варварских бомбардировок Копенгагена английским флотом 2 апреля 1801 г. (под флагом адмирала Г. Нельсона) и 1 сентября 1807 г. «При таком образе действий со стороны Англии для Дании оставалось только присоединиться к Франции», – заключал Х. Шеффер⁶⁷. Король Дании Фредерик VI, яркий представитель просвещенного абсолютизма, отменивший в 1800 г. крепостное право, естественно, был ближе к Наполеону, чем к его противникам – феодальным монархам. Он и на Венском конгрессе шокирующе отличался от чопорных монархов либеральными воззрениями и «простотою манер»⁶⁸.

После того как в 1813 г. датские войска были разбиты шведами, Дания 14 января 1814 г. подписала Кильский договор со Швецией, по которому уступала Швеции Норвегию, но должна была получить шведскую Померанию и остров Рюген, а также денежную компенсацию⁶⁹. 8 февраля 1814 г. договор с Данией подписала и Россия, гарантировав при этом передачу ей Померании и

Рюгена⁷⁰. Здесь, однако, начались неожиданные осложнения.

Норвежцы отказались признать Кильский договор и провозгласили своим королем принца Христиана-Фридриха (двоюродного брата Фредерика VI и будущего короля Дании под именем Христиана VIII). Фредерик VI призвал норвежцев выполнять договор, а Христиана-Фридриха – отказаться от норвежского престола. В августе 1814 г. Карл Юхан принудил Норвегию к заключению унии со Швецией при сохранении норвежской автономии в составе шведского королевства, но не собирался передавать Дании шведскую Померанию, намереваясь передать ее Пруссии⁷¹. 2 мая 1815 г. министр иностранных дел Дании Н. Розенкранц пригласил Россию стать посредницей между Швецией и Данией в переговорах о Померании⁷². Александр I согласился, хотя положение его было щекотливым: с одной стороны, он еще в 1812 г. трижды, по договорам от 5 апреля и 15 июня и при личном свидании 27–30 августа в Або, обещал Карлу Юхану помощь в присоединении Норвегии к Швеции, а с другой стороны, по договору 1814 г. гарантировал присоединение шведской Померании к Дании. Искусно маневрируя на Венском конгрессе в качестве посредника, он помог Швеции, Дании и Пруссии найти компромисс: Норвегия закреплялась за Швецией, шведская Померания отходила к Пруссии, а Дания получала от Пруссии денежную компенсацию и герцогство Лауэнбург, непосредственно примыкавшее к датским владениям⁷³.

Вывод советского историка Л.А. Зака о том, что в Вене «Дания была сведена на положение третьестепенной державы»⁷⁴, излишне строг. И все же надо признать, что Дания потеряла больше, чем приобрела. Когда Александр I, симпатизировавший Фредерику VI, сказал ему при прощании в Вене: «Вы увозите с собой наши сердца», тот грустно ответил: «Но, увы, ни одной души!»⁷⁵.

Пожалуй, не было на Венском конгрессе таких вопросов, к обсуждению которых Александр I не проявил бы интереса – государственного, династического и даже личного. Так, он выступил за создание на территории *Германии* федеративного союза 38-ми суверенных государств, включая Австрию и Пруссию. Такой проект устроил все великие державы: Россию, Англию и Францию – потому, что они желали видеть Германию единой и сильной, а Пруссию и Австрию – потому, что они заняли в Германском союзе ведущие позиции. При этом Александр I позаботился о введении конституционных норм в тех германских государствах, где правили его родственники, указав в инструкции графу Нессельроде: «Поддерживать, насколько возможно, интересы герцога Ольденбургского. Более всего меня интересуют король Вюртембергский, великий герцог Баденский, великий герцог Дармштадтский»⁷⁶.

Не без влияния Ф.С. Лагарпа Александр I энергично добивался и добился на конгрессе

признания всеми великими державами «вечного нейтралитета» Швейцарии и ее конституции, принятой в августе 1815 г.»⁷⁷.

Менее активен был царь в итальянских делах. Верный принципу легитимизма, он поддержал возвращение Неаполя под власть Бурбонов⁷⁸, но в борьбу между Австрией и Францией за преобладание в раздробленной Италии не вмешивался, полагая, должно быть, что эта борьба непосредственно интересы России не затрагивает.

Точно так же не мешал Александр I морской экспансии Англии, хотя и настороженно следил за ростом ее могущества⁷⁹: он был благодарен Англии за финансирование всех антинаполеоновских коалиций, а кроме того, учитывал, что Англия не имеет территориальных претензий на континенте Европы.

Тем не менее именно с Англией, в первую очередь, а также с Австрией столкнулась Россия на конгрессе по греческому вопросу. Греки изнывали тогда под игом Турции. В 1814 г. в России возникло греческое тайное общество «Филики Этерия». Оно возглавило борьбу греков за независимость. Александр I, зная об этом, в январе 1815 г. предложил союзным державам «взять на себя защиту живущих в Турции христиан». Англия и Австрия не позволили ему даже «поставить этот вопрос на обсуждение». Слабым утешением для царя стало то, что он отвратил противоположное намерение Меттерниха – «взять под охрану соединенной Европы неприкосновенность Турецкой империи»⁸⁰.

Последние месяцы (после возвращения Наполеона с Эльбы) Венский конгресс работал нервно, но сумел уладить все дела за неделю до битвы при Ватерлоо: 9 июня 1815 г. был подписан составленный Ф. Гентцем заключительный акт конгресса из 121 статьи⁸¹ (сразу его подписали 5 великих держав плюс Швеция и Португалия, а затем – до мая 1820 г. – к ним присоединились еще 26 европейских стран).

Заключительный акт узаконил дележ наследства Наполеона между его победителями, перекроив карту Европы. Россия усилилась за счет Польши, Пруссия – за счет Саксонии, Австрия – за счет Италии, Англия закрепила за собой колонии, отнятые у Франции, в том числе остров Мальта и Ионические острова. Были возвращены феодальные монархи на троны Франции, Испании, Неаполя, Пьемонта, Тосканы. Устроители Венского конгресса присоединили Бельгию к Голландии, Норвегию к Швеции, Геную к Пьемонту, Данию и Саксонию урезали, а Польшу вновь разделили.

Александр I не мог быть вполне удовлетворен итогами конгресса, поскольку даже герцогство Варшавское он получил не целиком, а интриги против России со стороны Англии, Австрии и королевской Франции (особенно их январский сговор 1815 г.) раздражали его. Чтобы восстановить свои позиции «царя царей», пошатнувшиеся в Вене, Александр в сентябре 1815 г. создал и воз-

главил Священный союз европейских монархов. Монархи обязались «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу помощь»⁸², что означало, как выяснилось, сообща давить «во всяком месте» Европы «всякий случай» сопротивления восстановленным феодальным режимам. Пока Союз успешно давал революции в Испании, Португалии, Неаполе, Пьемонте, партнеры Александра I охотно признавали его «царем царей», но как только к 1825 г. вновь обострился греческий вопрос и Александр поддержал восставших против Турции греков, его «братья»-монархи дружно воспротивились этому, что привело к фактическому распаду Священного союза. Хуже того, вместо «евангельского государства» Россия обратилась в аракчеевский (по имени alter ego царя А.А. Аракчеева) содом, а пока Александр I руками Священного союза душил «гидру революции» в Европе, в самой России созрело и предстало перед изумленным царем революционное движение декабристов. Все это усугубило душевную драму новоявленного «Агамемнона» и ускорило его кончину.

Что касается итогов работы Венского конгресса, то они, удовлетворив – в большей или меньшей степени – квинтет великих держав, оказались безрадостными для малых стран и для всех народов. Прикрываясь фиговым листком легитимизма, великие державы попирали национальные интересы большинства стран и «обновляли» Европу не силой права, а правом силы. «Стоит вспомнить, – читаем у А. Дебидура, – бельгийцев, принесенных в жертву Голландии, Геную, отданную Пьемонту, Венецию, Рагузу, проданных Австрии, поляков, поделенных между тремя державами, Италию, связанную по рукам и ногам, Германию, цинично обманутую, Грецию, презрительно отвергнутую»⁸³. Все вообще решения конгресса создали лишь видимость политического благоустройства в Европе – видимость, чреватую революциями и войнами.

Примечания

- 1 Metternich C.W.L. Mémoire, documents, écrits... Paris, 1880. V. 3. P. 474.
- 2 Пять предыдущих коалиций Наполеон разгромил в 1797–1809 гг.
- 3 Выражение Ж. де Сталь цит. по: Соловьев С.М. Император Александр I: Политика. Дипломатия. М., 1995. С. 411.
- 4 Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1892. Т. 5. С. 365.
- 5 Там же. С. 365.
- 6 Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 283.
- 7 Подробно об этом см.: Fournier A. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Wien, 1913.
- 8 Тарле Е.В. Соч.: В 12 т. М., 1957. Т. 1. С. 277.
- 9 Там же. Т. 11. С. 139.

- ¹⁰ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 382.
- ¹¹ «Как будто все века и все страны, – вспоминал очевидец, – назначили здесь друг другу свидание» (Лагард А.М.Б. де. Картины из времен Венского конгресса 1814–1815 гг. // Голос минувшего. 1915. № 5. С. 152.)
- ¹² Труайя А. Александр I, или Северный Сфинкс. М., 1997. С. 222.
- ¹³ Подробно см.: Рахимир П. Екатерина, Вильгельмина, Дарья... // Родина. 1996. №3.
- ¹⁴ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 400. Сегодня невозможно даже представить кого-либо из лидеров великих держав, гуляющего по городу без свиты и охраны!
- ¹⁵ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 275.
- ¹⁶ Fournier A. Op. cit. P. 391.
- ¹⁷ Тарле Е.В. Соч. Т. 11. С. 150.
- ¹⁸ Цит. по: Хартли Д. Александр I. Ростов н/Д, 1998. С. 189.
- ¹⁹ Подробно об этом: Вишленкова Е.А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997. Гл. 3.
- ²⁰ Рескрипт Александра I послу в Лондоне Х.А. Ливену от 15 (27) декабря 1814 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Док-ты Российского министерства иностр. дел. Сер. I. М., 1972 (далее – ВПР). Т. 8. С. 145–146. Подробнее см.: Гросул В.Я. Российский конституционализм за пределами России // Отечественная история. 1996. № 2.
- ²¹ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. 1. Священный союз. М., 1947. С. 53.
- ²² Бутенко В.А. Венский конгресс // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 8.
- ²³ Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 59.
- ²⁴ Шедивы Я. Меттерних против Наполеона. М., 1991. С. 237.
- ²⁵ Pertz I.H. Das Leben des Ministers Freicherrn vom Stein. Berlin, 1851. Bd. 4. S. 100–101.
- ²⁶ История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1905. Т. 3. С. 36.
- ²⁷ См.: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 302, 397; Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 56. В 1816 г. Анна Павловна вышла замуж за принца Вильгельма Оранского – будущего (с 1840 г.) короля Нидерландов.
- ²⁸ Труайя А. Указ. соч. С. 202–203.
- ²⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1912. Т. 1. С. 149.
- ³⁰ Иностранцы о России. Воспоминания графа де Ля Феллоннэ // Исторический вестник. 1900. №12. С. 1118.
- ³¹ Mémoires de Vitrolles. Paris, 1950. V. 1. P. 214–217.
- ³² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 216; Богданович М.И. История войны 1814 г. во Франции и низложение Наполеона I. СПб., 1865. Т. 1. С. 570.
- ³³ Венский конгресс по рассказам графини Э. фон Бернсторф // Русская старина. 1898. №3. С. 495.
- ³⁴ Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 17. С. 156.
- ³⁵ Полный текст его см.: [Chodzko L.] Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Paris, 1864. V. 1. P. 589–591.
- ³⁶ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 301.
- ³⁷ Ключевский В.О. Собр. соч. : В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 426.
- ³⁸ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 499.
- ³⁹ Текст ее см.: [Chodzko L.] Op. cit. V. 3. P. 912–913.
- ⁴⁰ История XIX века. Т. 3. С. 34.
- ⁴¹ ВПР. Т. 8. С. 244.
- ⁴² Эта сцена описана во многих источниках. Наиболее подробно см.: Pertz I.H. Op. cit. Bd. 4. S. 395.
- ⁴³ «После яркого света – слякоть», – так определил реставрацию Бурбонов во Франции Стендаль (Стендаль Ф. Собр. соч.: В 15 т. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 159).
- ⁴⁴ Цит. по: История XIX века. Т. 3. С. 36. Подробнее см.: Pozzo di Borgo C.A. Correspondance diplomatique 1814–1818. Paris, 1890. V. 1. P. 128–134.
- ⁴⁵ Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 565.
- ⁴⁶ Там же. С. 567.
- ⁴⁷ ВПР. Т. 8. С. 148.
- ⁴⁸ Подробно о нем см.: Crousaz-Crétet L.de. Le Duc de Richelieu en Russie et en France 1766–1822. Paris, 1897.
- ⁴⁹ См. об этом: ВПР. Т. 8. С. 707–709.
- ⁵⁰ Зак Л.А. Монархи против народов. М., 1966. С. 75.
- ⁵¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 297.
- ⁵² Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 328.
- ⁵³ Castlereagh R. S. Memoirs and Correspondence... London, 1853. V. 10. P. 200.
- ⁵⁴ Зак Л.А. Указ. соч. С. 74–75.
- ⁵⁵ Там же. С. 86; Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 61.
- ⁵⁶ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 285; Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 455.
- ⁵⁷ Текст ее см.: [Chodzko L.] Op. cit. V. 3. P. 1224–1226.
- ⁵⁸ Kukiel M. Czartoryski and European Unity. 1770–1861. Princeton, 1955. P. 109.
- ⁵⁹ Мироненко С.В. Тайные страницы истории России. М., 1990. С. 16.
- ⁶⁰ См.: Майков П.А. Мелкие заметки об отношениях императора Александра с поляками // Русская старина. 1903. № 2.
- ⁶¹ Memoires du prince de Talleyrand. Paris, 1954. V. 3. P. 38.
- ⁶² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 283.
- ⁶³ Дебидур А. Указ. соч. Т. 1; История XIX века. Т. 3. С. 22. Последний король Польши С. Понятовский умер в 1798 г. в Петербурге.
- ⁶⁴ См.: Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 414.
- ⁶⁵ Труайя А. Указ. соч. С. 218.
- ⁶⁶ ВПР. Т. 8. С. 150–151.
- ⁶⁷ История XIX века. Т. 2. С. 146.
- ⁶⁸ Лагард А.М.Б. де. Указ. соч. С. 153. Датскими делами на конгрессе занимался не столько сам король, сколько первый уполномоченный от Дании граф К. Г. Бернсторф – сын и внук двух министров и сам бывший министр иностранных дел, авторитетный в Европе дипломат.

- ⁶⁹ Текст договора см.: [Chodzko L.] Op. cit. V. 1. P. 90–100.
⁷⁰ ВПР. Т. 7. С. 564.
⁷¹ Там же. Т. 8. С. 673.
⁷² Там же. С. 671.
⁷³ Там же. С. 348, 673–674. Судя по дружескому письму Александра к Карлу Юхану от 13 (25) мая 1815 г. (ВПР. Т. 8. С. 348), В.К. Надлер ошибался, полагая, что еще в 1814 г. Александр I уличил Карла Юхана в измене и порвал с ним всякие отношения (Надлер В.К. Указ. соч. Т. 5. С. 208–209).
⁷⁴ Зак Л.А. Указ. соч. С. 223.
⁷⁵ Там же.
⁷⁶ Там же. С. 122.
⁷⁷ ВПР. Т. 8. С. 112, 371–373, 451–453.
⁷⁸ Там же. С. 190.
⁷⁹ «Британский кабинет, – гласит рескрипт Александра I Х.А. Ливену от 15 (27) декабря 1814 г., – смог за время (Французской) революции завладеть почти всеми ресурсами другого полушария, установить всемирное владычество на морях и контролировать отношения между европейскими державами» (ВПР. Т. 8. С. 145).
⁸⁰ История XIX века. Т. 3. С. 40; Бутенко В.А. Указ. соч. С. 19; Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 97.
⁸¹ Текст договора см.: [Chodzko L.] Op. cit. V. 3. P. 1386–1433; Мартенс Ф.Ф. Собр. трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 229–333.
⁸² Акт о Священном союзе // ВПР. Т. 8. С. 517.
⁸³ Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 97.

УДК 9(470-89) «1812»+929 Александр I

АЛЕКСАНДР I В 1812 ГОДУ: ПОИСК РОЛИ

В.С. Парсамов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: istfak@info.sgu.ru

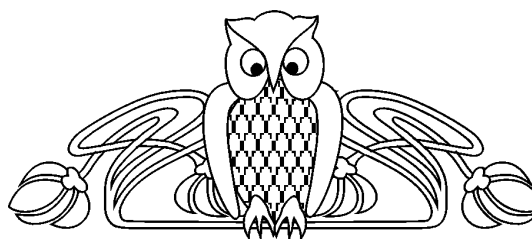
В статье рассматриваются попытки Александра I найти для себя подходящую роль в военных событиях 1812 года. Выделяются три основные роли, находящиеся в зависимости от понимания характера войны: роль полководца на начальном этапе, когда предполагалось, что это будет обычное противостояние двух армий, роль лидера нации, когда стал очевиден народный характер войны. Неспособность царя по разным причинам до конца сыграть каждую из этих ролей заставила его в конечном счете, упоывая на Бога, обратиться к Библейским образцам и выступить в роли царя Давида – Божьего избранника, обретшего величие в смиренности.

Alexander I in 1812: In Search of a Role

V.S. Parsamov

The article deals with Alexander I's attempts to find for himself a proper role in the military events of 1812. Three principal roles, which depend on the understanding of the war, can be singled out: the role of a military leader at the beginning stages when the war seemed to be a regular opposition of two armies; the role of a national leader when the popular character of the war became evident. Caused by various reasons inability to carry out any of those roles made Alexander turn to Bible templates and play the role of Tsar David who was chosen by God and found his greatness in humility.

Настоящая статья посвящена одному достаточно частному аспекту, связанному с теми ролями, которые Александр пытался играть в 1812 году. Речь пойдет не о том, какой в действительности была роль царя в изгнании наполеоновской армии, – вопрос, не имеющий решения и всякий раз получающий ту или иную трактовку в зависимости от личного отношения пишущего к особе императора. Нас будет интересовать то,

каким образом сам Александр в ходе бурных и трагических событий 1812 года старался найти для себя подходящую роль.

Потребность в осмыслении характера новой войны с Наполеоном у Александра I, видимо, зародилась вместе с пониманием того, что война, возможно, будет вестись на территории его государства. Сразу же по вторжении Наполеона в Россию Александр написал короткую записку, сохранившуюся в архиве А.Н. Оленина, где, в частности, говорилось: «Обстоятельства столь необычны, что наша манера действовать должна выйти за пределы общей и привычной линии»¹.

Еще перед войной Александр сделал ряд знаковых назначений на высшие государственные места. Под предлогом старости и болезней от должности канцлера был освобожден Н.П. Румянцев, сторонник профранцузской ориентации во внешней политике, и на это место был назначен К.В. Нессельроде, симпатизирующий австро-прусской дипломатии². Такое на первый взгляд неожиданное, прежде всего для самого Нессельроде, назначение последовало почти сразу же за опалой М. М. Сперанского, с которым вновь назначенного канцлера связывали дружеские отношения. Но Александра в данном случае интересовали не личные связи, а общественные репутации вновь назначаемых лиц. Отставку своего приятеля Нессельроде объяснял следующим образом: «Он был очевидно жертвою интриги; Балашовы и Армфельты воспользовались известным общественным мнением, враждебным преобразованиям, которые император намерен был ввести, поручив

осуществление их Сперанскому. Они представили его величеству, что накануне войны, во время которой один русский патриотизм мог спасти страну, опасно было оскорбить национальное чувство, сохранив при себе человека, обвиняемого даже в измене и в тайных сношениях с Францией. Сношения эти были не что иное, как переписка моя с герцогом Бассано для получения от него подробных сведений о наполеоновских учреждениях, которым хотели подражать в России»³.

Нессельроде очень точно передает причины опалы Сперанского. Уже сам факт того, что отставка Сперанского сопровождалась арестом, ссылкой и имела широкий общественный резонанс, говорит о том, что речь шла не просто о смене политического курса, и даже не о переходе от мирных преобразований к военным приготовлениям, а о полной замене культурно-политического кода. Идеи европейского либерализма казались исчерпанными как во внутренней, так и во внешней политике. Очередная перетасовка карт уже не могла изменить ситуацию. Нужна была новая колода. Весь пятилетний путь от Тильзита до 1812 года как бы официально признавался ошибочным, и теперь возникла потребность в тех, кто вчера еще составлял консервативную оппозицию царскому правительству.

Поначалу освободившаяся после Сперанского должность государственного секретаря была предложена наиболее симпатичному для Александра представителю оппозиции – Н. М. Карамзину. Но Карамзин отказался, да и вообще он не очень вписывался в тот культурный антураж, которого требовала *патриотическая* война. Поэтому в итоге Александру пришлось назначить на должность государственного секретаря нелюбимого им адмирала А. С. Шишкова. Спустя много лет П. А. Вяземский очень точно сформулировал, в чем состояло отличие Шишкова от Карамзина, и почему именно адмирал оказался наиболее подходящей фигурой на должность государственного секретаря: «Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности, но между тем, большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были к стати, по Сеньке шапка. Карамзина манифесты были бы с большим благоразумием, с большим искусством писаны, но имели бы они то действие на толпу, на большинство – неизвестно»⁴.

Это назначение было сколь неожиданным, столь и удачным. Нужно было создать новую стилистику государственного языка, на котором власть могла бы говорить с народом. Дело было вовсе не в том, что Шишков мог объясняться с народом понятным языком. Скорее наоборот, его стиль был тяжел и темен, одним он казался смешным, другим – маловразумительным. Но он был экзотичен и необычен, как сама война.

От шишковских манифестов ждали не сухой информации, а общего настроения: приподнятости, торжественности, архаики, или, говоря иными словами, всего того, что не знающие древности принимают за древность. С. Т. Аксаков верно уловил то созвучие, которое установилось между шишковскими манифестами и широкой аудиторией: «Наступила вечно-памятная эпоха 1812 года, и с удивлением узнал я, что Александр Семеныч сделан был государственным секретарем на место Михаила Михайловича Сперанского. Нисколько не позволяя себе судить на своем ли он месте, я скажу только, что в Москве и других внутренних губерниях России, в которых мне случилось в то время быть, все были обрадованы назначением Шишкова и что писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отозвалось в сердцах русских людей»⁵.

Не менее знаковым было и назначение Ф. В. Ростопчина на должность Московского главнокомандующего. Это назначение прошло при активном содействии сестры Александра I великой княгини Екатерины Павловны. Известный своей преданностью Павлу I, довольно резкими высказываниями в адрес либеральной политики Александра, а также патриотической ненавистью к французам и европеизированному русскому дворянству Ростопчин внушал царю едва ли не большую неприязнь, чем Шишков. И если бы не прямое вмешательство великой княгини, то это назначение могло бы не состояться.

Для Екатерина Павловны, чья политическая активность возрастала по мере приближения войны с Наполеоном, важно было иметь в Москве «своего» губернатора, и она полагала, что Ростопчин в этом смысле вполне может быть ей полезен. Видимо, с самого начала великая княгиня отводила Москве и Твери роль важных опорных центров в организации сопротивления врагу. Уже при первых известиях о вступлении неприятеля на русскую территорию, когда еще не было ясно, какой характер примет эта война, Екатерина Павловна начинает формировать дворянское ополчение, при этом себе она отводит роль инициатора, не придавая, правда, этому широкой огласки, а в роли непосредственного организатора по ее замыслу должен выступить Ростопчин. В письме к адъютанту своего мужа князю В. П. Оболенскому, отправленному ею в Москву, Екатерина Павловна писала: «Передайте графу Ростопчину, что, известившись от вас о предстоящей вам поездке в Москву, и зная о доверии графа к вам, я поручила вам переговорить с ним о той идее, о которой я сообщала уже графу в общих чертах, и сказать ему, что я читала вам мои письма к нему. Передайте ему, что на нем лежит обязанность воспламенить патриотизм московского дворянства, первого в государстве, как по своим материальным средствам,

так и по тому уважению, каким он пользуется в Москве».

В этом письме Екатерина Павловна, кажется, впервые применительно к войне 1812 года употребила понятие «народная война» (*combien cette guerre était nationale*). Однако слово «народная» в данном случае подразумевает не стихийное участие народа в боевых действиях, а дворянскую инициативу, готовность русских дворян добровольно встать под знамена формируемого ополчения.

«Графу, – продолжает великая княгиня, – стоит только явиться в собрание дворянства или на какой-нибудь его съезд, стоит только выяснить, какая опасность грозит отечеству и в какой мере начатая война есть война народная, чтобы воодушевить Московское дворянство, а из Москвы, где так много дворян из всех губерний, это патристическое воодушевление охватит всю Россию».

Далее Екатерина Павловна, как бы предупреждая возможные вопросы Ростопчина, рассказывает Оболенскому историю возникновения этого проекта: «Если граф спросит вас – знает ли Государь обо всем этом и кому принадлежит мысль, отвечайте, что, насколько вам известно, Государь ничего еще не знает, но что мысль о формировании дворянством особых полков принадлежит принцу и мне, а возникла она потому, что в Москве граф Ростопчин, и что, следовательно, никаких волнений произойти не может, если только дело представлено им будет дворянству в истинном свете»⁶.

Однако Ростопчин не выразил своего согласия принять участие в этой затее. И хотя сама идея вряд ли могла вызвать у него возражения, тем более что через несколько недель он будет официально назначен начальником над ополчением шести смежных с Москвой губерний, дело, как представляется, было в том, что проект Екатерины Павловны носил характер частной инициативы, которую Ростопчин как человек, находящийся на государственной службе, считал себя не в праве поддерживать. Обязанный Екатерине Павловне своим назначением, он тем не менее ясно понимал, что служит не ей, а Александру, и что только царь может давать ему подобные поручения.

Такая позиция вызвала раздражение у великой княгини, и уже в следующем письме к Оболенскому от 7 июля она писала: «Великий проект осуществляется, несмотря на сопротивление графа. Подробностей еще не знаю, но не пройдет и двух недель, как Москва докажет своему градоначальнику, что он не знает ее»⁷.

Между тем, утверждая, что «Государь ничего еще не знает», Екатерина Павловна говорила неправду. Свой проект она обсуждала с Александром еще до начала боевых действий, и буквально накануне наполеоновского вторжения царь писал сестре по этому поводу: «Ваши идеи делают столько же чести вашему уму, сколько вашему патриотизму и вашему сердцу <...> Мне кажется, что этот дар, будучи добровольным, произведет лучшее действие, чем если бы это было потребо-

вано от моего имени. И хотя возникнут трудности при его исполнении из-за нехватки офицеров, тем не менее результат принесет несомненную пользу, и в настоящем кризисе чем больше увеличатся наши силы, тем основательнее станет надежда *упорствуя* (здесь и далее курсив мой. – В.П.) победить»⁸.

Из этого письма ясно, почему Екатерина Павловна не желала раскрывать все карты перед Ростопчиным. Организация дворянского ополчения с самого начала мыслилась как сугубо дворянская инициатива. То, что великая княгиня стояла у ее истоков, ни в коей мере не должно было ассоциироваться с царем. Более того, ее известная оппозиционность придавала самому проекту если не оппозиционный, то подчеркнуто неофициальный характер, что несомненно почувствовал Ростопчин, не знающий всей подноготной. Александр и его сестра, действуя как всегда сообща, стремились извлечь политические дивиденды из самой непопулярности царя.

Выражение «народная война» в письме Екатерины Павловны следует понимать как война, ведущаяся независимо от правительственных распоряжений, война, основанная не на политических соображениях, а на ненависти русского дворянства к Наполеону. При этом роль самого царя в войне оставалась не проясненной, что вносило дополнительные осложнения. Екатерина Павловна не меньше самого Александра была обеспокоена той ролью, которую ему придется играть в этой войне. В одном из июньских писем 1812 года, отправленных в Вильно еще до вторжения Наполеона, великая княгиня писала: «Вы должны тяжело страдать, потому что все то, что вы призваны совершить в настоящий момент, противно вашему характеру, но чем больше вы сможете победить себя и быть *Императором*, тем лучше вы исполните ваш настоящий долг. Если я хотела, как вы говорите, прогнать вас из армии, то только для этого. Я считаю вас таким же способным, как и ваши генералы, но вы должны играть не только роль полководца, но еще и роль правителя. Если кто-нибудь из них плохо командует, его наказывают, ему делают выговор. Ошибки, совершенные вами, падут на вас, и доверие к тому, от кого все зависит, кто является единственным арбитром судеб Империи и кто должен быть опорой для всех, будет разрушено, а это более страшное зло, чем потерянные провинции»⁹.

Насколько Александр прислушался к этому мнению сестры, сказать трудно. Какие бы мысли оно в нем ни пробудило, для его отъезда от армии этого было недостаточно. Необходимо было каким-то образом официально обставить отъезд, представить его не как бегство перед лицом превосходящего противника, а как более широкое понимание стоящих перед царем задач. И здесь на помощь Александру пришел А. С. Шишков, который, как известно, в первые дни войны выступил инициатором отъезда Александра из армии. При-

быв в апреле 1812 года к войскам, находящимся в Вильно, Александр оказался заложником ситуации. В случае начала боевых действий государь автоматически оказывался в роли полководца, которой, после Аустерлица, явно не соответствовал и которой боялся, стараясь при этом не подавать виду. Его заявление в рескрипте фельдмаршалу Н. И. Салтыкову от 13 июня 1812 года (т.е. почти сразу же по получении известия о вторжении неприятеля): «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем (разрядка моя. – В.П.)» – следовало понимать так, что царь будет находиться при армии. Это подтвердилось в его воззвании к войскам при отступлении к Дрисскому лагерю: «Я всегда буду с вами и никогда от вас не отлучусь». «Сие выражение, – вспоминал Шишков, – привело меня в отчаяние»¹⁰. Не рассчитывая в одиночку убедить царя покинуть армию, адмирал обратился за поддержкой к А. Д. Балашеву и А. А. Аракчеву, после чего в коллективном письме к царю подробно аргументировал свою позицию.

Необходимость отъезда Александра в столицу в письме в первую очередь объяснялась военной обстановкой. Присутствие царя, который формально не решался взять на себя командование войсками, сковывало действия командующего 1-й армией М. Б. Барклая де Толли перед лицом наступающего противника: «Государь Император, – говорилось в письме Шишкова к царю от 30 июня 1812 года, – находясь при войсках, не предводительствует ими, но предоставляет начальство над оными военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующим, но в присутствии Его Величества не берет на себя в полной силе быть таковым с полною ответственностию».

Однако важны не только причины, но и аргументация, используемая Шишковым для удаления царя: «Государь и отечество есть глава и тело: едино без другого не может быть ни здраво, ни цело, ни благополучно». Поэтому «самая внутренность Государства, лишняя присутствия Государя Своего, и не видя никаких оборонительных в ней приуготовлений, сочтет себя как бы оставленною и впадет в уныние и расстройство, тогда когда бы, видя с собою Монарха Своего, она имела сугубую надежду: первое на войски, второе на внутренне силы, которые без всякого сомнения мгновенно составятся окрест Главы Отечества, Царя»¹¹.

Шишков с самого начал стремится представить войну не как столкновение двух армий или двух государей. Дипломатический и политический аспекты этой войны его, видимо, вообще мало интересовали. Во французах он видел не только военную, но культурную угрозу для *всего* русского народа, поэтому и война с ними – это не сугубо военное, но и общенародное дело. И царь должен стоять во главе всей нации, а не только ее военной части. Он должен быть символом национального

единства наряду с такими общенародными ценностями, как вера и отечество. Через них и должна в первую очередь выражаться идея народной войны. Царь не воин, а народный вождь. Это давало Александру возможность обрести для себя новую роль, когда стало ясно, что роль полководца он сыграть не сможет.

9 июля Александр I писал М. Б. Барклаю де Толли: «Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера»¹². За этим последовали два манифеста Шишкова: воззвание к Москве и манифест о всеобщем ополчении. В них уже содержались основные формулы народной войны. В обращении к москвичам говорилось: «И так да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножится оные, начиная с Москвы, во всей обширной России!». И далее Шишков определяет место царя в этой войне: «мы не умедлим Сами встать посреди народа своего в сей Столице и в других Государства Нашего местах».

В следующем манифесте перечисляются все силы, участвующие в народной войне: «Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых Славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремившихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»¹³.

Модель народной войны, предложенная Шишковым, казалось бы, начала обретать в глазах царя реальные очертания во время его пребывания в Москве с 11 по 18 июля. Как вспоминал П. А. Вяземский, «с приезда государя в Москву война приняла характер народной войны». Мемуарист имеет в виду встречу царя с дворянством и купечеством в Слободском дворце, когда «все было решено, все было готово, чтобы на деле оправдать веру царя в великодушное и неограниченное самопожертвование»¹⁴.

Очевидец этого события Е. Ф. Комаровский описывает его следующим образом: «В пространных залах Слободского дворца назначены были собрания для дворянства и купечества; император сам поехал в Слободской дворец. Войдя в залу, где собрано было все московское дворянство, коего губернским предводителем был В. Д. Арсеньев, государь сказал:

– Вам известна, знаменитое дворянство, причина моего приезда. Император французов вероломным образом, без объявления войны, с многочисленною армиею, составленною из

порабощенных им народов, вторгнулся в нашу границу. Все средства истощены были, – сохраняя, однако же, достоинство империи, – к отвращению сего бедствия; но властолюбивый дух Наполеона, не имеющий пределов, не внимал никаким предложениям. Настало время для России показать свету ее могущество и силу. Я в полной уверенности взываю к вам: вы, подобно предкам вашим, не потерпите ига чуждого, и неприятель да не восторжествует в своих дерзких замыслах; сего ожидает от вас ваше отечество и государь.

Все зало огласилось словами:

– Готовы умереть скорее, государь, нежели покориться врагу! Все, что мы имеем, отдаем тебе; на первый случай десятого человека со ста душ крестьян наших на службу.

Все бывшие в зале не могли воздержаться от слез. Государь сам был чрезмерно тронут и добавил:

– Я много ожидал от московского дворянства, но оно превзошло мое ожидание.

Потом император изволил пойти в залу, где находилось московское купечество. Государь встречен был с радостным восклицанием, и они объявили его величеству, что на несколько миллионов рублей, которые они приносят в дар отечеству, уже сделаны подписки. Император, окруженный толпой народа, который отовсюду стремился навстречу его величеству с беспрестанным криком «ура», – возвратился в Кремлевский дворец»¹⁵.

Для того чтобы оценить значение этого события, необходимо учесть, что, во-первых, позади был длительный период крайней непопулярности Александра I среди дворянства, и, во-вторых, московское дворянство, как известно, всегда отличалось некоторой оппозиционностью. Когда при первом известии о переправе Великой армии через Неман Александр произнес свою известную фразу: «Я не примирюсь, покауда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле», и потом эта фраза, многократно варьируясь, повторялась в официальных и неофициальных документах, царь, видимо, еще не очень хорошо представлял, на какие силы он может рассчитывать. Для этого прежде всего необходимо было вступить в диалог с обществом. Поэтому формирование идеологии «народная война» в июле 1812 года было в первую очередь направлено на поворот общественного мнения от оппозиции к сотрудничеству. Тогда Александру это представлялось вполне реальным. В письме к сестре Екатерине Павловне из Москвы царь писал: «Мое пребывание здесь не было бесполезным. Правительство Смоленска мне предоставило 20.000 человек, правительство Москвы – 80.000. Настроение умов превосходно»¹⁶. Материальная мощь – вещь существенная, но для Александра в данном случае более важным было то, что встреча с «народом» в лице московского дворянства и купечества позволила ему обрести для себя новую

роль – вождя народной войны. Теперь от него не требовалось специальных военных талантов, необходимых полководцу. И если раньше их отсутствие вызывало у царя ощущение собственной неполноценности и вселяло неуверенность в себе¹⁷, то теперь он с высоты своего нового предназначения мог смело об этом говорить. В разговоре с Мадам де Сталь, состоявшемся по возвращении царя из Москвы в Петербург, Александр выразил сожаление, что он не обладает талантом полководца. «Я отвечала, – пишет Сталь, – на это признание, исполненное благородной скромности, что государей на свете меньше, чем полководцев, и что поддерживать своим примером дух нации значит одержать величайшую из побед, – ту, какой до сих пор никто не одерживал»¹⁸.

Противопоставление монарха и полководца было неслучайным. В основе его лежало убеждение, что власть и сила Наполеона целиком обусловлены его полководческим талантом, и европейские монархи, не пользующиеся любовью своих народов, не в силах ему сопротивляться. Во всей Европе только испанский народ оказался в состоянии противостоять французам, но в Испании нет государя, который мог бы придать стихийности народной войны организованный характер и тем самым довести дело до полной победы. Монарха, пользующегося народной любовью и не собирающегося складывать оружие перед Бонапартом, европейское общественное мнение стремилось увидеть в Александре I. Почти сразу же по вторжении Наполеона в Россию наследный принц Швеции и бывший наполеоновский маршал Ж.-Б. Бернадот в письме к Александру, предлагая вооружить местных жителей¹⁹ «по примеру испанцев», писал, что если даже придется отступить, «Ваше Величество одним только желанием легко может восполнить потери посреди своей империи, окруженный подданными, которые Вас любят и которые только и стремятся к тому, чтобы обеспечить Ваше счастье и Вашу славу, в то время как император Наполеон находится вдали от своего государства и ненавидим всеми народами, которые он подчинил своему ярму и которые видят в нем только предвестника разрушения»²⁰. Отвечая на это письмо, Александр полностью соглашался с ролью лидера нации: «Решившись продолжать войну до конца, я должен думать о создании новых военных резервов. Для этой цели мое присутствие внутри империи необходимо для того, чтобы электризовать умы и заставить их принести новые жертвы»²¹.

10 (22 августа) Александр отправился в Або для личных переговоров с Бернадотом. По пути он ненадолго остановился в Гельсингфорсе, где в разговоре с И. А. Эренстремом изложил свое понимание народной войны. В своих записках Эренстрем приводит обращенную к нему речь царя: «С тех пор, как Россия стала европейскою державою, ей пришлось не раз вести продолжительные войны, но они велись всегда вне ее пре-

делов. Необходимый набор рекрутов постоянно вызывал ропот и неудовольствие со стороны владельцев этих людей. Когда исход войны не был благоприятен для государства, то подымались клики против правительства, утверждавшие, что оно могло бы избежать войны, что война велась дурно, выбор генералов был плохой и т. д. Вследствие чрезвычайной отдаленности театра военных действий, людям праздным и пустым болтунам представлялась хорошая пища для всевозможных измышлений, так как даже наиболее прискорбные события войны, которою они мало интересовались, затрагивали их только косвенно. Теперь же нужно было убедить народ, что правительство не ищет войны, что оно вооружилось только на защиту государства, надобно было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским по прошествии ста с лишком лет впервые вблизи, у них на родине; это было единственным средством сделать ее *народною* и сплотить общество вокруг правительства, для общей защиты, по его собственному убеждению и по собственной его воле; вот главные причины, заставившие принять решение – ожидать неприятеля, не переходя границы. В настоящее время обнаруживаются уже благотворные результаты этого решения. Дух народа при этих результатах сделался превосходный. Большинство готово принести отечеству величайшие жертвы. Бонапарт надеется, может быть, на сочувствие к нему некоторой части русского населения, но он ошибается в расчете, так как все классы общества ожесточены против него и против французов»²².

Из этого отрывка видно, во-первых, то, что народная война не является войной европейской, а следовательно, она ведется не в международных интересах и не связана с теми обязательствами, которые русское правительство берет на себя по отношению к другим правительствам. Во-вторых, народная война может быть только навязанной и вынужденной, а следовательно, правительство не может нести за нее ответственность. И, в-третьих, народная война исключает даже мысль о мирных переговорах с противником. Таким образом, фраза Александра, брошенная им в самом начале войны, о том, что он не примирится с Наполеоном, пока хотя бы один вражеский солдат будет находиться на территории России, приобретала прочный идеологический фундамент.

В этой же беседе с Эренстремом Александр в очередной раз заверил, что не подпишет мирного договора с Наполеоном «даже на берегах Волги». Постепенно эта фраза приобретала все большие пространственные очертания и внешнюю народность. Вернувшись из Або в Петербург, в разговоре с Р. Вильсоном, состоявшемся незадолго до Бородинского сражения, Александр к уже ставшим крылатыми словам прибавил: что «он лучше отрастит бороду до пояса и будет есть картофель в Сибири»²³.

Сразу после получения известия об оставлении Москвы иллюзии царя о своем единстве с народом и о принесении совместной жертвы достигли апогея. Привезшему это известие полковнику А. Ф. Мишо 4 сентября 1812 года Александр сказал: «Возвращайтесь же в армию, скажите нашим храбрецам, скажите моим верным подданным всюду, где вы будете проезжать, что если у меня не останется ни одного солдата, то я сам стану во главе любезного мне Дворянства и добрых моих крестьян, буду сам предводительствовать ими и испытаю все средства Моей Империи»²⁴. А 19 сентября (1 октября) он писал Бернадоту: «Ныне более, нежели когда-либо я и народ, во главе которого я имею честь находиться, решились твердо стоять и скорее погрести себя под развалинами империи, чем начать переговоры с новейшим Атиллою»²⁵.

Здесь идеологема народной войны приобретает имперский оттенок. Под народом в данном случае понимаются народы, населяющие Российскую империю от Прибалтики до Сибири включительно, которые составляют не просто единое тело, но и единое цивилизованное пространство, испытывающее на себе варварское нашествие во главе с Наполеоном-Атиллой. Примирение с Наполеоном невозможно, как невозможно примирение варварства и цивилизации. Поэтому либо нашествие варваров будет отражено, либо под обломками империи погибнет цивилизация.

Вскоре после взятия французами Москвы от той эйфории, которая сопровождала царя во время его июльского посещения первопрестольной, не осталось и следа. Популярность царя стремительно падала и скоро достигла той же отметки, что и после Тильзита. Об этом свидетельствует письмо Екатерины Павловны к царю от 6 сентября 1812 года. Ввиду важности и характерности этого письма приведем его полный текст в переводе с французского:

«Мне больше невозможно сдерживать себя, несмотря на то огорчение, которое я должна вам причинить, мой дорогой друг. Взятие Москвы довершило раздражение умов, недовольство достигло высшей степени, и вас уже не щадят. Если это уже дошло до меня, то судите об остальном. Вас вслух обвиняют в несчастье Вашей Империи, во всеобщем и частном разрушениях, и, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и свою собственную. И это не мнение какого-то одного класса, все соединились против Вас. Не останавливаясь на том, что говорят о роде войны, которую мы ведем, одно из главных обвинений против Вас заключается в том, что Вы нарушили слово, данное Москве, которая Вас ожидала с крайним нетерпением, и в том, что Вы ее забросили, все равно, что предали. Не бойтесь катастрофы, наподобие революции, нет! Но я предоставляю Вам судить о положении вещей в стране, глава которой презираем. Нет никого, кто не был бы готов вернуть честь, но вместе с

желанием всем пожертвовать своему отечеству задают себе вопрос: К чему это приведет, когда все уничтожено, поглощено глупостью командиров? К счастью, далеко до того, чтобы идея мира была всеобщей, потому что чувство стыда от потери столицы рождает желание мстить. На Вас жалуются и громко. Я считаю своим долгом сказать Вам это, мой дорогой друг, потому что это слишком важно. Не мне указывать Вам, что необходимо делать, но знайте, что Ваша честь под угрозой. Ваше присутствие может вернуть Вам расположение умов. Не пренебрегайте никакими средствами и не думайте, что я преувеличиваю. Нет, то, что я говорю, к несчастью, правда, и мое сердце от этого обливается кровью, сердце, которое Вам стольким обязано и которое хотело бы ценой тысячи жизней выгнать Вас из положения, в котором Вы теперь находитесь»²⁶.

Екатерина Павловна вряд ли сгущала краски. Она хорошо знала, о чем пишет. Ее тверской салон традиционно имел репутацию оппозиционного центра. А несомненная любовь к брату делала ее весьма чуткой к малейшему проявлению недовольства его политикой. Вполне вероятно, что, группируя вокруг себя оппозиционных вельмож, великая княгиня таким образом оберегала царя от возможного заговора. Так было после Тильзита²⁷, так стало и теперь, когда ситуация, спровоцированная потерей Москвы, грозила выйти из-под контроля.

Сведения о настроении умов, содержащиеся в письме Екатерины Павловны, находят подтверждение в мемуарах Р. С. Эдлинг, где речь идет о какой-то опасности, грозившей царю в сентябре 1812 года, после получения в Петербурге известия о занятии французами Москвы: «Приближалось 15 сентября, день коронации, обыкновенно празднуемый в России с большим торжеством. Он был особенно знаменателен в этот год, когда население, приведенное в отчаяние гибелью Москвы, нуждалось в ободрении. Уговорили государя на этот раз не ехать по городу на коне, а проследовать в собор в карете вместе с императрицами. Тут в первый и последний раз в жизни он уступил совету осторожной предусмотрительности; но по этому можно судить, как велики были опасения». В другом месте прямо говорится «про опасности, которые могли грозить его жизни»²⁸. Судя по тому, что опасности ждали на улице, можно предположить, что речь идет не о каком-то дворцовом заговоре, а о возможной народной расправе с царем.

Александр трудно было отвечать на «печальное письмо» своей сестры иначе, как риторическими заверениями в собственной готовности бороться до конца, и в письме от 7 сентября царь писал ей: «Уверю вас, что мое решение *сражаться еще более непоколебимо, чем когда бы то ни было*. Я лучше предпочту прекратить свое существование, чем примириться с чудовищем, которое причиняет всем несчастье <...>. Я наде-

юсь на Бога, на восхитительный характер моего народа и на настойчивость, с которой я решил не склоняться под ярмо».

Итак, царь называет три фактора, на которые ему остается уповать в борьбе с Наполеоном: Бога, народ и собственную твердость. Характерно, что армия даже не упоминается. Причина этого, возможно, заключена в последней фразе письма: «С 29 августа я не получал ни строчки от Кутузова – это почти невероятно»²⁹. Александр, видимо, еще не очень хорошо представлял, в каком положении находится его армия, и существует ли она вообще.

И только 18 сентября царь смог написать сестре длинное письмо, в котором с откровенностью полной горечи писал о своем положении. То, что армией практически некому было командовать, и «из трех генералов, равно не способных быть главнокомандующими» (Баркляя, Багратиона и Кутузова), царь выбрал Кутузова, «за которого было общее мнение»³⁰, – все это было не самое страшное. Намного тяжелее для Александра были упреки в отсутствии личного мужества. Вынужденно оправдываясь перед сестрой, он писал: «Впрочем, если я должен унизиться до того, чтобы останавливаться на этом вопросе, я вам скажу, что гренадеры Малороссийского и Киевского полков смогут подтвердить, что я умею вести себя под огнем так же спокойно, как и другие. Но еще раз я не могу поверить, что это то мужество, которое было поставлено под сомнение в вашем письме, и я полагаю, что вы имели в виду мужество моральное»³¹. И здесь Александр уже не оправдывается, а старается понять сам и объяснить сестре безвыходность положения, в котором он оказался. Он не полководец и не может командовать войсками, он не пользуется народной поддержкой и поэтому не может выступать и в роли лидера нации. Сложившуюся ситуацию Александр пытается представить сестре, и, видимо, сам в этот убежден, как результат воздействия на общественное мнение наполеоновской пропаганды. «Весной, еще до моего отъезда в Вильно, – продолжает он свое письмо, – я был предупрежден доброй стороной (*de bonne part*), что постоянный труд тайных агентов Наполеона должен быть направлен на дискредитацию правительства всеми возможными средствами, чтобы поставить его в прямую оппозицию с нацией, и для того чтобы преуспеть в этом, было решено, если я буду при армии, то все поражения, которые могут происходить, записывать на мой счет и представлять меня как приносящего в жертву своему самолюбию безопасность империи и мешающего более опытным генералам добиться успеха; и напротив, если меня не будет с армией, тогда обвинять меня в недостатке личного мужества»³². Но это еще не все. Александр далее утверждает, что адский замысел Наполеона включал в себя и намерение внести раскол в императорскую фамилию, и в первую очередь посорить Александра с его любимой

сестрой Екатериной Павловной. Этим самым царь как бы намекал на то, что приведенное выше письмо великой княгини – возможно, часть этого злого замысла.

Следует учесть, что письмо Александра писалось действительно в тяжелую для него пору: Москва в руках Наполеона, планы Кутузова не ясны, непонятно также и то, что происходит с армией, общество им недоволено и не старается это скрыть, и даже самый близкий человек – Екатерина Павловна – сомневается в его мужестве. И на фоне всего этого царь не перестает повторять: «Только *одно упорство*, понимаемое как долг, должно стать средством от зла этой ужасной эпохи»³³.

В это время в мировоззрении Александра происходят существенные изменения. «Пожар Москвы осветил мою душу, – признавался он впоследствии прусскому епископу Эйлерту, – и наполнил мое сердце теплотою веры, какой я не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога»³⁴. По свидетельству Эдлинг, которая при этом ссылается на признания, сделанные ей самим царем, Александр под влиянием военных неудач и падения собственной популярности от «естественной религии» (деизма) переходит к «пламенной и искренней вере». «Чудные события этой страшной войны окончательно убедили его, что для народов, как и для царей, спасение и слава только в Боге»³⁵.

О том, каким образом менялся царь, сохранился подробный рассказ непосредственного наблюдателя и инициатора этого обращения – князя А. Н. Голицына. Этот рассказ, записанный Ю. Н. Бартеневым, неоднократно цитировался в исследовательской литературе, поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Однако в нем есть деталь, которая обычно не привлекает внимание. Голицын, приписывающий себе главную роль в обращении царя, рассказал о том, что Александр, руководимый им в первоначальном чтении Священного Писания, сразу же пошел не тем путем, который рекомендовал ему Голицын. Рекомендации заключались в том, «чтобы он пока приостановился еще читать Ветхий Завет, а читал бы только одно Евангелие и Апостольские послания (Апокалипсиса также покуда не читайте, сказал я ему). Тайное мое побуждение, давая этот совет государю, – продолжает Голицын, – состояло в том, чтобы сердце Александрово напиталось и проникнулось сперва мудрою простотою учения Евангельского, а потом уже приступило бы это дорожке для меня сердце к восприятию в себе и более крепкой пищи ветхозаветных обетований и символов».

Однако с самого начала Александра заинтересовало не столько Евангелие, сколько Апокалипсис и Ветхий Завет. По прошествии некоторого времени, выражая свое восхищение Новым Заветом, Александр не удержался и сказал Голицыну: «Меня очень соблазняет твой Апока-

липисис; там, братец, только и твердят об одних ранах и зашибениях (*il n'y que plaie et bosses*)»³⁶. Да и в самом Новом Завете царя, видимо, в первую очередь интересовали отсылки к Ветхому. «Знаешь ли, – продолжал князь, – каким образом приступил Александр к чтению Ветхого Завета? Причина сего побуждения очень замечательна. Однажды Государь в Новом Завете вычитал сие знаменитое Послание Апостола Павла, где так подробно говорится о плодах веры, как она, эта вера, низлагает врагов внешних, как побеждает миром силы супротивные. В сем послании указывается и на Ветхий Завет, где апостол берет из оного сильные и блестящие уподобления»³⁷. «...» Государь вдруг пожелал напитать себя чтением и Ветхого Завета, напитать себя прежде, чем разразилось над ним и государством то страшное испытание, которое грозно к нему приближалось». Голицын, как видим, относит обращение Александра к предвоенному времени и, как бы забывая об авторстве Шишкова, указывает на «те достопамятные воззвания и манифесты, в которых твердость благородного и великодушного духа невольно обличала в нем христианский строй сердца»³⁸.

Хронологически свидетельство Голицына противоречит вышеприведенным признаниям самого царя в том, что именно несчастья 1812 года повернули его от безверия к вере. Версия об обращении царя в период отсутствия неприятеля на русской территории оказалась устойчивой и в дальнейшем получила развитие в европейской литературе, посвященной александровскому мистицизму³⁹. Между тем свидетельство Голицына вряд ли может вызвать сомнение. Как справедливо отметил протоиерей Георгий Флоровский, «Отечественная война была для Александра только каталитическим ударом, разрешившим давнее напряжение... В самый канун Наполеонова вторжения он впервые читает Новый Завет, и в нем всего более был взволнован именно Апокалипсисом. В Ветхом Завете тоже его привлекали пророческие книги прежде всего»⁴⁰. Однако до взятия Москвы «давнее напряжение» царя составляло лишь часть его внутреннего опыта, еще не претворенного в законченную роль. И только апокалиптическая картина московского пожара, ощущение возможного конца («Роду моему не царствовать более на престоле Моих предков»⁴¹) открыли Александру возможность новой роли, которая вместе с упованием на Бога вернула царю уверенность в себе и позволила обрести силу в смиреннии и в вере. Ветхий Завет с его богатым военным репертуаром, изобилующим примерами побед слабых над сильными при Божественном попустительстве был в 1812 года предпочтительнее Евангелия. И не случайно в церковных проповедях того времени ветхозаветная символика явно преобладает над новозаветной, а среди новозаветных образов цитаты из Апокалипсиса встречаются чаще евангельских⁴².

Таким образом, царь, оказавшийся не способным сначала к роли полководца, а затем народного вождя, обрел новую для себя роль – это была роль человека, отвергнутого людьми и уповающего на Бога, роль вначале незаметная для публики, но в силу благоприятного развертывания событий выдвинувшая его в центр бурного водоворота мировой истории. Это была роль Божьего избранника, царя Давида, обретшего величие в смиренности, и написавшего на знамени победы: «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему дай славу» (Пс. СХІІІ, 9).

Примечания

- 1 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ф. 542 (Оленины), ед. хр. 682, л. 1 (оригинал – на фр. яз).
- 2 В автобиографических записках Нессельроде так передает слова императора: «Я сомневаюсь, чтобы новая с моей стороны попытка к соглашению, обращенная к Наполеону, привела бы к мирной развязке. Так же, как и вы, я считаю разрыв неизбежным. В случае войны я намерен стать во главе армии; тогда мне нужен будет человек молодой, могущий всюду следовать за мною верхом и заведовать моею политической перепиской. Канцлер граф Румянцев стар, болезненен, на него нельзя возложить этой обязанности. Я решил остановить свой выбор на вас; надеюсь, что вы оправдаете мое доверие с верностью и скромностью» (цит по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 63).
- 3 Цит. по: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 64.
- 4 Вяземский П.А. Старые записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 270.
- 5 Аксаков С.Т. Воспоминания об Александре Семеновиче Шишкове // Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 271. Ср. у Пушкина: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, / Он славен славою двенадцатого года» (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1947. Т. 2 (1). С. 368).
- 6 Екатерина Павловна, вел. кн. Письма (Читано в заседании Тверской ученой архивной комиссии 13 апреля 1888 г. Членом Комиссии Е. А. Пушкиным) Тверь, 1888. С. 21. Там же. С. 24.
- 7 Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 77.
- 8 Там же. С. 76. Екатерина Павловна настойчиво внушала Александру, что командовать армиями не его дело. В письме от 5 августа из Ярославля она снова обратилась к этой теме: «Ради Бога не беритесь командовать сами. Не теряя времени необходимо найти главнокомандующего, пользующегося доверием во войсках, вы же не внушаете никакого» (Там же. С. 81).
- 9 Шишков А.С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1832. С. 9, 15.
- 10 Там же. С. 17–19.
- 11 Цит. по: Вороновский В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 237.
- 12 Шишков А.С. Указ. соч. С. 29–31.
- 13 Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Державный сфинкс. М., 1999. С. 420.
- 14 Комаровский Е.Ф. Записки // Там же. С. 120–121.
- 15 Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. С. 79.
- 16 В начале войны у Александра состоялся разговор с фрейлиной императрицы Р. С. Стурдзой: «Говоря о патриотизме и народной силе, государь отозвался так: «Мне жаль только, что я не могу, как бы желал, соответствовать преданности этого удивительного народа». – Как же это, государь? Я вас не понимаю». – «Да, этому народу нужен вождь, способный вести его к победе; а я, по несчастью, не имею для того ни опытности, ни нужных дарований. Моя молодость протекла в тени двора (à l'ombre d'une cour); если бы меня тогда же отдали к Суворову или Румянцеву, они меня научили бы воевать, и, может быть, я сумел бы предотвратить бедствия, которые теперь нам угрожают». – «Ах, государь! Не говорите этого. Верьте, что Ваши подданные знают вам цену и ставят вас во сто крат выше Наполеона и всех героев на свете». – «Мне приятно этому верить, потому что вы это говорите; но у меня нет качеств, необходимых для того, чтобы исполнять, как бы я желал, должность, которую я занимаю. Но, по крайней мере, не будет у меня недостатка в доброй и твердой воле на благо моего народа в нынешнее страшное время, если мы не дадим неприятелю напугать нас, война может обратиться к нашей славе» (Эдлинг Р.С. Записки // Державный сфинкс. С. 175).
- 17 Сталь Ж.де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 224–225.
- 18 Имеется в виду население между Двиной и Неманом.
- 19 Correspondances inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812. Paris, 1909. P. 22.
- 20 Ibid. P. 24.
- 21 Цит. по: Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 101.
- 22 Вильсон Р.Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812 – 1813 гг. Письма к разным лицам. СПб., 1995. С. 258. Эту же фразу почти дословно Александр повторит через несколько дней в разговоре с полковником А. Ф. Мишо: «Я отращу себе бороду до сих пор (показывая рукою на грудь свою) и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подписать стыд моего отечества и моих добрых подданных, пожертвования коих умею ценить» (Военский К. Две беседы полковника Мишо с императором Александром в 1812 году. СПб., 1904. С. 14). Ср. с письмом Ростопчина Александру от 11 июня 1812 г.: «Бороды будут оплотом России <...> Император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске» (Русская старина. 1893. Янв. С. 179).
- 23 Военский К. Указ. соч. С. 13.
- 24 Correspondances inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte... P. 36.

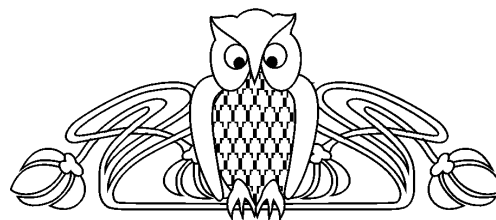
- ²⁶ Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. С. 83–84.
- ²⁷ См.: Пугачев В.В. Отношение России к Тильзитскому миру // Учен. зап. Молотовского (Пермского) гос. ун-та. 1953. Т. 7.
- ²⁸ Эдлинг Р.С. Записки // Державный сфинкс. С. 178, 179.
- ²⁹ Переписка Императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. С. 84.
- ³⁰ Там же. С. 87.
- ³¹ Там же. С. 88.
- ³² Там же. С. 90.
- ³³ Там же. С. 91.
- ³⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. С. 117.
- ³⁵ Эдлинг Р.С. Указ. соч. С. 178–179.
- ³⁶ Русский архив. 1886. № 4. С. 87.
- ³⁷ Имеется в виду Послание к Евреям (гл.11).
- ³⁸ Русский архив. С. 89.
- ³⁹ *Empeytaz H.L.* Notice sur Alexandre, Empereur de Russie. Genève, 1828; *Lutteroth H.* La Russie et les jésuites de 1772 à 1820 d'après des documents inédits. Paris, 1845; *Eynar Ch.* Vie de madame de Krdener. Paris, 1849. Т. 1–2; *Mühhlenbeck E.* Etude sur les origins de la Sainte-Alliance. Paris; Strasbourg, 1887.
- ⁴⁰ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 131.
- ⁴¹ Военский К. Указ. соч. С. 14.
- ⁴² Подр. см.: Парсамов В.С. Библейский нарратив войны 1812–1814 гг. (в печати).

УДК 271.2(470.44-25) «18»

САРАТОВСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А.С. Майорова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: istfak@info.sgu.ru

Сведения документов семинарии, воспоминаний семинаристов и публикаций справочно-биографического характера позволяют предполагать, что уже в первые десятилетия существования этого учебного заведения оно могло оказывать влияние на культурную ситуацию в Саратове. В начале 1850-х гг. из числа ее воспитанников некоторые добились всероссийской известности – Н.Г. Чернышевский, Г.Е. Благоветлов, И.И. Введенский. Воспитанники семинарии в Саратове пополняли состав того социального слоя, который впоследствии стал называться интеллигенцией. Они активно содействовали дальнейшему расширению культурного потенциала губернии и своего региона. Возможно, именно они были наиболее заинтересованными пропагандистами идеи открытия в Саратове университета.

Saratov Theological Seminary and Its Role in Transformation of Cultural Environment of Principal Town of Province in the First Half of XIX Century

A.S. Mayorova

Date of Seminary records, memoirs of seminarians and publications of referential and biographical nature suggest that even in its first decades of existence this educational institution could influence the cultural situation in Saratov. In early 1850s some of its pupils, such as N. G. Chernyshevsky, T. E. Blagosvetlov, I. I. Vvedensky, become renowned all over Russia. Saratov Seminary pupils joined the social stratum that later was called intelligentsia. They contributed significantly to the growing cultural potential of the province. It may well be that these people were be the most concerned advocates for the establishment of the university in Saratov.

Учебные заведения играют очень важную роль в процессе развития русской культуры на протяжении более чем трех столетий, со времени создания первых из них в середине XVII в. Значение различных типов образовательных учреждений со сменой эпох менялось. В разных регионах оно также было различным, – об этом можно говорить с уверенностью. Учебные заведения духовного ведомства в последнее время все более привлекают внимание исследователей, однако их интерес сосредоточен на процессах, которые протекали в сфере церковного образования в общероссийском масштабе. Положение духовных училищ и семинарий в культурном пространстве губернского города – малоизученный вопрос. От его рассмотрения зависит расширение наших представлений о том, как в XIX в. функционировали учебные заведения различных типов в русской провинции, как они взаимодействовали между собой и каковы были результаты их деятельности.

В третьем томе «Очерков русской культуры XIX века» учебным заведениям православной церкви посвящена статья В.А. Федорова¹. На основе изучения законодательных материалов автор проследил основные этапы развития церковного образования в XIX столетии, указал на его изменения, затронул важные вопросы взаимоотношений духовных учебных заведений с церковными и светскими властями. Им отмечены

несомненные заслуги семинарий и духовных академий в развитии культуры и «вообще в духовной жизни страны». Однако основное внимание автора привлекает изучение церковной школы именно как системы образовательных учреждений. Его вывод об их значительном вкладе в развитие образования в России вполне обоснован. Тем не менее вопрос о роли учебных заведений церкви в духовной жизни отдельных регионов не получил в «Очерках русской культуры XIX века» должного освещения.

В первом томе данного коллективного труда В.Н. Козляков и А.А. Севастьянова – авторы раздела, посвященного культурной среде провинциального города, отмечают факторы, которые оказали решающее воздействие на развитие этой среды в начале столетия. По мнению названных исследователей, важнейшее значение для провинции имело разрешение «вольного» книгопечатания и открытие в губернских городах гимназий, лицеев и университетов². Открытие семинарий как фактор изменения культурной среды провинции авторами не отмечен. Не упоминается и о роли духовенства в этой области.

В монографии Е.А. Вишленковой достаточно много места отведено вопросу о положении православной духовной школы и ее реформировании в начале XIX столетия³. Основное внимание автор обращает на правительственные мероприятия, анализируя стратегию власти в данной сфере. Поэтому главным источником для Вишленковой являются законодательные акты и материалы обсуждения проектов реформы. Ее результаты автор оценивает в самом общем плане, с позиций интересов церкви. Следует отметить, что сам процесс реализации реформы нуждается в изучении. В каждой епархии, несомненно, он протекал по-разному. Кроме того, итоги преобразований касались не только церковной сферы, они имели более широкое поле действия.

О взаимосвязи духовного и светского образования (применительно к XVIII в.) писал М.Т. Белявский. Рассматривая историю развития образования, он обращает внимание на то, что школы духовного ведомства выполняли тогда функции начальных общеобразовательных учебных заведений. Часть их учеников продолжала образование в средних специальных учебных заведениях⁴. Более широко подходит к вопросу о результатах деятельности школ духовного ведомства Л.М. Артамонова. Она отмечает, что в XVIII в. «бывшими семинаристами пополнялся не только клир и причт, но и чиновничий аппарат, университетская и академическая наука, преподавательский состав гражданских и военных училищ»⁵. Исследовательница подчеркнула очень важный момент, касающийся роли учебных заведений в жизни русской провинции конца XVIII в., правда, ее вывод относится к светской школе. Оценивая роль народных училищ, которые начали создаваться в 1780 г. в губернских городах, Артамонова

отмечает: «Народные училища становились там не только первыми учебными заведениями, но и первыми музеями, библиотеками, центрами распространения научных знаний...»⁶.

Значение учебных заведений в жизни Саратова уже на более позднем этапе, в первой половине XIX в., подчеркивал местный историк В.М. Покровский. Описывая торжества по случаю открытия семинарии, он замечает, что день открытия духовного учебного заведения был «как бы общим торжеством всего города, потому что в Саратове в то время было слишком мало учебных заведений, которые так оживляют город»⁷. Покровский был единственным автором, который посвятил специальную статью истории Саратовской духовной семинарии. В трудах историков XX в. проблема духовного образования в Саратове более не рассматривалась. П.Г. Любомиров в статье, опубликованной в 1924 г. и посвященной истории народного образования в Саратовском Поволжье в дореформенный период, не касался вопросов развития церковной школы⁸. В первом томе коллективной монографии «Очерки истории Саратовского Поволжья» автор главы «Культура Саратовского края в первой половине XIX в.» Г.А. Малинин также не останавливает своего внимания на проблемах духовного образования⁹.

Упомянутая выше статья В.М. Покровского охватывает в основном первое десятилетие существования семинарии, хотя автор на основе материалов архива семинарии приводит отдельные сведения, относящиеся к концу 50-х гг. XIX в. Особенно подробно Покровский освещает события, связанные с ее открытием, приводя обширные цитаты из документов, дает характеристики преподавателям, ректорам и инспекторам. В публикации можно найти сведения о составе предметов преподавания, обеспеченности учащихся литературой и учебными пособиями. Покровский оценивает значение семинарии по результатам ее деятельности, т. е. по успехам ее выпускников. Интересно, что для него представлялись значительными успехи только на духовном поприще – он называет имена тех, кто стали учеными-богословами или видными деятелями церкви.

В статье Покровского семинария предстает как нечто самостоятельное, как островок духовного образования, связанный только с родственными учебными заведениями в других городах, а в Саратове – с епархиальным начальством. Связь с городом, с «мирской» жизнью проявляется в описании подробностей приобретения дома для семинарии и при упоминании страшного бедствия – эпидемии холеры в 1830 г., из-за чего на некоторое время пришлось прервать занятия. Вопрос о взаимоотношениях духовного учебного заведения с культурной средой губернского центра Покровский не затрагивает. Тем не менее он важен и при рассмотрении истории конкретного города, и не менее значителен как часть общей проблемы существования духовного образования в контек-

сте культуры XIX в. Общеизвестно, насколько велик был вклад представителей духовенства и выходцев из этой среды в формирование облика русской культуры указанного периода. Такой вывод можно сделать на основании исследований, в которых рассматриваются вопросы общественной жизни Нижнего Поволжья и затрагиваются определенные аспекты развития культуры региона в указанный период. Так, в изучении истории Саратова значительное место принадлежит работам, которые посвящены жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского, сына протоиерея Г.И. Чернышевского.

А. А. Демченко в связи с созданием научной биографии Н.Г. Чернышевского обратил внимание на роль представителей духовенства, и особенно преподавателя Саратовской духовной семинарии Г.С. Саблукова, в изучении истории Нижнего Поволжья в 30–50-е гг. XIX в. По мнению исследователя, именно епископ Иаков (Вечерков), Саблуков и Г.И. Чернышевский могут считаться основоположниками местной исторической традиции¹⁰. Выводы Демченко вполне обоснованы, и заставляют обратить серьезное внимание на то, как влияло саратовское духовенство и семинария на развитие исторического знания, создание первых музеев и архивов, и на культурную ситуацию в губернии в целом.

Получить представление о том, какую роль играла семинария в преобразовании культурной среды губернского города и Саратовской губернии, можно на основании сохранившихся документов фонда самой семинарии (Государственный архив Саратовской области – далее ГАСО, ф. 12), материалов воспоминаний семинаристов и публикаций справочно-биографического характера. Особый интерес с этой точки зрения представляют мемуарные источники, так как именно из них мы узнаем о методах преподавания учебных дисциплин, обстановке на уроках, взаимоотношениях учеников и учителей и о некоторых бытовых подробностях жизни семинарии. Наиболее значительный комплекс воспоминаний о Саратовской семинарии начала 40-х гг. XIX в. появился в результате собирания материалов о жизни Н.Г. Чернышевского в Саратове, начало которому было положено Ф.В. Духовниковым (он занимался этим с конца 80-х гг. XIX в)¹¹.

Когда мы анализируем воспоминания из комплекса мемуаров о Чернышевском, то нужно иметь в виду, что резкие оценки методов преподавания и атмосферы в учебных заведениях возникали под влиянием нескольких факторов. Но основным моментом здесь было то, что представления об образовательном процессе и о методах преподавания во второй половине XIX в., когда мемуаристы писали воспоминания, были уже иными, нежели в первой половине столетия, когда они были учениками семинарии. В середине XIX в. произошел качественный скачок: изменилось отношение к образованию, критерии его оценки,

с одной стороны, а с другой – изменилась и сама направленность образования. С позиций новой педагогики порядки в духовной семинарии и в гимназии в первые десятилетия их существования казались рутинными, неприемлемыми. Поэтому на страницах воспоминаний мы встречаем иногда достаточно резкие характеристики, касающиеся методов преподавания, отношения учителей к ученикам, содержания учебников и самого образовательного процесса.

Чернышевский был и остается, пожалуй, самым знаменитым из учеников семинарии. Но кроме него здесь учились и многие другие замечательные личности. О том, в каких областях деятельности проявили себя бывшие семинаристы, можно узнать из биографических справочников. Наиболее известным из них является труд С. Д. Соколова «Саратовцы – писатели и ученые»¹². Эта работа, к сожалению, осталась незавершенной – справочник доведен только до буквы О. Сведения, частично дополняющие материалы названного издания, можно получить в справочнике Н.Ф. Хованского «Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования»¹³. Материалы биографических справочников позволяют увидеть многообразие путей реализации тех возможностей, которые были предоставлены семинарским образованием. С другой стороны, сведения о биографиях преподавателей семинарии помогают оценить их роль не только в рамках этого учебного заведения, но и в культурной жизни губернского города. В.М. Покровский, первый историк семинарии, отметил стабильность ее преподавательского состава, из чего им сделан вывод о «счастлимом подборе наставников» с начала существования учебного заведения¹⁴.

Следует отметить, что сама история семинарии остается недостаточно изученной. По вопросу о времени ее возникновения исследователи высказывали различные мнения. В «Историческом очерке Саратовского края» А. Ф. Леопольдов писал, что еще до открытия семинарии в Астрахани, которое произошло в 1777 г., в Саратове «было училище под названием духовной семинарии». Оно якобы было переведено впоследствии в Астраханскую семинарию¹⁵. Эти сведения Леопольдова воспроизведены в сборнике «Саратовский край»¹⁶. Сомнения в их достоверности вполне справедливо высказал уже Любомиров¹⁷, однако в монографии Л.М. Аргамоновой они повторены¹⁸. Указания Леопольдова не находят подтверждения в источниках XVIII в., касающихся истории Саратова. О наличии в Саратове какого-либо училища ничего не сказано в так называемом «Дневнике» Г. А. Скопина, который на самом деле является городской летописью за период с 1762 по 1796 г.¹⁹ В «путешественных записках» И. И. Лепехина и П. С. Палласа, которые посетили город в 1769 и 1773 гг., также ничего не сказано ни о духовной семинарии, ни об училище²⁰.

Вопрос о наличии (а точнее – об отсутствии) училищ в городе освещен в интересном документе, сохранившемся в фонде Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК) в Саратовском областном архиве. Документ представляет собой ответы на вопросы какой-то анкеты, он был составлен между 1769 и 1772 гг. (происхождение анкеты не установлено, документ датируется по содержанию)²¹. Один из пунктов ответов сообщает, наряду с другими сведениями, об отсутствии в Саратове каких-либо училищ: «В городе Саратове никаких училищ и богаделен и иных публичных строений, кроме воеводской канцелярии и низовой соляной конторы каменной, да двух деревянных казенных домов ..., а других никаких строений нет»²². Следует отметить, что сама возможность открытия духовного училища в одном из городов епархии, в то время как в центре епархии, в Астрахани, ничего подобного не было – весьма сомнительна.

Е.А. Вишленкова относит открытие семинарии в Саратове к 1800 г., при этом исследовательница основывается на законодательных актах²³. Однако на самом деле семинария была открыта тогда не в Саратове, а в Пензе, хотя и носила наименование Саратовской²⁴. Дело в том, что вновь образованная в 1799 г. епархия носила наименование Саратовской и Пензенской, открытая в Пензе консистория называлась Саратовской. Местопребывание епископа в Пензе первоначально считалось временным, поскольку в Саратове не нашлось для него солидного особняка. Но позднее выяснилась необходимость создания самостоятельной Саратовской епархии, что и было осуществлено на основании высочайше утвержденного доклада Синода от 3 ноября 1828 г.²⁵

Саратовская семинария открылась в тот период, когда осуществлялась реформа духовного образования, начатая в 1808 г. Создание учебных округов во главе с духовными академиями, открытие новых семинарий и училищ предусматривалось по всей России²⁶. Вполне естественно, что в каждой епархии вновь открытые учебные заведения кроме общих задач должны были решать и какие-то специфические проблемы, связанные с особенностями региона. В саратовской епархии главной задачей духовенства считалась борьба с расколом. Семинария должна была готовить священников, способных к «увещанию» старообрядцев. Это обстоятельство особо отмечает В.М. Покровский²⁷. Уместно подчеркнуть, что и сама Саратовская епархия была открыта с целью усиления воздействия на старообрядцев Нижнего Поволжья²⁸.

Ко времени открытия семинарии в Саратове здесь уже существовали духовные училища – уездное и приходское. Относительно времени их возникновения точных сведений не имеется. Три даты основания приходского училища названы в «Саратовской летописи» – 1808, 1818 и 1820 гг.²⁹ («Летопись» была составлена на основании

различных по характеру источников и исследований в конце XIX в.). Для читателя остается неясным, которая из трех названных дат наиболее достоверна. В одном месте говорится, что уездное училище было открыто одновременно с приходским в 1820 г. В другом месте просто упоминается факт существования обоих учебных заведений в одном здании³⁰. В «Записках дневных» протоиерея Н. Г. Скопина, который являлся ректором этих училищ, в качестве даты их создания указан 1820 г.³¹

Сам процесс обучения в духовном учебном заведении, вероятно, оценивался современниками неоднозначно, поскольку он был сопряжен с рядом негативных моментов. Духовников, опираясь на свои наблюдения и на суждения одного из однокашников Н. Г. Чернышевского, указывает причины, по которым его отец не хотел отдавать его в училище: «Испытав на себе всю тяжесть суровой школьной жизни и зная ее как инспектор духовного училища, ... Гавриил Иванович рассудил, что незачем отдавать сына в училище, где все дело обучения почти ограничивалось задаванием и спрашиванием уроков и наказанием неисправных учеников...». Здесь же указано, что он опасался еще и влияния на сына детей, «не отличавшихся высокой нравственностью»³². Эти замечания позволяют судить о негативных сторонах жизни духовного училища. В этом же фрагменте воспоминаний указана интересная подробность – далеко не все родители отдавали своих детей в такие учебные заведения: «... Тогда было в обычае только записывать детей в училищные ведомости, которые отсылались в семинарское правление и в Казанскую духовную академию и в которых ученики, обучавшиеся в домах родителей, отмечались так: "находится в домовом образовании"»³³.

Об открытии и первых годах существования Саратовской семинарии достаточно достоверные сведения представлены в статье В. М. Покровского. Автор приводит фрагмент из указа Синода от 12 ноября 1828 г., из которого видно, что одновременно с созданием епархии преосвященному Моисею, назначенному Саратовским епископом, было предложено выбрать в городе здание, удобное для размещения семинарии³⁴. В августе 1830 г., после покупки необходимого здания, были утверждены документы о причислении Саратовской духовной семинарии к Казанскому учебному округу, о назначении ректора и преподавателей. В первые годы существования семинарии она была переполнена учащимися³⁵. Возможно, этому способствовало издание специального указа от 6 декабря 1829 г., о котором упоминает В. М. Покровский. Согласно этому указу требовалось замещать «священнические места отныне исключительно только учениками, окончившими семинарский курс учения». Правда, тут же он отмечает, что, несмотря на существование данного постанов-

ления, «в начале 40-х годов было еще очень мало людей с полным семинарским образованием, даже и в тех епархиях, где давно существовали духовные школы»³⁶.

Сведения о структуре семинарий на основании уставов 1808–1814 гг. приводит В. А. Федоров в очерке о русской духовной школе XIX в. В семинариях был установлен шестилетний срок обучения, который состоял из трех двухгодичных «классов» (или отделений) – низшего, среднего и высшего³⁷. Саратовская семинария не была исключением, как показывают сведения, приведенные Покровским. Каждый класс делился на «параллели» (если говорить по-современному, были классы «а» и «б»). «Основные и параллельные классы назывались половинами», – сообщал информатор Духовникова Виноградов. Первый класс семинарии назывался в разговорном языке «риторикою», второй класс – «философией», а третий класс – «богословием»³⁸ (эти сведения заставляют вспомнить повесть Н.В. Гоголя «Вий», в начале которой описывается быт киевских семинаристов и бурсаков).

Федоров называет учебные дисциплины, которые входили в программу семинарского образования: расширенные курсы латинского, греческого и древнееврейского языков, а также новых – немецкого и французского, которые велись факультативно. Предусматривались общеобразовательные дисциплины – математика (включая алгебру и геометрию), география, российская и всеобщая история, теоретическая и опытная физика, история философских систем. Значительное место в программе занимали богословские предметы: Священное Писание, герменевтика (толкование канонических текстов), гомилетика (теория проповеди), догматика, нравственное и пастырское богословие, церковная история и церковная археология. Федоров отмечает, что разработанные программы предусматривали варианты – в поволжских и сибирских семинариях преподавание классических древних языков заменялось обучением языкам народов Поволжья и Сибири, поскольку эти семинарии должны были готовить миссионерские кадры³⁹.

В отношении преподавания языков, как показывают материалы статьи Покровского и мемуаров о Чернышевском, в Саратовской семинарии существовали свои особенности. Хотя Саратов относится к числу поволжских городов, преподавание древних языков в здешней семинарии считалось обязательным. Из числа языков народов Поволжья в ней велось преподавание татарского, да и то в качестве факультатива. Повышенное внимание к древним языкам, в том числе и к еврейскому, можно объяснить тем, что Саратовская семинария в тот период должна была готовить миссионеров не для «обращения язычников», а для пропаганды православия в среде местных старообрядцев. Для осуществления этой миссии на должном уровне было необходимо хорошо разбираться в канони-

ческих текстах, читать их в подлинниках, а также читать сочинения богословов.

Полного перечня дисциплин, входивших в состав программы Саратовской семинарии, Покровский не приводит, но он указывает фамилии лиц, назначенных в качестве преподавателей некоторых предметов: словесности (К. Сокольский), греческого языка и гражданской истории (И. Синайский). Оба названных преподавателя были переведены из Пензенской духовной семинарии, назначение остальных должен был осуществить Московский митрополит Филарет⁴⁰. Из числа выпускников Московской духовной академии в Саратов был направлен Г.С. Саблуков, который должен был преподавать общую гражданскую историю и греческий язык. Для ведения занятий «по физико-математическим наукам» был назначен Я.А. Розанов⁴¹. Покровский в своей статье дает оценку не только педагогической деятельности первых преподавателей семинарии, но также их творческих успехов. При этом он выделяет результаты трудов И. Ф. Синайского, который составил греко-русский и русско-греческий словари, исследование о греческом стихосложении и греческую грамматику⁴². Особое внимание он уделяет научной деятельности Саблукова – крупного ученого-ориенталиста первой половины XIX в.⁴³

Приведенные Покровским сведения о наставниках семинарии позволяют предполагать, что уже в первые десятилетия существования этого учебного заведения оно могло оказывать определенное влияние на культурную жизнь Саратова. Наши представления по этому вопросу расширяют материалы воспоминаний о Н. Г. Чернышевском. Здесь упоминается, что в названный период было заметно «некоторое умственное оживление», связанное с деятельностью преосвященного Иакова, который возглавлял епархию с марта 1832 г. до середины января 1847 г. Духовников подчеркивает, что в истории просвещения Саратовского края епископ Иаков «должен занять видное и самое почетное место, поскольку он занимался не только открытием церквей в селах, но и содействовал развитию научных знаний»⁴⁴. Благодаря сведениям, которые он приводит, мы узнаем о том, кто и каким образом собирал материалы по истории Саратовского края в 30–40-е гг. XIX в.

А.А. Гераклитов называет А.Ф. Леопольдова единственным человеком, который интересовался историей Саратовского Поволжья в названный период⁴⁵. Хотя исследователи XX в. (в частности, В.Г. Миронов и В. М. Захаров⁴⁶) и повторяли этот тезис, дело обстояло иначе. Сведения для написания Леопольдовым его трудов по статистике и истории Саратовской губернии собирал не только он сам. Епископ Иаков воспользовался своей властью для того, чтобы заставить духовенство своей епархии присылать ему «заметки и статьи географического, статистического, этнографического и исторического содержания»⁴⁷. Как видно из воспоминаний, эти статьи после исправления

и дополнения епископ отсылал в ученые общества – в Одесское общество истории и древностей, Русское географическое общество – или передавал Леопольдову⁴⁸. Эти замечания свидетельствуют о том, что труды пока не известных нам по именам исследователей местной истории представлялись на суд членов исторических обществ, а также в какой-то степени послужили материалом для трудов Леопольдова. Духовников сообщает, что ознакомился с некоторыми из этих «статей», так как рукописи их частично сохранялись в семинарской библиотеке. Его вывод таков: Леопольдов «много воспользовался» этими статьями, «а некоторые... даже целиком напечатал без означения их заимствования в своих сочинениях» – «Статистическом описании Саратовской губернии» и «Историческом очерке Саратовского края»⁴⁹.

Итак, мы видим, что с начала 30-х гг. XIX в. в Саратовской епархии велась активная и целенаправленная работа по собиранию сведений о прошлом края, наряду со сведениями по географии, этнографии, о развитии экономики (все это включалось тогда в комплексное понятие «статистика»). Кроме того, в воспоминаниях, собранных Духовниковым, имеется непосредственное указание на наличие фонда подобных материалов, которые хранились в семинарской библиотеке вплоть до конца 80-х гг., когда он занимался поисками сведений о Н. Г. Чернышевском. Духовников отмечает также инициативную роль Иакова в организации археологических раскопок, которые проводили Г.С. Саблуков и протоиерей Шиловский. Они вели поиски столицы Золотой Орды вблизи Царицына, а свои находки передавали епископу Иакову, который «или отсылал их в ученые общества, или оставлял у себя, или отдавал их на хранение в семинарскую библиотеку»⁵⁰.

Таким образом, в библиотеке семинарии помимо архивного фонда рукописей краеведческого характера существовал и небольшой археологический музей. Более подробные сведения о рукописях семинарской библиотеки и музейных предметах, которые там хранились, можно найти в статье А.А. Лебедева. Он посвятил специальное исследование деятельности Иакова по собиранию рукописей и древностей⁵¹. Лебедев приводит интересные сведения о биографии епископа, подчеркивая, что его научные интересы проявились еще до назначения Иакова на саратовскую кафедру, и сообщает о высокой оценке результатов его научных изысканий. Саратовский епископ был избран членом нескольких научных обществ – Общества северных антиквариев, Одесского общества истории и древностей, а также Русского географического общества⁵².

В Саратове он собирал древние книги, рукописи, записки, «снимки с древних вещей», монеты, раковины и т. п. По предположению Лебедева, для собирания сведений по археологии была даже составлена особая программа, автором которой являлся Г.С. Саблуков⁵³. В результате усилий

Иакова, пишет Лебедев, в семинарии образовался «целый музей древностей». Первые упоминания о музее, по его сведениям, относятся к 1842 г. Сюда поступали в массовом порядке «вещи из раскопок, проводившихся духовенством Саратовской епархии во времена Иакова». Некоторые из находок были переданы им в музей при Казанской духовной академии, другие – продолжали храниться в Саратовской семинарии, о чем есть сведения, относящиеся к 1869 г., а также к концу 1880-х гг. В 1907 г. Лебедев составил «Опись предметов, находящихся в музее Саратовской духовной семинарии». В этой описи, кроме монет и окаменелостей (раковин), перечислялись и такие предметы, как «рог мамонта» (бивень), рога оленя, мраморная доска с изображением креста, лепной карниз с украшениями, фрагменты лепных украшений, большие урны, водопроводные трубы, обломки мраморных пилястр, «зеркало, употребляемое монгольскими жрецами», фигурка калмыцкого «кумира», кувшинчики из красной глины с раскопок Сарая и т. п.⁵⁴

К сожалению, судьба этих двух фондов (архива краеведческих рукописей и музея) вполне сходна с судьбой любого школьного музея – они сохранялись, вероятно, до тех пор, пока в семинарии работали люди, заинтересованно относившиеся к местной истории. Следы архива краеведческих рукописей можно встретить в документах Саратовской семинарии, которые хранятся ныне в ГАСО. Так, в деле № 506а находятся доношения протоиерея Шиловского епископу Иакову и описание его раскопок на Селитренном городище вблизи Царицына с приложением плана раскопок; история села Самодуровки неизвестного автора, статистические сведения о Саратове и его план 1831 г.; записи воспоминаний саратовского жителя о прошлом губернского города; рукописи по истории Царицына, Вольска, Хвалынского; сведения о саратовских монастырях и т. д.⁵⁵

Что же касается музейных ценностей, то уже ко времени написания Лебедевым его статьи у него не было сведений о местонахождении большинства из этих предметов. Он сообщает, что в начале XX в. в здании «новой семинарии» сохранялись монеты из музейной коллекции. «Что же касается более крупных вещей, – пишет Лебедев, – то они должны, по всей вероятности, считаться потерянными для науки... я не мог разыскать эти вещи»⁵⁶. Однако факт существования в семинарии небольшого краеведческого музея и фонда рукописей историко-статистического содержания на протяжении полувека не вызывает сомнений. Мы видим, что это учебное заведение действительно сыграло роль «первого музея, библиотеки» и в определенной степени – «центра распространения научных знаний», как было сказано Л.М. Артамоновой в уже цитированной статье.

Сведения, собранные Покровским, свидетельствуют о гуманитарном направлении научных интересов преподавателей семинарии, что оказало

решающее влияние на судьбы наиболее талантливых ее выпускников. Покровский отмечает среди семинаристов первых выпусков именно тех, кто занимали высокие места в церковной иерархии либо отличились как преподаватели духовных учебных заведений⁵⁷. Покровский обратил внимание на два важных момента, указывающих на существенную роль Саратовской семинарии в преобразовании культурного пространства губернии. Контингент детей из духовного сословия, которым стало доступно семинарское образование, по его наблюдениям, значительно увеличился благодаря открытию этого учебного заведения в Саратове. Покровский подчеркивает, что не у всех священников имелась возможность посылать сыновей на учебу в пензенскую семинарию, ведь многие сельские священники были слишком бедны. «Блестящие дарования» и желание учиться оставались в таком случае не востребованными, а открытие семинарии в Саратове предоставило им возможность реализовать свои таланты⁵⁸. Кроме того, как заметил автор статьи, некоторая часть ее выпускников продолжала свое образование не только в высших духовных заведениях, но и в светских, и они проявили себя «на разных поприщах гражданской службы»⁵⁹.

Материалы библиографического словаря С.Д. Соколова «Саратовцы – писатели и ученые» позволяют судить о том, в каких сферах деятельности прославились выпускники и учителя здешней семинарии. Уже в первые десятилетия ее существования (в начале 50-х гг. XIX в.) некоторые из воспитанников добились всероссийской известности. Кроме Н. Г. Чернышевского к ним относятся Г. Е. Благодетлов – крупный журналист, издатель и редактор журналов «Русское слово» и «Дело», а также И. И. Введенский – автор первых переводов романов Ч. Диккенса и У. Теккерея и выдающийся педагог. Большинство выпускников семинарии того времени прославились в провинции. А. Я. Леопольдов (племянник знаменитого саратовского историка А. Ф. Леопольдова) стал преподавателем риторики сначала в Симбирской, а затем в Саратовской семинарии, позднее перешел в Мариинское земледельческое училище. П. Г. Горизонтов (отец одного из самых видных саратовских журналистов И. П. Горизонтова), служа священником, был «усердным сотрудником “Саратовских губернских ведомостей” и Русского географического общества», протоиерей П. А. Бобров – церковным журналистом.

Более многочисленны добившиеся известности выпускники семинарии второй половины XIX в. Большинство из них совмещали служение церкви с публицистической и литературной деятельностью, исследованиями в области церковной истории или богословия, преподаванием в духовных учебных заведениях. Таким образом, семинария выполняла не только свое прямое назначение – готовить будущих служителей церкви. Она расширяла круг образованных людей среди

населения губернии. Общая гуманитарная направленность семинарской подготовки отразилась на профессиях, к которым тяготели ее выпускники. Среди них было много педагогов и журналистов, причем некоторые из них не просто трудились на церковном и светском поприще одновременно, а стали яркими деятелями в светской жизни. Конечно, большинство знаменитых воспитанников семинарии обучались в ней уже во второй половине XIX в. Это связано и с развитием самой Саратовской семинарии, и с теми процессами, которые происходили в местном обществе, а также и с социальными сдвигами в масштабах России. Но уже в первые десятилетия существования семинарии ее учениками были вышеперечисленные выдающиеся личности.

Важно то, что довольно часто семинаристы были детьми «беднейших родителей», близко стоявших по условиям своей жизни к основной массе трудового населения губернии. Для таких детей семинария была единственным учебным заведением, которое открывало путь не только к продолжению семейной традиции служения церкви. Семинарская подготовка давала возможность устраиваться на гражданскую службу или даже получить высшее образование. Хотя возможность учиться в университете была чисто теоретической – ведь университеты находились далеко от Саратова. Но тяга к образованию была очень велика, поскольку его получение позволяло повысить социальный статус и улучшить материальное положение. Вероятно, именно существование семинарии и наличие контингента ее выпускников, заинтересованных в получении университетского образования, послужило основой для формирования определенно выраженной потребности местного общества – иметь в Саратове университет.

Известно, что уже в 50-е гг. XIX в. идея открытия в городе университета приобрела достаточно много сторонников. В. А. Соломонов в монографии, посвященной истории Саратовского университета, приводит очень важное свидетельство существования этой идеи в местном обществе. Он пишет, что в отчете за 1858 г. саратовского губернатора А. Д. Игнатъева выражено желание «дворянства и всех просвещенных сословий» ходатайствовать об открытии в Саратове университета⁶⁰. Автор монографии высказывает свои соображения относительно того, какие слои населения губернского города выражали наибольшую заинтересованность в осуществлении этой идеи. По его мнению, это были представители интеллигенции и дворянства.

Приведенные выше сведения о воспитанниках Саратовской семинарии позволяют уточнить, кто из среды местной интеллигенции мог проявлять основную инициативу в процессе формирования общественного мнения по данному вопросу. Как мы видели, многие из бывших семинаристов занимались публицистикой, они активно сотрудничали и в местных и в общероссийских периодических

изданиях. Таким образом, в их руках находился очень важный инструмент формирования общественного мнения – пресса. Следовательно, воспитанники семинарии в Саратове не только пополняли состав того социального слоя, который впоследствии стал называться интеллигенцией. Они активно содействовали дальнейшему расширению культурного потенциала губернии и своего региона. Возможно, именно они были наиболее заинтересованными пропагандистами идеи открытия в Саратове университета.

Примечания

- 1 Федоров В.А. Духовная православная школа // Очерки русской культуры XIX века: В 3 т. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.365–386.
- 2 Козляков В.Н., Севастьянова А.А. Культурная среда провинциального города // Там же. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 130.
- 3 Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 310–338.
- 4 Белявский М.Т. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987. С. 263.
- 5 Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции в XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 77.
- 6 Там же. С. 5.
- 7 Покровский В.М. Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // Тр. СУАК. Аггарск, 1902. Вып. 22. С. 24.
- 8 Любмиров П.Г. К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Тр. Ниж.-Волж. обл. науч. о-ва краеведения «ИСТАРХЭТ». Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53.
- 9 Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С.217–225.
- 10 Демченко А.А. У истоков саратовского краеведения // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 168–183.
- 11 Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф. В. Духовникова) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 41.
- 12 Соколов С.Д. Саратовцы – писатели и ученые: Материалы для био-библиографического словаря. Саратов, 1913–1916.
- 13 Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования // Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 1–45.
- 14 Покровский В.М. Указ. соч. С. 36.
- 15 Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 124.
- 16 Саратовская летопись // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 46.
- 17 Любмиров П.Г. Указ. соч. С. 33.
- 18 Артамонова Л.М. Указ. соч. С. 39–40.
- 19 Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник. 1891. Т. 1. С.1–40.
- 20 Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3. Половина 2-я. С. 243; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. С. 360–361.
- 21 ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1555. л. 1–3.
- 22 Там же. Л. 3об.
- 23 Вишленкова Е.А. Указ. соч. С. 316.
- 24 Саратовская летопись... С. 54.
- 25 Покровский В.М. Указ. соч. С. 1.
- 26 Федоров В.А. Указ соч. С. 368–369
- 27 Покровский В.М. Указ. соч. С. 27.
- 28 См.: Правдин А.М. Историческая записка о Саратовской епархии. Саратов, 1879. С. 5.
- 29 Саратовская летопись... С. 57, 62.
- 30 Там же.
- 31 Скопин Н.Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных // Саратовский исторический сборник. Саратов, 1891. Т. 1. С. 659.
- 32 Николай Гаврилович Чернышевский... С. 34.
- 33 Там же.
- 34 Покровский В.М. Указ. соч. С. 1–2.
- 35 Николай Гаврилович Чернышевский... С. 40.
- 36 Покровский В.М. Указ. соч. С. 26
- 37 Федоров В.А. Указ. соч. С. 369.
- 38 Николай Гаврилович Чернышевский... С. 40.
- 39 Федоров В.А. Указ. соч.. С. 369–370.
- 40 Покровский В.М. Указ. соч. С. 19–21.
- 41 Там же. С. 42–44.
- 42 Там же. С. 39–40.
- 43 Там же. С. 42–44.
- 44 Николай Гаврилович Чернышевский... С. 40.
- 45 Герасимов А.А. История Саратовского края в XVII–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 28.
- 46 См.: Захаров В.М., Миронов В.Г. У истоков саратовского исторического краеведения: Учеб. пособие по курсу «Историческое краеведение». Балашов, 1991. С. 6–7.
- 47 Николай Гаврилович Чернышевский... С. 40.
- 48 Там же. С. 40–41.
- 49 Там же.
- 50 Там же. С. 40–41.
- 51 Лебедев А.А. Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский и его рукописное собрание // Тр. СУАК. Саратов, 1911. Вып. 30. С. 1–96.
- 52 Там же. С. 1.
- 53 Там же. С. 3.
- 54 Там же. С. 5.
- 55 ГАСО, ф.12, оп. 1, д. 506а.
- 56 Лебедев А.А. Указ. соч. С. 6.
- 57 Покровский В.М. Указ. соч. С. 58.
- 58 Там же. С. 57.
- 59 Там же. С. 58.
- 60 Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет (1909–1917). Саратов, 1999. С. 24.

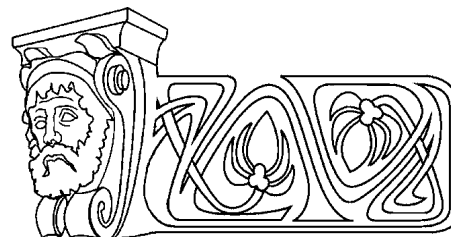

УДК 9(470-89) «1918/1919+929»

БОЛЬШЕВИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ю.Г. Голуб, А.Н. Поздняков

Саратовский государственный университет,
Институт дополнительного профессионального образования
E-mail: goloub@sgu.ru
E-mail: alnikpoz@mail.ru

После Октября 1917 г. значительная часть педагогической общественности, организуемая Всероссийским учительским союзом (ВУС), выступила против установления власти большевиков. К весне 1918 г. позиция ВУСа стала заметно меняться. От тактики бойкота организация переходила к политике сотрудничества с государственными органами. Однако властные структуры не спешили принять фактически протянутую им руку. Был взят курс на раскол ВУСа, выход его членов из состава организации и их переход на позиции поддержки советской власти. Завершилась борьба официальным обвинением Всероссийского учительского союза в контрреволюционной деятельности и его роспуском в декабре 1918 г.

Bolsheviks and the Pedagogical Community Relationships during the First Months of the Soviet Power

Y.G. Goloub, A.N. Pozdnyakov

After October 1917 the considerable part of the pedagogical community, organized by All-Russia Teacher's Union, opposed the Bolshevik power. All-Russia Teacher's Union had revised its stand by Spring 1918. The organization's policy changed from the boycott to the cooperation with government bodies. However, the authorities were not enthusiastic about the idea of cooperation. They headed for splitting All-Russia Teacher's Union, making its members leave the organization and getting their support for the soviet power. The struggle ended in December 1918 when All-Russia Teacher's Union was officially accused of its counter-revolutionary activities and was dissolved.

Важнейшим рубежом в жизни российского общества стал Октябрь 1917 г. Октябрьские события были неоднозначно восприняты населением страны. Значительная его часть оценила их как насильственный вооруженный переворот. Решительно против большевистской власти выступали многие представители научно-педагогической общественности¹. Так, видный ученый Е.Н. Медынский писал: «Большевизм, как ядовитый цветок на нездоровой почве, расцвел пышным цветом на народной темноте, наследии проклятого самодержавия»². Резко отрицательно отозвался на предложение о вхождении в новые органы власти известный педагог С.Т. Шацкий. В своем письме, направленном в московские газеты, он заявлял: «Я не могу работать с людьми, которых я не уважаю, а к таковым после Ленина и Троцкого, к сожалению, приходится причислить и Луначарского»³.

Главной общественной силой, возглавившей развернувшуюся среди педагогов кампанию про-

теста против большевистской власти, стал Всероссийский учительский союз (ВУС). Эта организация, созданная всего за несколько месяцев до захвата власти большевиками, добилась заметного влияния в учительской среде. На 1 января 1918 г. в нее входило 346 организаций, сформированных в 60 областях и губерниях. Кроме того, свыше 200 организаций поддерживали связь с ВУСом, хотя формально в его состав и не входили⁴. Союз обратился ко всем учительским организациям с призывом встать «на страже свободы и просвещения». Он заявил о необходимости «борьбы с большевизмом, губящим русское государство и народную культуру»⁵.

Вместе с тем руководство ВУСа, постановив, что считает невозможным какое бы то ни было сотрудничество с правительственной властью, созданной путем насилия, было осторожно в призывах к радикальным методам борьбы. В первые послеоктябрьские дни оно заявляло, что Союз «решительно отвергает учительскую забастовку как метод борьбы»⁶. Однако спустя месяц позиции руководства организации в этом отношении изменились. Совет ВУСа, призывая учительство продолжать борьбу «путем устного и печатного слова», «путем непризнания и неподчинения власти», теперь добавлял, и это важно подчеркнуть, «в крайних случаях путем политической забастовки»⁷.

Вопрос об учительских забастовках обсуждался на проходившем с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. в Москве съезде Большого совета Всероссийского учительского союза. «Вопросу о школьных забастовках, – говорилось в отчете о съезде, – Большой совет посвятил целых три заседания. Чувствовалось, что единого взгляда, единого отношения к забастовке нет...»⁸. В конечном итоге была принята резолюция, в которой после констатации факта «больших учительских забастовок в Москве, Петрограде, Уфе, Екатеринбурге» содержался призыв к учительским организациям «бороться всеми возможными мерами и способами, в числе которых возможна как крайняя мера и учительская забастовка»⁹. Съезд подчеркнул, что предлагает местным группам проявлять больше активности в выборе методов борьбы.

Отказ огромной массы педагогической общественности от сотрудничества с новой влас-

тью, открытая критика предпринимавшихся мер в области образования не могли не отразиться на складывавшейся государственной политике в этой сфере. Официально провозглашенная большевистской властью политическая линия в сфере образования состояла в разрушении старой школы и построении новой на принципиально иных основаниях. Нарком просвещения А.В. Луначарский в своей речи на I Всероссийском съезде по просвещению в августе 1918 г. подчеркивал: «...Совершенно ясно, что школа подлежит революционной ломке»¹⁰. Приверженность этой линии подтверждалась и позднее. В программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, была выдвинута задача перестройки школы, превращения ее в орудие революционного переустройства общества¹¹. Таким образом, провозглашалась идея, что в государстве, создавшем новый общественный строй, система образования должна развиваться на принципах, коренным образом отличавшихся от всех предшествовавших.

Однако источники, в том числе программные документы, выступления и публикации партийных лидеров, не дают оснований для утверждений о том, что большевики имели программу реформирования образования, построенную на каких-либо принципиально иных основаниях, нежели те, которые выдвигались различного рода реформаторами задолго до Октября 1917 г. Более того, анализ дооктябрьских программ ведущих политических партий России позволяет констатировать, что требования большевиков в области образования, в отличие от программы, например кадетской партии, являлись декларативными, не отличались конкретикой, необходимой детализацией, что свидетельствовало об их недостаточном внимании к проблемам этой сферы¹².

В дооктябрьский период вопросы образования и воспитания редко подвергались серьезному анализу в выступлениях и статьях лидера большевиков В.И. Ленина. По сути дела впервые серьезное внимание этим проблемам было уделено в апреле–мае 1917 г., когда готовились материалы по пересмотру партийной программы. Они включали и пункты, касавшиеся программы в области образования. Сам В.И. Ленин признавал, что эта часть была подготовлена не им, а Н.К. Крупской¹³.

Н.К. Крупская была одним из главных идеологов образовательной политики большевиков. Получив некоторый практический опыт образовательной деятельности, она уже в эмиграции увлеклась теорией педагогики, проблемами организации образования. Анализируя образовательные системы различных стран, Н.К. Крупская стала активной сторонницей так называемого «американского» типа организации образования. Об этом можно было судить по ее публикациям 1911–1912 гг.: «Правительство Американских Штатов передало всю организацию этого (школьного. – А.П.) дела в руки самого

населения. Население организует при помощи выборных школьных комиссий хозяйственную и учебную стороны дела... Мы не станем говорить о блестящих результатах, какие дает подобного рода система»¹⁴.

Таким образом, у Н.К. Крупской сформировались демократические взгляды на организацию системы образования, которые со временем крепились и развивались. Об этом, в частности, свидетельствовало ее активное сотрудничество с педагогическим журналом «Свободное воспитание», характеризовавшимся радикальным отношением к вопросам реформирования образовательной сферы, выступавшим за развитие образования как широкого договора между «обучающими и обучающимися» без вмешательства государства. Редактор журнала в примечании к одной из статей Н.К. Крупской назвал ее «уважаемой сотрудницей нашей»¹⁵.

Главной идеей, которую Н.К. Крупская активно пропагандировала, являлся принцип обеспечения связи обучения с жизнью, в том числе с производительным трудом. Только в таком случае, по ее убеждению, у учащихся мог появиться интерес к знаниям, необходимая глубина их усвоения, поскольку ясна будет цель обучения, связанная с практикой жизни¹⁶.

Нет оснований утверждать, что в предоктябрьский период Н. К. Крупская стала сформировавшимся теоретиком и организатором образования. Не было среди деятелей большевистской партии и других видных представителей педагогической науки и практики.

После Февральской революции под влиянием широко развернувшейся дискуссии о путях развития российской школы у большевиков начала формироваться сравнительно четкая и конкретная система взглядов на реформирование российского образования. Она была обнародована весной 1917 г. в связи с подготовкой к муниципальным выборам. За несколько дней до развернутой публикации предвыборной платформы большевиков Н. К. Крупская выступила со статьей в газете «Правда», где, в частности, называла принципы построения новой системы образования. «Школа, – писала Н. К. Крупская, – должна быть бесплатная, всеобщая, светская, обучение должно быть в ней связано с производительным трудом...»¹⁷ Особый упор она делала на принципах *единства школы и связи обучения с производительным трудом*. Под них, в соответствии с большевистской тактикой, подводились политические основания. «...Необходимо, – говорилась в школьной муниципальной программе, – чтобы школа была едина для всех классов населения, чтобы не было того, что для детей рабочих и крестьян существовали бы низшие начальные школы, а для господ – средние и высшие; нужно, чтобы для всех была одна общая школа, подготовляющая всех детей к труду и физическому, и умственному, к пониманию жизни, дающая им свет знания. Поэтому в об-

щей единой школе обучение должно быть тесно связано с производством, с производительным трудом»¹⁸.

Большевики декларировали и принципы широкой демократизации управления системой образования. Программа предусматривала меры по повышению заинтересованности населения и его инициативности в постановке школьного дела, введению системы выборности учителей населением, провозглашала автономию школ в деле преподавания и внутреннего устройства образовательных учреждений.

После октябрьского переворота образовательная программа большевиков получила более детальную разработку и целостное оформление. Первым программным документом большевиков по вопросам образования стало «Обращение народного комиссара по просвещению», изданное 29 октября 1917 г.¹⁹ В нем были провозглашены основные цели и принципы организации новой системы образования, в соответствии с которыми намеревалось действовать большевистское правительство. Среди них главными были следующие.

1. «Добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем ... введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения...».

2. Организация «единой для всех граждан абсолютно светской школы в нескольких ступенях...».

3. «Все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления».

Заявленные большевиками принципы построения новой школы в основе своей включались в проекты реформирования школы, которые разрабатывались в дооктябрьский период, в том числе и комиссиями, сформированными по высочайшему распоряжению. Это такие принципиальные основания, как:

- 1) введение всеобщего образования;
- 2) формирование единой, преемственной на всех ступенях школы;
- 3) децентрализация управления системой образования.

Вместе с тем сравнение сформулированных в «Обращении» принципов с теми, которые выдвигались ранее, свидетельствовало об их существенной радикализации. Так, вопрос о введении всеобщего образования в России выдвигался задолго до революции. Однако речь, как правило, шла о всеобщем, но не обязательном образовании. Большевики же пошли по самому радикальному пути. Они провозгласили в качестве государственной нормы не только всеобщее, но и обязательное обучение. Однако было понятно, что это была исключительно политическая акция, декларация, а не реальная мера, поскольку условий для введения всеобщего и обязательного образования в России в тот период не было. Так, А.В. Луначарский в одном из своих выступлений подчеркивал: «Как мы можем заставить родителей обучать

детей, когда мы им не в состоянии дать нужного количества школ? Обязательность предполагает обязательность и с нашей стороны. Надо сказать, что так должно было бы быть, что это желательно принципиально, и что комиссариат примет меры, необходимые для осуществления этого»²⁰.

Радикальным для того времени было и решение об «абсолютно светской» школе. Не случайно оно было встречено враждебно значительной частью населения. К проблеме светскости образования в России относились с большой осторожностью. Так, в проектах дооктябрьского Государственного комитета по народному образованию речь шла лишь о *необязательности* обучения религии²¹, большевики же заявили о полном отделении школы от церкви, запрете религиозного образования.

Другим важным документом стал декрет ВЦИК и СНК от 9 ноября 1917 г. «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению»²². Комиссия должна была стать по своему характеру государственно-общественным органом, обеспечивавшим сотрудничество властных структур с общественностью в управлении образованием. Об этом свидетельствовал и предполагавшийся состав комиссии.

Однако провозглашение в качестве государственных всех этих передовых в своей основе принципов не возымело должного воздействия. Педагогическая общественность по-прежнему отвергала власть большевиков. В.И. Ленин, давая оценку сложившейся в тот период времени ситуации, говорил: «... Главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности»²³.

Сложилась в определенной степени парадоксальная ситуация, когда такая радикальная в своих программных требованиях общественная организация, как Всероссийский учительский союз, отказалась поддерживать новую, большевистскую, власть, которая заявляла о намерении осуществить революционную перестройку системы образования. Причин этого было немало. Одной из главных являлась приверженность членов Всероссийского учительского союза, в первую очередь ее лидеров, политическим линиям таких партий, как кадеты, эсеры и др., а эти партии, как известно, осудили переворот, осуществленный большевиками, отказались сотрудничать с ними. Позднее, пытаясь объяснить причины такой позиции учителя, видный деятель большевистской партии Г.Е. Зиновьев говорил: «В нашей пролетарской революции учитель заблудился, потому что в течение нескольких месяцев мы пережили две революции... Русское учительство... понимало, что оно должно идти против царя, но не осознавало еще, что оно должно идти и против буржуазной демократии»²⁴.

А.В. Луначарский, характеризуя сложившуюся ситуацию, отмечал, что новая власть намере-

валась опереться на учительство в решении задач реформирования школы, «но в ответ получила бешеный саботаж»²⁵.

В этих крайне сложных условиях главной для большевиков становилась задача поиска своих сторонников среди учителя. Формирование социальной опоры в педагогической среде основывалось на имевшем место значительном расслоении российского учительства как по статусу, так и имущественному положению. Власти важно было найти те социальные группы, на которые можно было опереться в столь сложной ситуации с тем, чтобы постепенно увеличивать число своих сторонников. Реализация большевиками этой политики привела к созданию новой общественной организации – Союза учителей-интернационалистов.

То, что он создавался в противовес Всероссийскому учительскому союзу, отнюдь не являлось секретом. В 1919 г. на совещании наркомов просвещения советских республик откровенно подчеркивалось: «Сразу было решено расколоть этот союз (ВУС. – Ю.Г., А.П.) и создать левый. ...Организовали «Союз учителей-интернационалистов»²⁶. Цель создания организации и ее политическая ориентация однозначно прозвучали в «Декларации Союза учителей-интернационалистов». В ней провозглашалось: «Поддержка начинаний социалистической власти в области народного образования и широкая собственная инициатива в этом деле – есть святой долг всякого работника по народному образованию»²⁷.

Достаточно откровенно о Союзе учителей-интернационалистов писал в вышедшей несколько лет спустя, в 1925 г., книге «Союз работников просвещения СССР в резолюциях его съездов и конференций» С. Дулин. Он, в частности, отмечал: «Против... позиции ВУСа активно выступили небольшие группы левого учительства, которые выдвинули лозунг создания в противовес ВУСу такой профессиональной организации, которая бы вместе с рабочим классом приняла участие в строительстве коммунистического просвещения... Эта платформа была принята небольшой группой петроградских учителей, и таким образом создавалась первая революционная организация учительства под именем «Союза учителей-интернационалистов». Эта группа была очень небольшая: вначале она объединяла всего около 30 чел. Точно такая же группа была создана в Москве, в которую вошли те 34 учителя, которые были против забастовки, объявленной московским учительством»²⁸.

В руководстве Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса) не было единства по вопросу об отношении к Всероссийскому учительскому союзу и Союзу учителей-интернационалистов. Тем более, что к весне 1918 г. стала заметно меняться и позиция ВУСа в отношении взаимодействия с советской властью: от тактики бойкота организация переходила к политике сотрудничества с государственными структурами.

Так, еще в феврале 1918 г. Малый совет ВУСа сформулировал «Мнение по вопросу об отношении организаций Союза и отдельных учебных заведений к современной политической власти». Ссылаясь на то, что «все глубже и глубже проникает в страну власть правительства народных комиссаров», Совет заявил, что «считает нужным... сохранить позицию бойкота, принятую... по отношению к советской власти, допуская, однако, возможность сношений с органами советской власти...»²⁹. Возможность сотрудничества с властью была признана и Большим советом ВУСа на его сессии, состоявшейся в мае 1918 г. В резолюции, принятой Советом, признавалось, что «в отдельных случаях вхождение в Совдепы, Советы народного образования и культурно-просветительные комиссии допустимо для учителя»³⁰. Важно то, что аналогичное решение было принято в июне 1918 г. и на VII делегатском съезде Всероссийского учительского союза³¹.

Однако большевистские властные структуры не спешили принять фактически протянутую им руку. Более того, к сожалению, превалировали силы, выступавшие решительно против какого-либо взаимодействия с ВУСом, ориентируясь, главным образом, на насильственное подавление всякого неприятия новой власти, проводимой ею политики. Это видно, например, из содержания протокола заседания Государственной комиссии по просвещению, обсуждавшей в мае 1918 г. вопрос «Об отношении к Всероссийскому учительскому союзу и Союзу учителей-интернационалистов». Лишь двое членов Государственной комиссии выступали за сотрудничество с ВУСом. В Союзе учителей-интернационалистов они не видели организации, способной заменить его. Так, Н.К. Крупская заявляла: «Группа учителей-интернационалистов может существовать как организация, входящая в союз, но не может быть ему противопоставлена...»³². Более резко выступила Менжинская, подчеркнув, что «Союз учителей-интернационалистов, включающий в себя небольшое число членов..., не может быть надежной организацией. Деятельность Союза... в Петрограде вредна, т.к. она восстанавливает демократию против учительства»³³.

Несмотря на это, большинство членов Государственной комиссии по просвещению занимало другую позицию. В результате было принято постановление, в котором заявлялось, что Государственная комиссия отвергает в качестве средства сближения с учителями какие бы то ни было «створы с Всероссийским учительским союзом». Одновременно с этим устанавливалось в качестве одного из главных средств налаживания связи с учительством «сотрудничество самое тесное с Союзом учителей-интернационалистов»³⁴.

Власть принимала меры по привлечению членов Союза учителей-интернационалистов к решению важнейших вопросов школьного строительства, что должно было способствовать по-

вышению его авторитета в педагогической среде. «Что касается деятельности союза, – отмечалось в выступлении одного из лидеров организации, – то он входит во все комиссии, организованные при Народном комиссариате по просвещению: работает над созданием новой школы, над улучшением положения учителя, принимает участие в работах Государственной комиссии по просвещению, в культурно-просветительных организациях, посылает своих членов в провинцию и т.д.»³⁵.

Одновременно с этим большевистское руководство стремилось расширить свое влияние среди учительства, поскольку опора только на сравнительно узкую, хотя и стойкую группу учителей-интернационалистов, была малоперспективна. В мае 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению были определены направления работы по укреплению связи Наркомпроса с учительской массой, главными из которых были названы усиление печатной и устной пропаганды, созыв отдельных конференций и съездов учителей³⁶.

Первым из крупных мероприятий подобного рода стал проведенный 2–6 июня 1918 г. съезд учителей-интернационалистов. Принцип представительства на съезде был определен следующий: каждая ячейка учителей-интернационалистов, каждый учительский союз, стоявший на платформе советской власти, направляли по одному делегату; по одному делегату должен был направить и каждый отдел народного образования³⁷. В итоге весьма показательным оказался состав делегатов съезда. Среди 121 делегата с решающим голосом 55 представляли советские организации; непосредственно от организаций учителей-интернационалистов и других учительских формирований было 34 делегата; 11 человек имели двойной мандат – от советских и учительских организаций; 3 делегата было от партий, 4 – от национальных групп, 6 человек – «одиночки», 8 человек не имели четко обозначенного представительства³⁸.

Чиновническо-бюрократический состав делегатов съезда во многом отражал членство в местных организациях и Союзе в целом. Так, в московской организации насчитывалось всего 250 человек, причем половину из них составляли ответственные работники Наркомпроса и Московского отдела народного образования³⁹.

Большое значение съезду учителей-интернационалистов как важному мероприятию по завоеванию учительства на сторону советской власти придавал В. И. Ленин. Он был убежден, что «учительская армия... должна стать главной армией социалистического просвещения», ее задача должна была состоять в том, чтобы «связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»⁴⁰.

Съезд практически полностью одобрил все озвученные на нем принципы построения новой системы образования, о чем свидетельствовала его резолюция⁴¹. Другого варианта вряд ли

можно было ожидать, поскольку на съезде была представлена та часть учительства, которая уже встала на большевистские позиции и видела задачу строительства новой школы, прежде всего, как политическую задачу, задачу борьбы с «отжившим строем».

Большевики понимали необходимость усиления работы с учительской массой и на местах. Для этого, в частности, использовались проводившиеся повсеместно учительские съезды. Так, на состоявшемся в Шацком уезде Тамбовской губернии съезде по народному образованию был заслушан доклад о Союзе учителей-интернационалистов и его Уставе. Докладчик призвал «отречься от старого учительства в лице Всероссийского учительского союза и вместе с народной властью строить новое светлое здание единой трудовой социалистической школы-коммуны»⁴². Резолюцию, в которой осуждалась тактика руководящих органов Всероссийского учительского союза, толкавших учительство «на путь борьбы с народом и его детьми», принял съезд по народному образованию Западной области. В резолюции содержался призыв «бесповоротно отказавшись от общения с этой организацией, строить новые, чисто профессиональные свои объединения или вступать в ряды авангарда революционного учительства – Союз учителей-интернационалистов»⁴³.

Попытка расколоть ВУС была предпринята властью и на состоявшемся в июне 1918 г. VII делегатском съезде Всероссийского учительского союза. От имени Бюро Союза учителей-интернационалистов в адрес съезда была направлена просьба предоставить слово трем представителям организации – В. М. Познеру, П.Н. Лепешинскому и Д.А. Кашинцеву. По этому поводу на съезде развернулась дискуссия. Характерно предложение одного из делегатов: «Ввиду связи предлагаемых докладов с назначенным на утро 12-го июня докладом А.А. Волкова о предположениях Комиссариата народного просвещения по реформе школы... отвести им время на съезде после этого доклада с тем, чтобы познакомиться из официальных источников с проектами власти о школьной реформе и тем придать обсуждению докладов... характер строгой, деловой критики»⁴⁴. Таким образом, делегаты съезда действительно хотели глубже познакомиться с сформировавшейся образовательной политикой власти, однако изначально настроены были по отношению к ней отрицательно.

Съезд дал негативную оценку Союзу учителей-интернационалистов. Он справедливо назвал его «официозной организацией», возникшей по инициативе и при содействии существовавшей власти, имевшей главной целью проведение ее политики и борьбу с Всероссийским учительским союзом⁴⁵.

Не была настроена позитивно по вопросу о сотрудничестве и делегация Союза учителей-интернационалистов, прибывшая на VII съезд ВУСа.

Так, В.М. Познер, констатируя в своем выступлении факт социального расслоения в учительской среде, обратился с призывом к учительству «идти в народ и работать в согласии с рабоче-крестьянским правительством, порвав с вышедшим из недр буржуазии ВУС»⁴⁶. Такой грубый нажим на учительскую общественность, представленную на съезде, безусловно, вызвал негативную реакцию делегатов. «Учительство, – писали «Известия Всероссийского учительского союза», – в целом ответило бурей негодования на эту попытку разделить его...»⁴⁷. «Только 2–3 голоса из общего длинного ряда выступавших делегатов прозвучали в защиту Советской власти»⁴⁸.

Руководство Всероссийского учительского союза понимало, что участие представителей Союза учителей-интернационалистов в их съезде являлось лишь одним из шагов, направленных на то, чтобы «взорвать ВУС изнутри». Свою обеспокоенность оно стремилось донести до «низов». В специальном обращении руководства ВУСа «Ко всем организациям Всероссийского учительского союза» отмечалось, что политика эта осуществляется «двоющим образом: 1) представители власти, являясь в учительские съезды, убеждениями и угрозами склоняют учительство выйти из состава ВУС и вступить в Союз интернационалистов... 2) или стараются использовать ...устраиваемые комиссариатами курсы, во время которых ...принимают нужные власти резолюции...; совещания эти потом трактуются как съезды...»⁴⁹.

Так, по версии ВУСа, состоявшийся в Москве 4–8 июля 1918 г. Всероссийский учительский съезд был первоначально созван в качестве курсов учителей, и лишь когда представители с мест прибыли в Москву, его назвали учительским съездом. Как бы то ни было, это мероприятие стало важным звеном в осуществлявшейся политике по расширению влияния советской власти в среде педагогической общественности. Он стал трибуной продолжения начатой на съезде ВУСа открытой дискуссии между Всероссийским учительским союзом и властью. Однако Наркомпросу по-прежнему важно было не найти точки примирения с оппозиционной общественной организацией, а публично идейно разгромить ее. Не случайно, как писали «Известия Всероссийского учительского союза», «против ... трех его докладчиков выдвинуты были все наличные силы Комиссариата и Союза интернационалистов: Луначарский, Покровский..., Кашинцев, Познер, Потемкин»⁵⁰.

В выступлениях же членов Всероссийского учительского союза прозвучали новые моменты. Было заявлено: «ВУС не против Советской власти как таковой, но он и не при ней... Нет и не будет такой власти, при которой ВУС состоял бы правительственной партией»⁵¹. Таким образом, ВУС фактически признал советскую власть, но определил свое место в качестве общественной организации, оппозиционной государственной власти.

Главное, что вызывало недовольство Всероссийского учительского союза – это политическое и идеологическое давление, которое осуществляла новая власть, в том числе и в сфере образования. Характерны выдержки из выступлений представителей ВУСа⁵², в которых подчеркивалось:

- «За последнее время против ВУС открыт крестовый поход... Против нас выдвигают два обвинения: в контрреволюционности и оппозиции советской власти. Контрреволюционером может оказаться учитель, протестующий против топающего на него комиссара...»;
- «Сейчас создаются условия порабощения учительских масс. Враждебные политические элементы разлагают школу, душу учителя, как они разложили душу народа. Теперешняя «просветительная конституция» есть система определенного начальствования, возвращение приказного строя»;
- «В одном из докладов Н. Крупской имеется пункт, что преподавание должно вестись в строго социалистическом духе. Ведь это одна и та же методология и идеология, что и абсолютистская. Наука не поддается политике. ВУС за объективную науку».

Представители власти, следуя своей цели идейного разгрома явно ослабевшей оппозиции, стремились показать ее враждебность и политическое «коварство». Так, А.В. Луначарский в своем выступлении на съезде утверждал: «Всероссийский учительский союз идет к нам..., но... идя к нам, в то же время стремится захватить школу в свои руки, хочет избавиться от контроля пролетариата и свергнуть его диктатуру»⁵³.

Следует отметить, что и позиция Всероссийского учительского союза по отношению к большевистским общественным организациям также не отличалась корректностью. Об этом, в частности, говорил на съезде заведующий отделом Наркомпроса В.М. Познер, когда в ответ на обвинения о краткости представленного членам ВУСа времени ответил, что «времени им предоставлено как раз столько, сколько его было дано представителям Союза учителей-интернационалистов на съезде Всероссийского учительского союза»⁵⁴.

В конечном итоге на съезде была принята резолюция, не только обвинявшая ВУС в контрреволюционной деятельности, но и призывавшая отказаться от всякого сотрудничества с ним⁵⁵.

Всероссийский учительский союз пытался публично показать необоснованность выдвигаемых против него обвинений. С этой целью в «Известиях Всероссийского учительского союза» была осуществлена в полном объеме публикация принятой съездом резолюции со ссылкой на различного рода документы ВУСа, которые, по мнению руководителей организации, должны были продемонстрировать ее неправомочность⁵⁶. Однако сопоставление этих документов вряд ли могло дать ожидаемый результат. Материалы

ВУСа скорее подтверждали обвинения, чем опровергали их. Дело было в другом. Всероссийский учительский союз всеми своими действиями показывал, что фактически отказывался от многих своих заявлений и шел на сотрудничество с властью. Однако она этого не хотела и вела дело к реальному разгрому «контрреволюционной» организации и переходу ее членов полностью и безоговорочно на позиции советской власти.

Завершилась эта борьба официальным запрещением ВУСа. В декабре 1918 г. было издано постановление ВЦИК, в соответствии с которым обвиненный в контрреволюционной деятельности Всероссийский учительский союз распускался⁵⁷. Как нам кажется, время выхода этого постановления было выбрано не случайно. На январь 1919 г. было намечено проведение съезда Всероссийского учительского союза, разрешение на проведение которого Совет ВУСа запрашивал у наркома просвещения. На съезде предполагалось «решить наиболее насущные вопросы учительского объединения и жизни школы»⁵⁸. Власть не могло устраивать продолжение деятельности оппозиционной общественной организации, а проведение съезда непременно вызвало бы усиление внимания к ней со стороны общественности. Это, по нашему мнению, и ускорило принятие решения о роспуске Всероссийского учительского союза.

Таким образом, утверждение позиций большевиков в сфере образования происходило весьма сложно. Вооруженный захват ими власти, преобладание насильственных методов деятельности вызывали противодействие педагогической общественности. Усиливало его и то, что учительская масса во многом находилась под политическим влиянием партий эсеров и меньшевиков. Власть в конечном итоге удалось преодолеть сопротивление, но при этом она должна была лавировать. С одной стороны, она заявляла о своем стремлении к прогрессивному развитию образования, провозглашая программу его реформирования, основанную на принципах демократии, а с другой – применяла тактику насилия, давления на учительство.

Примечания

- ¹ Это, однако, не помешало им впоследствии активно сотрудничать с большевистской властью.
- ² *Медынский Е.* Пока не поздно // Народный учитель. 1917. № 31–32. С. 3.
- ³ Большевистский переворот и школа // Народный учитель. 1917. № 29–30. С. 9.
- ⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. Р-5490, оп. 1, д. 3, л. 4.
- ⁵ Там же. Д. 23, л. 1.
- ⁶ Резолюция Совета ВУС 29 октября 1917 г. // Петроградский учитель. 1918. № 1. С. 2.
- ⁷ От Совета ВУС // Петроградский учитель. 1918. № 1. С. 3.
- ⁸ Съезд Большого совета Всероссийского учительского союза. Прения о забастовках // Народный учитель. 1918. № 2. С. 9.
- ⁹ См.: ГАРФ, ф. Р-5490, оп. 1, д. 23, л. 1.
- ¹⁰ *Луначарский А.В.* О воспитании и образовании. М., 1976. С. 22.
- ¹¹ См.: Программа и Устав РКП (большевиков) с докладами Н.И. Бухарина и В.И. Ленина на VIII съезде партии. М., 1924. С. 124.
- ¹² См.: Программы политических партий России. М., 1917.
- ¹³ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 137.
- ¹⁴ *Крупская Н.К.* Вопросы народного образования: Сб. статей. М.; Пг., 1918. С. 23–24.
- ¹⁵ См.: Свободное воспитание. 1916/1917. № 7–8. С. 5–6.
- ¹⁶ Об этом см., например: *Крупская Н.К.* Воспитывающая школьная община // Свободное воспитание. 1916/1917 № 1. С. 3–22.
- ¹⁷ *Крупская Н.К.* Школьная муниципальная программа // Большевистская печать в борьбе за демократизацию образования. Начало XX в. / Под ред. Э.Д. Днепров, Б.К. Тебиева. М., 1990. С. 228.
- ¹⁸ Там же. С. 230.
- ¹⁹ См.: Обращение народного комиссара по просвещению. 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М., 1974. С. 7–9.
- ²⁰ 3-е заседание Государственной комиссии по просвещению (17 августа 1918 г.) // Народное просвещение. № 16. (Прил. к «Известиям ВЦИК». 1918. 7 сент.)
- ²¹ См.: Российский государственный исторический архив, ф. 733, оп. 228, д. 108, л. 10–13; Хроника // Педагогический листок. 1917. Кн. 7–8. С. 425–426.
- ²² См.: Об учреждении Государственной комиссии по просвещению: Декрет ВЦИК и СНК от 9 (22 ноября) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти: В 5 т. М., 1957. Т. 1. С. 59–62.
- ²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 420.
- ²⁴ *Зиновьев Г.Е.* Пролетарская революция и учительство (Речь на первом Всесоюзном учительском съезде) // Известия. 1925. 24 янв.
- ²⁵ 1-й Всероссийский съезд по просвещению // Народное просвещение. № 15. (Прил. к «Известиям ВЦИК». 1918. 31 авг.)
- ²⁶ Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг. М., 1985. С. 17.
- ²⁷ ГАРФ, ф. Р-5501, оп. 1, д. 3, л. 1.
- ²⁸ *Дулин С.* Союз работников просвещения СССР в резолюциях его съездов и конференций. М., 1925. С. 9–10.
- ²⁹ ГАРФ, ф. Р-5490, оп. 1, д. 25, л. 1–2.
- ³⁰ Резолюция Большого совета Всероссийского учительского союза (Москва, 9–12 мая) // Народный учитель. 1918. № 17–20. С. 20.
- ³¹ ГАРФ, ф. Р-5490, оп. 1, д. 21, л. 16.
- ³² См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб), ф. 2551, оп. 1, д. 1, л. 126.

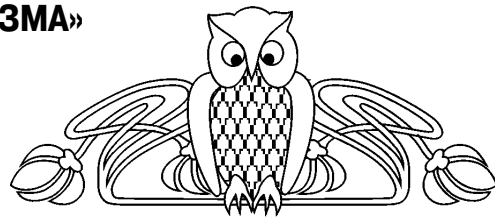
- ³³ ЦГА СПб, ф. 2551, оп. 1, д. 1, л. 129.
- ³⁴ Там же. Л. 126.
- ³⁵ Первый Всероссийский съезд учителей-интернационалистов (2-го – 6-го июня 1918 г.). Первый день съезда // Народное просвещение. № 3. (Прил. к «Известиям ВЦИК»). 1918. 8 июня)
- ³⁶ См.: ЦГА СПб., ф. 2551, оп. 1, д. 1, л. 126.
- ³⁷ См.: ГАРФ, ф. А-2306, оп. 4, д. 52, л. 11об.
- ³⁸ См.: Дулин С. Указ. соч. С. 10.
- ³⁹ Там же. С. 17.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 420.
- ⁴¹ См.: Резолюция съезда учителей-интернационалистов. Общая резолюция // Народное просвещение. № 4. (Прил. к «Известиям ВЦИК»). 1918. 15 июня).
- ⁴² ГАРФ, ф. Р-5501, оп. 1, д. 5, л. 18–19.
- ⁴³ Там же. Л. 10.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Р-5490, оп. 1, д. 16, л. 6.
- ⁴⁵ Там же. Д. 21, л. 5.
- ⁴⁶ Гости ВУС и его «низы» // Изв. Всерос. учительского союза. 1918. № 10 (38). С. 7.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Делегация Бюро Союза учителей-интернационалистов на съезде ВУС // Изв. Всерос. учительского союза. 1918. Прибавление к № 9 (37). С. 4.
- ⁴⁹ Ко всем организациям Всероссийского учительского союза // Изв. Всерос. учительского союза. 1918. № 11 (39). С. 3.
- ⁵⁰ О выступлении представителей ВУС на съезде – курсах Народного комиссариата по просвещению // Изв. Всерос. учительского союза. 1918. № 12–13 (40–41). С. 2.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См.: I Всероссийский учительский съезд // Народное просвещение. № 8. (Прил. к «Известиям ВЦИК»). 1918. 13 июля)
- ⁵³ Всероссийский съезд учителей // Изв. ВЦИК. 1918. 9 июля.
- ⁵⁴ I Всероссийский учительский съезд...
- ⁵⁵ См.: Всероссийский учительский съезд // Изв. ВЦИК. 1918. 10 июля.
- ⁵⁶ См.: Резолюция // Изв. Всерос. учительского союза. 1918. № 12–13. С. 9–11.
- ⁵⁷ См.: О роспуске учительского союза: Постановление ВЦИК от 23 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти: В 5 т. М., 1968. Т. 4. С. 249–250.
- ⁵⁸ ГАРФ, ф. А-2306, оп. 1, д. 28, л. 3.

УДК [9:323.1](47+57) «19»

ВЛАСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СССР В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

А.П. Мякшев

Саратовский государственный университет,
кафедра историографии и региональной истории
E-mail: istfak@info.sgu.ru

В статье анализируются сложные взаимоотношения власти и этносов в СССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Проводится типология этнических конфликтов в указанный период. Рассматривается процесс нарастания дезинтеграции многонационального Советского Союза. Аргументируется вывод о складывании предпосылок «национального взрыва» в стране к середине 1980-х гг.

Authority and Ethnical Conflicts in the USSR during the Period of the «Developed Socialism»

A.P. Myakshev

In the article the complicated relations between the Government and the peoples in the USSR in the second half of the 1960s – the first half of the 1980s are analyzed. The classification of ethnic conflicts during this concrete period is carrying out. The process of increasing of the multinational USSR' disintegration is investigating. The conclusion about the reasons and the grounds of the "national outburst" in the country in the middle of the 1980s is being argued.

вопросы теории происхождения, развёртывания, регулирования и разрешения этнического конфликта, его стадий, проведена типология конфликтов. С сожалением приходится констатировать, что основной причиной «предпочтительного выделения» документальных источников периода перестройки и постсоветской России при анализе механизма и типов этнических конфликтов является не что иное, как узость событийно-фактографической базы по истории этнических конфликтов в предшествующие периоды. Это ставит перед историками задачу поиска и извлечения из архивов материалов для анализа и создания в ближайшее время информационной базы данных по истории межнациональных конфликтов в СССР.

Чаще всего межнациональные конфликты подразделяются на три типа. Профессор А.Г. Здравомыслов группирует конфликты по тем притязаниям, которые выдвигаются в их контексте: территориальные; сецессионные, предполагающие выход какой-либо части государства из его состава; статусные, когда местные власти добиваются расширения властных полномочий, т.е. повышения своего статуса¹. З.В. Сикевич к названным

видам конфликтов добавляет ещё «конфликты цивилизационного характера, возникающие из-за несхожества культур и национальных менталитетов»². А.В. Глухова, классифицируя политические конфликты в целом, считает конфликты на основе существенных расхождений в политической культуре высшим типом в иерархии политических конфликтов³. Е.И. Степанов выделяет «ложные» этнонациональные конфликты, когда слишком высокая степень эмоциональной насыщенности затрудняет адекватное восприятие и ситуации, и противоположной стороны, рождая ложные образы, опасения и агрессивность, а также «замещённые» конфликты, когда антагонизм интересов направлен на этническую группу, которая реально не является участником конфликта, а замещает какие-либо иные интересы⁴. На примере армяно-азербайджанского конфликта Э.А. Паин и А.А. Попов выделили «конфликты стереотипов», когда этнические группы не всегда чётко осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают негативный образ недружественного соседа, нежелательной группы; «конфликты идей», характерными чертами которых является выдвигание тех или иных притязаний («историческое право» на государственность, на территорию), и «конфликты действий» (от митингов и демонстраций до вооружённых столкновений)⁵. Л.М. Дробижева полагает, что к статусным институциональным конфликтам можно отнести конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость, конфликты в автономиях за повышение статуса или его получение (абхазы в Грузии, ингуши в Чечено-Ингушской АССР, ногайцы в Дагестане, балкарцы в Кабардино-Балкарии). К этнотерриториальным учёный относит, к примеру, осетино-ингушский конфликт, но, отмечая, что территориальные споры часто связаны с реабилитационными процессами в отношении репрессированных народов, всё же указывает, что это особый тип конфликта. Конфликты, подобные русско-эстонскому в Эстонии или русско-литовскому в Литве, в Якутии в 1986 г. или в Туве в 1990 г., Дробижева предлагает классифицировать как «конфликты межгрупповые (межобщинные)»⁶. Л.А. Стешенко межэтнические конфликты также делит на три типа, условно называя их конфликтами «крымского», «карабахского» и «прибалтийского» типов – «по названию региона, в котором данный тип проявился в наибольшей мере или начался раньше, чем в других»⁷. Классифицируют этнические конфликты по сферам общественной деятельности (политические, экономические этнические конфликты и конфликты в духовной сфере), хотя очевидно, что практически все этнические конфликты имеют межсферный характер, и бесспорно, что в каждом этническом конфликте, как самостоятельном социально-историческом явлении, можно обнаружить признаки, присущие другим этническим конфликтам⁸. В конкретно-историческом плане изучение межэтнических конфликтов в послевоенной советской истории

начато в работах В.А. Козлова, А.В. Пыжикова, А.В. Шубина и др.⁹, однако пока системного анализа данная проблема не получила.

В рассматриваемый период на первый план в сфере межнациональных отношений вышли конфликтные ситуации, связанные с непосредственностью и половинчатостью реабилитации депортированных народов в 1950-е гг. Депортации в СССР, по приблизительным подсчётам, подверглись в 1920–1950-е гг. более 8 млн граждан, принадлежащих к различным национальностям, включая и русских. Однако в сфере межнациональных отношений выделяются обособленно «народы, подвергшиеся полностью депортации»¹⁰. Речь в данном случае идёт именно о таких народах. Активная работа по реабилитации началась после смерти Сталина: с депортированных народов были сняты ограничения по спецпоселению, проведены мероприятия по восстановлению автономий ряда народов, оказывалась помощь на хозяйственное устройство возвращающихся. В частности, чеченцам и ингушам уже после возвращения из ссылки была оказана помощь в строительстве домов, обзаведении скотом. Кредиты для этих нужд составили свыше 36 млн рублей, «в том числе ингушскому населению Назрановского, Малгобекского, Сунженского районов более 8 млн рублей». 30 млн рублей, кстати, было списано, в том числе по этим трём районам – 7 млн рублей¹¹.

Однако не были восстановлены автономии крымских татар и советских немцев. Они и некоторые другие народы не получили разрешения вернуться на прежнее местожительство, что привело к оформлению ряда национальных движений с целью борьбы за историческую справедливость и полную реабилитацию.

В середине 60-х гг. активизировалась борьба крымских татар за возвращение в Крым и воссоздание там национальной автономии. В августе 1965 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР (ВС СССР) А.И. Микоян на встрече с представителями крымских татар огласил позицию советского руководства: депортацию народа власть осуждала как произвол, но вернуть его на родину в Крым считала невозможным, поскольку «сейчас в Крыму проживает значительно больше населения, чем проживало до их выселения», к тому же выезд татар из Узбекистана (на данный момент там их находилось около 160 тыс. человек) повлёт бы за собой «большой ущерб народному хозяйству»¹². Требования крымских татар по форме напоминали ультиматум властям: «...Попытки предоставления «культурно-национальной автономии» или другой формы автономии или же любое иное решение без возвращения в родной край – ...видимость разрешения нашего вопроса»¹³. В марте 1966 г. секретарь Президиума М.П. Георгадзе сообщал, что «представители крымских татар проживают в Москве с лета 1965 г. поочерёдно сменяя друг друга», практически осажая высшие

государственные органы своими требованиями¹⁴. Тревожные вести приходили и из Узбекистана. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов в записке в Верховный Совет указывал, что «положение среди переселенцев из Крыма осложнилось и приняло опасный характер к осени 1966 г.»¹⁵. Давление со стороны татар, однако, нарастало, а власть упорствовала. На очередной встрече, состоявшейся в Президиуме Верховного Совета 21 июля 1967 г., Ю.В. Андропов заявил, что решить вопрос об автономии «нереально, так как в настоящее время в Крыму проживает большое число украинского и русского населения», и даже если бы татары переселились полностью, они всё равно «будут составлять меньшинство». «Нельзя же считать разумным, – заключал он, – чтобы 10% населения определяли судьбу 90% остальных, которые никакой автономии не хотят»¹⁶.

Возвратившись из Москвы в Узбекистан, татарская делегация 27 августа провела с представителями народа двухтысячное собрание о результатах встречи, которое властями было запрещено и распущено. В знак протеста 2 сентября 1967 г. в Ташкенте состоялась демонстрация крымских татар, которая также была разогнана. Энергичные действия активистов и участников движения заставили власти принять такий указ. Правозащитница Л. Алексеева по этому поводу писала: «То, чего не удалось добиться за восемь лет смиренных просьб, было вырвано за три года энергичных всенародных протестов»¹⁷.

5 сентября 1967 г. указом Президиума ВС СССР «огольные обвинения» с крымских татар были сняты. Вопрос о возвращении в Крым и воссоздании автономии вновь откладывался на неопределённое время. Однако тысячи людей стали возвращаться на родину, не дожидаясь разрешений. По мнению бывшего начальника 5-го управления КГБ СССР Ф.Д. Бобкова, негативную роль в судьбе крымско-татарского народа сыграло украинское руководство. Бобков писал, что, если бы не было столь щедрого подарка Хрущёва Украине, татары «уже давно спокойно жили бы в Крыму». Под большим нажимом, сообщает Бобков, украинское руководство согласилось принимать в год двести–триста татарских семей, однако «вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма»¹⁸.

В 1970-е гг. центр движения крымских татар стал постепенно смещаться в сторону Крыма. Сразу после выхода 29 сентября 1967 г. указа о снятии обвинений с крымских татар заместитель министра ООП СССР М. Усков сообщал в Верховный Совет, что в Крымскую область в последнее время прибыло около 800 татар, которые «занимают мало приспособленные для жилья помещения, устанавливают палатки, строят шалаши»¹⁹. Власти Узбекистана препятствовали выезду («в Узбекистане «деликатно» запрещают покупку домовладений у татар»), а крымские

власти – въезду и поселению крымских татар («в Крыму – владельцам домов... запрещена продажа домов для татар, ...нотариальные договоры не оформляют, ...в прописке отказывают»)»²⁰.

23 июня 1978 г. в пос. Донское (татары называли его «Беш-Терек») Симферопольского района покончил жизнь самоубийством отец троих детей 46-летний Муса Мамут. Это был, как писали татары в Верховный Совет в письме от 25 августа 1978 г., «акт гневного протеста против вопиющих нарушений наших национальных прав и в первую очередь права жить на своей Родине»²¹. Борьба продолжилась.

Несколько иное направление приняло национальное движение советских немцев. Власти, приняв 29 августа 1964 г. указ о снятии с немецкого народа «огольных обвинений» в предательстве, вряд ли полагали, что этим они смогут хотя бы на время ослабить накал претензий немецкого населения. Непрекращающийся поток писем заставил Президиум ВС СССР подготовить предложения о разрешении Саратовскому и Волгоградскому облисполкомам прописывать граждан немецкой национальности, переселённых в 1941 г. с территорий этих областей, «при возможности их трудового использования и бытового устройства»²². С этим предложением согласился в беседе с А.И. Микояном по телефону и секретарь Саратовского обкома КПСС А.И. Шибаев²³. До этого позиция саратовских властей по отношению к немцам была более непреклонной, нежели позиция Волгограда.

3 ноября 1972 г. указ Президиума ВС СССР наделил советских немцев «правом избирать место жительства на всей территории СССР»²⁴. Однако указ 1972 г. в силу своей ограниченности и половинчатости имел обратные последствия. На рубеже 60–70-х гг. XX в. в «Казахстане, Эстонии, Киргизии и в некоторых других районах страны имели и продолжают иметь место факты организованной деятельности экстремистски настроенных элементов, стремящихся создать «национальные комитеты» и развернуть среди немцев широкое движение за выезд на жительство в ФРГ»²⁵. Как отмечали Ю.В. Андропов и Н.А. Щёлоков, органами МВД рассмотрены в 1970 г. 1809 ходатайств немцев о выезде в ФРГ, в 1971 г. – 2617 ходатайств, а в 1972 г. количество таких ходатайств увеличилось до 5 тыс.²⁶

Проблема немецкой эмиграции прежде всего коснулась Казахстана, где проживало в начале 1970-х гг. 858 тыс. немцев, что составляло 6,6% всего населения республики. В январе 1974 г. секретарь ЦК КП Казахстана В. Месяц сообщал в ЦК КПСС, что эмиграционные настроения широко распространились с конца 1972 г., и указывал также на попытки организовать массовые выступления в г. Иссык Алма-Атинской области, пос. Рудник Джезказганской области, г. Караганде с требованиями разрешить выезд в ФРГ²⁷. Месяц называл истинные причины желаний выехать из

СССР: отсутствие автономии, разобщенность этноса, слабое представительство немецкого населения во властных структурах, неполное разрешение проблем советских немцев в указах Президиума ВС СССР, наличие «отдельных случаев неприязненного отношения к лицам немецкой национальности», нанесение им «незаслуженных оскорблений со стороны представителей других национальностей»²⁸.

Несмотря на дальнейший рост эмиграционных настроений, часть немецкого народа не утратила надежд на воссоздание автономии. В обращении 17 мая 1978 г., «по поручению сотен немцев», в Верховный Совет указывалось, что «в настоящее время, когда резко возросли националистические тенденции в основных местах проживания немцев (Казахстан, Киргизия, Узбекистан), нам становится невозможно жить среди них»²⁹.

Ф.Д. Бобков полагает, что вопрос с немецкой автономией не решался не только в связи с отсутствием политической воли у ЦК, но и из-за нежелания и сопротивления руководства Казахстана, понимающего размеры экономического ущерба, который повлечёт за собой выезд из республики столь трудолюбивого народа³⁰. Автономистские настроения достигли пика к концу 1970-х гг. Руководители Казахстана согласились решить вопрос. Была определена территория будущей автономии и её столица, намечены руководители и даже выбрано здание обкома.

Весной 1979 г. был подготовлен указ об образовании Немецкой автономной области в Казахстане. Однако автономии с центром в г. Ерментау Целиноградской области не суждено было родиться. Местное население к идее немецкой автономии отнеслось негативно, в мае в Целинограде прошли манифестации казахского населения. Активистов немецкого движения попросили подождать, а студентам объяснили, что вопрос об автономии вообще не поднимался³¹. Власть и в этот раз попыталась скрыть от общества эти события, а в изданной в начале 1980 г. брошюре «Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.», подготовленной ЦСУ СССР, в разделах о национальном составе союзных и автономных республик данные о советских немцах не приводились. Даже в Казахстане, где советских немцев насчитывалось до 1 млн человек, немцы были включены в графу «другие национальности». Член Союза писателей СССР (СП СССР), известный немецкий писатель Г. Бельгер, работавший в то время над статьёй о расцвете немецкой культуры в Казахстане, недоумевал: «Вдруг редактор скажет: «Какие еще немцы? ...ясно сказано, что в Казахстане таковых нет»³².

В середине 1960-х гг. происходит активизация движения турок-месхетинцев. Следует отметить, что месхетинцы не требовали создания для них автономии, хотя в воззвании «Комитета по возвращению на родину» от 30 января 1966 г. говорилось, «что если руководство КПСС и правительство соч-

тут нужным и ... образуют Месхетинскую АССР или же автономную область в рамках Грузинской ССР, то этому народ будет рад»³³.

Настроения переселиться на родину подстегивали слухи о принятии указа о реабилитации крымских татар. Массовые акции протеста, наподобие выступления месхов 27–28 апреля 1968 г. в совхозе Халкабад Янгюльского района Ташкентской области³⁴, заставили власти пойти на уступки. 30 мая 1968 г. Постановлением Президиума ВС СССР снимались все ограничения в отношении турок-месхетинцев, курдов, хемшинов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузии, и признавалось их право на выбор места жительства в пределах страны³⁵. Однако фактически это постановление не действовало и положение месхетинцев не изменилось.

Спустя 6 месяцев после выхода постановления ни одному месхетинцу не разрешили проживать на территории Грузии³⁶. Ф.Д. Бобков утверждал, что грузинские руководители (как В. Мжаванадзе, так и Э. Шеварднадзе) препятствовали возвращению месхетинцев, аргументируя это решение тем, что, мол, «земли месхетинцев уже заняты другими, во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой и поэтому пограничники возражают против их возвращения»³⁷.

Только после того, как 9 января 1974 г. Президиум ВС СССР принял указ о праве турок-месхетинцев на местожительство в любом районе СССР, Грузия стала принимать на постоянное местожительство отдельные семьи месхетинцев, но в различные районы республики, чтобы избежать их концентрации в каких-либо местах. В апреле 1979 г. ЦК КП Грузии принял постановление о репатриации месхов в Грузию. Стали создавать сёла, где могли бы проживать месхетинцы³⁸. Однако ситуация не менялась, и в основной своей массе турки-месхетинцы продолжали проживать в Узбекистане, где межнациональное противостояние турок с местным населением не являлось секретом для власти. Трагедия 23 мая – 6 июня 1989 г. в Фергане неумолимо приближалась.

Схожую с месхами судьбу разделили и курды, которые были депортированы в 1937 г. из Армении и Азербайджана, а в 1944 г. – из Грузии и которых ещё в 1956 г. ЦК КПСС обещал вернуть в Азербайджан и создать там автономную республику. Однако азербайджанское руководство выступило против курдской автономии, центр не настаивал, и бесконечные обращения курдов в 1960-е – начале 1980-х гг. о возвращении их из Казахстана и Средней Азии, куда они были депортированы, существенного изменения в их положение не внесли³⁹. Не разрешили вернуться в родные места и грекам⁴⁰.

Таким образом, конфликты «крымского» типа (может быть предложена формулировка «конфликт депортационно-реабилитационного типа»), связанные со стремлением ранее депортированных народов восстановить своё прежнее

положение, устранить национальное неравенство, в конечном счёте, занять в иерархии советских народов более достойное место, существенно ослабляли межнациональные отношения в различных регионах страны: Узбекистане и Киргизии, Казахстане и Грузии, Крыму и Поволжье. Эмиграция немцев в ФРГ, апелляция крымских татар и месхов к мировой общественности выводили эти конфликты на международную орбиту.

Несложно доказать, что к данному типу конфликтов можно причислить и принимавшую в рассматриваемый период опасные, насильственные формы конфронтацию между рядом дагестанских этносов, переселённых с высокогорных районов, и чеченцами, на земли которых они были поселены. Противостояние возникло сразу же после возвращения чеченцев из ссылки и усиливалось в 1970-е – первой половине 1980-х гг. в Хасавюртовском, Казбековском, Новолакском районах Дагестанской АССР. Председатель КГБ В.М. Чебриков в декабре 1983 г. докладывал руководству страны о намерениях чеченцев в Дагестане организовывать «массовые сборища», о случаях самовольного захвата чеченцами земель под застройку, об участившихся конфликтах между чеченцами и «другим населением республики», в частности аварцами и лакцами. Органами КГБ в Хасавюрте была пресечена деятельность двух молодёжных группировок, участники которых обсуждали вопросы «ущемлённого положения чеченцев в Дагестане»⁴¹. В январе 1984 г. секретарь Дагестанского обкома партии М. Юсупов в письме в ЦК подтвердил данные КГБ, отметив при этом, что «требования о восстановлении Ауховского района усилились в последние 3–4 года». Чеченцы, указывал он, пишут обращения в государственные органы власти, вовлекают в это движение молодёжь, а «30 семей самовольно захватили земли под дома»⁴².

Равными по остроте и напряжённости являлись этнополитические конфликты, связанные с территориальными претензиями этносов. В науке уже утвердилось название таких конфликтов – «этнотерриториальные». Подобного рода конфликты вызывались различными причинами, поэтому целесообразно было бы выделять, к примеру, «этнотерриториальные конфликты, возникшие в процессе депортации народов», «этнотерриториальные конфликты, вызванные историческими причинами» и т.д.

Классическим межнациональным конфликтом, истоком которого явилось перераспределение в процессе депортации и реабилитации народов в СССР в 1940–1950-е гг. земель и границ между вновь воссозданными и существовавшими ранее национальными автономиями, был конфликт между осетинами и ингушами на Северном Кавказе.

В октябре 1972 г. 4 930 ингушей из Чечено-Ингушской АССР (ЧИ АССР,) Северо-Осетинской АССР (СО АССР), Кабардино-Балкарской АССР направили в высшие государственные органы

страны письмо с требованием вернуть им правобережную часть г. Орджоникидзе, Пригородный район со всеми населёнными пунктами, Кескеленские хутора, земли у станицы Вознесенской, с. Ольгинское, аул Гвелети⁴³. Характер открытого противостояния между осетинами и ингушами за «земли отцов» подтверждали факты убийств и поджогов домов на этнической почве, выселения и запрета ингушам прописываться и покупать дома в Пригородном районе, угона лошадей⁴⁴. Такие активисты ингушского движения, как журналист А. Костоев, писатель И. Базоркин, видели позитивное решение конфликтной ситуации в выходе Ингушетии из состава ЧИ АССР, создании Ингушской АССР с центром в правобережной части города Орджоникидзе. В качестве второго варианта ими же рассматривалось создание Осетино-Ингушской АССР с центром в г. Орджоникидзе⁴⁵. Таким образом, в этнотерриториальном конфликте явно ощущались и элементы статусного типа этнических конфликтов.

События 15–18 января 1973 г. стали закономерным следствием сложившейся на Северном Кавказе взрывоопасной ситуации. Ингуши, требовавшие возврата Пригородного района, более трех суток держали здание обкома КПСС в Грозном в осадном положении, а «районы Ингушетии бросили работу и все население находилось в Грозном»⁴⁶.

Противостояние из-за спорных территорий сохранялось и в последующие годы, и в конце концов привело к новому взрыву в 1981 г. 24–26 октября в Орджоникидзе прошли антиингушские выступления осетинского населения. Только войска сумели остановить толпу радикальных демонстрантов, двинувшихся на ингушские районы⁴⁷. Мирного пути разрешения осетино-ингушского конфликта к этому времени, пожалуй, уже не существовало, и вряд ли можно согласиться с мнением известного учёного А.Г. Здравомыслова, который утверждал, что «несмотря на наличие социально-психологических предпосылок конфликта, в 80-е годы ещё сохраняется возможность мирного решения вопроса на основе традиций кавказского добрососедства»⁴⁸. Острота отношений между осетинами и ингушами во второй половине 60-х – начале 80-х гг. была очевидна и для советского руководства, ограничивающего поле своей деятельности пресловутым «изучением вопроса», стремящегося избежать радикальных и решительных шагов по разрешению конфликтной ситуации и законсервировать её в вялотекущей стадии.

«Классической» разновидностью этнотерриториальных конфликтов являлся армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха и Нахичевани.

Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской ССР, населённая в основном армянами, безусловно, являлась одной из наиболее напряжённых точек

межнационального противостояния в период «развитого социализма». По переписи 1979 г., в НКАО, население которой составляло 162 тыс. человек, проживало 123 тыс. армян (75,9%), 37 тыс. азербайджанцев (22,8%)⁴⁹. Протесты, заявления, петиции армян, проживавших в Карабахе, Армянской ССР и других союзных республиках, о передаче НКАО в состав Армении стали привычными для высших государственных органов страны.

24 апреля 1965 г., в связи с 50-летием геноцида армян в Турции, в Ереване состоялось несанкционированное стотысячное шествие под лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос». Как сообщал председатель КГБ В. Семичастный, «отдельным националистически настроенным лицам» удалось использовать этот день «для поднятия территориального вопроса»⁵⁰.

И после события 24 апреля в КГБ Армении продолжали поступать сведения о нездоровых процессах, проходящих в интеллигентской и студенческой среде. В ноябре 1966 г. заместитель председателя КГБ СССР С. Банников сообщал в ЦК КПСС, что в Армении продолжают создаваться различные группы, ставящие задачей «побудить население к массовому выступлению за присоединение к Армении Нагорно-Карабахской автономной области и Нахичеванской АССР, а также Ахалкалакского и Ахалцикского районов Грузии»⁵¹. За 1965–1966 гг. в Армении было зафиксировано 277 случаев распространения листовок. Органы госбезопасности пресекли деятельность нескольких националистических организаций: «Армянского молодёжного союза», «Общества по армянскому вопросу», националистической группы из 20 человек в Вединском районе⁵².

Ненормальность ситуации, по мнению армянской стороны, заключалась также и в положении Нахичеванской АССР, которая, «будучи расположена на армянской территории, входит в состав Азербайджана на правах автономной республики, хотя надлежало бы быть наоборот, т.е. иметь азербайджанское автономное управление в составе Армении»⁵³ (по данным переписи 1979 г., в Нахичеванской АССР с населением в 240 тыс. человек азербайджанцы составляли 95,8% (230 тыс.), а армяне – 1,4% (3,4 тыс.)⁵⁴. Если азербайджанская позиция исходила из принципа невозможности изменения границ между республиками и неприкосновенности и неотчуждаемости этнических территорий, то армяне ставили перед советскими властями резонный вопрос: «Почему воссоединение украинских, белорусских, среднеазиатских земель рассматривается как бесспорно законное дело и встречает всеобщее одобрение, а воссоединение Нахичевани и Карабаха с Советской Арменией признаётся нецелесообразным и разговоры о нём характеризуются как националистическое явление?»⁵⁵.

Отношения между армянами и азербайджанцами оставались очень напряженными весь рассматриваемый период. На отношения между этно-

сами влияли самые безобидные, на первый взгляд, события. К острой вспышке еще только словесной войны между двумя республиками привёл выпуск почти одновременно в Баку и Ереване «научных» трудов, доказывающих, что библейский Ной, оставивший следы своего пребывания во время потопа на горе Арарат, был по национальности в одном случае армянином, в другом – азербайджанцем. Специальная комиссия из Москвы выезжала в национальные республики мирить ссорящиеся стороны⁵⁶. Желание власти оставить «всё на своих местах» подчёркивало в данном случае не только «застойный» характер всей политической линии государства, но и наличие «двойных стандартов» в советской национальной политике.

Применительно к рассматриваемому периоду можно с уверенностью говорить о росте антирусских настроений в национальных республиках и выделять данный процесс в особого рода межэтнический конфликт. Следует согласиться, что «исторически русофобия выростала из установок на победу социализма в мировом масштабе, на слияние наций в ходе социалистического строительства и из взгляда на русский народ лишь как на средство для достижения этой цели»⁵⁷.

Власть, безусловно, была осведомлена о широком распространении русофобии на местах. Посредником между властью и этносами в данном случае зачастую выступала печать, прежде всего центральная партийная пресса. Газета «Правда», к примеру, составляла регулярные сводки писем из национальных регионов и под грифом «совершенно секретно» направляла в ЦК КПСС.

К примеру, Л. Мельникова из Чимкентской области писала в газету о том, что у них «в Арыси русских третируют, как хотят... все более-менее ответственные посты в руках казахов. Даже милиционеры открыто нам говорят: «Зачем приехали в Казахстан, возвращайтесь в свою Россию»⁵⁸. В 1983 г. из Алма-Аты приходили письма, повествующие о том, что русские там живут «в душной, уродливой обстановке местного казахского национализма, который пышно расцвёл в годы правления Д.А. Кунаева»⁵⁹. Группа военнослужащих из Северо-Осетинской АССР утверждала, что «национализм в Орджоникидзе процветает довольно пышно», участились случаи нападения и даже убийства, жертвами которых, «как правило, становятся русские»⁶⁰. Из Еревана сообщали о нежелании молодых людей армянской национальности работать, «аргументирующих» своё поведение заявлениями о том, что «пусть русские работают». В письмах из Узбекистана встречаются упоминания о фактах открытого призыва к русским: «Убирайтесь в свою Россию»⁶¹. Кульминацией русофобских настроений можно считать взрывы трёх бомб в Москве, осуществлённые членами подпольной армянской националистической группы – Степаняном, Багдасаряном, Затикяном, которые признали на следствии, что приехали в Москву бороться с русскими людьми⁶².

Вероятно, наибольшее распространение антирусские, даже антиславянские (поскольку «русскими в Литве называют не только русских, но и белорусов, украинцев»⁶³) настроения приобрели в прибалтийских республиках. Прежде всего обращает на себя внимание «преднамеренно недоброжелательное» отношение к русским. Только «побывав в Эстонии, Латвии и Литве, начинаешь понимать, – писала в «Правду» в сентябре 1973 г. группа москвичей, – что такое национализм. Спрашиваешь в магазине по-русски – молчат...»⁶⁴.

Не были исключением и автономии, входившие в состав РСФСР. Не случайно Ю.В. Андропов в августе 1974 г., получив письмо из Уфы от «группы коммунистов», счёл необходимым особо обратить внимание руководства страны на излагавшиеся в нём факты русофобии, выразившиеся «в отходе от русского языка, замещении руководящих должностей национальными кадрами, предоставлении лицам местной национальности льгот при поступлении в вузы, в неуважительном отношении к русским», причём «неофициальный толчок» этому давался «местными руководителями»⁶⁵.

Сложным было положение русских на Северном Кавказе. Так, член СП СССР З. Мутамебов из Грозного в своём обращении в ЦК приводил факты убийства «чеченским бандитом» министра лесного хозяйства республики Колотушкина, русского по национальности, жестокого избивания «ингушским бандитом» полковника Байбакова. Русским, пишет Мутамебов, предлагают: «Уходите в Россию, оставьте Кавказ для кавказцев»; происходит нападение «чеченского населения одного села на русское население в Заводском районе Грозного, антиосетинские волнения в ингушских селах и районах»⁶⁶.

Это вынуждало «граждан других национальностей, особенно русских, ...выезжать за пределы республики». К примеру, из одного Сунженского района ЧИ АССР в начале 1970-х гг. выехало около 9 тыс. русских, причём в первом квартале 1973 г. – 780 человек⁶⁷.

Русофобией были заражены прежде всего национальные правящие элиты, точнее «титульные кланы», которые для облегчения управляемости не только стремились к ассимиляции национальных меньшинств в своих республиках, но и, безусловно, были готовы использовать национальную консолидацию в целях борьбы с «русским» центром. Яркий пример являет собой «рашидовский» клан в Узбекистане. Его представитель вице-президент Академии наук УзССР М. Муминов «под соусом суверенности республики» исповедовал «махровый национализм», «исподволь развивая в подрастающем поколении ненависть к русским». Другой родственник Рашидова, У. Арипов, был известен своей деятельностью, заключавшейся «в вытеснении всех русских профессоров из стен медицинского института». К. Зуфаров был в своё

время снят с должности ректора мединститута за создание в стенах учебного заведения антирусского общества «Любителей гор и долин». Председатель Госплана Узбекской ССР, член Академии наук и ближайший друг Рашидова С. Зиядуллаев рассказывал «в узких кругах антисоветчину и анекдоты о «белых ушах» – русских», а сын Рашидова «через несколько дней после демонстрационного выступления против русских на стадионе «Пахтакор» лично разбрасывал националистические листовки в старом здании театра эстрады»⁶⁸. Вряд ли отличался от рашидовского клан Усубалиева в Киргизии, где подбор и расстановка кадров проводилась «по родоплеменным признакам», причём «на многие ключевые позиции выдвинуты родственники ранее репрессированных националистов»⁶⁹. Политика национальных кланов, «густо замешанная» на коррупции и других пороках советской системы, неизбежно должна была привести и приводила к нарастанию в их действиях сепаратизма, стремлению освободиться от опеки центра и получить полную свободу в управлении «своей республикой».

Наличие широкого противостояния в национальных республиках между русскими (причисление к ним славянских народов с теоретической точки зрения мало что меняло по сути) и титульными этносами позволяет сделать вывод об «особости» подобного рода конфликтов и невозможности их отнесения к межобщинным этническим конфликтам. К тому же этнический компонент в данном случае играл ещё и роль «оболочки», «внешней стороны», «обрамляющей рамки» протеста элит титульных этносов против «всемогущества» центра.

Показательным примером этнического конфликта межобщинного типа можно считать острые отношения между азербайджанцами и грузинами в Грузии. Азербайджанцы из Грузинской ССР сообщили в 1972 г. в Верховный Совет о том, что «проживавшие в Грузии другие национальности» никогда не испытывали «такого морально-духовного давления, оскорбления и национального ограничения раньше, чем в настоящее время», а «лозунг «Дружба между народами» превращается в скрытой форме в национальную ненависть друг к другу»⁷⁰. В районах Думаниси, Болониси, Марниули, Кардабани, Тетро-Цхари, представляющих места компактного проживания азербайджанского населения, руководящие посты заняли грузины, «которые не знают языка местного населения», «все районные газеты переименованы грузинским именем и 50% текста газеты издается на грузинском языке», «имеющиеся в этих районах средне-педагогические и сельскохозяйственные техникумы были ликвидированы». Грузинские азербайджанцы в связи с этим предлагали, чтобы все районы, где они составляли большинство, стали «автономными» и развивались бы «под руководством своих местных кадров без «национализации» грузинами»⁷¹. В литературе того времени был начат анализ подобного

рода конфликтов. К примеру, А.В. Шубин полагает, что в России в 70–80-е гг. XX в. существенную роль играл конфликт между формирующейся этнической общностью «южан» и коренным населением⁷².

Классический пример статусного типа межнациональных конфликтов являл собой грузино-абхазский конфликт.

В августе 1972 г. председатель КГБ СССР Ю. Андропов направил в ЦК КПСС письмо группы коммунистов из Сочи, в котором первый секретарь Абхазского обкома партии В. Кобахия характеризовался как «узколобый националист, организатор националистических бунтов», как «предводитель воинствующих националистов, провоцирующих народ лозунгами: «Абхазия – для абхазов», «Предоставление Абхазии прав союзной республики». Имелись указания на то, что Кобахия «организовал в Сухуми открытые националистические бунты абхазского населения»⁷³. После проверки данных фактов в ЦК КПСС были вынуждены признать, что «Кобахия... проходит мимо фактов националистических проявлений»⁷⁴. В марте 1967 г. в Абхазии в течение двух недель проходили массовые выступления с требованием приоритетного развития абхазского языка, предоставления абхамам привилегий в трудоустройстве и при поступлении в вузы, а также преобразования автономии в союзную республику. Аналогичные выступления зафиксированы и весной 1978 г. в связи с включением в конституцию Абхазии трёх государственных языков – абхазского, русского, грузинского⁷⁵. Парадокс ситуации заключался в данном случае в том, что абхазские националисты, требуя в Абхазии исключительных прав для абхазов вплоть до создания своей собственной республики, в Грузии наталкивались на подобные суждения грузинских националистов.

Впрочем, не всегда проблема национально-государственного статуса обязательно вела к конфликту или способствовала перерастанию конфликта в стадию противостояния этноса и власти.

К примеру, в 1983 г. в Совет национальностей обратился Г.М. Никонов из Ростова-на-Дону с предложением образовать автономию для цыган, которые насчитывают «не меньше, чем, допустим, эвенки, которые имеют свою автономию»⁷⁶. После достаточно пристального изучения проблемы в Совете национальностей было принято решение о нецелесообразности постановки вопроса о какой-либо автономии для цыган, поскольку они «не живут крупными компактными поселениями в определённых регионах, а расселены небольшими по численности группами по многим республикам и областям страны»⁷⁷. Это решение не вызвало особенной реакции со стороны «заинтересованного» этноса.

В 1970-е гг. существенным фактором обострения межнациональных отношений стало формирование и развитие еврейского национального движения, или, точнее, движения отказников.

Времена борьбы с космополитизмом, когда советское руководство вынуждено «критиковать» местных чиновников за то, что «поняли разоблачение космополитов как сигнал к борьбе со всем еврейским населением»⁷⁸, давно миновали. Однако усиленно эксплуатируя идею притеснения и неравноправного положения евреев в СССР, значительная часть этноса начала кампанию за выезд из страны, что, безусловно, повлияло как на усилившееся недоверие к еврейскому народу, зачастую принимавшее форму антисемитизма, так и на возраставшую этническую замкнутость тех евреев, которые оставались в СССР. Власть стремилась свести проблему еврейской эмиграции к частным фактам несогласия отдельных советских граждан еврейской национальности с советским образом жизни, объяснить это сионистской пропагандой, показать, что социальных и национальных корней это явление не имеет.

Аргументы тех, кто требовал обеспечить право евреев на беспрепятственный выезд из СССР, сводились к простейшему умозаключению: «СССР не является еврейским государством. Еврейская автономная область вообще не является государством. Существует одно еврейское государство – Израиль... Запретить им выезд в Израиль – ...лишить их права на самоопределение»⁷⁹.

Сторонники движения отказников резко выступали против того, что «официальная пропаганда распространяет недоброжелательные и необоснованные сведения об идее репатриации и о сионизме». «Сионизм, – подчёркивали в своём обращении от 20 мая 1971 г. в Президиум ВС СССР один из лидеров Комитета защиты прав человека в СССР В.Н. Чалидзе, академик А.Д. Сахаров и один из будущих руководителей возникшей в 1973 г. русской секции «Международной амнистии» А.Н. Твердохлебов, – это не более чем идея еврейской государственности..., возрождение и устранение трагических для еврейского народа последствий расселения и есть цель сионизма»⁸⁰. Однако, как сообщал в ЦК КПСС в 1972 г. академик М.А. Коростовцев, исполнявший обязанности председателя комиссии по координации научной критики сионизма при Президиуме АН СССР, среди ряда исследователей в этот период преобладала установка, «будто сионизм возник из-за стремления евреев к мировой власти», а империализм является порождением сионизма, который, в свою очередь, имеет своим истоком иудаизм, «худшую из религий». Коростовцев полагал, что в подобного рода работах содержатся «обидные для евреев выпады», а их авторы «ставят целью активизировать выезд евреев из СССР, считая их всех потенциальными «предателями». Поэтому и критика сионизма должна вестись так, чтобы удар приходился по еврейскому буржуазному национализму, а не по евреям»⁸¹.

Еврейское население страны неоднозначно относилось к данной проблеме. Так, полковник

Советской Армии из Волгодонска еврей В.Л. Фельдман полагал, что «необратимый процесс добровольной ассимиляции еврейского населения в СССР стал закономерностью и обрёл форму политического, экономического, культурного и демографического слияния евреев с другими братскими народами Советского Союза». Автор письма предлагал советским властям «во имя межнационального доверия» к евреям запретить эмиграцию и создать антиссионистское общественное движение, задачами которого должны стать борьба с «концепциями сионизма», «двойного гражданства» и «двойного патриотизма», борьба против эмиграции, «пропаганда и распространение идей советского патриотизма и добровольной ассимиляции еврейского населения в среде братских советских народов»⁸².

По официальным сведениям, эмиграционный поток из СССР с 1967 г. привёл к отъезду около 800 тыс. евреев, из них около 500 тыс. переехали в Израиль, остальные – в западные страны, главным образом в США. В рассматриваемый период эмиграция трижды достигала максимального уровня: в 1973 г. выехало 33 500 человек, в 1978 г. – 36 000, в 1979 г. – 51 300⁸³. Впрочем, достаточно аргументирована позиция тех исследователей, которые рассматривают еврейское национальное движение прежде всего как «культурное и политическое течение, сыгравшее важную роль в кризисе и гибели советского строя»⁸⁴. По своему характеру движение отказников ближе к движению диссидентов и правозащитников, а этнический компонент в данном случае выступал как форма, в которую был облечён протест против советской системы.

Таким образом, несмотря на широкообещающие и успокоительные заверения советского руководства о торжестве дружбы народов и ленинской национальной политики, об успешном завершении создания в СССР «советского народа – новой исторической общности людей», об отсутствии межнациональных противоречий в стране, на деле сфера межнациональных отношений представляла собой крайне сложную и противоречивую систему взаимоотношений этносов, более похожую на бурлящий и готовый к взрыву этнический котёл. В 70-е и первой половине 80-х гг. XX в. практически завершился процесс национального обособления союзных республик и сформировалось несколько линий межнациональных противоречий: между титульными нациями и национальными меньшинствами (противоречие многослойное, поскольку необходимо учесть, что титульные нации были ещё и в автономных республиках, входивших в союзные), между русскими и русскоязычными, с одной стороны, и «коренным населением» – с другой. Сформированы и передовые отряды в «борьбе за независимость» – национальные элиты, национализм которых был к тому же хорошим прикрытием их коррупционности и клановости. Межнациональному спокойствию мешали и не-

завершённый процесс реабилитации ряда ранее депортированных народов, и неустранённые территориальные претензии между когда-то переселившимися этносами. Политика консервации межнациональных противоречий, «устранения» их путём принятия бесконечных постановлений об усилении интернационального воспитания и проверок «эффективности» этих постановлений на местах комиссиями из центра себя исчерпала. Деятельность органа государственной власти, отвечающего за проведение политической линии в межнациональных отношениях, – Совета национальностей – сводилась преимущественно к участию в реализации намеченных политбюро и ЦК мероприятий в области национальных отношений и посреднической деятельности в конфликтных ситуациях, возникающих между властью и этносами. Это приводило к тому, что в огромной многонациональной стране практически не было ни одной государственной организации, которая бы эффективно занималась разрешением назревших проблем в данной сфере. К середине 1980-х гг. в СССР существовали все те межэтнические конфликты, которые в большинстве своём вскоре перерасли в вооружённые этноконфессиональные столкновения и даже войны. Предпосылки «национального взрыва», приведшего к краху союзное государство, были налицо.

Примечания

- 1 *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996. С.10–11, 71.
- 2 *Сикевич З.В.* Национальное самосознание русских. М., 1996. С. 53.
- 3 См.: Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 1999. С. 132–135; *Глухова А.В.* Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997. С. 121.
- 4 См.: *Степанов Е.И.* Ориентиры этноконфликтологического мониторинга // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1993. Вып. 3. С. 28–38.
- 5 См.: *Паин Э.А., Попов А.А.* Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1. С. 32.
- 6 *Дробижева Л.М.* Интеллигенция и национализм // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 72–80.
- 7 *Стещенко Л.А.* Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие. X–XXI вв. М., 2002. С. 252.
- 8 Проблемы управления в сфере межнациональных отношений (предпосылки и формы разрешения межнациональных конфликтов). Саратов, 1998. С. 177.
- 9 См.: *Пыжиков А.В.* Хрущёвская «оттепель». М., 2002. С. 177–215; *Шубин А.В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М., 2001. С. 134–146; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 1999. С. 463–474; *Козлов В.А.* Массовые беспорядки

- в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.
- ¹⁰ Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 22.
- ¹¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 5, оп. 66, д. 139, л. 42.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. Р-7523, оп. 109, д. 93, л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 7.
- ¹⁴ Там же. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Л. 19, 20.
- ¹⁶ Там же. Л. 82.
- ¹⁷ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992. С. 97–98.
- ¹⁸ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 300–303.
- ¹⁹ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 109, д. 93, л. 97.
- ²⁰ Там же. Оп. 117, д. 531, л. 2–3.
- ²¹ Там же. Д. 637, л. 160.
- ²² Там же. Оп. 106, д. 968, л. 8.
- ²³ Там же. Оп. 83, д. 1136, л. 93.
- ²⁴ Там же. Оп. 106, д. 968, л. 11.
- ²⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 105, л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 4–5.
- ²⁷ Там же. Л. 14.
- ²⁸ Там же. Л. 14.
- ²⁹ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 117, д. 637, л. 7.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 306. См. также: ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 145, д. 2142, л. 14.
- ³² РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 112, л. 2, 3, 5.
- ³³ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 83, д. 492, л. 17.
- ³⁴ Там же. Оп. 121, д. 49, л. 21, 22.
- ³⁵ Там же. Л. 27.
- ³⁶ Там же. Л. 28, 29.
- ³⁷ Бобков Ф. Д. Указ. соч. С. 310.
- ³⁸ ГАРФ, ф. Р-9654, оп. 6, д. 123, л. 51.
- ³⁹ Там же. Д. 114, л. 10.
- ⁴⁰ Там же. Д. 327, л. 2.
- ⁴¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 89, д. 874, л. 5.
- ⁴² Там же. Л. 10.
- ⁴³ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 528, л. 90, 99.
- ⁴⁴ Там же. Д. 565, л. 61.
- ⁴⁵ Там же. Л. 67, 68.
- ⁴⁶ РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 139, л. 8.
- ⁴⁷ См.: Источник. 1995. № 6. С. 151.
- ⁴⁸ Здравомыслов А.Г. Осетино-ингушский конфликт: перспективы выхода из тупиковой ситуации. М., 1998. С. 45.
- ⁴⁹ Брук С.И. Население мира. М., 1981. С. 216.
- ⁵⁰ РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 462, л. 95.
- ⁵¹ Там же. Оп. 58, д. 19, л. 31.
- ⁵² Там же. Л. 31–34.
- ⁵³ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 121, д. 49, л. 6.
- ⁵⁴ Брук С.И. Указ. соч. С. 215.
- ⁵⁵ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 121, д. 49, л. 56.
- ⁵⁶ Грачев А. Кремлёвская хроника. М., 1994. С. 34–35.
- ⁵⁷ Вдовин А.И. Российский федерализм и русский вопрос. М., 2001. С. 62.
- ⁵⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 75, д. 259, л. 3.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 83, д. 10, л. 11.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 75, д. 259, л. 3.
- ⁶¹ Там же. Л. 6, 7.
- ⁶² Алексеева Л. Указ. соч. С. 77–78; Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 288–291.
- ⁶³ РГАНИ, ф. 5, оп. 66, д. 109, л. 20.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 5, оп. 66, д. 109, л. 20.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 67, д. 971, л. 113, 114.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 66, д. 139, л. 3, 4, 5, 6.
- ⁶⁷ Там же. Л. 35.
- ⁶⁸ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 101, л. 62, 63, 64.
- ⁶⁹ РГАНИ, ф. 5, оп. 64, д. 70, л. 78.
- ⁷⁰ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 930, л. 8.
- ⁷¹ Там же. Л. 14.
- ⁷² Шубин А.В. Указ. соч. С. 145.
- ⁷³ РГАНИ, ф. 5, оп. 64, д. 70, л. 18, 19.
- ⁷⁴ Там же. Л. 42.
- ⁷⁵ См.: Козлов В.А. Указ. соч. С. 404–405.
- ⁷⁶ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 136, д. 33, л. 192.
- ⁷⁷ Там же. Л. 194.
- ⁷⁸ Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 132, д. 118, л. 4, 5, 6, 7.
- ⁷⁹ ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 488, л. 9.
- ⁸⁰ Там же. Л. 51.
- ⁸¹ РГАНИ, ф. 5, оп. 73, д. 377, л. 2.
- ⁸² ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 106, д. 567, л. 9, 10, 14.
- ⁸³ Алексеева Л. Указ. соч. С. 131.
- ⁸⁴ См., напр.: Кара-Мурза С.Г. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М., 2002. С. 7.

УДК [9:355.48](37) «00»

ДАКИЙСКАЯ ВОЙНА ДОМИЦИАНА: ПОБЕДА ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ РИМА?

В.Н. Парфенов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории древнего мира
E-mail: vparfenov@list.ru

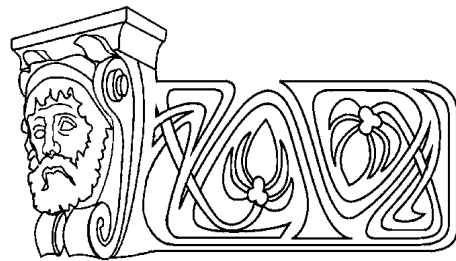
Дакийская война императора Домициана является одной из наиболее дискуссионных проблем истории ранней Римской империи. Автор анализирует причины и хронологию драматических событий на Нижнем Дунае, личную роль в них императора. Подчеркивается, что мирный договор Домициана и вождя даков Децебала соответствовал новой внешнеполитической концепции Рима и был выгоден для обеих сторон. В перспективе романизованная Дакия могла стать одним из важных элементов римской системы стратегической обороны. Однако после гибели Домициана ситуация радикально изменилась по инициативе нового императора. Траян в двух военных кампаниях разгромил даков и уничтожил царство Децебала. Тем самым римлянами была совершена крупнейшая стратегическая ошибка, в результате которой северо-восточная граница Империи стала намного более уязвимой для варварских вторжений.

The Dacian War of Domitian: Victory or Defeat of Rome?

V.N. Parfenov

The emperor Domitian's Dacian war is one of the most debatable problems of the history of the early Roman empire. The author analyzes the reasons and chronology of the dramatic Lower Danube events and the personal role of the emperor. It is emphasized that the peace treaty between Domitian and Decebalus, the leader of Dacians, corresponded to the new foreign policy concept of Rome and was favorable for both parties. In the long run, the romanised Dacia could become one of the most important elements of the Roman system of strategic defense. However, after Domitian's death the situation dramatically changed under the initiative of a new emperor. In two military campaigns Traian crushed Dacians and destroyed the kingdom of Decebalus. So, the Romans made a very serious strategic mistake, as a result of which the north-east border of the Empire became much more vulnerable for barbarous intrusions.

Война Рима с даками при Домициане (85–89 гг.) является одной из наиболее спорных проблем военно-политической истории ранней Империи. До настоящего времени дискуссионной является датировка основных событий войны, от времени ее начала до заключения мира. Проблема локализация этих событий. Нет единства мнений и в оценке условий мирного договора. Во многом эти затруднения объясняются характером источников. Они не отличаются полнотой: соответствующая часть «Истории» Тацита не сохранилась, от LXVII книги Диона Кассия остался только сжатый пересказ вместо оригинального текста. Именно эта эпитома дает нам основную информацию о ходе боевых действий и условиях

мирного договора². Необходимо, правда, сразу же указать на откровенную тенденциозность данного источника, отражающего ту точку зрения на Домициана и его политику, что прочно утвердилось в историографии, начиная с античности, с легкой руки Тацита.

В отечественной науке специальных работ на эту тему не существует. В трудах общего характера авторы чаще всего предпочитают либо кратко изложить фактическую сторону дела, либо принять точку зрения Т. Моммзена, который в свое время подчеркнул, что заключенный в результате этой войны мир с Децебалом зафиксировал фактическое поражение римлян³. Остается неясным, какие именно причины побудили императора пойти на заключение мира, оскорбительного, если согласиться с Т. Моммзеном и его адептами, для римской воинской чести и достоинства державы. При выяснении этих причин для начала необходимо рассмотреть ход основных событий этой войны.

Племена даков представляли потенциальную угрозу для балканских владений Рима со времени Августа, и даже раньше – после образования обширного племенного союза Биребисты (по определению Страбона, «великая держава» – *μεγάλη ἀρχή* (VII.3.11), территория которого занимала пространство таких современных стран, как Молдавия, Румыния, Болгария, часть Западной Украины, Буковина, Венгрия и Чехия. С даками намеревался воевать Цезарь, планируя свой восточный поход⁴. Этот проект не был осуществлен из-за гибели диктатора, но помнили о нем долго: упоминая Биребисту, Страбон как о чем-то общеизвестном добавляет, что против него собиравался предпринять поход «божественный Цезарь»: *Βυρεβίστας ἡρῆε τῶν Γετῶν, ἐφ' ὃν ἦδη παρεσκευάσατο Καίσαρ ὁ θεὸς στρατεύειν...* (ΣII.3.5)⁵.

К счастью для Рима, «держава» Биребисты, нестойкая, как и все подобные протогосударственные образования, распалась после гибели своего создателя (по иронии судьбы, это произошло практически одновременно с убийством Цезаря – около 44 г. до н.э.) на несколько частей. Это позволило римлянам взять инициативу в свои руки. Успешную военную кампанию против даков и их соседей провел проконсул Македонии М. Лициний Красс в течение 30–29 гг. до н.э.⁶ Военачальники Авгус-

та вели активные боевые действия за Дунаем, о которых, к сожалению, мы почти ничего не знаем из-за состояния источников⁷.

В дальнейшем даки (*Dacorum gens, numquam fida*, – лаконично характеризует их Тацит) вновь усиливаются и начинают испытывать римские границы на прочность. Так, в 69 г. они, воспользовавшись участием большей части римского гарнизона в гражданской войне, вторгаются в Мезию, захватывают зимние квартиры вспомогательных войск и собираются штурмовать легионные лагеря. Положение спасает VI легион, который двигался из восточных провинций в Италию и по пути получил приказ отбросить даков (*Tac. Hist. III.46.2*).

При Домициане даки берут на себя инициативу новой войны. Причины этого не вполне ясны, но сам ход боевых действий показывает, что это была типичная военная акция, характерная для племенных союзов времени распада родового строя и становления государственности. Такие объединения всегда отличаются повышенной агрессивностью. Во всяком случае, нет доказательств того, что даки собирались обосноваться в римских владениях надолго. С другой стороны, это был не просто грабительский набег, а крупномасштабное вторжение, борьба с которым изобиловала драматическими коллизиями и потребовала от Рима максимального напряжения сил.

Информация о том, почему «гордый и храбрый народ даков»⁸ по своей инициативе начал серию войн, которые в конечном счете привели к его истреблению, есть только в таком позднем источнике, как «Гетика» Иордана. По словам этого автора, даки (которых он именуется готами) разорвали союз с Римом, «страшась алчности Домициана»: *Domitiano imperatore regnante eiusque avaritiam metuentes foedus, quod dudum cum aliis principibus pepigerant, Gothi solventes* (*Iord. Get. XIII.76*).

К. Штробель с полным основанием отмечает, что эта «алчность» (*avaritia*) Домициана представляет собой общее место при характеристике «тирана», ставшей модной после падения последнего Флавия. Подлинная причина агрессивного поведения даков, по мнению германского исследователя, заключалась в ужесточении римской политики по отношению к обитавшим в приграничной зоне племенам и народам; но это ужесточение, в свою очередь, диктовалось государственными интересами, по крайней мере, в том виде, в каком их понимал Домициан⁹.

Новая военная акция даков была тщательно спланирована и явилась полной неожиданностью для римлян. Боевые действия начались со вторжения даков, которых вел Диурпаней, в римскую провинцию Мезию и опустошения ее. Это произошло, скорее всего, в середине 85 г.¹⁰ Видимо, поначалу римляне либо недооценили масштаб опасности, либо (что вероятнее) им

просто не хватило времени для концентрации всех наличных сил. Во всяком случае ясно, что, как отметил в свое время Э. Гроаг, они оказались совершенно неподготовленными¹¹. Наместник провинции Оппий Сабин с подразделениями всего двух легионов (*V Macedonica* и *I Italica*) выступил навстречу противнику и был наголову разгромлен¹². О масштабах поражения можно судить по тому, что сам командующий погиб в бою; если учесть особенности римской военной тактики, становится понятным, что боевые порядки римлян были полностью расстроены, и остается только удивляться тому, что в этом сражении ни одно из легионных знамен не досталось противнику (вероятно, они оставались в лагерях под присмотром оставленной там охраны).

Голову Сабина (*Romanos devictos, Oppii Savi- ni caput abscisum*. – *Iord. Get. XIII.76*) победители, скорее всего, отправили в качестве своеобразного извещения о победе тем племенам, в которых видели своих потенциальных союзников; по крайней мере, так поступил в свое время вождь восставших германцев Арминий с головой Квинтилия Вара (*Vell. II.119.5*). После победы даки опустошили провинцию вплоть до Понта Эвксинского и пытались штурмовать лагеря легионов¹³.

Когда известие о разгроме Сабина достигло Рима, император в сопровождении префекта претории Корнелия Фуска и по крайней мере части преторианской гвардии отправился на новый театр военных действий¹⁴. Новый командующий, Фуск, с тяжелыми боями сумел вытеснить даков с римской территории. О размахе боевых действий может свидетельствовать тот факт, что за 85/86 гг. Домициан получил как минимум шесть императорских аккламаций¹⁵. На театре военных действий он находился, пока не миновала их критическая фаза. Если верить недоброжелателям, изнеженный, ленивый и трусливый император занимался в одном из мезийских городов главным образом распутством (*Dio Cass. LXVII.6.3*). В действительности же сделав своей штаб-квартирой, вероятно, Наисс (совр. Ниш) как важнейший узел коммуникаций, Домициан энергично руководил кампанией, доверив непосредственное ведение боевых действий своим военачальникам, из числа которых, кроме Фуска, известны по эпиграфическим данным Л. Фунизулан Веттонин (*Inscriptiones Latinae Selectae* (далее – *ILS*). 1005 = *McCrum M., Woodhead A. G. Select Documents of the Principates of the Flavian Emperors, Including the Years of Revolution*. A. D. 68–96. Cambridge, 1961 (далее – *MW*). 307) и М. Корнелий Нигрин Куриаций Матерн (*L'Année Épigraphique* (далее – *AE*). 1973.331). Как отметил Г. Бенгтсон, Домициан «оказался настолько умен, что, сам оставаясь в хинтерланде, передал непосредственное руководство войсками надежным людям из своего генералитета. Отсюда он через свой штаб мог организовать все, в чем нуждался фронт. Однако он ни на мгновение не выпускал из

рук высшее руководство, и все, что происходило, происходило по его инициативе и на его ответственность»¹⁶. Только тогда, когда кризис миновал, император возвратился в Рим.

По словам Диона Кассия, Децебал, новый царь даков, через послов предложил Домициану мир. Вместо ответа император послал против него Корнелия Фуска во главе многочисленной армии (μετὰ πολλῆς δυνάμεως)¹⁷. Тогда Децебал присылает новое посольство с предложением, которое непредубежденного читателя поражает степенью той наглости, которую варвар позволил себе в отношении великой державы: царь даков заявил «в насмешку» (ἐν χλευασμῷ), что теперь он согласен заключить мир, если каждый римлянин будет ежегодно выплачивать ему по два обولا; в случае же продолжения военных действий он гарантировал римлянам колоссальные неприятности (μεγάλα κακά) (Dio Cass. LXVII.6.5).

По мнению К. Штробеля, здесь мы имеем дело с намеренной дезинформацией наших источников, нацеленных на дискредитацию Домициана. В действительности как Оппия Сабина, так и (впоследствии) Корнелия Фуска разгромил Диурпаней. Децебал же, который тогда был вождем одного из нескольких дакийских племен, с резиденцией в Сармицегетузе, не принимал в этом участия. Так как было ясно, что ответом на вторжение даков в Мезию будет мощный римский контрудар, то Децебал хотел путем договора на выгодных для себя условиях устранить угрозу Сармицегетузе и всей области, которой он управлял. Денежная компенсация должна была стать ценой его неучастия в римско-дакийском конфликте¹⁸.

Этому предположению не откажешь в логике и остроумии. К сожалению, сведения источников здесь противоречивы. Один автор утверждает, что Домициан послал армию Корнелия Фуска именно против Децебала (Диурпаней здесь вообще не упоминается): «Когда Децебал, царь даков, прислал к Домициану посольство с предложением мира, Домициан послал против него (εφφ' οὗ) Фуска с многочисленным войском» (Dio Cass. LXVII.6.5). Орозий же, напротив, (VII.10.4) пишет, что имело место сражение Фуска с Диурпанеем (см. ниже, прим. 21).

Безоговорочно выбрать одну из этих двух версий трудно. С одной стороны, вместо оригинального текста Диона Кассия мы здесь имеем эпитому византийского времени, так что полностью доверять содержащейся в ней информации было бы опрометчиво, тем более что и сам труд Диона Кассия был создан спустя более столетия после времени Домициана. С другой – Орозий прямо ссылается на такого надежного автора, как Тацит, который был современником этих событий и едва ли перепутал бы Диурпанею с Децебалом. Однако, как известно, неточности допускает и Тацит, тем более нельзя исключить таковые у Орозия. Поэтому, при всей убедительности ги-

потезы К. Штробеля, безоговорочно принять ее нельзя – не хватает данных.

Как бы там ни было, мирные предложения даков были отвергнуты, и римская армия, наведя понтонный мост из состыкованных друг с другом судов, переправляется через Дунай и вторгается в Дакию (Iord. Get. XIII.77).

Однако обещание вождя даков доставить римлянам много неприятностей было выполнено: в результате блестяще проведенной операции римская армия попала в ловушку где-то в горных теснинах Дакии и потерпела сокрушительное поражение. По замечанию Г. Бенгтсона, своей победой даки были обязаны прежде всего Децебалу, который проявил здесь себя как выдающийся стратег¹⁹. К. Штробель, как упоминалось выше, вслед за Орозием полагает, что Децебал в этом событии участия не принимал, и приписывает честь победы над римлянами Диурпанею. Во всяком случае масштаб поражения был впечатляющим: сам римский командующий погиб, военный штандарт (орел легиона или знамя преторианской гвардии) попал в руки противника²⁰. Римляне понесли такие потери, что, по уже упоминавшимся выше словам Орозия (VII.10.4), Тацит, следуя обыкновению многих римских авторов, предпочел умолчать о численности погибших²¹. Даками был взят и разграблен римский лагерь, оружие, военное снаряжение, артиллерия римского войска попали в руки победителей²².

Победа даков необычайно подняла их престиж среди варварских племен и резко осложнила обстановку на всей рейнско-дунайской границе империи. Принято считать, что такого удара Рим не испытывал со времен clades Variana, знаменитого поражения Вара в Тевтобургском лесу²³. Подробностей случившегося в Дакии мы не знаем. Предположение С. Гзеля о том, что римская армия была окружена противником²⁴, маловероятно – в таком случае от нее едва ли что-либо осталось. То обстоятельство, что, по имеющимся данным, в руки даков попало всего одно римское знамя, может свидетельствовать о том, что разгром не был полным, в отличие от случившегося с армией Вара, когда германцами были захвачены орлы и значки всех трех легионов. На ограниченные масштабы поражения указывают как дисциплинарные меры, предпринятые явно в отношении солдат из армии Корнелия Фуска, так и тот факт, что воины после поражения просили императора, чтобы он лично возглавил их, очевидно, в «акции возмездия» (Dio Cass. LXVII.6.6). В отличие от Августа в подобной ситуации, Домициан не собирался причитать: «Корнелий Фуск, верни легионы!»²⁵. Император адекватно отвечает на вызов: крупные силы были стянуты на угрожаемый участок, новым командующим назначается Теттий Юлиан, один из крупнейших военачальников времени Флавиев, уже имевший опыт военно-административного руководства

в этом регионе²⁶. Для большей оперативности руководства Мезия была разделена на две провинции, Верхнюю и Нижнюю.

После «антракта», который потребовался на подготовку нового наступления²⁷, крупные силы римлян вторгаются в Дакию и продвигаются (возможно, несколькими колоннами, по сходящимся направлениям²⁸) к Сармицегетузе, резиденции Децебала. Последний несколько раз предлагает мир, однако не получает ответа. В генеральном сражении при Тапах даки были разбиты. Подробности нам неизвестны, Ксифилин сообщает лишь, что Везина, второй человек в царстве Децебала (Ὀυεζίνιας, та δεύτερα μετὰ Δεκέβαλου ἔχων), до наступления ночи лежал на поле битвы, притворившись мертвым, чтобы получить возможность бежать (*Dio Cass. LXVII.10.2*). Однако после впечатляющей победы римляне приостановили свое продвижение к столице Децебала, и на этом военные действия фактически закончились²⁹. Объяснить это можно тем, что в данный момент обескровленными оказались обе стороны. Дион Кассий, правда, сообщает, что римляне были обмануты довольно примитивной военной хитростью Децебала, но в современной историографии эта информация считается недостоверной³⁰. Не вполне ясно, вывели ли римляне вслед за тем из Дакии свои войска или зимовали на ее территории. По предположению Р. Сайма (впрочем, довольно осторожно), «римляне остались зимовать на дакийской территории и готовились довести до конца свой триумф дальнейшим продвижением в направлении Сармицегетузы другой дорогой»³¹.

Точно так же неизвестно, когда именно был заключен мир. Большинство исследователей сходятся на том, что это произошло в 89 г., после подавления мятежа Антония Сатурнина, наместника Верхней Германии³². Новые мирные предложения правителя даков были приняты. Инициатива должна была исходить от Децебала, хотя бы потому, что он, по словам Диона Кассия, «находился в самом бедственном положении» (δεινῶς γὰρ ἐτέταλαί πορρησάτο). Правда, противореча самому себе, этот автор освещает события в ином ключе: «Когда Домициан потерпел поражение от маркоманов и бежал, он поспешно отправил послов к Децебалу, царю даков, и заключил с ним договор, на который раньше не соглашался, хотя тот часто просил его об этом» (*Dio Cass. LXVII.7.2*). Здесь, как и во многих других случаях, «эта версия, – как хлестко выразился Г. Бенгтсон, – отражает бездонную ненависть сенаторской клики» к Домициану и, видимо, имеет мало общего с действительностью³³.

Условия мирного договора заключались в том, что Децебал признавал свою зависимость от Рима и получал от Домициана царские инсигнии. Рим предоставлял Децебалу гражданских и военных специалистов и обязался выплачивать ежегодные субсидии (*Dio Cass. LXVII.7.3–4*). На первый взгляд

такие условия выглядят явно проигрышными для римской стороны (такowymi их и представляют наши источники) и нуждаются в удовлетворительном объяснении.

Это объяснение следует искать, во-первых, в сложившейся в рейнско-дунайском регионе стратегической ситуации, а во-вторых, в новой внешнеполитической концепции, которой придерживался император. Племенные союзы квадов и маркоманнов, которые считались римскими союзниками, не поддержали войну против даков. Возросла угроза со стороны сарматов-язигов, обосновавшихся в Паннонии. В случае продолжения боевых действий против Децебала, который уже зарекомендовал себя очень серьезным противником, для римлян вполне реальной становилась перспектива войны на два, если не более, фронта. В такой обстановке Домициан считал возможным дать положительный ответ на новое предложение мира со стороны даков.

Можно предположить, что внутреннюю уверенность в своей правоте он мог черпать не только из анализа сложившейся ситуации. Известно, что образцом правителя для Домициана был император Тиберий, сочинения которого были для последнего Флавия настольной книгой³⁴. Между тем известно, что Тиберий предпочитал решать возникавшие внешнеполитические проблемы «с помощью скорее ума, чем силы» (*plura consilio quam vi*) (*Tac. Ann. II.26.3*). Ситуация, в которой оказался Домициан после победы при Тапах, чем-то напоминала положение Тиберия в 6 г. н.э.³⁵ Тогда в тылу римской армии, которую Тиберий вел на царя маркоманнов Маробода, вспыхнуло Великое иллирийское восстание. Римскому полководцу пришлось срочно заключить мир с противником и заняться тушением грандиозного пожара на Балканах. Теперь, спустя восемь десятков лет, Домициану приходилось заключить мир с Децебалом, чтобы начать войну против маркоманнов и квадов, своих вероломных союзников: ситуация на Среднем Дунае выглядела более опасной, чем на Нижнем.

Компромиссный мир, который был встречен римским общественным мнением весьма неоднозначно, отнюдь не носил унижительного характера. Он означал установление спокойствия на Нижнем Дунае и давал возможность перебросить крупные силы на новый театр военных действий. Кроме того, появилась возможность реализовать новую модель взаимоотношений с царством Децебала, которое теперь становилось государством-клиентом Рима.

За образец Домициан мог взять римско-боспорские отношения, которые уже прошли испытание временем и эволюционировали в сторону внешнего, по крайней мере, либерализма со стороны великой державы. Именно при Флавиях меняется тип боспорских статов: портрет римского императора (уже без имени и титулатуры) с 80/81 г. перемещается на реверс, лицевую же

сторону занимает изображение боспорского царя с именем и царским титулом³⁶. Боспор начинает получать римские субсидии, которые целевым назначением идут на укрепление военного потенциала государства-сателлита³⁷. Если бы Дакийское царство стало вторым таким буферным образованием, стратегическое положение Римской державы на северо-востоке серьезно улучшилось бы. Политика экспансии и аннексий, как явно полагал Домициан, устарела и противоречила государственным интересам³⁸. «Наиболее эффективное (т. е. самое дешевое) решение должно было состоять в развитии надежной системы клиентских царств, поддерживаемых щедрыми субсидиями»³⁹.

В Риме мир с Децебалом был представлен как крупная победа императора (над даками Домициан отпраздновал два триумфа)⁴⁰. По сути дела, он и являлся таковой⁴¹. До самого конца правления Домициана даки сохраняли спокойствие. Римляне получили возможность через территорию Дакии кратчайшим путем перебрасывать войска против нового противника. Эта возможность была использована немедленно: сохранилась надпись из Гелиополя (Баальбека) в честь Г. Велия Руфа (ILS.9200 = MW.372), который по окончании боевых действий в Дакии провел римские войска через царство Децебала: *bello Marcomannorum Quadorum Sarmatarum adversus quos expeditionem fecit per regnum Decebali regis Dacorum...*

Наличие римских специалистов (то есть надежных источников информации для отправившей их в «логово врага» родины) в царстве Децебала позволяло прогнозировать и контролировать дальнейшее развитие ситуации. Интересно, что командированы были не только военные, но и гражданские инженеры различных специальностей (*δημιουργοὺς παντοίας τέχνης καὶ εἰρημικῆς καὶ πολεμικῆς*) (Dio Cass. LXVII.7.4). Таким образом, в перспективе Дакия могла превратиться в романизированное «буферное» государство, достаточно сильное, чтобы противостоять натиску варварских племен на этот (весьма уязвимый) сектор обороны Римской державы⁴².

Положение осложнила гибель Домициана в результате дворцового заговора в 96 г.: отношения клиентелы нуждались как минимум в подтверждении заинтересованных сторон. Но Траян испытывал сильное давление со стороны традиционалистов, к тому же по своим взглядам он был типичным «империалистом» в духе воззрений Тацита. Насколько можно судить, инициатива развязывания новой войны целиком и полностью принадлежала римской стороне. Дион Кассий (в изложении Ксифилина) аргументирует кампанию Траяна против даков тем, что «он принял во внимание их прежние действия, был недоволен тем, что они ежегодно получали деньги, и видел, как возрастают их силы и надменность» (LXVIII.6.1).

Германские союзники Рима отрицательно отнеслись к военной инициативе нового императора, очевидно, потому, что с их точки зрения для войны не было причин: «Когда Траян в своей кампании против даков приблизился к Тапам, где расположились лагерем варвары, ему принесли огромный гриб, на котором латинскими буквами было написано, что буры и другие союзники советуют Траяну возвратиться назад и заключить мир» (Dio Cass. LXVIII.8.1). Здесь замечательна прежде всего форма, в которую было облечено послание. К сожалению, реакция на него Траяна неизвестна, но, судя по его дальнейшим действиям, он проигнорировал как форму, так и содержание. Между тем в индоевропейской (в частности германской) мифологической традиции полисемантический образ гриба означал, в числе прочих значений, и стрелу громовержца, то есть «(божественную) месть, возмездие...»⁴³. Контекст послания явно означал, что римские союзники считают войну несправедливой и намекают, что агрессор получит неминуемое воздаяние со стороны если не людей, то богов.

Примечательно, что после своей первой дакийской кампании Траян, по сути дела, попытался возродить модель Домициана⁴⁴, однако без привлекательных для даков сторон (кнут, но без пряника)⁴⁵. Следствием явилась вторая война, гибель царства Децебала и самого царя, превращение Дакии в римскую провинцию. В плане исторической перспективы это решение трудно признать оправданным: спустя чуть более полутора веков римлянам все равно пришлось эвакуировать Дакию, но уже в значительно менее благоприятной стратегической ситуации⁴⁶. Начав агрессию против Дакии, Траян совершил роковую ошибку, расплачиваясь за которую пришлось уже отдаленным потомкам.

С другой стороны, накопленный дунайскими легионами при Домициане боевой опыт был использован Траяном, который поэтому и не знал столь тяжелых поражений, как его предшественник. Солдаты, в отличие от «отцов-сенаторов», вспоминали последнего Флавия с уважением и благодарностью. Один из ярких примеров тому – найденная в 1965 г. на некрополе античных Филипп надгробная стела Тиберия Клавдия Максима, украшенная рельефами и надписью. Ее хозяин прославился тем, что во вторую дакийскую кампанию Траяна захватил Децебала (точнее, его труп – царь даков успел покончить с собой) и доставил Траяну его голову (*cepisset Decebalum et caput eius pertulisset ei Ranisstor*), которую император продемонстрировал армии в качестве символа окончания войны⁴⁷. Автор надписи, ветеран VII Клавдиева легиона, был, по определению М. Спейдела, потомственным военным, родом из Филипп, откуда он и поступил на службу. Римское гражданство, судя по имени, должен был получить при Клавдии его отец или дед за службу во вспомогательных войсках. Для

нас здесь особенно примечательно то, что, несмотря на официальный запрет упоминать имя Домициана (*damnatio memoriae*) – и во многих надписях оно действительно либо не упоминается, либо уничтожено – Максим демонстративно подчеркивает, что он «в Дакийской войне был награжден императором Домицианом боевыми наградами за доблесть» (*bello Dacico ob virtute[m] donis donatus ab imp[eratore] Domitiano*)⁴⁸.

Таким образом, оценивая деятельность Домициана на дунайской границе (как, впрочем, и в других «горячих точках» Римского государства), можно согласиться с тем, что последний Флавий «самоотверженно и сознательно служил державе в ее трудный час. Если имперская оборона на Дунае не рухнула, то это главным образом личная заслуга Домициана»⁴⁹.

Примечания

- ¹ Расширенный вариант доклада, прочитанного на XIV Сергеевских чтениях (Москва, МГУ, 2 февраля 2005 г.).
- ² Дион Кассий оценивает противоборство римлян и даков при Домициане как «величайшую войну»: μέγιστος δὲ δὴ πόλεμος Ῥωμαίοις τότε πρὸς Δακοὺς ἐγένετο, ὧν τότε Δεκέβαλος ἐβασίλευε... (LXVII.6.1).
- ³ Ср.: Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. V. С. 193; Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. II. С. 472; Ковалева С.И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 540, 547; Машикин Н.А. История древнего Рима. М., 1949. С. 476 сл.; Колосовская Ю.К. Дунайские племена и их войны с Римом // История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 606–612; Она же. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. М., 2000. С. 68 слл. (чистая фактография).
- ⁴ «На северо-востоке возникло Дакийское царство, и постоянная угроза этой границе усилилась. Цезарь мыслил как крупный военачальник и основатель империи (*empire-builder*), решившись на эту войну; за счет победы в ней он мог решить и другие проблемы». (*Ehrenberg V. Caesar's Final Aims // Harvard Studies in Classical Philology* (далее – HSCPh). 1964. V. 68. P. 159)
- ⁵ Светоний (Iul. 44.3) отмечает, что этот поход планировался как акция возмездия за вторжение даков в римские пределы: «*Dacos, qui se in Pontum et Thraciam effuderant, coersere...*»
- ⁶ Интересно, что при Августе о победоносной дакийской кампании Красса умалчивали. Основная причина этого, по мнению А. Мочи, заключалась в том, что война против даков была неотъемлемой частью внешнеполитического наследия Цезаря, монополия на которое, как считал Август, принадлежала только ему. Красс, который дерзнул ее нарушить, был наказан забвением (*Mócsy A. Der vertuschte Dakerkrieg des M. Licinius Crassus // Historia*. 1966. Bd. 15. H. 4. S. 511–514. Cf.: *Richardson J.R. Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // Journal of Roman Studies* (далее – JRS). 1991. V. 81. P. 8).
- ⁷ Римские войска на рубеже двух эр (примерно с 6 г. до н.э. по 4 г. н.э.) провели ряд операций за Дунаем, о которых известно лишь по скудным упоминаниям в эпиграфических и нарративных источниках (ILS. 8965; RgdA. 30.2: *Tac. Ann. IV.44.1: Flor. II.28*). См. к этому: *Syme R. Danubian Papers*. Bucharest, 1971. P. 29 ff.; *Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика*. СПб., 2001. С. 176 сл. Видимо, эти боевые операции (подкрепленные активностью римской дипломатии) подразумевает Страбон (VII.3.12), отмечая, что в его времена грозный в дни Биребисты народ ослабел от внутренних раздоров и в результате действий римлян (ὑπὸ τε τῶνστάσεων καὶ τῶν Ῥωμαίων).
- ⁸ *Seyfarth W. Römische Geschichte. Kaiserzeit 1. 3. Aufl.* Berlin, 1980. S. 168.
- ⁹ По мнению К. Штробеля, не последнюю роль в эскалации конфликта должен был сыграть Оппий Сабин, новый наместник Мезии. В 84 г. он занимал должность ординарного консула вместе с самим Домицианом и, таким образом, может быть причислен к ближайшему окружению императора. В том же году Оппий Сабин получил мезийское наместничество и должен был проводить на Нижнем Дунае волю императора. В какой это осуществлялось форме – неизвестно, но пропагандирование всеми средствами побед Домициана в Германии и возможные намеки на предстоящую большую завоевательную войну должны были усилить недоверие и страх даков и вызвать их превентивную (с их точки зрения, явно спровоцированную) реакцию. (*Strobel K. Die Donaukriege Domitians*. Bonn, 1989. S. 37 ff.)
- ¹⁰ *Strobel K. Op. cit.* S. 42. Критику традиционной точки зрения, согласно которой вторжение даков должно было произойти зимой либо 84/85, либо 85/86 гг., см. *Strobel K. Op. cit.* S. 42. Anm. 30. Ср., напр.: *Fluss M. Moesia // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 2. Aufl (далее – RE). 1932. Hbd. 30. Sp. 2378; *Groag C. Oppius Sabinus // RE*. 1939. Hbd. 35. Sp. 745; *Weynand T. Flavius Domitianus = Imperator Caesar Domitianus Augustus // RE*. 1909. Bd. VI. Sp. 2561 f.
- ¹¹ *Groag. Op. cit.* Sp. 744 f.
- ¹² *Iord. Get. XIII.76; Suet. Dom. 6.1*. В Мезии тогда базировались следующие легионы: I Italica, V Macedonica, VII Claudia и, по всей вероятности, V Alaudae (*Syme R. Rhine and Danube Legions under Domitian // JRS*. 1928. V. 18. P. 45; *Alföldy G. Die Truppenverteilung der Donaulegionen am Ende des 1. Jahrhunderts // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* (далее – AArch). 1959. T. XI. Fasc. 1–4. S. 114). По мнению К. Штробеля, остальные войска из гарнизона Мезии просто физически были не в состоянии успеть на помощь I и V легионам, так что Оппий Сабин имел в своем распоряжении лишь «наскоро собранные боевые подразделения» двух легионов (*Strobel K. Op. cit.* S. 43). Оба этих легиона вместе со вспомогательными частями должны были насчитывать не более 20 тыс., но они вступили в бой заведомо неполным составом. Численность даков неизвестна, но она должна была значительно превосходить римскую; даже во времена кризиса на рубеже нашей эры они, по замечанию Страбона, все же были в состоянии выставить войско в сорок тысяч бойцов: ἵκανοὶ δ' ὅμως εἰσὶν ἔτι καὶ ἕννυ στέλλειν τέτταρας

μυριάδας (*Strab. VII.3.12*). Правда, надо учитывать, что во вторжении могли принять участие далеко не все дакийские племена. Так, по мнению К. Штробеля, племенной союз под руководством Децебала в данном конфликте оставался нейтральным (*Strobel K. Op. cit. S. 59 f.*).

- ¹³ По словам Тацита, оказались «под угрозой не только пограничные укрепления и берега Дуная, но и зимние лагеря наших войск, да и все наши владения в этих краях» (*nec iam de limite imperii et ripa, sed de hibernis legionum et possessione dubitatum*) (*Tac. Agric. 41.2*. Пер. А.С. Бобовича).
- ¹⁴ По наблюдению Ф. Миллара, в соответствии с устойчивой традицией в римской общественно-политической жизни, положение императора изначально было двойственным, как гражданским, так и военным. Соответственно те императоры, что не имели солидной военной репутации, стремились, оказавшись на троне, проводить крупные военные кампании (*Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B. C. to A. D. 378 // Britannia. 1982. V. 13. P. 22*). Но здесь имеет смысл особо отметить, что именно Домициан положил начало традиции личного участия императора в военных кампаниях. В этой связи Дж. Кэмпбелл приводит такую любопытную статистику. После испанской войны 26–25 гг. до н.э. Август никогда больше сам не командовал войсками. За исключением неудавшейся кампании Гая в Германии и кратковременного пребывания Клавдия в Британии, ни один император династии Юлиев-Клавдиев не руководил войной лично. Однако начиная с Домициана, с 81 по 192 гг. включительно, только два императора – Нерва, чье правление было кратковременным, и Антонин Пий – не воевали и не посещали армий в провинциях. После 193 г. и вплоть до смерти Максимиана Фракийца в 238 г. лишь Элагабал пренебрег уже сложившейся традицией (*Campbell J. V. The Emperor and the Roman Army. 31 B. C. – A. D. 235. Oxford, 1984. P. 57*). Б.У. Джонс тоже констатирует, что Домициан «фактически был первым императором, который провел значительную часть времени своего правления вне Рима, лично участвуя в своих военных предприятиях» (*Jones B. W. The Emperor Domitian. L., 1992. P. 126 f.*). М. Грант справедливо отметил, что в подобном поведении кроется одна из причин популярности этого императора в военных кругах: «Домициан был популярен среди солдат не только из-за того, что повысил им жалованье и подчеркивал их значение для государства, но прежде всего потому, что проводил с ними так много времени, больше, чем любой другой действующий правитель со времен триумвиров в предшествующем столетии» (*Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 218*).
- ¹⁵ *Weynand. Op. cit. Sp. 2564, 2566.*
- ¹⁶ *Bengtson H. Op. cit. S. 205.*
- ¹⁷ Иордан тоже подчеркивает, что против даков были брошены огромные силы: «Domitianus cum omni virtute sua Illyricum properavit et totius pene rei publicae militibus ductore Fusco praelato...» (*Get. XIII.77*). Ядром сконцентрированной против даков ударной группировки, руководство которой было поручено Корнелию Фуску, были, конечно, преторианские когорты. К ним постепенно подтянулись легионы: IV Flavia felix из соседней про-

винции Далматии, затем I Adiutrix из Верхней Германии и II Adiutrix из Британии. С Востока Г. Юлий Квадрат Басс привел два легиона — IV Scythica и XII Fulminata, а также вексиляции еще одного легиона, номер которого определить не удалось. К легионам присоединились многочисленные ауксилиарные части, к числу которых относились, по предположению К. Пача, ala I Flavia Domitiana Britannica miliaria civium Romanorum, а также когорты I Montanorum и I Thracum Syriacum equitata (*Patsch C. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Traian. Wien; Leipzig, 1937. S. 9 f.* См. также: *Gsell S. Essai sur le règne de l'empereur Domitien. P., 1894. P. 212 suiv. Note 6*). По мнению Г. Бенгтсона, к этому списку следует присоединить следующие легионы: I Italica, V Macedonica, VII Claudia, XIII Gemina, а также вексиляции XIV Gemina и XV Apollinaris (*Bengtson H. Die Flavien. Geschichte eines römischen Kaiserhauses. München, 1979. S. 200 f.*). Даже из далекого Карфагена во второй половине 85 г. морем прибыла большая часть XIII городской когорты (ILS. 2127). Возможно, хотя прямых доказательств этому нет, Домициана сопровождали, кроме преторианских, и городские когорты из состава столичного гарнизона (*Strobel K. Op. cit. S. 45*). Таким образом, даже без учета гвардейских частей, группировка Корнелия Фуска включала в себя девять легионов, вспомогательные войска, вексиляции, откомандированные из состава других легионов. В сумме это должно было составлять не менее 100 тыс. чел., что маловероятно. Думается, что проблема нуждается в более тщательном изучении, и делать далеко идущие выводы, основанные только на данных эпиграфики, часто не имеющих точной хронологической привязки, слишком рискованно. Предпочтительнее в данном случае более осторожный подход К. Штробеля (*Strobel K. Op. cit. S. 44 ff.*) Впрочем, и он отмечает, что «появление императора без крупной концентрации войск в его окружении явно исключалось» (S. 45).

По поводу назначения Фуска командующим мнения исследователей расходятся. С. Гзель считал выбор Домициана ошибочным: Фуск не обладал достаточным военным опытом, а своей карьерой был всецело обязан тому обстоятельству, что, будучи в 69 г. прокуратором Паннонии, принял активное участие в гражданской войне на стороне Веспасиана (*Gsell S. Op. cit. P. 214*). К. Пач, напротив, характеризует Фуска как «надежного, энергичного, имевшего заслуги перед династией Флавиев генерала» (*Patsch C. Op. cit. S. 6*). К. Штробель считает Фуска «весьма дельным офицером» (*Strobel K. Op. cit. S. 47*). Р. Сайм указывает, что выбор префекта гвардии в качестве командующего в войне был естественным, если, как и было в данном случае, сам император находился на театре военных действий. Правда, далее исследователь замечает по поводу Фуска: «Если он и сохранял еще напор и энергию, с помощью которых добивался победы в гражданской войне, они сослужили ему плохую службу в лесах и горах Дакии» (*Syme R. Flavian Wars... P. 171*). Тацит, который, правда, судил уже по конечному результату (то есть разгрому и гибели Фуска), оценивает его так: «Опасности он любил больше, чем блага, добываемые их ценой, крайние и рискованные меры предпочитал испытанным и верным» (*Tac. Hist. II.86.3*. Пер. Г.С. Кнабе). Таким

- образом, авантюризм был в характере римского командующего, и свою роковую роль это должно было сыграть. О карьере Фуска, в которой драматическим был не только финал, см.: *Syme R. The Colony of Cornelius Fuscus: An Episode in the Bellum Neronis // American Journal of Classical Philology* (далее – *AJPh*). 1937. V. 58, № 1. P. 7–18.
- ¹⁸ *Strobel K. Op. cit. S. 62–65.*
- ¹⁹ *Bengtson H. Op. cit. S. 201.*
- ²⁰ Р. Сайм в свое время доказывал, что это был орел V легиона Жаворонков (*Alaudae*) (*Syme R. Rhine and Danube... P. 46. Позднее эту точку зрения поддержал К. Пач (Patsch C. Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Traian. Wien; Leipzig, 1937. S. 12 f.)). Однако полностью уверенность Р. Сайма, который только начинал тогда свою блестящую научную карьеру, разделить трудно. Единственный источник информации в данном случае — сообщение эпитоматора Диона Кассия о том, что на заключительном этапе своей I Дакийской войны Траян среди прочей добычи нашел утраченное при разгроме Фуска римское боевое знамя: οὐδὲ Τραϊανὸς... τὸ τε σημεῖον τὸ ἐπὶ τοῦ Φούσκου ἄδὸν εἶδρε (Dio Cass. LXVIII.6.3). Смущает то обстоятельство, что обычно Дион Кассий точен в передаче римской военной терминологии, и aquila legionis едва ли был бы обозначен как τὸ σημεῖον. Во всяком случае, когда тот же автор сообщает о возвращении римлянами в 41 г. последнего, третьего орла из числа утраченных при поражении Вара (9 г.), он вполне конкретен: Πούτλιος Γαβίλιος... ἄετόν στρατιωτικόν (выделено здесь и далее мной. — В. П.) ὃς μόνος ἔτι παρ αὐτοῖς (sc. германцев) ἐκ τῆς Οὐάρου συμφόρας ἦ ἐκομίσατο (Dio Cass. LX.8.1). Правда, говоря о возвращении задолго до этого Германиком еще двух орлов легионов Вара, Дион Кассий употребляет выражение τὰ σημεῖα τὰ στρατιωτικά (LVII.18.1), но этот собирательный термин, калька латинского signa militaria, видимо, был применен потому, что вместе с легионными орлами у германцев были отбиты и римские военные значки (signa). Римские авторы, затрагивающие эту проблему, употребляют термин signa militaria (или просто signa, signa Romana) либо в общем смысле «боевые знамена», то есть орлы и значки, либо конкретно, подразумевая именно значки; однако орла легиона они называют только aquila (греческое ἄετός или ἄετός στρατιωτικός), но не signum (греческое σημεῖον). Ср. Tac. Ann. I.39.4 (signa et aquilam amplexus religione sese tutabatur); 59.3 (cerni adhuc Germanorum in lucis signa Romana quae dis patriis suspenderit); 60.3 (L. Stertinius... interque caedem et praedam reperit undevicesimae legionis aquilam cum Varo amissam), 61.4 (Arminius... signis et aquilis per superbiam inluserit); II.25.1 (propinquo luco defossam Varianae legionis aquilam modico praesidio servari...); Suet. Aug. 21.3 (Parthi... signa militaria, quae M. Crasso et M. Antonio ademerant, repescendi reddiderunt...); RgdA. 29.1 (signa militaria complura per alios duces amissa devictis hostibus recepit); 29.2 (Parthos trium exercitum Romanorum spolia et signa reddere mihi... Ea autem signa in penetrali, quod est in templo Martis Ultoris, reposui). Эти примеры*
- могут свидетельствовать о том, что захваченный при Домициане даками и возвращенный Траяном римский военный штандарт мог быть не легионным орлом, а чем-то другим, может быть, знаменем преторианцев. К такому мнению, правда, не аргументируя причину изменения своей точки зрения, позднее пришел и сам Р. Сайм (*Syme R. Flavian Wars and Frontiers // Cambridge Ancient History* (далее – *CAH*). 1936. V. XI. P. 171. Note 1. Cf.: *Griffin M. The Flavians // CAH*. 2000. V. XII. P. 73). К. Штробель уверен, что речь здесь не может идти об орле легиона: Ein römisches Feldzeichen, aber kein Legionsadler (*Strobel K. Op. cit. S. 53 f.*). Тем не менее, легионным орлом это знамя считал К. Пач, а в последнее время — Ю.К. Колосовская (*Patsch C. Op. cit. S. 31; Колосовская Ю.К. Рим... С. 68*).
- ²¹ *Nam quanta fuerint Diurpanei Dacorum regis cum Fusco duce proelia, quantaque Romanorum clades, longo textu evoluerem, nisi Cornelius Tacitus, qui hanc historiam diligentissime contexuit, de reticendo interfectorum numero et Sallustium Crispum et alios auctores quamplurimos sanxisset et se ipsum idem potissimum elegisset. Эта часть «Истории» Тацита, еще доступная Орозью, до наших дней не сохранилась. По мнению Р. Сайма, красноречиво умалчивая о количестве погибших римлян, Тацит тем самым намеренно преувеличивал масштабы катастрофы, чтобы дискредитировать Домициана (*Syme R. Flavian Wars... P. 171*).*
- ²² *Iord. Get. XIII.78; Dio Cass. LXVII.7.2; LXVIII.9.3.*
- ²³ «Это было самое крупное поражение Рима со времени разгрома Вара» (*Gsell S. Op. cit. P. 215*). Ср.: «Впервые время Флавиев было отмечено столь же тяжелыми поражениями, как при Августе в битве в Тевтобургском лесу» (*Bengtson H. Op. cit. S. 199. См. также: Petit P. Histoire générale de l'Empire romain. 1. Le Haut-Empire (27 av. J.-C. – 161 apr. J.-C.). P., 1974. P. 129 suiv.*)
- ²⁴ *Gsell S. Loc. cit.*
- ²⁵ После катастрофы в Германии Август, «говорят, до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и бороды (знак траура у римлян. — В. П.) и не раз бился головой о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!» (Quintili Vare, legiones redde!) (*Suet. Aug. 23. Пер. М.Л. Гаспарова*).
- ²⁶ В 69 г., при императоре Отоне, Теттий Юлиан был легатом VII Клавдиева легиона и в числе легатов всех трех легионов, составлявших тогда гарнизон Мезии, получил консульские знаки отличия за разгром вторгшихся в провинцию сарматов (*Tac. Hist. I.79.1–5*). Позднее он не принимал активного участия в гражданской войне, но вовремя сделал выбор в пользу Веспасиана (*Tac. Hist. IV.39.1; 40.2*). Это обеспечило ему дальнейший карьерный рост; так, спустя 12 лет Теттий Юлиан был наместником провинции Африка в ранге legatus Augusti pro praetore (MW. 389).
- ²⁷ Затишье в военных действиях приходится на 87 год, в течение которого не зафиксировано ни одной новой императорской аккламации (*Weynand. Op. cit. Sp. 2570*).
- ²⁸ *Syme R. Flavian Wars... P. 172.*
- ²⁹ Нельзя не согласиться с Г. Уэбстером в том, что, если бы после победы при Тапах продвижение римлян вперед продолжалось, то едва ли Децебал был бы в состоянии причинить столько хлопот Траяну (*Webster G. The*

- Roman Imperial Army of the first and second centuries A. D. L., 1969. P. 72). Однако проблема как раз заключалась в том, что продолжать наступление римляне были явно не в состоянии. Как выразился по этому поводу М. Грант, «последний, нокаутирующий удар так и не состоялся» (*Grant M.* Op. cit. P. 220). Р. Сайм датирует победу при Тапах концом лета – осенью 88 г. до н. э. (*Syme R.* Antonius Saturninus // *JRS.* 1978. V. 68. P. 20; *Idem.* Flavian Wars... P. 172).
- ³⁰ По словам Диона Кассия, Децебал, опасаясь захвата римлянами своей резиденции Сарми-цегетузы, приказал срубить росшие около нее деревья, а на высокие пни надеть доспехи, чтобы римляне приняли их за воинов и отступили. В результате «так и случилось» (ὁ καὶ ἐγένετο) (*Dio Cass.* LXVII.10.3). Уже С. Гзель счел «этот анекдот весьма подозрительным» и сильно напоминающим рассказ Фронтинна (*Strat.* I.5.22) о военной хитрости Спартака (*Gsell S.* Op. cit. P. 220 suiv.). Г. Бенгтсон выразился еще резче, отметив, что «здесь рассказана сказка, которая не имеет никакой исторической ценности» (*Bengtson H.* Op. cit. S. 203). Иного мнения придерживается Ю.К. Колосовская, принимающая повествование Диона Кассия за чистую монету (*Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен... С. 70).
- ³¹ *Syme R.* Flavian Wars... P. 172.
- ³² Ср.: *Syme R.* Flavian Wars... P. 176; *Patsch C.* Op. cit. S. 30 ff; *Alföldy G.* Op. cit. S. 116 (начало 89 г.); *Dieter H., Günther R.* Römische Geschichte bis 476. B., 1979. S. 242; *Bengtson H.* Die Flavien. S. 203 f.; *Strobel K.* Op. cit. S. 64 f.; *Southern P.* Domitian. Tragic Tyrant. L., 1997. P. 107 (середина лета 89 г.); *Ковалев С.И.* Указ. соч. С. 540; *Колосовская Ю.К.* Дунайские племена... С. 607; *Она же.* Рим и мир племен на Дунае. С. 69.
- ³³ *Bengtson H.* Op. cit. S. 201.
- ³⁴ Светоний (Domit. 20), добавляя очередной штрих к негативной характеристике Домициана, сообщает, что «кроме записок и указов Тиберия Цезаря не читал он ничего» (*praeter commentarios et acta Tiberii Caesaris nihil lectitabat*) (пер. М.Л. Гаспарова). Что касается «Записок», то это, несомненно, была упоминаемая тем же Светонием краткая автобиография, которую Тиберий составил в конце своей жизни: *commentario, quem de vita sua summam breviterque composuit* (*Suet.* Tib. 61).
- ³⁵ На это сходство обратил внимание еще Р. Сайм (*Syme R.* Flavian Wars... P. 176).
- ³⁶ «Изменение типа статеров, на которое не отважился в свое время даже Митридат VIII, обаяно, можно думать, либеральной политике Тита» (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 100). Этот «либерализм», вероятно, следует объяснять не мягкосердечием римского императора, а тем, что возросшая сарматская угроза повышала заинтересованность Рима в использовании военного потенциала Боспорского царства. Не исключено, что санкционировал изменение типа боспорской золотой монеты не Тит, а уже Домициан. Во всяком случае, по данным того же В.А. Анохина, после статера 375 г. б.э. (78/79 г. н. э.) с портретом Веспасиана на аверсе и Тита на реверсе в каталоге сразу же идет статер 377 г. б. э. (80/81 г. н. э.),
- лицевую сторону которого занимают портрет и титулатура царя Рескупорида, а оборотную — изображение Домициана и дата ЗОТ (*Анохин В.А.* Указ. соч. С. 153. № 359–360). В.Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 333) полагал, что изменение монетного типа боспорского золота санкционировал именно Домициан.
- Достаточно давно вопросом о причине изменения типа боспорских статеров занялся С. Гзель, отметивший, что трудно сказать, было ли это многозначительное новшество в монетном деле узурпацией, к которой правителей Боспора подтолкнули затруднения Рима на Дунае, или же милостью императора. Исследователь приходит к выводу, что второй вариант гораздо вероятнее, так как этот тип боспорского золота сохранился и тогда, когда у римлян подобных проблем на Дунае уже не было, например, при Траяне (*Gsell S.* Essai... P. 208 suiv.).
- ³⁷ По предположению М.И. Ростовцева, Рим начинает программу финансовой поддержки Боспорского царства именно тогда: «Возможно, что с этого же времени Боспор для укрепления своей воинской мощи и организации защиты Крыма от скифов и сарматов начинает получать из Рима ежегодную субсидию, дающую ему возможность чеканить хорошее золото и на это золото покупать наемников и союзников» (*Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. 2-е изд. М., 2003. С. 115. Ср.: *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 333). Таким образом, в установлении подобных же отношений с Децебалом не было ничего принципиально нового.
- ³⁸ *Jones B.W.* The Emperor Domitian. L., 1992. P. 127.
- ³⁹ Там же. P. 136. Мириам Гриффин, достаточно критически относящаяся к Домициану, в данном случае согласна с Джонсом: «Справедливо объяснять субсидии Домициана Децебалу как традиционный римский способ ведения дел с варварами, в особенности оправданный, когда нужно было покарать вероломных союзников...» (*Griffin M.* Op. cit. P. 78). Еще раньше К.Г. Уотерс предположил, что, «очевидно, император надеялся, что субсидирование будет менее дорогостоящим способом сохранять стабильность ситуации» (*Waters K.H.* Traianus Domitiani Continuator // *AJPh.* 1969. V. 90, № 4. P. 400).
- ⁴⁰ Орозий, явно следующий здесь Тациту, иронически замечает, что триумф Домициана на деле был отпразднован не над побежденными врагами, а над погубленными легионами: *sub nomine superatorum hostium de extinctis legionibus triumphavit* (*Oros.* VII.10.4). Однако примечательно, что официального титула *Dacicus* Домициан принимать не стал — таковой фигурирует только в обращении к нему Марциала: *IMPERATORI DOMITIANO CAESARI AUGUSTO, GERMANICO, DACICO, VALERIUS MARTIALIS SALUTEM* (*Martial.* VIII. Praef.). С. Гзель (*Gsell S.* Op. cit. P. 223) полагал, что соответствующий титул был дарован Домициану формальным постановлением сената, но исследователи относятся к этому предположению скептически. См., напр.: *Weymand.* Op. cit. Sp. 2572; *Kneissl P.* Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Untersuchungen zu den Siegerbeinamen des ersten und zweiten Jahrhunderts. Göttingen, 1969. S. 49 f.
- ⁴¹ В современной историографии проблемы иное мнение редко, но встречается: *inen recht ungünstigen Frieden*

- (*Alföldy G. Die Truppenverteilung...* S. 116).
- ⁴² Исследователь, оценивая договор Домициана и Децебала, отметил: «Ясно, что Домициан поставил область даков в вассальную зависимость от Рима и посредством мудрой политики сделал дальнейший шаг по ее романизации» (*Weynand. Op. cit. Sp. 2572*).
- ⁴³ *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 132. Семантику этого образа подробно исследует В. Н. Топоров (*Toporov V.N. On the Semiotics of Mythological Conceptions about Mushrooms. // Semiotica. 1985. V. 53–54. P. 295–357*).
- ⁴⁴ На это обратил внимание в цитируемой выше статье новозеландский исследователь К.Г. Уотерс (*Waters K.H. Op. cit. P. 400*). Правда, он почему-то считал, что даки выступили в роли агрессоров как при Домициане, так и при Траяне. Если это и справедливо в отношении второй дакийской кампании Траяна, то уж никак не в отношении первой.
- ⁴⁵ Даки должны были выдать римской стороне оружие, военные машины и инженеров, перебежчиков, срыть укрепления, очистить захваченные ими территории и впредь иметь общими с римлянами друзей и врагов. Кроме того, они обязались впредь не принимать перебежчиков и не использовать ни единого римского солдата (из римских перебежчиков прежде состояла большая и лучшая часть войска

Децебала) (*Dio Cass. LXVIII. 8.5*). Естественно, теперь ни о какой выплате римских субсидий речи быть не могло.

- ⁴⁶ См. к этому: *Millar F. Emperors...* P. 20.
- ⁴⁷ *Speidel M. The Captor of Decebalus: a New Inscription from Philippi // JRS. 1970. V. 60. P. 142–153.* В Раниссторе располагалась тогда императорская ставка. Затем Траян отослал голову Децебала в Рим с приказом бросить ее на ступени Гемоний, куда выбрасывали тела казненных преступников (*Dio Cass. LXVIII. 14.3*). Ср.: *Fasti Ostienses (106 г.): Decebali [caput ... in sca]llis Gemoni[is iacuit]*.
- ⁴⁸ *Ibid. P. 142.* Издатель надписи комментирует эту ее часть так: «Упоминание, в какой войне заслужены *dona*, было обычной практикой, но более специфические причины приводятся редко. Если причины упоминаются, то, ежели речь идет об офицерах, обычно это *ob res prospere gestas* или *ob victoriam*, либо *ob virtutem*. Для рядового состава в большинстве случаев это *ob virtutem*, как и в нашем случае. Наградил *dona* сам император, с тех пор как все войны велись под его ауспичиями, и, за немногими исключениями, *dona* давались только за те кампании, которыми император руководил лично. Неожиданно найти здесь упоминание имени Домициана, после его *damnatio memoriae*» (P. 145 f.). Ср. например: *ILS. 268, 1005, 1017, 2092; MW. 371, 380, 389, 390.*
- ⁴⁹ *Bengtson H. Op. cit. S. 206.*

УДК [9:332.21](410) «13/15»

ВНЕГОРОДСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ЛОНДОНСКИХ ОЛДЕРМЕНОВ XIV–XVI ВЕКОВ (к проблеме городского джентри)

Л.Н. Чернова

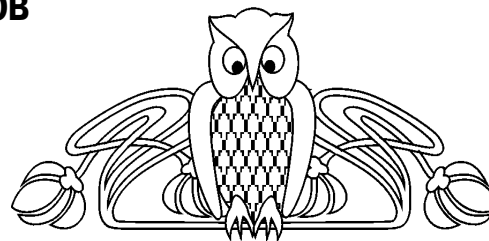
Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: larisachernova@mail.ru

В статье рассматривается один из аспектов дискуссионной проблемы истории средневекового города. На примере лондонских олдерменов автор исследует территориальное распространение землевладения представителей городской правящей элиты, выявляет масштабы и структуру земельных владений и прочей недвижимости, анализирует способы приобретения, условия владения и характер использования внегородской земли и строений на протяжении трех столетий. Автор сопоставляет размеры инвестиций и доходов от торговли – с одной стороны, и землевладения – с другой, и специально останавливается на выяснении причин интереса большей части лондонских олдерменов XIV–XVI вв. к земле и недвижимости в графствах.

London Aldermen's Out-of-town Landholdings in the 14th–16th Centuries (the Problem of City Gentry)

L.N. Chernova

The article examines one of the aspects of a debatable problem in the medieval city history. By the example of London Aldermen, the author

examines territorial expansion of landholdings of the city ruling elite representatives, reveals the scale and the structure of landholdings and other kinds of real estate, analyses the ways of purchasing, terms of proprietorship and peculiarities of using out-of-town land and buildings over three centuries. The author compares the amounts of investments and profits from trade on the one hand and landholdings on the other and dwells upon revealing the reasons for the interest which the majority of London Aldermen in the 14th–16th century displayed in land and real estate in the counties.

Научная актуальность проблемы городского джентри очевидна. Ее постановка непосредственно связана с вопросом о социальной природе городской общности и средневекового города в целом – вопроса, который и сегодня остается одним из наиболее дискуссионных¹.

Прежде всего попытаемся определить, кого можно считать «городскими джентри». По мнению Розмари Хорокс, это те, кто, проживая в городе, были вплетены в самую его ткань сво-

ими хозяйственно-экономическими интересами, административной службой, которая нередко дополнялась службой королю; те, кто вкладывали инвестиции в приобретение земли и прочей недвижимости, как в пределах города, так и за его чертой, что позволяло обрести определенный вес и играть заметную роль в локальных сообществах различных графств². Такие люди, как правило, называли себя «джентльменами» или «эсквайрами»³, и современники соглашались с ними⁴.

Проблема городского джентри включает в себя целый ряд аспектов: их имущественное положение и социальный статус, роль в городском сообществе, социальную мобильность⁵. Остановимся на первом – самом неразработанном и сложном, связанном, в том числе с землевладением горожан. При этом заметим, что тематика городского землевладения в той или иной мере привлекала внимание исследователей⁶, в то время как вопрос об инвестировании английскими горожанами средств во внегородскую недвижимость никак нельзя отнести к числу изученных⁷.

Объектом исследования данной статьи стало внегородское землевладение лондонских олдерменов, «почтенных людей», которых «Белая книга» Лондона, составленная в начале XV в., причислила к «главным должностным лицам в этом городе»⁸. Немаловажно, что, согласно этому источнику, мэр должен был выбираться только из числа олдерменов, а шерифы – предпочтительно из их среды⁹.

Высокий социальный статус лондонских олдерменов, основанный на признании их богатства и значительной роли в обществе, нашел отражение в решении палаты общин английского парламента в 1379 г.: при утверждении субсидий на военные цели (шла Столетняя война) они облагались так же, как английские бароны – в 2 фунта, а избиравшиеся из их числа мэры – в 4 фунта, как герцоги¹⁰.

Городское законодательство закрепляло особые требования к тем, кто стремился стать олдерменом. Было предусмотрено, что претендент на эту должность обязан был, во-первых, принадлежать к числу полноправных горожан – фрименов, во-вторых, состоять в одной из «Двенадцати больших ливрейных компаний» (торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, ювелиров, меховщиков, торговцев рыбой, готовым платьем, железными изделиями, солью, вином, галантерейщиками, купцов-сукноделов), а в-третьих, иметь необходимый уровень материальной обеспеченности. В 1397 г. имущественный ценз для олдерменов определялся в 1 тыс. фунтов стерлингов «в товарах и кредитах»¹¹. Это постановление лондонской мэрии было подтверждено в 1469 г.¹² Сумма в одну тысячу фунтов была своеобразным водоразделом, отделявшим олдерменский круг от прочих, даже очень состоятельных, бюргеров. В 1525 г. мэрия Лондона постановила, что при выборах олдерменов имущественный ценз должен

составлять 1500 фунтов «в товарах, кредитах, землях или усадьбах»¹³. Тем самым было внесено дополнительное условие: отныне олдерменом мог стать собственник как денежных средств, непосредственно связанный с преимущественно оптовой торговлей, так и земли, находящейся в Лондоне и за его пределами. Заметим, что данное постановление не только сузило круг возможных претендентов на должность олдермена, но, что не менее важно, отразило изменения, видимо, произошедшие в социальном облике представителей олдерменской элиты к XVI в., а именно возрастание роли земли и недвижимости вообще в структуре их собственности¹⁴.

Землевладение лондонских олдерменов вышло далеко за пределы столицы, широко охватив ее окрестности и графства Англии¹⁵. Источники, которыми мы располагаем, содержат ценную информацию о представителях городской олигархии, имевших земельные участки вне стен города. Так, суконщик Ричард де Хэрни, олдермен 1322–1343 гг., оставил жене четверть поместья Рэдменгор в графстве Кент¹⁶. Один из крупнейших лондонских суконщиков сэр Джон де Палтни, олдермен 1328–1338 гг., владел 23 манорами в пяти графствах: Кембриджшире, Лестершире, Миддлсексе, Суффолке, Уорикшире¹⁷. Широко известному в Лондоне бакалейщику сэру Николаусу Брэмбру, олдермену 1372–1388 гг., принадлежали два манора в Кенте и Миддлсексе¹⁸. Томас Ноллес, тоже бакалейщик и олдермен 1393–1415 гг., завещал земельные владения в графствах Суррей, Хартфордшир, Хемпшир и Эссекс¹⁹. Меховщик и олдермен 1406–1435 г. Генри Бартон владел двумя манорами, прочими землями и строениями в графстве Хардфордшир²⁰. Николас Элвин, торговец предметами роскоши и олдермен 1496–1506 гг., оставил по завещанию земли и строения в Линкольншире и Суррее²¹. Таким образом, можем констатировать наличие существенной землевладельческой компоненты в структуре собственности богатейших лондонских горожан XIV–XV вв., это же подтверждают и сведения, относящиеся к XVI столетию.

В 1542 г., когда было вскрыто завещание лондонского олдермена Уильяма Хоулса, торговца предметами роскоши, оказалось, что трем своим сыновьям он оставил (помимо земель в Лондоне и Кале) 22 манора «на плодородных землях» в графствах Центра и Востока страны – Дерби, Ноттингеме, Линкольне, Стаффорде, Йорке, Эссексе, Норфолке, Миддлсексе, а также 20 земельных участков в других манорах в этих же графствах²². Суконщик Роланд Хэйвуд, олдермен 1560–1593 гг., на момент составления завещания имел собственность в 12 манорах, расположенных в шести графствах Англии²³. А земельные владения галантерейщика Генри Бэчера, олдермена 1567–1571 гг., находились в 9 графствах²⁴.

Данные разнообразных источников позволили обрисовать общие контуры распростране-

ния землевладения лондонских олдерменов в XIV–XVI вв. (табл. 1). При этом необходимо иметь в виду, что из 274 олдерменов XIV в. лишь у 65 удалось обнаружить сведения о землевладении; из 181 олдермена XV в. – у 77; из 274 олдерменов XVI в. – только у 17 человек. В силу этого мы не можем однозначно достоверно представить тенденцию в развитии олдерменского землевладения в графствах. Для серьезного и обоснованного вывода необходимы дополнительные источники, содержащие более полную информацию по этому вопросу. Специфика документального материала, находящегося в нашем распоряжении, позволяет сконцентрировать внимание на других не менее важных аспектах этой проблемы: территориальной локализации, структуре и размерах внегородского землевладения олдерменов, условиях владения и характере использования объектов недвижимости в графствах.

Как видно из табл. 1, олдермены Лондона проникали практически повсюду, даже в самые отдаленные графства. Наибольший же интерес для них на протяжении трех столетий представляли

графства Кент, Миддлсекс, Эссекс, Суррей, Хартфордшир, Кембриджшир, Нортхэмптон, Норфолк, Бэкингемшир, которые «кормили» Лондон. Кент, Суррей, Эссекс и Норфолк всегда были житницей Англии и основными поставщиками зерна. Маноры в графстве Нортхэмптон, оставленные в начале XIV в. Уильямом де Комбмарином, были засеяны хлебами. Запасы зерна в манорах сэра Джона де Палтни на момент его смерти в 1338 г. оценивались в 258 фунтов²⁵. Графства Дерби и Уилтшир особенно славились разведением мясомолочного скота. В восточных и северных графствах – Герефорд, Чешир, Ланкашир, Йоркшир, Линкольншир – наибольшее распространение получило овцеводство²⁶.

Иногда источники предоставляют редчайшую возможность выяснить состав земельных владений и прочей недвижимости олдерменов в графствах. Олдермен 1304–1318 гг. Уильям де Комбмартин завещал жене и дочерям два засеянных хлебами манора в графстве Нортхэмптон²⁷. Торговец рыбой Уильям Ньюпорт, олдермен 1377–1417 гг., владел землями и замком в Кенте²⁸. Бакалейщик

Таблица 1

Внегородское землевладение олдерменов

Название графства	Количество олдерменов, имевших земли в графствах		
	XIV в. (из 65 человек)	XV в. (из 77 человек)	XVI в. (из 17 человек)
Бэкингемшир	3	10	1
Бэдфордшир	–	3	–
Беркшир	1	6	1
Глостершир	–	2	1
Дербишир	–	1	1
Йоркшир	1	1	1
Кембриджшир	9	1	–
Кент	20	22	7
Ланкашир	–	1	–
Лестершир	2	1	1
Линкольншир	3	1	–
Миддлсекс	19	19	1
Нортхэмптон	4	4	2
Норфолкшир	1	4	1
Ноттингемшир	–	1	1
Оксфордшир	–	4	–
Стаффордшир	–	1	1
Суррей	10	15	4
Сассекс	1	3	1
Суффолк	4	5	–
Уилтшир	3	1	–
Уорикшир	2	2	–
Хантингдоншир	3	4	–
Хартфордшир	6	12	3
Эссекс	16	27	4

Примечание. Сост. по: Thrupp S. The merchant class of the medieval London. Appendix. P. 321–369; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 75–130.

Томас Ноллес, олдермен 1393–1415 гг., завещал земельные владения и некие строения в графстве Хартфордшир²⁹. Меховщик и олдермен 1406–1435 гг. Генри Бартон владел двумя манорами, прочими землями, лугами и усадьбами в графстве Хартфордшир³⁰. Николас Элвин, торговец предметами роскоши и олдермен 1496–1506 гг., оставил по завещанию земли и строения в Суррее и Линкольншире³¹; ювелир и олдермен 1511–1529 гг. Роберт Фэнрот завещал маноры, различные земли и сдаваемые в аренду помещения в Миддлсексе, Эссексе, Хартфорде и Суррее³². Один из маноров в Дербишире, принадлежавший Уильяму Хоулсу, лондонскому торговцу предметами роскоши первой половины XVI в., включал пахотную землю, луга, пустоши и сады³³. Бакалейщик сэр Уильям Лэкстон, олдермен 1536–1556 гг., упомянул в своем завещании маноры, земли и сдаваемые в аренду помещения в Хартфорде, Суффолке и Эссексе³⁴; ювелир и олдермен 1536–1567 гг. сэр Мартин Боувз – маноры Норт-Грэй, Руксли и Кингдаун, жилой дом и прочие земли и сдаваемые в аренду помещения в Кенте, а также земли под луг, прочие земли и хозяйственные постройки в Суррее и Эссексе³⁵; олдермен 1541–1558 гг. и меховщик сэр Эндрю Джадд имел маноры и другие земли в Кенте³⁶, Хартфорде и Суррее, а также сдаваемые в аренду помещения в Кенте; торговец предметами роскоши сэр Роланд Хилл, олдермен 1542–1561 гг., завещал манор Драйтон и усадьбу в графстве Сэллоп³⁷; галантерейщик и олдермен 1547–1571 гг. Уильям Гарард – манор Саунфлит в Кенте, манор Дорни в Бэкингемшире, земли в Суррее³⁸; меховщик и олдермен 1554–1555 гг. Генри Хэдсон – земли в Кенте и Сомерсетшире³⁹; торговец предметами роскоши и олдермен второй половины XVI в. Лайонел Дакет имел земли в Суррее, Стаффорде, Дерби, Сомерсетшире и Девоншире⁴⁰; бакалейщик Джон Риверс, олдермен 1565–1584 гг., – земли, леса, маноры, а также дом в Кенте⁴¹; сукнодел Роланд Хэйвуд, олдермен 1560–1593 гг., – земли, включая 12 маноров, и дома в шести графствах⁴²; суконщик и олдермен 1568–1572 гг. Фрэнсис Банем оставил земли и дома в Суррее, Эссексе, Уэльсе⁴³; виноторговец Гутберт Бакл, олдермен 1582–1594 гг., – усадьбы в Суррее, манор Айл в графстве Дарем⁴⁴.

Таким образом, олдермены предстают как собственники пахотных земель, лугов, лесов, многочисленных маноров, а также отдельных усадеб, домов и хозяйственных построек, сдаваемых в аренду помещений в различных английских графствах. Очевидно, что, как и в XIV–XV вв., так и в XVI столетии, средства, полученные от торговли, купечество активно вкладывает в земли и недвижимость. Однако в XVI в. появляются качественно новые явления, нашедшие отражение в источниках. Так, галантерейщик и олдермен 1548–1560 гг. Дэвид Вудрофф оставил по завещанию пастбище в Энфилде, графство Миддлсекс; торговец предметами роскоши Ричард Мэллори,

олдермен 1556–1567 гг., был собственником ферм в Нортхэмптоне и Лестершире; меховщик сэр Эндрю Джадд, олдермен 1541–1558 гг., завещал огороженное пастбище «Сэндхилл» в Миддлсексе; а ювелир сэр Мартин Боувз – две фермы в Суффолке⁴⁵. Лондонский мэр Уолтер Кэбилл по описи 1517 г. числился огородившим и конвертировавшим в пастбище 200 акров (80 га) пахотной земли, разрушившим 7 усадеб-ферм в графстве Уорикшир. В 1518 г. за ним было записано 350 акров (140 га)⁴⁶.

Очевидно, что представители крупного купечества стремились выгодно использовать земли для получения прибыли от передового в техническом отношении земледелия, организованного на капиталистических фермерских началах. Фермерское хозяйство было тесно связано с рынком и специализировалось либо на поставках шерсти для суконной промышленности, либо на товарном производстве зерна, мяса, сыра, молока и других продуктов. Стремясь к получению новых прибылей, которые в то время давало прежде всего овцеводство, фермеры-купцы включались в огораживания наряду с новым дворянством.

Исследуя социальный состав огораживателей XVI в., В.Ф. Семенов отметил, что это была очень пестрая группа: богатые крестьяне, выходцы из низшего дворянства, духовные лица и лондонские купцы⁴⁷. Для таких предпринимателей вложения капиталов в земли не было непроизводственными расходами: они стремились контролировать все этапы производства и сбыта своего товара – от выращивания новых пород овец до вывоза готового сукна за море. Как заметила М.В. Винокурова, «деловые люди», активно приобретающие земли в XVI в., использовали их «с толком, сдавая в аренду, либо ведя собственное, коммерчески поставленное хозяйство»⁴⁸. В этой связи привлекают внимание некоторые эпизоды деятельности упомянутых выше лондонских олдерменов. Эти собственники ферм и пастбищ активно торговали шерстью и сукном. Сэр Эндрю Джадд был судовладельцем и экспортировал сукно и шерсть; Дэвид Вудрофф также вывозил за пределы Англии шерсть и сукна; Ричард Мэллори известен как купец-авантюрист и экспортер сукна⁴⁹.

Трудно определить масштабы, сферу распространения новых форм производства, их место в деятельности олдерменов, но сам факт их существования не вызывает сомнений. К сожалению, мы располагаем очень небольшим количеством данных, свидетельствующих о том, что же происходило в реальной действительности. Видимо, олдермены Лондона как богатейшие купцы принимали непосредственное участие в процессе проникновения зажиточных горожан в деревню. О масштабах этого явления говорит хотя бы тот факт, что с начала XVI в. королевская власть предпринимала настойчивые попытки законодательным путем ограничить проникновение в деревню городских «денежных мешков», запретить

«купцам-авантюристам, сукноделам, ювелирам, мясникам, кожевникам и другим ремесленникам», которые имели по 10–16 ферм и по 10 тыс. овец, скупать фермы и заводить огромные стада⁵⁰. Но, несмотря на эти запреты, купеческий капитал прокладывал себе дорогу, стремясь извлечь дополнительные доходы.

Каким образом лондонские олдермены использовали приобретенные фермы? Сведений на этот счет в источниках крайне мало, но известно, что Роджер Мартин, высокопоставленный придворный, один из основателей Левантийской компании, участник Московской компании, арендовал ферму в графстве Глостер у К. Блоунта, полуразорившегося дворянина, и, в свою очередь, сдал ее в аренду фермерам помельче⁵¹.

Еще в 50-х гг. XVI в. памфлетист Р. Кроули подчеркивал, что «купцы берут фермы, чтобы снова сдать их внаем тем людям, которые должны владеть ими и получать высокие фэйны, и вздувать ренту»⁵². В 1550 г. проповедник Т. Левел следующим образом охарактеризовал лондонских купцов: «...Посмотрите... и вы увидите, что, несмотря на то что Господь наделил их огромными и обильными богатствами от их честного ремесла и торговли, они не могут удовлетвориться процветанием в этом занятии... но используют свои богатства в сельской округе, чтобы скупать фермы из рук почтенных джентльменов и честных йоменов, и бедных трудолюбивых земледельцев»⁵³.

Материалы наших источников позволяют коснуться и вопроса о размерах земельных владений олдерменов в графствах, хотя данных на этот счет крайне мало. Из завещания торговца рыбой Джона де Мокинга де Сомерсета известно, что к 1341 г. он имел 1/9 часть манора в Кенте⁵⁴. К сожалению, размер манора не указывается.

В архивном материале, отобранном и опубликованном С. Трап, удалось обнаружить одно примечательное свидетельство: бакалейщик сэра Джон Пич, лондонский мэра в 1361 г., имел манор в предместье столицы, состоящий из 250 акров (100 га) земли с лугами и лесом⁵⁵. По классификации Е.А. Косминского: крупные маноры – свыше 1 тыс. акров, средние – от 500 до 1 тыс. акров, мелкие – менее 500 акров⁵⁶. Следовательно, владение сэра Джона Пича относится к числу мелких

владений. Между тем его следует причислить к вотчине, поскольку еще в XIII в. площадь в 120 акров служила своеобразным водоразделом между свободным держанием крестьянского типа и феодальной вотчиной⁵⁷.

Интересный документ, датированный 3 июля 1414 г., обнаружен в «Свитках»: в нем содержится информация о том, что олдермен Джон Оливер, суконщик, совместно с сыном и еще тремя горожанами арендовали две усадьбы и 190 акров (76 га) земли в Фалборне, графство Кембридж. Достоверно известно, что эти земли использовались как сельскохозяйственная единица, поскольку там имелись овцы, крупный рогатый скот, лошади, телеги, сено, а также пшеница, ячмень и другие зерновые культуры – всего на сумму 103 фунта 6 шиллингов 8 пенса⁵⁸.

О размерах маноров Уильяма Хоулса, олдермена XVI в., свидетельствует хотя бы опись земельных угодий одного из них – Пингестон в Дербишире. Он включал 300 акров (120 га) пахотной земли, 100 акров (40 га) лугов, 40 акров (16 га) леса, 160 акров (64 га) пустоши, 28 участков сада, 40 полных крестьянских наделов⁵⁹. В то же время торговец готовым платьем сэра Томас Уайт, олдермен 40–60-х гг. XVI в., завещал 6,5 акров (2,6 га) земли в Эссексе⁶⁰.

Как видим, размеры олдерменского землевладения в графствах очень сильно различались: заинтересованность представителей столичной купеческой элиты в земле за пределами города не была одинаковой. Видимо, необходимо принимать во внимание масштабы и успешность коммерческой деятельности того или иного олдермена, величину его богатства, а также характер источников, которыми мы располагаем: отсутствие в них полных данных о землевладении.

Доступные нам источники содержат ценную, хотя и не слишком обширную, информацию об условиях владения землей в графствах и позволяют отчасти проследить эволюцию поземельных отношений вне города в XIV–XVI вв. (табл. 2).

Как видим, отдельные олдермены Лондона в XIV–XVI вв. владели недвижимостью в графствах на правах феода (о его особенностях в этот период речь уже шла). В начале XIV в. ювелир Роджер де Фроуик держал четверть рыцарского феода в

Таблица 2

Внегородское землевладение олдерменов: условия владения

Условия владения недвижимостью в английских графствах	Количество олдерменов		
	XIV в. (из 65 человек)	XV в. (из 77 человек)	XVI в. (из 17 человек)
Феод	5	4	–
Аренда	5	1	1
Собственность	60	72	17

Примечание. Сост. по: Thrupp S. Op. cit. P. 321–369; Willan T. Op. cit. P. 75–130.

Эссексе⁶¹; маноры на условиях феода в графствах Кент и Суррей имели: торговец пряностями второй половины XIV в. Саймон Долсли, его брат Томас; бакалейщик этого же периода Бартоломью де Фрэстлинг, торговец рыбой конца XIV в. Томас Уэлфорд; торговец рыбой рубежа XIV–XV вв. Уильям Аскэм⁶². В XV в. держали феоды в графствах Йоркшир, Эссекс и Кент торговцы предметами роскоши Уильям Эстфелд и Уильям Кентлоу, бакалейщики Томас Кэтуорс и Уильям Уэтенхолл⁶³. К сожалению, не представляется возможным выяснить, от кого лондонские олдермены держали феоды. Некоторые из них арендовали земельные участки в графствах, но никакой информации об арендодателях и об условиях аренды в наших источниках нет.

Как и в городе, в графствах олдермены тоже стремились к тому, чтобы получить права собственности на недвижимость. Яркое тому свидетельство – деятельность Уильяма Эстфелда. В 1428 г. этот олдермен получил права держателя на часть рыцарского феода в Йоркшире. В 1435 г. весь этот феодал был им выкуплен, стал собственностью этого купца⁶⁴. Отдельные олдермены владели землей на разных условиях одновременно. Уильям Уэтенхолл в 1431 г. стал держателем феодал в Эссексе и купил земли в Суррее. Уильям Кэнтлоу имел феодал в Кенте и земли в собственности в Бедфордшире⁶⁵. Возможно, что через некоторое время земли на правах феодал станут собственностью этих олдерменов.

Большинство олдерменов, о внегородском землевладении которых имеются сведения в наших источниках, в XIV–XVI вв. являлись собственниками земель и прочей недвижимости в графствах (см. табл. 2). Как правило, эта собственность приходила к олдерменам тремя путями: либо по наследству, либо благодаря женитьбе на наследницах земельных владений, либо через покупку. Известно, в частности, что торговец пряностями первой четверти XIV в. Джон де Барфорд унаследовал от отца земли в Лестершире и купил земли в Миддлсексе, Кембриджшире, Уилтшире и Суффолке. Наследником земель в Суффолке и Кенте был бакалейщик Роберт Оттли, олдермен 1426–1436 гг. Суконщик конца XV в. Роберт Фабриан заключил брак с дочерью тоже суконщика, которая унаследовала от деда земли в Эссексе⁶⁶. Лондонский галантерейщик XVI в. Генри Бэчер также унаследовал земли в Кенте от отца⁶⁷.

Большинство олдерменов XIV–XV вв. и особенно XVI в. земли покупали. В.В. Штокмар отмечает, что в это время скупка земель происходила по всей Англии, а наибольшее распространение купля и продажа земель получила на юге и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в процесс развития раннекапиталистических отношений⁶⁸. Торговец пряностями и олдермен 1342–1349 гг. Уильям Тоуни купил небольшой участок земли в 4 акра (1,6 га) в Кембридже. Торговец рыбой Джон Пэч, олдермен

1349–1376 гг., купил в 1360 г. манор Луллингстоун у внука олдермена Грегори де Роксли. Торговец предметами роскоши и олдермен 1352–1375 гг. Адам Фронсис купил манор Эдмонтон в Миддлсексе⁶⁹. Торговец предметами роскоши Саймон Фронсис сумел скупить к 1356 г. 12 маноров в этом же графстве⁷⁰. Меховщик Генри Бартон, олдермен 1406–1435 гг., купил маноры в Хартфордшире, а суконщик Джон Гедней, олдермен 1425–1449 гг., – несколько маноров в Миддлсексе, в местечке Тоттенхэм⁷¹. Бакалейщик Джон Риверс, олдермен 1565–1584 гг., торговцы предметами роскоши и олдермены XVI в. Лайонел Дакетт и Роджер Мартин, галантерейщик Уильям Гаррард, сукнодел Роланд Хэйвуд и торговец готовым платьем сэра Томас Уайт – олдермены XVI в., купили земли в различных графствах Англии: Кенте, Суррее, Стаффордше, Дерби, Сомерсетшире, Девоне, Глостершире, Ноттингеме, Бэкингемшире, Эссексе⁷². В отдельных случаях можно говорить о стоимости таких покупок. Торговец сукном Уильям Кэпел заплатил в 1486 г. 400 фунтов стерлингов за манор Саут Уоттон в Норфолке⁷³. Бакалейщик XVI в. Джон Риверс купил в 1548 г. недвижимость в Кенте за 263 фунтов 7 шиллингов⁷⁴.

Любопытен тот факт, что во всех перечисленных выше случаях покупки земли в XVI в. речь идет о бывших монастырских и церковных владениях, включавших в себя «маноры, леса и прочие земли»⁷⁵. Такого рода покупки олдерменов относятся к периоду 1548–1559 гг. Особенно преуспели на этом поприще Грэшемы, которые были самыми крупными покупателями из купцов, да и вообще самыми крупными покупателями, и занимали видное место в лондонском купеческом кругу, стояли в первых рядах тогдашней торгово-финансовой аристократии. Ричард Грэшем был олдерменом и лондонским мэром в 1538 г., Джон – в 1547 г. и занимал значительные должности при дворе. Грэшемы заплатили казне свыше 20 тыс. фунтов стерлингов по 13-ти патентам⁷⁶. Самая крупная купля-продажа секуляризованного имущества времени Генриха III была осуществлена 1 октября 1540 г.: сэра Ричарда Грэшема получил патент на некоторые владения трех йоркширских монастырей. Продажная цена составляла 11 137 фунтов 11 шиллингов 8 пенсов. Из условленной суммы Грэшем уплатил немедленно 6870 фунтов 18 шиллингов 4 пенсов. Кроме того, Грэшемы приобрели две десятинные ренты за 928 фунтов и 13 монастырей, лежащих в 6 графствах, особенно в Суррее⁷⁷.

Таким образом, отдельные лондонские олдермены покупали бывшие церковно-монастырские владения не только в Лондоне, но и по всей стране, покупали не только держания, но и целые маноры и значительные комплексы недвижимости.

Для некоторых олдерменов XVI в. особым занятием стали земельные спекуляции. Так, меховщик Генри Хэдсон, участник Московской компании, в 40–50-е гг. активно торговал секу-

ляризованными землями; бакалейщик Эдвард Джекмен, купец-авантюрист и член Московской компании, в 50–60 гг. покупал и продавал аналогичную собственность в Норфолке, Нортхэмптоне, Сассексе и Йоркшире⁷⁸.

Некоторые лондонские олдермены арендовали земельные участки и недвижимость в графствах. Саймон Долсли во второй половине XIV в., кроме держания на правах феода 2/3 манора, арендовал манор в Кенте. Торговец пряностями XIV в. Эндрю Обри арендовал часть манора в Кенте у рыцаря сэра Джона Коубхэма. Суконщик и олдермен 1346–1352 гг. Ричард де Кислингбари завещал жене тоже арендованный участок в манорах Бервик и Карденс в графстве Эссекс. Торговец рыбой и олдермен 1395–1410 гг. Уильям Аскэм арендовал манор Уолворс в Суррее⁷⁹. К сожалению, остаются без ответа вопросы, связанные с условиями аренды.

Какова доходность земельных владений лондонских купцов в графствах? В какой мере они сопоставимы с доходами от торговой деятельности?

Годовой доход от земли в Кенте торговца предметами роскоши Роберта Ларга, олдермена XV в., составлял 15 фунтов⁸⁰. По подсчетам Г. Грэй, в 1436 г. 42 лондонских купца владели землей с годовой рентой свыше 40 фунтов⁸¹. Годовой доход с земель одного из богатейших купцов Джеффри Болейна в 60-х гг. XV в. равнялся 45 фунтов⁸². Могущественный Ричард Грешем в XVI в. ежегодно получал с земель 800 фунтов⁸³. Доход от земель в Кенте, Суррее и Хартфорде меховщика XVI в. сэра Эндрю Джадда составлял 141 фунтов стерлингов в год⁸⁴. Торговцу рыбой и олдермену 1551–1559 г. Томасу Куртсу земельная собственность в Эссексе приносила ежегодно 12 фунтов. Любопытно, что доход от его лондонской собственности оценивался в 1555 фунтов 13 шиллингов 4 пенса⁸⁵. Это в данном случае доказывает экономические преимущества и выгоды от использования городской недвижимости.

С. Трап подсчитала деньги, вложенные в земельную собственность некоторыми лондонскими купцами, не разграничивая владений в городе и в графствах, из расчета в среднем 6–8% годовых на вложенный капитал в XIV в. и 5% – в XV столетии⁸⁶. Приблизительные оценки размеров инвестиций в недвижимость упомянутых выше олдерменов составили: у Роберта Ларга 300 фунтов стерлингов, у других 42 купцов – по 800 фунтов стерлингов, у Джеффри Болейна – 900 фунтов. При этом ко времени своей кончины Джеффри Болейн имел более 2 тыс. фунтов наличными⁸⁷. Для XVI в. доходность недвижимости оценивается исследователями в среднем в 10% на вложенный капитал⁸⁸. Тогда инвестиции в земельные владения Ричарда Грэшема составляли приблизительно 8 тыс. фунтов стерлингов, Эндрю Джадда – свыше 1540 фунтов стерлингов, Томаса Куртса – около 120 фунтов. При этом движимость

сэра Эндрю Джадда, по самым скромным подсчетам, оценивалась более чем в 6 тыс. фунтов⁸⁹. К сожалению, наши источники не содержат сведений о размерах капиталовложений в торговлю Ричардом Грешемом и Томасом Куртсом. Однако картину могут дополнить данные о других олдерменах XVI столетия.

Известно, что стоимость движимого имущества бакалейщика Эдварда Джекмена на момент его смерти в сентябре 1569 г. составляла по меньшей мере 8 тыс. фунтов. Богатство суконщика Уильяма Честера в 1559 г. оценивалось суммами от 7 до 15 тыс. фунтов⁹⁰. А самый богатый елизаветинский купец Джон Спенсер имел 300 тыс. фунтов⁹¹.

Очевидно, что инвестиции в торговлю и доходы, получаемые олдерменами в этой сфере, значительно превосходили по объему инвестиции и доходы с недвижимости. По оценке В.И. Рутенбурга, общая для Европы того времени среднегодовая прибыль от торговой деятельности составляла 17,4%, тогда как прибыль от эксплуатации земель – от 8 до 15% в год⁹². Но инвестиции в рискованную сферу внешней торговли и финансов, с чем прежде всего и были связаны лондонские олдермены, позволяли при благоприятно сложившейся конъюнктуре получить до 65–69% годовых, а в отдельных случаях даже гораздо больше – 200–300%⁹³. Надежда на удачное стечение обстоятельств в опасной стихии рынка заставляла купцов пускаться в рискованные торговые предприятия. Выгода была очевидной: успех сулил приумножение богатств, прираставших в торговых оборотах. Яркий тому пример – суконщик Фрэнсис Банем, олдермен 1568–1576 гг.: своему младшему сыну Бенедикту он оставил по завещанию 2 тыс. 200 фунтов. Бенедикт же, продолжая дело отца, столь активно и удачно торговал, что сумел увеличить наследство до 14614 фунтов, т.е. почти в 7 раз⁹⁴.

Л.П. Репина, изучая лондонских землевладельцев начала XV в., обратила внимание на то, что по крайней мере половина членов ливрейных компаний, верхушку которых составляли олдермены, вообще не имела никаких земельных владений⁹⁵. С. Трап такое явление казалось парадоксальным. Но, может быть, в условиях лондонской действительности XIV–XVI вв. с бурным развитием товарно-денежных отношений и элементов раннего капитализма, особенно в XVI столетии, вложение денежных средств в земельную собственность не было насущной необходимостью и потребностью для значительной части богатейших горожан? С другой стороны, чем руководствовались те олдермены, которые приобретали земли?

Отчасти наличие земельной собственности у представителей купеческой элиты объясняется соображениями престижа: скупка земельных участков в городе и за его пределами являлась одним из способов приобрести влияние и власть,

произвести впечатление на общество, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями⁹⁶.

Необходимо учитывать также, что развитие города происходило в условиях общества, где возможности вложения значительных средств в ремесло, торговлю и кредит были ограничены рамками мелкого производства, узостью рынка. Земля оставалась главной формой общественного богатства. В таких условиях избыточные средства вынуждены были постоянно перетекать в сферу землевладения. Земля в XIV–XVI вв. оставалась наиболее устойчивым видом собственности, объектом наиболее надежного помещения капитала, позволявшим получать регулярный доход⁹⁷. Экономический и социальный риск профессии побуждал даже самых богатых купцов помещать деньги в более обеспеченную и стабильную сферу землевладения.

В XVI в. действовал еще один фактор, стимулировавший приобретение земли купечеством, – увеличение ценности земельной собственности, вызванное несколькими причинами. Видимо, следует учитывать устойчивый рост численности населения Англии на протяжении всего столетия: если в начале века она составляла приблизительно 2,5–3 млн человек, то в конце – 4,1 млн, причем 1/5 часть проживала в городах⁹⁸. Сказывалось и влияние роста цен в течение всего XVI в.: в начале столетия он был следствием финансовой политики государства и порчи монеты; с середины века в Англии, как и всюду в Европе, стало ощущаться влияние «революции цен», которая вызвала подорожание продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. Сказались и многолетние неурожаи, породившие нехватку продовольствия в стране. Голод и дороговизна охватили почти все графства Англии, что устраивало предпринимателей, поставлявших на рынок зерно, мясо, молоко и другие продукты. Во многих случаях земля являлась гарантом выживания в условиях часто случавшихся неурожаев. В этом заключается еще одна причина интереса богатых лондонцев к земле.

Однако в действительности имело место не только вложение купеческого капитала в недвижимость, но и инвестирование в торговлю доходов от рент. М. Постан пришел к выводу, что часто инвестиции в земельную собственность являлись лишь временным помещением свободного капитала, который, в случае необходимости, мог быть вновь мобилизован в сферу торговли и предпринимательства. Таким образом осуществлялось финансирование торговых предприятий купца из его собственных материальных ресурсов⁹⁹. Земельная собственность олдерменов в значительной степени преследовала чисто экономические цели: доход от земельной ренты мог использоваться для расширения коммерческих операций. Приобретая земли, крупные купцы вовсе не прекращали свою торговую деятельность. В конечном счете, именно занятия, связанные с городской экономикой, опре-

деляли социальный облик лондонских олдерменов XIV–XVI вв. Хотя полностью игнорировать значение земельной собственности и наличие определенных тенденций к аноблированию при характеристике лондонской городской элиты невозможно. Следует принять во внимание и неоднократно упоминавшееся постановление мэрии от 1525 г., не только увеличившее имущественный ценз при выборах олдерменов, но и закрепившее возросшее значение земельной собственности в структуре имущества лондонской олигархии. Это тем более удивительно на фоне активизации олдерменов в сфере крупномасштабной торговли. Видимо, богатейшие купцы стремились застраховать себя на случай неудачного хода дел, вкладывая средства в недвижимость. Можно предположить также, что олдермены были склонны подчеркнуть свою возросшую социальную значимость, встать на один уровень с дворянством, что должно стать предметом специального исследования.

Примечания

- 1 См.: *Horrox R.E.* The urban gentry in the fifteenth century // *Towns and townspeople in the fifteenth century* / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22; *Солодкова Л.И.* Проблема «Феодалы в городе» в современной отечественной медиевистике // *Средневековый город. Саратов*, 2002. Вып. 15. С. 163.
- 2 См.: *Horrox R.E.* *Op. cit.* P. 22–44.
- 3 В течение XIV в. профессионально-военное определение «оруженосец» превратилось в почетный титул «эсквайр», свидетельствующий о благородном происхождении и богатстве его обладателя и дававший ему право на свой герб. А в XV в. в Коллегии герольдов и «джентльмены» получили право на титул и герб. (См.: *Mingay G.E.* *The Gentry: The Rise and Fall of Ruling Class*. L.; N.Y., 1976. P. 4–5). Таким образом, к XVI в. вместо двух основных ступеней – баронов и рыцарей – насчитывалось, по меньшей мере, пять: ниже крупной знати стояли высшие рыцари, затем – просто рыцари, эсквайры и джентльмены. (См.: *Гутнова Е.В.* Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV–XV вв. // *Средние века*. М., 1983. Вып. 46. С. 45–46). Следовательно, на протяжении XIV–XVI вв. происходило все более интенсивное «облагораживание» двух низших ступеней иерархии, что постепенно закреплялось в юридическом и сословном плане: строго определялось место каждого из ее рангов в обществе в зависимости от размеров земли и получаемых доходов.
- 4 См.: *Horrox R.E.* *Op. cit.* P. 22.
- 5 См.: *Ретина Л.П.* Феодалы в английском городе от «Книги Страшного Суда» до «Великого мятежа» // *Феодалы в городе: Запад и Русь* / Под ред. А.А. Сванидзе. М., 1996. С. 21.
- 6 См.: *Левцкий Я.А.* Английский город в XI в. (к вопросу о происхождении английского средневекового города) // *Левцкий Я.А.* *Город и феодализм в Англии* / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1987. С. 25–147; *Кириллова А.А.*

- Свободное земельное держание в городах Англии XIII века // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1954. Т. 68, вып. 4. С. 59–90; *Репина Л.П.* Лондонские землевладельцы начала XV века (по данным налогового списка 1412 года) // Городская жизнь в средневековой Европе / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1987. С. 199–219; *Она же.* Феодалы в английском городе ... С. 17–24; *Золотов В.И.* Операции с недвижимостью и социальные ориентиры английского бюргерства и купцов в первой половине XV века // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе: В 4 т. М., 1999. Т. 2: Жизнь города и деятельность горожан. С. 289–293.
- ⁷ Отдельные наблюдения по данному вопросу содержит известное исследование Сильвии Трап о лондонском купечестве. (См.: *Thrupp S.* The merchant class of the medieval London (1300–1500). Chicago, 1948.)
- ⁸ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn // Munimenta Gildhallae Londoniensis / Ed. by Th. Riley. V. 1, p. 1–2. L., 1859–1862. P. 4, 12.
- ⁹ Ibid. P. 32. К. Бэррон относит появление именно городской должности олдерменов Лондона к самому началу XI в. (См.: *Barron C.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford, 2004. P. 136.) К этому времени лондонские олдермены выполняли ряд функций: организация защиты 24-х административных округов и городских ворот, сбор так называемых «датских денег», председательство в судебном собрании своего округа. (См.: *Sheppard F.* London. A History. Oxford, 1998. P. 78.) Финансовые, судебно-административные полномочия олдерменов, как и их обязанности по охране и защите округов сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода. В первой четверти XV в. олдерменам было предписано «особо заботиться о противопожарной безопасности округов»: как известно, пожары были настоящим бедствием для Лондона. (См.: Calendar of Letter-Book preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharp. Letter-Book K. A.D. 1422–1461. L., 1911. P. 60, 109). «Служебные книги» Лондона начинают фиксировать имена олдерменов с 1220 г. Избирались олдермены фрименами возглавляемых ими административных округов города и должны были представлять в муниципалитете интересы этих горожан. (См.: *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. L., 1908. V. 1. P. 121–171). Примерно с этого же времени в Лондоне появляется Суд 24-х (позднее, после 1394 г., – 25-ти и в XVI в. – 26-ти) олдерменов, «попавшихся всегда и во всем поступать в согласии с мэром». (См.: The London Encyclopaedia / Eds. B. Weinreb, Ch. Hibbert. L., 1984. P. 12–13.) Многие исследователи отмечают, что в XIII в. лондонские олдермены составляли уже вполне сложившуюся привилегированную административную верхушку в городе. (См.: *Home G.* Medieval London. N.Y., 1927. P. 108; *Gray R.* A History of London. L., 1978. P. 81; *Barron C.* Op. cit. P. 136.) Олдермены составляли верхушку городской администрации во всех английских городах. (См.: *Мосолкина Т.В.* Традиции самоуправления в городах Англии // Средние века. М., 2002. Вып. 63. С. 187.)
- ¹⁰ См.: *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. L., 1990. P. 9.
- ¹¹ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. L., 1913. V. 2. P. XXXIX.
- ¹² Ibid; Letter-Book L. A.D. 1461–1497. L., 1912. P. 85–86.
- ¹³ *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. XXXIX.
- ¹⁴ В 1640 г. ценз для олдерменов был увеличен на порядок – до 10 тыс. фунтов (см.: *Foster F.* The politics of stability. A portrait of the Rulers in Elizabethan London. L., 1977. P. 97). Столь значительное повышение имущественного ценза отражает колоссальный рост богатства лондонских олдерменов на протяжении XVI – первой половины XVII веков. Это неизбежно должно было произойти, принимая во внимание не столько количественные, сколько качественные показатели развития экономики, социальной сферы и всей инфраструктуры Лондона, превратившегося в этот период в торгово-производственный и финансовый центр международного значения. В ордоне Генриха V от 16 октября 1413 г., обращенном к мэру и олдерменам Лондона, было введено еще одно немаловажное условие: «никто в будущем не будет олдерменом, если он не рожден в Английском королевстве и его отец – не англичанин» (Letter-Book I. A.D. 1400–1422. L., 1909. P. 117). Это королевское предписание, принятое, скорее всего, по просьбе самих лондонских олдерменов, примечательно в нескольких отношениях. Оно позволяет говорить о стремлении представителей столичной правящей элиты закрыть доступ в свои ряды предприимчивым заморским купцам (особенно итальянского и немецкого происхождения), которые некогда пополняли ее состав в силу своего исключительного богатства. Необходимо отметить и очевидно возросшую силу и влияние олдерменов Лондона, сумевших добиться от короля принятия такого решения. Это лишний раз подтверждает общеизвестный факт: с середины XIV в. лондонские купцы начинают весьма активно вытеснять иностранцев из наиболее прибыльных сфер торговли, концентрируют в своих руках огромные по английским меркам средства, становятся конкурентоспособными не только на рынках, но и в вопросе финансирования короны.
- ¹⁵ О городском землевладении лондонских олдерменов см.: *Чернова Л.Н.* Городская недвижимость лондонских олдерменов XIV–XVI веков: структура и использование // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 94–103; *Она же.* Городская недвижимость лондонских олдерменов XIV–XVI вв.: условия владения // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 76–86.
- ¹⁶ См.: Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258–1688 / Ed. by R. Sharp: In 2 v. L., 1889. V. 1. P. 467–468; *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 255.
- ¹⁷ См.: Calendar of wills. V. 1. P. 482–483; *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 383.
- ¹⁸ См.: Calendar of wills. V. 2. P. 476; *Thrupp S.* Op. cit. P. 121.
- ¹⁹ См.: Calendar of wills. V. 2. P. 357–358; *Thrupp S.* Op. cit. P. 361.
- ²⁰ См.: Calendar of wills. V. 2. P. 477–479.
- ²¹ См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 19; *Thrupp S.* Op. cit. P. 321.

- 22 См.: Memorials of the Holles Family. 1493–1656 / Ed. by G. Holles. Camden Third Series. V. LV. L., 1936. P. 22.
- 23 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 36; *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. Appendix. P. 102.
- 24 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 38; *Willan T.* Op. cit. P. 80.
- 25 См.: Calendar of wills. V. 1. P. 276; *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 383; *Thrupp S.* Op. cit. P. 127.
- 26 См.: *Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990. С. 29.
- 27 См.: Calendar of wills. V. 1. P. 276.
- 28 См.: *Reel J. V.* Index to biographies of Englishmen, 1000–1485, found in dissertations and theses. L., 1975. P. 264.
- 29 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 476.
- 30 Ibid. P. 477–479.
- 31 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 19; *Thrupp S.* Op. cit. P. 321.
- 32 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 630.
- 33 См.: Memorials of the Holles Family. P. 23.
- 34 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 611; *Willan T.* Op. cit. P. 97–98.
- 35 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 625.
- 36 Ibid. P. 630–631.
- 37 Ibid. P. 665.
- 38 Ibid. P. 728–729.
- 39 Ibid. P. 668–669.
- 40 Ibid. P. 651–652.
- 41 См.: *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102.
- 42 Ibid. P. 92.
- 43 Ibid. P. 119.
- 44 Ibid. P. 79.
- 45 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 129–130, 111; Calendar of wills. V. 2. P. 668–669, 728–729.
- 46 См.: *Семенов В.Ф.* Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.; Л., 1949. С. 183.
- 47 Там же. С. 162.
- 48 *Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004. С. 69.
- 49 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 106, 129–130, 111.
- 50 См.: Statutes of the Realm of England. L., 1810. V. 4. P. 13.
- 51 См.: Exchequer Papers to 1603. L., 1967. P. 194.
- 52 *Crowly R.* Select Works. L., 1872. P. 67.
- 53 Проповедник Т. Левел о горожанах-фермерах // *Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990. С. 86.
- 54 См.: Calendar of wills. V. 1. P. 499–500.
- 55 См.: *Thrupp S.* Op. cit. P. 233–234.
- 56 См.: *Косминский Е.А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.; Л., 1947. С. 152.
- 57 См.: *Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 45.
- 58 См.: Calendar of Plea and memoranda rolls (1413–1437) of the city of London / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1943. P. 6–7.
- 59 См.: Memorials of the Holles Family. P. 23.
- 60 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 677.
- 61 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 403; *Thrupp S.* Op. cit. P. 322.
- 62 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 395–396, 379.
- 63 Ibid. V. 2. P. 6, 9, 8; *Thrupp S.* Op. cit. P. 329, 338, 328, 373.
- 64 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 6.
- 65 Ibid. P. 9.
- 66 Ibid. V. 1. P. 387; *Thrupp S.* Op. cit. P. 337.
- 67 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 80.
- 68 См.: *Штокмар В.В.* Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 28–29.
- 69 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 1. P. 385, 387; *Thrupp S.* Op. cit. P. 341.
- 70 См.: *Brabrook E.W.* The worshipful Company of mercers of the City of London. L., 1889. P. 12.
- 71 См.: Calendar of wills. V. 2. P. 477–479.
- 72 Ibid. P. 677; *Willan T.* Op. cit. P. 119, 92, 112–113, 97–98, 102.
- 73 См.: Calendar of the Close Rolls. Henry VII. 1485–1500. L., 1955. P. 20, 21.
- 74 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 119.
- 75 Ibid.
- 76 См.: *Савин А.* Английская секуляризация. М., 1906. С. 544.
- 77 Там же. С. 455–456, 552.
- 78 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 102, 105.
- 79 См.: Calendar of wills. V. 1. P. 1–2; V. 2. P. 39, 437–438.
- 80 См.: *Thrupp S.* Op. cit. P. 352.
- 81 См.: *Gray H.L.* Incomes from land in England in 1436 // Economic History Review. 1996. V. XLIX. P. 635.
- 82 См.: *Thrupp S.* Op. cit. P. 128.
- 83 См.: *Ramsey P.* Tudor Economic Problems. L., 1966. P. 130.
- 84 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 106.
- 85 Ibid. P. 89–90.
- 86 См.: *Thrupp S.* Op. cit. P. 123.
- 87 Ibid. P. 126.
- 88 См.: *Ramsey P.* Op. cit. P. 130.
- 89 См.: *Beaven A.B.* Op. cit. V. 2. P. 30; *Willan T.* Op. cit. P. 106.
- 90 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 87.
- 91 См.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 66.
- 92 См.: *Рутенбург В.И.* Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Л., 1951. С. 71–72, 68.
- 93 См.: *Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV вв.: В 2 ч. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 49. Пайщики предприятия Ф. Дрейка в 1577–1580 гг. получили 4700% (!) на вложенный капитал. (См.: *Малаховский К. В.* Кругосветный бег «Золотой лани». М., 1980. С. 105).
- 94 См.: *Willan T.* Op. cit. P. 79.
- 95 См.: *Ретина Л.П.* Лондонские землевладельцы начала XV века (по данным налогового списка 1412 года). С. 112.
- 96 См.: *Horrox R.E.* Op. cit. P. 22; *Hunt E.S., Murray J.M.*

A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. Cambridge, 1999. P. 53.

⁹⁷ Как отмечает И.А. Краснова, применительно к реалиям Флоренции XIV–XV вв. земельные фонды в большинстве случаев играли роль не столько источника наживы, сколько гарантии капитала, вложенного в торговлю и производство: на земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно выступало в качестве залога, под который брали

кредит, и средства возмещения долгов, создавало материальную базу репутации, необходимой для получения кредита. (См.: Краснова И.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 45). Все это применимо и к истории Лондона XIV–XVI столетий.

⁹⁸ См.: Clarkson L.P. The Preindustrial economy of England. L., 1971. P. 26.

⁹⁹ См.: Postan M.M. Medieval trade and finance. Cambridge, 1973. P. 14.

УДК 061.236.6(410.111)«16/17»

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ЛОЖИ ЛОНДОНА: НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ МАСОНСКОЙ ИСТОРИИ

С.Е. Киясов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Автор рассматривает процесс рождения первой в истории масонства Великой ложи Лондона. В статье оспаривается традиционная версия происхождения «вольных каменщиков», связующая их с древними мистериями и строительными братствами. Это таинственное движение представлено здесь организационным воплощением устремлений европейских интеллектуалов, которые пытались содействовать утверждению в общественном сознании гуманистических и просветительских идеалов, подкрепленных итогами Английской революции.

The Establishment of London Grand Lodge: the Beginning of the Contemporary Masonic History

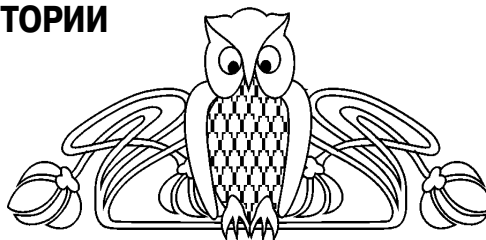
S.E. Kiyasov

The author examines the process of creation of London Grand freemasons Lodge the first lodge in the history of freemasonry. The author disputes the traditional version of "freemasonry" origin, which presupposes their close connection with ancient mysteries and stone-mason brotherhoods. This mysterious movement is presented as organizational embodiment of aspirations of European intellectuals, who tried to assist the establishment of ideas of humanism and enlightenment, reinforced by the results of the English revolution, in the minds of people.

Начиная отсчет современной масонской истории, исследователи традиционно обращаются к провозглашению Великой ложи в Лондоне¹.

Как же произошло столь важное для понимания сути масонства событие? Что ему предшествовало? Каковы были организационные особенности новой ложи? В чем заключались ее функции? Какими оказались начальные шаги движения? Вот лишь некоторые вопросы, которые могут возникнуть у любого желающего проникнуть в тайны этой эпохальной модернизации.

Первая в истории Великая ложа – важнейшее звено будущей мировоззренческой и организационной экспансии «вольных каменщиков» – начала

работу 24 июня 1717 г., в день Иоанна Крестителя². С этого момента масоны Англии получили возможность легального существования и, следовательно, самого широкого распространения в обществе. Обновленное движение быстро заменило собой старые масонские ложи, известные в стране с XV века³. Последние не сумели сыграть заметной роли в общественно-политической жизни страны вследствие разрозненности и многочисленности участников. Свои коррективы внесла чрезмерная таинственность, а также привязанность к архаичным обрядам и символике, восходящим к средневековым ремесленным гильдиям.

Конституирование Великой ложи Лондона сориентировало масонское движение в сторону его превращения из явления камерного и малоаметного в весьма заметный по своим масштабам идеологический и социальный феномен современности.

Сама процедура создания Великой ложи, как сообщается в масонской книге Конституций, представляла собой встречу делегатов четырех лож лондонского Сити. Они собрались в ложе-таверне «Гусь и Противень» (The Goose and Gridiron), расположенной во дворе кафедрального собора Святого Павла, где и объявили о союзе⁴. При этом одна из лож, вошедших в союз, располагалась в пивном зале «Корона» (The Crown) возле Друрилейн; другие – в тавернах «Кубок и Виноградные грозди» (The Rummer and Grapes) в Вестминстере и «Яблоня» (The Apple Tree) в Ковент Гарден⁵.

В подобном же ключе передают развитие событий многочисленные историки⁶. Отметим, что собрания Великой ложи Лондона проводились с согласия властей и расценивались в качестве совершенно невинной инициативы⁷.

Дата рождения первой Великой ложи подтверждена источниками предельно точно и не

вызывает никаких сомнений. Однако требуют уточнения многие подготовительные детали случившегося. К сожалению, историки не уделяют им большого внимания и даже смешивают некоторые события. Например, американский исследователь Джон Робинсон упоминает о предварительном собрании «вольных каменщиков» в таверне «Яблоня» в связи с учреждением Великой ложи⁸.

Досадные неточности, наряду с утвердившимся лапидарным характером подачи фактического материала, способствуют рождению и тиражированию несколько упрощенных оценок произошедшего в Лондоне события⁹.

Так, к категории прописных истин отнесены не только причины (на самом деле до конца не выясненные), но и время принятия английскими масонами так называемых «объединительных» решений. При этом историки избирательно и зачастую поверхностно ссылаются на сведения, содержащиеся в книге масонских Конституций. Парадокс ситуации заключается в том, что слабее всего ими изучен и освещен тот раздел единственного источника, в котором отображена процедура создания Великой ложи.

Многочисленные авторы раз за разом упоминают привычные, а потому кажущиеся им более значительными эпизоды из этой поистине харизматической книги Джеймса Андерсона. Так, они с завидным постоянством сообщают о торжественном въезде 20 сентября 1714 г. в Лондон короля Георга I (1714–1727). Принято считать, что этот факт служит важнейшим хронологическим ориентиром для определения начала масонской консолидации. Не менее часто историки ссылаются и на сакраментальную фразу из масонского протокола, подтверждающую решимость четырех столичных лож объединиться вокруг Великого мастера¹⁰.

При этом даже в новейших работах крайне редко упоминается о весьма важном предварительном собрании лондонских масонов¹¹. Еще одно досадное упущение историков вообще носит характер труднообъяснимого казуса. По непонятным причинам большинство из них предпочитает полностью игнорировать главную, а потому специально выделенную автором Конституций причину назревшего к 1717 г. объединения – полнейшее бездействие сэра Кристофера Рена (1632–1723), великого английского архитектора, характеризуемого в качестве признанного лидера и последнего Великого мастера старых масонов Лондона¹².

Не менее важным фактором, способствующим скудному и единообразному освещению процесса образования Великой ложи, является раритетный характер основного источника – книги масонских Конституций¹³. Далеко не все исследователи предпочитают знакомиться со всеми ее вариантами. А сделать это необходимо, поскольку основные разделы масонской Библии, в том числе интересующие нас исторические хроники, отличаются друг от друга в зависимости от года издания.

Полный комплект изданий знаменитой книги можно отыскать в Англии, на родине современного движения «вольных каменщиков»¹⁴. Он собран в коллекции масонской литературы главной библиотеки Оксфорда, носящей имя сэра Томаса Бодлея (T. Bodley)¹⁵.

Наиболее интересными для исследовательского прочтения являются первые три издания книги масонских Конституций¹⁶.

Издание 1723 г., самое краткое и наспех скомпонованное, скорее всего, стало плодом коллективного творчества. Любопытно, что Джеймс Андерсон, перу которого традиционно приписывается весь текст сочинения, не упомянут здесь в качестве автора ни разу¹⁷. В то же время соавтором книги представлен Джордж Пейн (George Payne). Как свидетельствует предуведомление к одному из важнейших разделов сочинения, этот человек, исполняя поручение Великой ложи, подготовил публикацию *Общего Регламента* (General Regulations)¹⁸. Таким образом, бывший и самый «долгодействующий» Великий мастер оказался родоначальником столь хорошо известного всем классического устройства масонской ложи, подразделяющего братьев на учеников, подмастерьев и мастеров.

Помимо *Общего Регламента*, в первое издание Конституций было включено небольшое *Вступление*, по-видимому, написанное Джоном Теофилом Дезагюлье (1683–1744), а также небольшой исторический очерк и *Предписания* (The Charges) «вольных каменщиков»¹⁹.

Второе издание книги Конституций, вышедшее под слегка измененным названием, оказалось подготовленным более тщательно. На сей раз его несомненный автор – Д. Андерсон – сосредоточил в руках все нити творческого процесса. Как результат – на титульном листе впервые появились его имя и фамилия²⁰. Новое сочинение вынашивалось достаточно долго, в течение 1735–1738 годов²¹. Тем самым его автор располагал более значительным временем для работы над рукописью, чем накануне явно рекламной и пробной публикации 1723 года.

По своей структуре переиздание книги Конституций не сильно отличалось от оригинала. Существенными добавлениями здесь оказались *Список Великих мастеров Англии* и *Перечень лондонских лож*. Что же касается ее традиционных и основополагающих разделов (*История масонства*, *Предписания* «вольных каменщиков», *Общий Регламент*), то они оказались дополнены свежими материалами. Особенно сильно изменился исторический очерк, посвященный различным этапам масонского движения. По сравнению с первым вариантом он увеличился на добрую сотню страниц²². В нем были впервые упомянуты события 1717 г., а также подробно рассказывалось об архитектурно-масонской деятельности сэра Кристофера Рена²³.

Таким образом, именно «Новая книга Конституций» является по-настоящему авторским сочинением. Только это издание можно смело отождествлять с творчеством и персоной Джеймса Андерсона. Последующие редакции книги Конституций, которые выдерживали старое название, традиционную форму, а также сохраняли авторские права этого человека, лишь закрепили сложившееся положение вещей.

Впрочем, соблюдение пиетета по отношению к создателю манифеста нового масонства не мешало Великой ложе вносить в ее основной вариант текущие дополнения и поправки, касавшиеся, в основном, исторического очерка. Это делалось путем наделения специальными полномочиями масонских редакторов. Впервые такого литературного куратора получило третье по счету издание, появившееся в 1756 году²⁴. Им оказался Великий смотритель (Grand Warden) гротмейстерской ложи Джон Интейк. Подготовленный с его участием вариант получил в научной литературе название книги Конституций Интейка (The Constitutions John Entick)²⁵. Порядок текущих «доработок» сочинения сохранялся вплоть до возникновения в 1813 г. Объединенной Великой Ложи Англии, которая отказалась признавать доминирующую роль книги Конституций.

Что же предшествовало решению нескольких лондонских лож «сплотиться вокруг одного Великого Мастера, как центра Единения и Гармонии»²⁶?

Ответ на этот вопрос предполагает достаточно пространственный ретроспективный очерк, поскольку события 1717 г. были теснейшим образом связаны с предшествующей эволюцией английского масонства.

Как уже отмечалось, специалисты до сих пор ведут дискуссии относительно происхождения и времени появления масонов-философов, заложивших основы современного духовно-нравственного Ордена. При этом они указывают на тесные связи между новым спекулятивным (философским) и оперативным, т. е. ремесленным масонством. Считается вполне доказанным, что современное движение «вольных каменщиков» во многом основывается на традициях, заложенных минувшими поколениями мастеров-строителей. Следы такого влияния истории масонства прослеживаются во многих европейских странах, включая Великобританию.

В наши дни привычная, но во многом устаревшая версия о сугубо ремесленном происхождении «вольных каменщиков» переживает существенную корректировку²⁷. В рамках этого процесса первостепенное значение приобретает вопрос об инициаторах, а также причинах сакрализации строительного ремесла, осуществленной в процессе зарождения современного масонского движения в Англии. Именно здесь, в стороне от раздираемой религиозными войнами континентальной Европы, сложился и был щедро расцве-

чен мифами и легендами механизм превращения ремесленных структур в декоративно-строительные, философские ложи. Эти таинственные и по-прежнему остающиеся в стороне от внимания специалистов явления общественной жизни требуют самого пристального осмысления.

Что же касается многочисленных совпадений, возникающих при экскурсе в историю строительного ремесла и раннего масонского движения, то, на наш взгляд, не следует их сильно преувеличивать. Нет достаточных оснований и для признания полной идентичности этих направлений в становлении обновленного масонства. Совершенно очевидно, что первостепенную роль в его рождении сыграли вовсе не ремесленники, озабоченные поисками новых источников дохода, а также не их, во многом случайные покровители-аристократы. На первый план здесь явственно выступают представители интеллектуальной элиты, которые традиционно следовали духу времени и пропагандировали передовые взгляды. Именно они заинтересовались аллегорическим и эзотерическим содержанием старых строительных гильдий. Означало ли это превращение блестящих ученых в завсегдатаев рабочих посиделок? Вовсе нет, хотя представители ремесленных структур принимали участие в создании Великой ложи и даже попадали в число ее первых высших должностных лиц. В частности, по свидетельству Джеймса Андерсона, вполне «пролетарским» оказался начальный состав Великих смотрителей этой организации²⁸. И все же такие назначения оказались лишь данью традициям, необходимыми элементами декораций, которые всегда играли подчиненную роль, хотя, конечно, доступ рабочим в масонские ложи не закрыт и в настоящее время. Нет смысла полагать, что возглавившие движение интеллектуалы выступили некими духовными наставниками мастеров-строителей. Все дело в том, что, проявив интерес к проблемам духовного и символического строительства, высокоученые мужи Англии изначально получили доступ не в ремесленные гильдии, а в давно сложившуюся, живущую по своим законам и независимую от рабочей массы руководящую элиту этих структур. Она состояла из «воспринятых масонов» (accepted masons), которые, прежде всего, являлись благородными и состоятельными членами торговых ливрейных компаний, с которыми, начиная с XV в., сотрудничали гильдии каменщиков и других смежных строительных профессий²⁹.

Исходя из этого, можно констатировать, что новые масоны к моменту своей решающей консолидации в рамках Великой ложи давно прервали какие бы то ни было контакты с патриархальными каменщиками-ремесленниками. Главной спецификой деятельности квази-масонов, оказавшихся под влиянием просветительской пропаганды, стало превращение их внеремесленных

лож в центры естественнонаучной и теософской деятельности, столь модной в протестантских странах Европы³⁰.

Первым масоном-интеллектуалом Англии историками назван и признается Элиас Эшмол³¹. До нашего времени дошли его краткие, но достаточно любопытные дневниковые записи о вступлении в ложу. Они гласят: «Год 1646. 16 октября, 4 часа 30 минут пополудни. Я был сделан франкмасоном в Уоррингтоне, в Ланкашире, вместе с Генри Мейнуорингом из Карингема, Чешир. Имена находившихся в ложе: мистер Рич Пенкет (смотритель), мистер Джеймс Колбер, мистер Рич Сэнчей, Генри Литтлер, Джон Эллем, Рич Эллем и Хью Бревэр»³².

Еще раньше, в мае 1641 г., членом шотландской ложи стал лорд Роберт Морей³³. Отметим в этой связи, что закордонные ложи существовали на территории Англии вплоть до начала XVIII столетия. В 1701 г. одна из них была создана в графстве Нортуберленд. Последняя шотландская ложа на английской земле – в 1725 г. – появилась в пограничном графстве Дарем³⁴. Разумеется, возникновение в Англии первых спекулятивных масонских сообществ было связано не только с внешним влиянием. Оно может быть объяснено внутренними общественно-политическими переменами, намечившимися к середине XVII столетия. Во всяком случае, известно, что численность масонов после начала пуританской революции значительно увеличилась. Именно «смутные времена» английской истории дали во многом решающий толчок сложной и противоречивой эволюции масонского братства, закончившейся несколько десятилетий спустя созданием первой Великой ложи.

Сразу же отметим, что каких-либо достоверных данных, освещающих участие английских масонов в революции, не существует. Их отсутствие – достаточно убедительное свидетельство более позднего организационного оформления спекулятивного масонского движения. Присоединение к отдельным ложам немногочисленных английских интеллектуалов и аристократов такой вывод только подтверждает.

Тем не менее среди «чрезвычайного» пополнения лож могут быть названы громкие, хорошо известные фамилии. Помимо упоминавшихся Э. Эшмола и Р. Морей, масонами стали генерал Д. Монк и будущие члены Королевского общества Р. Холм и Д. Обри³⁵. В конце концов, все они оказались в лагере сторонников конституционной монархии и пережили политические потрясения без особых для себя потерь. Однако были ли эти люди заговорщиками и противниками правящей династии Стюартов? Сделать такой вывод весьма затруднительно даже для самых ярких противников масонства³⁶. Достаточно упомянуть хотя бы некоторые эпизоды их биографий. Так, генерал Джордж Монк (1608–1670) был не только соратником Кромвеля, но и человеком, который

осуществил реставрацию династии Стюартов в 1660 г. Его коллега и будущий лорд-казначей Шотландии Роберт Морей также вряд ли может быть отнесен к числу сторонников свержения династии Стюартов. Вплоть до своей смерти в 1673 г. этот человек входил в число ближайших советников нового короля, а рыцарское звание получил из рук казненного в годы революции Карла I³⁷.

Особыми отношениями со свергнутой династией, несмотря на свои весьма «вольные» убеждения, были связаны и представители интеллектуальной элиты. Добавим, что после вступления в масонские ложи все они должны были принести клятву личной верности Стюартам³⁸. В частности, активным роялистом и убежденным сторонником реставрации являлся Элиас Эшмол³⁹.

Более ясную и акцентированную политическую позицию занимали в этот бурный период масоны-эмигранты. Наиболее ярко она прослеживается в действиях ирландских и шотландских гвардейцев короля Якова II Стюарта. После переворота 1688 г., приведшего к низложению этого монарха, масоны-роялисты перенесли свою деятельность в Париж⁴⁰. Отсюда бескомпромиссные противники новых английских властей активно участвовали в так называемых якобитских восстаниях, продолжавшихся вплоть до середины XVIII столетия⁴¹.

Наметившееся в годы гражданской войны противостояние между масонами – сторонниками Стюартов и их противниками – оранжистами носило длительный характер⁴². Следы такого конфликтного сосуществования можно легко обнаружить и в решающих для судеб движения событиях начала XVIII столетия. Так, герцог Филипп Уортон (Wahrton), один из первых Великих мастеров лондонской ложи, оказался убежденным якобитом⁴³.

Несмотря на произошедший в революционный период организационный раскол, спекулятивное масонское движение в Англии уцелело, сохранив поначалу верность старой династии. Это немаловажное для понимания подлинных истоков его будущего реформирования обстоятельство подчеркивают, хотя и кратко, новейшие исследователи⁴⁴. Такому развитию событий способствовала и реставрация, достаточно быстро сменившая протекторат Кромвеля. Почти три десятилетия Англия переживала последствия братоубийственных батальи в достаточно комфортных условиях немного скорректированного «старого порядка». В то же время политические события и перемены, последовавшие после Славной революции 1688 г., стали важным побудительным мотивом для ревизии некоторых аспектов деятельности по-прежнему сохранявших инкогнито английских «вольных каменщиков».

Трагическое и кровопролитное противостояние времен гражданской войны оказалось для англичан лучшим аргументом в пользу необходимости национального примирения и общественной

консолидации. Решающая роль в этом процессе отводилась Ганноверской династии, призванной развернуть знамена конституционной монархии. На стороне многообещающей идеи оказались не только влиятельные политики, но и люди науки, интеллектуалы, активно выступавшие за конституционно-правовые и либерально-демократические пути развития страны. Сильнейшее искушение сыграть в надвигающихся общественных реформах первую скрипку накладывалось на вполне реальные и все более возрастающие возможности интеллектуальной элиты Англии.

На рубеже XVII–XVIII столетий ее влияние было достаточно велико. Оно подкреплялось не только научными и культурными достижениями. В стране действовали многочисленные тайные интеллектуальные объединения и союзы. Еще накануне революции просвещенная Англия была захвачена влиянием эзотерического Ордена розенкрейцеров, одним из проводников которого был, в частности, автор «Новой Атлантиды» Фрэнсис Бэкон (1561–1626)⁴⁵. Знаменитый философ и политик всячески восхвалял такую общественную организацию, в которой исключительное положение занимают ученые. Практическое осуществление этой теории привело к созданию Робертом Бойлем (1625–1691), родоначальником научного аналитического метода, так называемого «невидимого колледжа» в Оксфорде. Впоследствии этот союз ученых, действовавший в течение 1648–1659 гг., был преобразован в Королевское Общество⁴⁶.

Помимо хорошо знакомых нам Роберта Морея, Элиаса Эшмола и Кристофера Рена, членами «невидимого колледжа» оказались астроном сэр Пол Нейл, врач Джонатан Годдерд, математики Лоренс Рук, Уильям Болл и Уильям Петти⁴⁷.

Деятельным создателем тайных обществ в послереволюционной Англии выступал и философ-рационалист Джон Толанд (1670–1722). Для своих «сократических» клубов он разрабатывал специальные ритуалы, весьма напоминавшие масонские⁴⁸.

Таким образом, в своем стремлении к объединению и созданию Великой ложи лондонские масоны не были оригинальны. Они опирались на опыт и традиции других тайных организаций, деятельность которых оставила заметный след в общественно-политической жизни Великобритании XVII–XVIII столетий.

Истоки анализируемых процессов теснейшим образом связаны с «культурным взрывом» эпохи Возрождения. Крупнейшие мыслители нового времени, выступая против схоластики и критикуя засилье католицизма, способствовали возникновению первых тайных философских ассоциаций, перешагнувших национальные границы. Так, деятельность Ордена розенкрейцеров в XVII веке распространилась по Германии, Голландии, Франции, Италии и Великобритании⁴⁹. Заметим, что розенкрейцеры получили известность не только

в качестве затворников-алхимиков, но и как миссионеры, устремляющиеся в самые отдаленные места, чтобы открывать там больницы и облегчать страдания людей⁵⁰.

Как показывают изыскания современных специалистов, им не были чужды и политические размышления радикального характера⁵¹.

Следует подчеркнуть, что использование интеллектуалами нового времени элементов «просветительской конспирации» носило во многом вынужденный характер⁵². Многие столетия деятельность передовых европейских ученых и философов была сопряжена со значительным риском и зачастую не могла осуществляться открыто. Достаточно сказать, что проповедуемые ими учения подрывали основы клерикального мировоззрения, тщательно охраняемого инквизицией и Священным престолом.

Значительный толчок формированию интернационального союза европейских интеллектуалов обеспечили Реформация и Тридцатилетняя война (1618–1648). Первое из названных событий способствовало легальному объединению противников католической церкви, второе – их перемещению и сосредоточению в наиболее безопасных для распространения инакомыслия странах континента, в том числе в Англии. Среди многочисленных эмигрантов оказался цвет западноевропейских интеллектуалов, последователей «розенкрейцерского просвещения»⁵³. Последующие события показали, что учение мистиков-розенкрейцеров стало весомым компонентом в деле формирования идеологии современного масонства. Легко прослеживается присутствие потомков беглецов-протестантов и среди организаторов Великой ложи Лондона⁵⁴.

Переворот, наблюдавшийся в европейском общественном сознании на протяжении XVI–XVIII вв., привел к формированию единого социокультурного пространства, столь необходимого для развития фундаментальных ценностей современной европейской цивилизации. У истоков этого мировоззренческого процесса, сказавшегося на ходе всемирной истории, находилось наследие наиболее ярких представителей континентальной творческой и научной элиты. Среди них – Т. Кампанелла, Д. Бруно, Т. Парацельс, Т. Мор, Д. Локк, Ф. Рабле, Б. Паскаль, Р. Декарт, М. Монтень и многие другие выдающиеся мыслители переходной эпохи.

Под влиянием передовых концепций западное общество было подготовлено к восприятию новых, более демократичных и светских форм интеллектуального движения. Среди них наиболее универсальными структурами, по-видимому, оказались созерцательные масонские ложи, которые отнюдь не случайно появились на территории самой свободной европейской страны – в Англии, а также в ее столице.

Масонское движение в Лондоне имело свои особенности. Главным его преимуществом стало

наличие лидеров, которые сумели реорганизовать движение на новых принципах. Однако, по свидетельству Джеймса Андерсона, к 1693 г. здесь действовало немногим более десятка спекулятивных лож⁵⁵.

В начале XVIII столетия перед спекулятивными масонами Англии и, в частности, Лондона были сформулированы новые задачи. Они диктовались сменой вектора развития страны, которая окончательно освободилась от старой династии. Приход к власти Ганноверского дома, состоявшийся в 1714 г., означал неминуемую переориентацию движения «вольных каменщиков» и появление в его рядах новых лидеров.

Долгая череда организационных преобразований, захватившая спекулятивных каменщиков Англии, завершилась поистине революционным прорывом. На историческом заседании 24 июня 1717 г. в таверне «Гусь и Противень» были выбраны должностные лица Великой ложи. Ее первым гроссмейстером стал дворянин Энтони Сейер (1672–1742)⁵⁶.

Поиск действительных вдохновителей нового движения заставляет более внимательно присмотреться к некоторым членам Королевского Общества и другим представителям интеллектуальной элиты Лондона. Только они были способны выступить в качестве идеологов и организаторов нового масонского движения.

По нашему мнению, окончательному сближению интеллектуалов и масонских структур содействовала многогранная деятельность астронома, математика и главного королевского архитектора сэра Кристофера Рена⁵⁷.

Источников, подтверждающих версию его значительного вклада в подготовку событий 1717 г., практически не сохранилось. На первый план среди них вновь выдвигается сочинение Джеймса Андерсона. Только здесь можно получить наиболее полные сведения о масонской карьере выдающегося архитектора. Другой вопрос, насколько они соответствовали действительности.

Как сообщается в книге Конституций, в братстве оперативных «вольных каменщиков» К. Рен, согласно своему положению, занимал высшие административные посты. В последующие годы он сблизился с масонскими структурами еще теснее, и ему дважды принадлежал пост Великого мастера столичного оперативного масонства⁵⁸.

Однако во многом обоснованное недоверие к такому «узковедомственному» источнику, каким является книга Конституций, разделило историков масонства в их отношении к персоне Кристофера Рена. Испытывал сомнения по поводу его масонской активности и такой признанный знаток истории Великой ложи, как англичанин Альберт Кэлверт⁵⁹.

Особую путаницу в ученой среде вызвало сообщение интеллектуала-эссеиста Джона Обри (1626–1687) о масонской инициации К. Рена, яко-

бы состоявшейся 18 мая 1691 г. в соборе Святого Павла⁶⁰. Нетрудно заметить, что эта дата полностью расходится с версией событий Джеймса Андерсона, писавшего о более ранней процедуре вступления королевского зодчего в ряды масонского Ордена. Столь вопиющее противоречие окончательно поставило под сомнение роль Рена в процессе масонского Возрождения.

И все же участие сэра К. Рена в коллизиях, предшествовавших образованию Великой ложи Лондона, не может быть оспорено и отмечено полностью. Его роль в рассматриваемых событиях прослеживается уже в самом озвучивании идеи воссоздания строительного цеха в новом духовно-мистическом облике, в той идее, которая была заложена в реализованных силой его духа величайших творениях зодчества. Известно также о существовании масонской ложи, появившейся в окрестностях собора Святого Павла в 1691 г. Ее создание в разгар весьма длительного строительства многое проясняет. Прежде всего, становится понятным смысл противоречий в интерпретациях масонской карьеры Рена, предложенных Д. Андерсоном и Д. Обри. Если первый автор сумел представить подробную версию только официально-строительной деятельности этого человека, то второй явно предпочел сообщить лишь о начале его спекулятивных масонских увлечений. Добавим к сказанному, что сам архитектор являлся мастером вышеупомянутого масонского братства, получившего после его смерти название ложи Древности⁶¹.

Присутствие К. Рена на посту мастера ложи при соборе Святого Павла, равно как и факт его инициации в этом братстве, снимает вопрос о его участии в процессе масонского Возрождения. В пользу очевидной причастности маэстро к этим событиям свидетельствует и другое немаловажное обстоятельство. Как утверждают документы, провозглашение Великой ложи состоялось в таверне «Гусь и Противень». Совершенно очевидно, что выбор места для проведения решающего собрания лондонских масонов в 1717 г. не был случайным. Ведь оно состоялось в таверне, которая также располагалась на территории собора Святого Павла⁶². Скорее всего, ложа Святого Павла и ложа-таверна «Гусь и Противень», в которой состоялось центральное событие современной масонской истории – одна и та же масонская структура! Такое совпадение вновь подтверждает, что рассматриваемые события были теснейшим образом связаны с предшествующей деятельностью К. Рена, без преувеличения явившегося воплощенным в человеческую плоть образцом масонских представлений о Великом Архитекторе Вселенной.

И все-таки зодчий, по-видимому, не принимал непосредственного участия в создании Великой ложи. К этому времени он достиг весьма преклонного возраста и не мог проявить необходимой энергии. Об утрате им контроля над развитием событий свидетельствует и тот

факт, что предварительное собрание состоялось в таверне «Яблоня». Позднее из состава именно этой ложи были выбраны первые должностные лица Великой ложи, в частности, Великий мастер Энтони Сейер. Только в 1718–1720 гг. бывшая ложа Святого Павла, располагавшаяся в таверне «Гусь и Противень», вернула утраченные позиции, и Джордж Пейн, а затем Джон Теофил Дезагюлье, сменяя друг друга, стали очередными Великими мастерами. Таким образом, сообщение Андерсона о недееспособности старого Великого мастера скорее соответствовало действительности. Однако былые заслуги К. Рена в трансформации старого оперативного масонства не были забыты отцами-основателями нового масонского движения. В 1723 г. название масонской ложи Святого Павла оказалось первым в списке дочерних структур Великой ложи Лондона.

Основную роль в образовании масонского движения сыграли, скорее всего, Джон Теофил Дезагюлье и Джеймс Андерсон. Достаточно сказать, что они были главными составителями его первых программных документов. Именно их усилия завершили масонское Возрождение и унифицировали движение «вольных каменщиков», представив его в том виде, в котором оно существует и поныне. Значительную поддержку в этой деятельности реформаторы получили от членов Королевского Общества. Американский историк Уильям Вейсбергер пишет о немедленном присоединении к новому движению известного астронома сэра Джорджа Паркера, который с 1752 по 1764 г. возглавлял это сообщество ученых. Активным «вольным каменщиком» был его предшественник на посту академического президента Мартин Фолкс (1741–1752). Историк сообщает также о членстве в первых спекулятивных ложах некоторых профессоров Оксфорда. В этот список попали Джеймс Брэдди, Джон Кейл, Томас Пеллет, Джон Мэчин, Брук Тэйлор и сэр Ричард Маннингхэм⁶³.

Однако реформа 1717 г. не принесла быстрых результатов. Спекулятивное движение по-прежнему оставалось объединением немногочисленных интеллектуалов и переживало значительные организационные трудности. Главная из них – ограниченное количество лож, признавших преобразования и главенство квартета «исторических» братств⁶⁴. В результате период становления нового спекулятивного движения прошел в исключительно трудных условиях. Одной из наиболее сложно решаемых проблем для руководства масонского союза стала наполняемость лож. По-видимому, в самом начале существования Великой ложи масонские собрания были делом достаточно редким, и численность «вольных каменщиков» была по-прежнему незначительной⁶⁵.

Нарочитая лояльность руководства Великой ложи по отношению к властям, а также наметившиеся контакты с представителями правящего класса скорректировали тактику действий. В

частности, достаточно быстро была прекращена практика проведения масонских собраний в питейных заведениях. Такое решение изменило судьбу квартета лондонских таверн, составивших Великую ложу. Они получили не только новые места дислокации, но и названия⁶⁶.

Постепенно состав Великой ложи пополнялся другими масонскими братствами. Гравированный список, появившийся в 1723 г., насчитывал двенадцать лож⁶⁷. К 1729 г. масонский союз объединял уже двадцать семь лож, а к середине столетия – более тридцати, включая первые зарубежные представительства в Париже, Праге и Вене⁶⁸.

Итак, при всех достаточно серьезных противоречиях и недоговоренностях, проскальзывающих в описании событий 1717 г., высвечивается главное. Как уже отмечалось, у истоков Великой Лондонской ложи находились столичные интеллектуалы, члены Королевского Общества и тайные розенкрейцеры, мечтавшие о создании чисто английского просветительского общества. Правда, не следует в этой связи рассматривать масонский Орден всего лишь как специфическую великосветскую организацию. Случись подобное, масонские ложи вряд ли сохранили бы свою независимость. К тому же в Лондоне для «вольных каменщиков» уже существовали весьма серьезные конкуренты, которые, однако, не сумели одержать победу. Таковыми являлись многочисленные клубы – закрытые аристократические и богемные собрания, продолжающие свое ритуальное существование и в наши дни.

«Клубная мода», несомненно, повлияла на организационное оформление масонского движения. Однако реформаторы нового движения руководствовались более широкими планами, нежели очередная модернизация скучно-обязательных светских собраний. Очень ярко и точно специфику масонской работы передает французский историк Поль Нодон. По его словам, «влияние франкмасонства и его роль не могут измеряться ни численностью, ни количеством новообращенных, ни пропагандистскими успехами. Ему достаточно оставаться верным своей сущности – быть центром союза между людьми, которые иначе бы остались навсегда разьединенными; очагом обретения полноты человечности без различия расы, мнений и религий»⁶⁹.

Выдающаяся активность и несомненные успехи, достигнутые в области укрепления «социальной вертикали» представителями интеллектуальной элиты Англии, были, конечно же, не случайны. Новые демократические условия общественной жизни, сложившиеся по итогам Славной революции и прихода к власти Ганноверской династии, значительно укрепили ее влияние. Дух либерализма и свободы, воцарившийся в Англии, создававшей образцовую модель цивилизации, продиктовал иные принципы организации власти, а также проник в сферу взаимоотношения

интеллектуалов и правящего класса. В этих условиях масонское движение, существуя легально, превратилось в некоторое подобие французского Ордена Почетного легиона, укрепившего позднее единство и мощь империи Наполеона Бонапарта. Принятие в ложу становилось признанием заслуг, честью, которой лучшим представителям общества предстояло неустанно добиваться.

На рубеже XVII и XVIII столетий тайное масонство Великобритании было преобразовано в созерцательные и философские ложи «вольных каменщиков», а старые инструменты строителей-виртуозов – циркуль, наугольник, молоток, отвес – предстали в качестве символических атрибутов обновленного братства. Его блестящие перспективы были предопределены самим временем. Революционная эпоха в Англии придала цеху «вольных каменщиков» форму либерального общественного движения, которое быстро переросло национально-государственные рамки.

Примечания

- 1 См.: *Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris, 1987. P. 32; Робинсон Д. Масонство. Забытые тайны. М., 2000. С. 247; Харитонович Д.С. Масонство. М., 2001. С. 43; Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. М., 2003. С. 230.*
- 2 Иоанн Креститель (Предтеча) – христианский святой. Вплоть до настоящего времени масоны отмечают этот день торжественными мероприятиями.
- 3 Наиболее известной среди них считалась ложа Йорка, созданная по воле короля и занятая строительством местного кафедрального собора (см.: *Уайт А.Э. Новая энциклопедия масонства. СПб., 2003. С. 130).*
- 4 *The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons / Containing their history, charges, regulations, etc... By James Anderson; Carefully revised, continued and enlarged, with many additions, By John Entick. L., 1756. P. 188–189 (далее в тексте – The Constitutions).*
- 5 *The Constitutions... P. 188–189.*
- 6 См.: *Bullock S.C. Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill; L., 1996. P. 9–11; Fischer-Colbric G., Forsthuber G., Baresch K. Erbe der Aufklärung Die Freimaurer loge «Zu den sieben weisen» in Linz 1783–1799. Linz, 1999. S. 301; Piatigorsky A. Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1999. P. 38 etc.*
- 7 Например, в июне 1722 г. благожелательное отношение к деятельности братьев-каменщиков со стороны государственного секретаря лорда Таундсена нашло отражение в «London Journal» (см.: *Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX вв. // Масонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. 1914–1915. Т. 1. С. 21).*
- 8 *Робинсон Д. Указ. соч. С. 252–253.* Следует также обратить внимание на путаницу и разноречивость в названиях лондонских масонских братств, которые наблюдаются в исследованиях. Так, ложа «Кубок и Виноградные грозди» некоторыми авторами произвольно переименовывается в «Виноградную гроздь», а «Яблоне» частенько присваивается весьма многозначительное для любителей банкетов имя «Под яблоней».
- 9 См.: *Short M. Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. L., 1990. P. 49, 55.* Автор сообщает о создании Великой ложи одной строкой. По мнению Мартина Шорта, в масонской эволюции это событие логически завершило поворот от католического рабочего союза в сторону протестантского джентльменского клуба.
- 10 *Херасков И. М. Указ. соч. С. 17.*
- 11 *The Constitutions... P. 188.* Сам Д. Андерсон не сообщает точной даты его проведения. Часть исследователей полагает, что решение о созыве будущей масонской ассамблеи было принято в феврале 1717 года (см.: *Piatigorsky A. Op. cit. P. 38).* Другие специалисты в качестве даты своеобразной репетиции будущих событий называют 24 июня 1716 г. (см.: *Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 102).*
- 12 *The Constitutions... P. 188.*
- 13 Других документов, имеющих непосредственное отношение к освещению деятельности старых спекулятивных масонских лож Лондона, практически не сохранилось. Первые протоколы Великой ложи появились только после выхода в свет первого издания книги Д. Андерсона в 1723 г. (см.: *Hamill J. The History of English Freemasonry. Addlestone, 1994. P. 187 (Bibliography and Sources).*
- 14 На территории России, по-видимому, сохранился всего лишь один ее экземпляр. Он находится в фондах РГБ (Москва) и представляет собой лондонское издание 1756 г. Библиографическая редкость книги Конституций подкреплена отсутствием практики ее широкого зарубежного тиражирования. Так, несмотря на значительный интерес к масонству в нашей стране, она не была переведена на русский язык.
- 15 Основатель библиотеки – Томас Джеймс Бодлей (1545–1613) – покровитель наук и сподвижник королевы Елизаветы I Тюдор. Известное сегодня всему миру книгохранилище было реконструировано и открыто 8 ноября 1602 г. (см.: *Tyack G. The Bodleian Library. Oxford, 2000. P. 5).*
- 16 Всего же на протяжении XVIII – XX вв. Великая ложа Англии осуществила более тридцати таких публикаций. Последний, значительно переработанный вариант книги Конституций опубликован в начале нового тысячелетия (см.: *Constitutions of the Antient Fraternity of Free and Accepted Masons under the United Grand Lodge of England Contain-ing the General Charges Laws and Regulations etc., etc. L., 2001).*
- 17 Пастор Д. Андерсон (1684–1739) – член масонской ложи «Старый рог» (Old Horn) в Лондоне, «отец масонской истории». Именно ему Великая ложа поручила подготовить текст Конституций (см.: *The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L., 1723 (далее в тексте – The Constitutions of the Free-Masons).*
- 18 Крупный столичный чиновник и антиквар Д. Пейн дважды – в 1718 и 1720 гг. – возглавлял Великую ложу Лондона.

- ¹⁹ По объему первоначальное издание книги Конституций более чем в два раза уступает последующим. Протестантский богослов Д.Т. Дезаюлье возглавил Великую ложу в 1719 г. О его участии в написании Вступления сообщает американский историк Артур Эдвард Уайт (см.: *Waïm A. Э.* Указ.соч. С. 18).
- ²⁰ *The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges / By James Anderson. L., 1738* (далее в тексте – *The New Book of Constitutions*).
- ²¹ *The New Book of Constitutions... P. VIII (Introduction)*.
- ²² *The New Book of Constitutions... P. 1–139 (The History of Masonry... Part I–III)*. (Ср.: *The Constitutions of Free-Masons... P. 1–48*).
- ²³ В издании 1723 г. великий архитектор упомянут дважды. В первый раз в связи с пожаром 1666 г. и восстановлением собора Святого Павла; во второй – по поводу строительства здания театра Шелдона в Оксфорде (см.: *The Constitutions of Free-Masons... P. 41*).
- ²⁴ Английский историк Альберт Кэлверт сообщает также о появившемся в 1746 году репринте книги Д. Андерсона, который, однако, не повлиял на сложившийся порядок нумерации переизданий (см.: *Calvert A. F.* Op. cit. P. 41).
- ²⁵ *Ibid.* P. 41.
- ²⁶ *The New Book of Constitutions... P. 109*.
- ²⁷ Современные исследователи предпринимают первые серьезные попытки рассмотрения идейной и организационной эволюции нового масонства в контексте интеллектуальной истории (см.: *Weisberger R.W.* *Speculative freemasonry and the enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague, and Vienna.* N. Y., 1993).
- ²⁸ С 1717 по 1720 г. в качестве Великих смотрителей были избраны плотник Джекоб Лэмболл и мастера-каменеры Томас Моррис и Томас Хобби (см.: *The New Book of Constitutions... P. 110*).
- ²⁹ В перечне ливрейных компаний Лондона (*London Company Halls*), составленным историком-урбанистом Каролиной Бэррон, с 1463 г. значится Товарищество вольных каменщиков (см.: *Barron C.M.* *London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain / Ed. by D.M. Palliser.* Cambridge, 2000. V.1. P. 430).
- ³⁰ См.: *Hamill J.* Op. cit. P. 32, 34, 38.
- ³¹ См.: *Josten C.H.* *Elias Ashmole, F. R. S. (1617–1692).* Oxford, 2000. Аббревиатура F. R. S. (Fellow Royal Society) свидетельствует о членстве этого человека в Королевском Обществе – старейшей научной организации Англии, образованной в 1660 г.
- ³² *Calvert A. F.* Op. cit. P. 2. Обращает на себя внимание вполне «благородный» состав ложи, а также то обстоятельство, что Эшмол присоединился к уже существующей организации, которую, по-видимому, пытался реформировать. В записях, относящихся к 1682 г., он сообщает о своем посещении столичной масонской ложи.
- ³³ *Бейдженнт М., Ли Р.* Указ. соч. С. 204–205. На территории Шотландии, которая поначалу опережала Англию в развитии масонской инфраструктуры, зафиксирован первый случай вступления в ложу именитого аристократа. Им оказался лорд Очинлек, присоединившийся к местным «вольным каменщикам» в 1600 г.
- ³⁴ *Hamill J.* Op. cit. P. 31.
- ³⁵ *Морамарко М.* Указ. соч. С. 96, 99.
- ³⁶ Многие ангажированные «специалисты» были изначально убеждены в экстремистских и антимаонархических намерениях английских масонов (см.: *Абаршинов Н.Н., Бутми Г.В.* *Франк-масонство и государственная измена.* СПб., 1906. С. 35–77). Авторы, в частности, рассматривают движение «вольных каменщиков» в качестве орудия внешней политики Великобритании.
- ³⁷ Помимо военных и административных талантов Морея следует отметить его научные достижения. Этот человек прославился как крупный ученый-химик и математик. В период правления Карла II Стюарта он стал одним из наиболее деятельных учредителей Королевского общества и его первым президентом.
- ³⁸ Со времен короля Якова I (1603–1625), который, по утверждению масонов, был лидером их братства, все члены английских лож считали Стюартов своими верховными сюзеренами (см.: *Бейдженнт М., Ли Р.* Указ. соч. С. 201). Пожалуй, исключением из правил был только Джон Обри, литератор-эссеист из Тринити Колледж в Оксфорде, который с самого начала гражданской войны твердо принял сторону парламента.
- ³⁹ *Lomas R.* *The invisible colledge: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science.* L., 2003. P. 190.
- ⁴⁰ См.: *Naudon P.* Op. cit. P. 64.
- ⁴¹ Имя якобитов в послереволюционной Англии носили сторонники свергнутой династии Стюартов. В 1746 г. они потерпели окончательное поражение в ходе Куллоденского сражения.
- ⁴² Оранжевыми в Англии называли сторонников новой Ганноверской династии.
- ⁴³ См.: *Naudon P.* Op. cit. P. 72. *Герцог Ф.* Уортон (1698–1731) занимал пост Великого мастера лондонской ложи с 1722 по 1723 г.
- ⁴⁴ См.: *Бейдженнт М., Ли Р.* Указ. соч. С. 201–202.
- ⁴⁵ См.: *Бэкон Ф.* *Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические.* М., 1954.
- ⁴⁶ *Lomas R.* Op. cit. P. 72.
- ⁴⁷ См.: *Lomas R.* Op. cit. P. 39–47.
- ⁴⁸ См.: *Морамарко М.* Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁹ См.: *Королев Ю.А.* *Орден Розенкрейцеров в прошлом и настоящем.* М., 1997.
- ⁵⁰ См.: *Морамарко М.* Указ. соч. С. 96–97.
- ⁵¹ См.: *Амбелен Р.* *Драмы и секреты истории.* М., 1993. С. 279–291.
- ⁵² Этот термин обычно используется для характеристики деятельности баварских иллюминатов (см.: *Ланда С.С.* *Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825.* М., 1975. С. 250). Однако не менее точно он передает содержание конспиративных усилий розенкрейцеров и первых спекулятивных масонов.

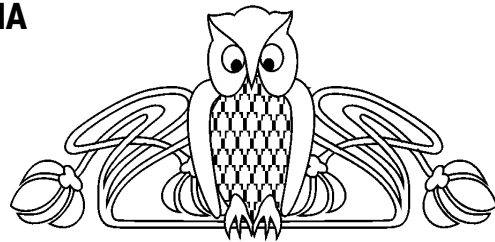
- ⁵³ Йейтс Ф.А. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999.
- ⁵⁴ Наиболее показательной в этом ряду стала судьба потомка французских гугенотов и будущего Великого мастера лондонской ложи Джона Теофила Дезагюлье. Протестантом-пресвитерианцем был и второй главный участник событий масонского Возрождения шотландец Джеймс Андерсон. Развивая эту мысль, следует отметить отсутствие в процессе создания масонского движения в Англии пресловутого «еврейского фактора». После очередного изгнания еврейская община получила возможность вернуться в страну только при Кромвелле, который был заинтересован в ее финансовой поддержке. В конце XVII столетия в Лондоне насчитывалось всего 60–70 еврейских семей (см.: Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 314).
- ⁵⁵ The New Book of Constitutions... P. 97–139.
- ⁵⁶ Ibid. P. 110.
- ⁵⁷ К. Рен был придворным архитектором короля Карла II. Не прерасалась и его научная карьера. С 1680 по 1682 г. Кристофер Рен был президентом Королевского Общества
- ⁵⁸ The Constitutions... P. 132–134.
- ⁵⁹ См.: Calvert A.F. Op. cit. P. 50.
- ⁶⁰ См.: Hamill J. Op. cit. P. 40–41. Вполне допустимо предположение о невольной ошибке оксфордского ученого. Вероятнее всего, он имел в виду лишь вступление К. Рена в ложу Святого Павла.
- ⁶¹ См.: Calvert A.F. Op. cit. P. 52.
- ⁶² См.: Робинсон Д. Указ. соч. С. 253.
- ⁶³ См.: Weisberger R.W. Op. cit. P. 47–49. Все они представляли самые разные научные направления: физику, математику, астрономию. Многие из них, например сэр Паркер, были знакомыми Д. Дезагюлье.
- ⁶⁴ По мнению А. Кэлверта, большинство лондонских спекулятивных лож отказалось от сотрудничества с новой Великой ложей. Этим историк объясняет ее весьма скромный начальный списочный состав (см.: Calvert A.F. Op. cit. P. 4).
- ⁶⁵ См.: Calvert A.F. Op. cit. P. 6–7.
- ⁶⁶ См.: Hamill J. Op. cit. P. 45. В последующие годы «главные» лондонские ложи неоднократно переименовывались и к середине XVIII столетия окончательно растворились в массе новых масонских структур.
- ⁶⁷ См.: Weisberger R.W. Op. cit. P. 169.
- ⁶⁸ Ibid. P. 170–171.
- ⁶⁹ Naudon P. Op. cit. P. 236.

УДК 9(433.611) «1790»+929 Карамзин

О ТОМ, ЧТО УВИДЕЛ В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1790 ГОДА «РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК» КАРАМЗИНА

Н.С. Креленко

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений
E-mail: krelenko@mail.ru

Статья основана на знаменитых «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, повествующих о путешествии писателя в Западную Европу в 1789–1790 гг., в период Великой французской революции. «Письма» были опубликованы на рубеже XVIII–XIX вв. В качестве объекта исследования избрана проблема трансформации эстетических критериев от просветительских к романтическим. Особое внимание уделено анализу взглядов Карамзина на повседневную жизнь, памятники культуры, исторические достопримечательности и легенды. Факты, собранные и проанализированные автором, позволяют сделать заключение о характере изменений в менталитете общества. Новый романтический взгляд концентрировался на личных впечатлениях писателя. Главная цель работы заключается в том, чтобы показать интеллектуальные и эстетические новшества, представленные в «Письмах русского путешественника» Карамзина.

What Karamzin's «Russian traveller» Had Seen in Paris in Summer 1790

N.S. Krelenko

The article is based on the famous Karamzin's «Letters of the Russian traveller», that describes the voyage of the writer in the West Europe in 1789–1790 in the period of Great revolution in France. Karamzin

published his «Letters of the Russian traveller» completely on the verge of the XVIII-th and XIX-th Centuries. For close investigation were chosen the problem the transformation of the system of the aesthetic criterions from Enlightenment to Pomanticism. The special attention is given to analysis of Karamzin's views on the mode of life, cultural monuments, historical sights and legends. Facts collected and analyzed by the author permit to make attention the conclusion about the character of the change. New romantic look concentrated the attention on personality impressions by the writer. The chief aim of this study is to examine the intellectual and aesthetic innovation, which were expressed in Karamzin's «Letters of the Russian traveller».

Образ «другого» (народа, среды его обитания, его культуры) формируется из самых разных впечатлений, образующих напластования многочисленных свидетельств. Возникает своеобразная карта «мест памяти», закрепленная в общественном сознании. С Парижем времен Великой французской революции в нашем представлении связан пафос разрушения и ниспровержения. Действительно, были яростные людские толпы на улицах, были штурмы Бастилии, Ратуши, дворца Тюильри (последний штурмовали неоднократно и в разных качествах).

Это были страшные, но краткие эпизоды в жизни города, жившего преимущественно в ином ритме и другими заботами. С этой точки зрения интересны мнения современников, наблюдавших жизнь Парижа революционной эпохи.

В 1789–1790 гг. Н.М. Карамзин совершил длительный вояж по ряду стран Европы (Германии, Швейцарии, Франции, Англии). Результатом этой поездки стали «Письма русского путешественника», основанные на личных впечатлениях, многочисленных литературных свидетельствах самого разнообразного характера, которые были изучены автором. Нет сведений о том, что Карамзин вел в период путешествия дневники, известно, что его частные письма резко отличаются по стилю и содержанию от «Писем» литературных. К настоящему времени считается доказанным, что «Письма русского путешественника» следует рассматривать как произведение художественной литературы¹, написанное в эпистолярном жанре очень популярном в XVIII веке.

Попытаемся проанализировать не только то, что стояло за теми или иными описаниями и характеристиками, данными в «Письмах», но и то, что, собственно, стремился донести автор до читателя, наполнив свое произведение определенным содержанием.

Следует учитывать, что период, прошедший от того времени, когда состоялось путешествие и было задумано его описание, до окончательной реализации задуманного, охватывает более десяти лет. Двадцатичетырехлетний Карамзин отправился странствовать весной 1789 г., находился в Париже весной 1790 г. (а возможно еще в конце лета 1789 г.²), а вернулся в Россию летом (осенью?) 1790 г. Он начал публикацию «Писем» в 1791 г., отрывки о парижских впечатлениях появились в альманахе «Аглая» в 1794–1795 гг., а полностью та часть сочинения, в которой описывается Париж, была включена в отдельное издание «Писем русского путешественника», вышедшее в 1797–1801 годах.

За это время политическая ситуация в землях, где побывал Карамзин, решительно изменилась, изменилась ситуация в России, изменился и он сам. Именно на рубеже столетий произошли подвижки в «духе времени», одна историко-культурная парадигма уступала место другой. Романтизм³ вытеснил Просвещение, те тенденции в духовной жизни, которые проявлялись, «проклеивались» в последние десятилетия XVIII в., стали в начале XIX в. доминирующими.

Смысл, роль, значение «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина по-разному оцениваются исследователями. Распространенным является восприятие «Писем» в качестве «беллетризованного Бедекера», в котором, согласно оценке Ф. И. Буслаева, высказанной в третьей четверти XIX в., «отразилась вся европейская цивилизация»⁴. Это «своего рода «окно», прорубленное Карамзиным для русского читателя в

культурно-историческую жизнь западноевропейских стран»⁵.

«Письма» Н. Карамзина дают богатейшую возможность реконструировать настроения автора в период европейского вояжа, выявить его политические и философские, в том числе эстетические, симпатии⁶. Согласно Ю.М. Лотману и Б.А. Успенскому, для автора «Писем» важно было показать общность путей Европы и России («Россия есть Европа для Карамзина»⁷), подчеркнуть, что России предстоит пройти долгий путь приобщения к цивилизованности, главной ценностью которой должна стать идея свободы. Так, по мнению этих авторов, для Карамзина «сегодняшний день Европы представлялся завтрашним днем России», – это во-первых, а во-вторых, он «понял, что цивилизация современной Европы в ее высших достижениях, материальных и культурных, создалась не за один день, появилась не внезапно, не по мановению просвещенного властителя, а в результате длительной борьбы за свободу, как необходимое условие цивилизованного существования»⁸. Последнее утверждение можно принять, но можно и оспаривать.

Менее категорично, но практически неоспоримо представляется такое понимание: «Карамзин отправился в путешествие, чтобы заглянуть в лицо европейской культуры. Его интересовали не знаменитости. Он не был туристом, спешащим увидеть неизвестное. Ему надо было увидеть хорошо известное, проверить впечатление от книг личным знакомством»⁹. Думается, это замечание чрезвычайно важно. Главное в «Письмах» – передача личного, непосредственного знакомства с европейской культурой периода перехода от одной историко-культурной парадигмы к другой.

Ведь в «Письмах» практически «каждая описанная встреча, каждая деталь или предмет рефлексии образ повествующего «я» или даже растворяется в его сознании»¹⁰. Представляется, что такое толкование справедливо, если учитывать время издания работы, время утверждения романтического начала в общественном менталитете европейского общества (и русской его части в том числе). Для романтиков гораздо важнее была не передача объективного мира, но способность выразить свое субъективное впечатление от видимых образов, их постоянно меняющихся сочетаний. Такой подход, свойственный романтическому мировосприятию, значительно позднее выразил в одной короткой фразе французский живописец-романтик Э. Делакруа: «Я пишу не саблю, а ее блеск». Ту же задачу, но другими средствами решали романтики-литераторы.

Учитывая особенности появления «Писем», необходимо принимать во внимание, что «Русский путешественник» и Н.М. Карамзин не одно и то же. Автор наделил своего героя чертами портретного сходства, не более того, повествователь раскрывается «в целом ряде масок самоизображающихся дворян... дилетанта, образованного

светского человека, русского путешественника, литератора». Обращаясь к анализу парижского раздела «Писем», будем рассматривать только то, что написано в них, исходить из оценок, пристрастий и настроений, которые счел необходимым наделить своего героя автор. Другими словами, в центре повествования впечатления, полученные в Париже весной 1790 г. «Русским путешественником», созданным Н.М. Карамзиным.

Письма его из Парижа насыщены наблюдениями, рассуждениями и соображениями о разных сторонах описываемого явления. Феномен пересечения, «перекрестка» нескольких национальных культурных традиций и культурно-исторических эпох. Совершенно справедливо замечание: «Карамзин творил в эпоху предромантизма»¹¹. Однако влияние предромантизма ощутимо не только в отходе от классицистских пристрастий в литературе, в частности в усилении личностного фактора, но и в новом, несвойственном эпохе Просвещения отношении к истории. Для просветителей в прошлом достойна уважения только античность, воспринимаемая как общее «позавчера» для всех народов Европы, предромантизм проявляет интерес к старине вообще, особенно к ее средневековому «вчера» в разных национальных вариантах.

Историческая тематика, как французская, так и русская, постоянно всплывает на страницах «Писем» при осмотре достопримечательностей, в ученых и светских беседах, в размышлениях повествователя об увиденном и услышанном. Памятники прошлого вызывают у него прежде всего чувство почтительного интереса.

Русский путешественник Карамзина (будем так именовать его вслед за автором), если исходить из его рассуждений, круга интересов, тех действий и разговоров, которые характеризуют его в тексте, представляет собой интереснейший образец пересечения и наложения разных культурных тенденций (временных и пространственных) во взглядах одного человека. Знакома читателя со «своим Парижем», он прежде всего обращается к описанию нравов в том значении, которое придавал этому слову Вольтер в своем историческом сочинении «Опыт о нравах». Карамзин включил автореферат (аннотацию) «Писем русского путешественника» в обзор русской литературы, подготовленный им для журнала «Северный зритель», издававшегося в Гамбурге. Там отмечаются основные темы, его занимавшие: «достопримечательности городов, оттенки, отличающие манеру жизни их обитателей, памятники, напоминающие ему какие-либо исторические события, какие-либо славные происшествия, следы великих людей, уже усопших, приятные ландшафты...»¹²

Париж, бывший в начале 90-х гг. XVIII в. главной ареной, можно сказать, источником революционной активности, являлся в то же время городом, обладавшим прочными традициями определенного жизненного ритма и уклада, средоточием историко-культурной памяти нации и

одновременно – одним из крупнейших и наиболее «продвинутых» в направлении модернизирующего развития городов. Именно эти проявления городской жизни более всего представлены на страницах «Писем».

Оставим в стороне революционность политическую, потому что «русский путешественник» посетил Париж 1790 года, не познакомившись ни с одним из ведущих деятелей политической жизни¹³, и сосредоточимся на том, что формировало исторический облик города как определенной общности, цельного организма. Ведь это было время «смены веков», время, когда система ценностей и идеалов, свойственных Просвещению, вытеснялась другой идейной матрицей, обозначаемой весьма условным наименованием – романтизм. Спустя годы после путешествия четче высветилось то, что связано не с событиями, а с нравами, особенностями быта, народными обычаями, традициями, личным знакомством с памятниками искусства.

Свое настроение при въезде в Париж в конце марта 1790 г. путешественник передал такими словами: «вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод... о котором так много читал я в романах, так много слышал от путешественников, так много мечтал и думал!...»¹⁴

К весне 1790 г. столица и вся страна уже пережили первый всплеск революционной бури. В период наступившего затишья происходило интенсивное преобразование всех сторон общественных и частных отношений, но будничная жизнь текла по привычному руслу, принимая (или отторгая), приспособлявая реформационные новшества и приспособляваясь к ним.

Однако в тексте сохранена свежесть восприятия, изложение строится так, будто это зарисовки бытовых сцен, диалогов, сиюминутных размышлений, и *Русский путешественник* ничего не ведает о последующем развитии событий и судьбах описанных или упомянутых им людей. Так, о знаменитом астрономе Байи (у Карамзина он назван Бальи), ставшем одним из лидеров жирондистов и казненном осенью 1793 г., сказано только: «Жаль, что он вдался в революцию и мирную тишину кабинета ученого променял, может быть, на эшафот»¹⁵. Он, автор, знает, что произойдет с Байи тремя годами позднее, но его герой, *Путешественник*, этого знать не может, он может только размышлять и предполагать. Хотя «предвидение», очевидно, основано на историческом опыте автора, под которым следует понимать не просто знание фактов, но определенный подход к восприятию событий, подход, продиктованный романтическим мировоззрением.

Внимание *Путешественника* сосредоточено на ритмах жизни города: облике улиц, поведению людей в театрах, кофейнях, общественных садах, их манере общаться между собой, развлекаться, добывать средства существования и т.д. Материал

«Писем» дает возможность выстроить картину жизни города в течение суток. Другая сфера его интересов – это изучение исторических и культурных достопримечательностей города, прочно ставшего к тому времени флагманом культурной жизни западной цивилизации. Путешественник подчеркнул, что его больше занимало знакомство с городом, чем с людьми.

Двойственность восприятия: соседство красивого и безобразного в облике городского ландшафта и чередование картин современности и исторических сюжетов. Описание улиц, стремление показать ритм уличной жизни, заглянуть в их историю является своего рода обрамлением почти каждого описания или эпизода, составляющих «Письма». Впечатление, производимое улицами французской столицы, двойственно – грязные улицы и убогие дома Сен Антуанского предместья и красивые дворцы-отели на набережной Сены. Сопоставление контрастов «оскорбительного смешения богатства с нищетою»¹⁶ будет постоянно присутствовать на всем протяжении описания пребывания в Париже. Для сравнения: бывший в Париже тринадцатью годами раньше Д.И. Фонвизин испытал при знакомстве с реальным Парижем горькое чувство крушения иллюзий¹⁷.

Если искать во всем глубокий подтекст, вполне можно дать такое объяснение: для человека целиком находящегося в пространстве просветительской культурной традиции, естественно воспринимать красоту как нечто гармонично цельное, «правильное». Для человека следующего поколения, каким был Н. Карамзин по отношению к Д. Фонвизину, свойственно иное чувство прекрасного, допускающее самое близкое соседство возвышенного и будничного, красивого и безобразного, превыше всего почитающего выразительность.

На страницах «Писем» Париж предстает как «город контрастов», и в этом заключается его очарование. Практически круглые сутки город жил напряженной жизнью. Можно проследить суточный цикл жизни города, стоящего на пороге индустриальной эпохи.

Примерно в семь утра рабочие и ремесленники (санкюлоты), а также писари отправлялись на работу. Это время, когда на улицах преобладали пешеходы. Лишь изредка по улицам проносилась, грохоча, карета. Около девяти часов парикмахеры, усыпанные с головы до ног пудрой (отсюда их прозвище «мерланы», т. е. рыба, обвалившаяся в муке), держащие в одной руке щипцы для завивки, в другой – парик, направлялись к клиентам¹⁸. В меблированных комнатах прислуга разносила кофе и баваруаз (ароматический сироп с чаем).

Подростки в сопровождении лакеев отправлялись на бульвары тренироваться в искусстве верховой езды. Неопытные наездники представляли в ранние часы главную опасность для пешеходов, позднее к ним добавлялись многочисленные экипажи.

Улицы Парижа, сформировавшегося как типичный средневековый город, большей частью были очень узки и темны от высоких (в четыре–пять этажей) домов. Рядом с лавкой ювелира располагалась куча гниющих яблок и сельдей; всюду грязь, смешанная с кровью, текущей ручьями из мясных рядов. Запах гнили перемешивался с ароматом духов и помады, продававшихся здесь во множестве. Прекрасное и гадкое, сиюминутное и давнее соседствуют и соприкасаются на страницах «Писем». *Русский путешественник* сумел за неряшеством повседневности разглядеть красоту вечности через историю парижских дворцов, церквей, улиц, легенды, с ними связанные.

Трогательные предания, напоминающие о проявлениях доброты или злобы, верности или коварства, красоты внешней и внутренней, вызывают его повышенный интерес. Рассказы о призраках и несчастных влюбленных, мстительных пирожниках, галантных королях, прекрасных дамах соседствуют с описанием архитектурных достопримечательностей, таких, как Лувр, Тюильри (Тюльери в написании «Писем»), Люксембургский (Люксанбур) дворец. За этим стоит не бесстрастное любопытство, а сочувственный интерес. Становление романтического подхода особенно заметно в этих исторических экскурсах. В историях, рассказанных *Путешественником*, совершенно отсутствует просветительская тяга к обличительству невежества темных веков. Его изложение средневековых сказаний сродни позиции авторов жанра готических романов, стремившихся воссоздать «преданья старины».

Прошлое, прежде всего средневековье, для него связано с памятью о корнях, истоках, предках. Карамзин, искренне почитавший французских просветителей, решительно расходился с ними в отношении к прошлому. Для них средневековье – темное время невежества и заблуждений, о котором лучше не вспоминать, а если вспоминать, то с иронией и насмешкой. Карамзин с глубоким почтением относится к прошлому, как собственному, так и чужому. Не случайно он от лица своего героя подчеркивал: «Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувших столетий...»¹⁹ В этом отношении он чувствовал себя человеком новой культурно-исторической эпохи, для которой мерилом гениальности почитался не Расин, а Шекспир.

На страницах «Писем» возвышенные рассуждения соседствуют с бытовыми зарисовками. Ходить по парижским улицам той поры, целиком погрузившись в мечтательное созерцание и размышления «о высоком», было небезопасно. Мостовые были сделаны скатом с обеих сторон, отчего в центре всегда скапливалась грязь. Иностранцы, посещавшие город, обязательно отмечали, что парижане чудесным образом умели носить себя по грязи родных улиц, мастерски передвигаясь посредством прыжков с камня на камень и молниеносно прячась в лавки от скачущих карет.

«Человек, разучившийся этому искусству, рисковал не только своим костюмом, но и жизнью»²⁰.

К десяти часам члены судебных ведомств, осаждаемые просителями, направлялись в свои представительства. В полдень оживлялся квартал Сент-Оноре: маклеры и биржевики направлялись на биржу, а праздные горожане держали свой путь в Пале-Рояль за впечатлениями, покупками, общением... Необходимо отметить восторженное описание этого «торгово-культурного центра» конца XVIII в., созданного с размахом к «удовольствию публики и прибытку хозяина». Концентрация в одном месте торговых площадей, садов с аллеями для прогулок, гостиничных номеров, концертных залов, бассейнов, павильонов, манежа – все это (как понимаем теперь мы, потомки) предвосхищало предпринимательский размах Всемирных выставок грядущей индустриальной эпохи.

«Пульс времени» проявляется здесь в бурном и явно «политизированном» оживлении: «Тут видите вы и кофейные дома, первые в Париже, где также все людьми наполнено, где читают вслух газеты и журналы, шумят, спорят, говорят речи...»²¹ При описании Пале-Рояля не забыл *Путешественник* помянуть недобрым словом и его хозяина, герцога Орлеанского, отметив, что человек, способный приказать срубить «славное Краковское дерево... пощадит ли какую-нибудь святыню?»²².

Для иностранца часто непривычным кажется режим дня, соблюдаемый в чужой стране. Так, по наблюдениям *Русского путешественника*, парижане из «верхов общества» (или те, кто мог и хотел им подражать), если не считать выходов в Пале-Рояль, большую часть светового дня воспринимали как утро. В первые дни своего пребывания в Париже *Путешественник* невольно проявил невоспитанность, явившись с визитом в два часа пополудни. «...В доме совсем еще не думали принимать гостей. Хозяин, после *утренней прогулки*, одевался в своем кабинете, а хозяйка занималась *утренним чтением*»²³.

Примерно с трех до пяти часов на улицах наступало затишье. Те, кто имел достаток и не был обязан находиться на рабочем месте, обедали дома в кругу семьи и друзей. Уже с четверти шестого улицы вновь заполнялись прохожими и экипажами: кто спешил на прогулку, кто направлялся насладиться зрелищами в Пале-Рояль, или в сады Тюильри (куда с переездом королевской четы в Париж вход по утрам был ограничен), или Булонский лес.

Другим излюбленным местом прогулок служили «булевары», образующие «магическое кольцо или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа». *Путешественник* восхищался пестротой и роскошью «старых булеваров», где, по его словам, есть все «вымышленное праздностью для занятия праздности». Но более пространно он умилялся пейзажной идиллией,

царящей на «новых бульварах», где в воскресные и праздничные дни «отдыхает добрый ремесленник со своей женой и дочерью», где «все просто, тихо и мирно»²⁴. В этом умилении чувствуется не только отголоски сентиментализма Руссо, но и свойственный романтизму культ природы.

Следующий за прогулкой временной отрезок связан с иным времяпрепровождением: мужчины, уделив внимание семье, направлялись в кофейни. В описываемое время в Париже было около 600 кофейных домов, бывших местом общения: «за несколько копеек освежитесь лимонадом, мороженым, прочтаете газеты, слушаете... рассуждения... Люди небогатые осенью, зимой находят тут приятное убежище от холода, камин... и еще пользоваться удовольствием общества»²⁵. Многие кофейни имели свою специализацию: их посещали люди, объединенные общностью профессиональной или общественной интересов, увлечений, взглядов. Некоторые заведения гордились своими достопримечательностями (например, стул, на котором сживал Ж.-Ж. Руссо) или своими завсегдатаями-затейниками. Последних герой Карамзина оценил как «умников, говорунов».

Ряд эпизодов книги связан с описанием вечернего Парижа, когда на улицах сталкивались два людских потока: один составляли рабочие и ремесленники, возвращающиеся в свои предместья после рабочего дня, другой, очень пестрый по составу, направлялся в театры. Театры, их обстановка, состав зрителей, игра актеров, репертуар в оценке Карамзина составляют отдельный сюжет. Причем следует отметить, что если его безусловный восторг вызывает все, связанное с постановкой спектаклей, то репертуар театров и игра драматических актеров вызывают некоторое неприятие. Это опять же связано с тем, что французский театр той поры был театром классицизма, а классицистская правильность и рассудочность не вызвали энтузиазма у поклонника Шекспира, каковым неоднократно заявлял себя *Путешественник*²⁶.

Хрестоматийной стала фраза о том, что «англичанин торжествует в парламенте и на бирже, немец – в ученом кабинете, француз – в театре». Гораздо менее обращает на себя внимание другая мысль, касающаяся оценки зрителей: «Я часто удивлялся верному вкусу здешних партеров, которые по большей части бывают наполнены людьми низкого состояния»²⁷. С его точки зрения, именно через театр можно понять французский характер, многое во французской истории, включая французскую революцию.

Хочется отметить эпизод, известный под названием «оперное знакомство» и выпадающий из общего строя «Писем», зато очень хорошо демонстрирующий поиски особых средств выразительности, которые предпринимает молодой автор. В недосказанности обрисованной ситуации (светская болтовня, приоткрывающая чуть намеченные характеры, нюансы настроений

и отношений, которые можно определить как «ожидание») очень заметны мотивы «Сентиментального путешествия» Л. Стерна. Неоднократное обращение к авторитету автора «Жизни и мнений Тристрама Шенди» также свидетельствует о его симпатиях к представителям «переходной» культурной традиции.

При рассмотрении эпизодов, описывающих театральные постановки, особенно заметно отличие вкусов и пристрастий автора «Писем русского путешественника» от эстетических воззрений уходящей эпохи Просвещения. Ведь просветители ценили более всего назидательность, поучительность произносимого со сцены или изображаемого на живописном полотне. Достаточно вспомнить реплику Д. Дидро, который прославлял «моральную живопись» Ж.Б. Греза в противовес очевидно более яркому, но «безнравственному» искусству Ф. Буше, и сравнить его позицию с мнением Карамзина, который устами своего героя заявляет, что «всякое искусство, подходящее к совершенству, приятно душе нашей»²⁸.

В часы, когда парижане заполняли театры, на улицах примерно с семи часов вновь наступало недолгое затишье. В осеннее время это был самый опасный час, поскольку сумерки уже наступили, людей на улицах мало (работающие добрались до дома, развлекающиеся – до мест увеселений), а сторожей еще нет. Освещение улиц было большой редкостью. Путешественнику, поскольку он наблюдал Париж весной и в начале лета, опасность быть ограбленным в осенних сумерках не грозила.

Часов в девять на улицах снова становилось шумно, потому что начинался театральная разъезд. Дома сотрясались от грохота экипажей, сновавших по всему городу. Были там и роскошные кареты, принадлежавшие богачам и тем, кого они брали на содержание, были наемные фиакры, убогие и грязные, запряженные старыми клячами. *Путешественник* приводит несколько занимательных историй, связанных с экипажами, но сетует, что с отъездом из города и страны многих представителей аристократии почти не видно роскошных карет.

Для горожан наступало время кратких визитов перед ужином и выхода на работу многочисленных «цирцей», «нимф радости», «служительниц Венеры». Знатки нравов Парижа отмечали любопытный факт: ежегодно горожане расходовали на благотворительные цели 3 млн ливров, а на публичных женщин – 50 млн ливров. Л. Мерсье указывал, что эти 50 млн оплачивали труд модисток, ювелиров, найм экипажей, мебелированных комнат, посещение харчевен и ресторанов²⁹. На страницах «Писем» несколько раз упоминаются эти «нимфы» в различных эпизодах. В глазах автора они составляли своего рода «фон» городских уличных увеселений, приветливые, улыбчивые тени, воркующие любезности проходящим мимо господам.

После одиннадцати часов вечера заканчивался ужин, и хозяева кофейни выпроваживали засидевшихся посетителей, через час–полтора разъезжались по домам из гостей те, кто не играл в карты. По поводу ритма жизни города Карамзин писал: «Ночью в десять, одиннадцать часов все еще живо, все движется, шумит; в первом, во втором часу встречается еще много людей; в третьем и четвертом слышится изредка каретный стук – однако эти два часа можно назвать самыми тихими. В пятом показываются на улицах работники, савояры, поденщики – мало-помалу город снова оживляется»³⁰.

К этим наблюдениям следует добавить, что с часу ночи на центральный городской рынок прибывали торговцы с овощами, фруктами, цветами, вслед за ними – торговцы рыбой, птицей и мясом. Вся провизия переносилась в огромных корзинах специальными носильщиками. Ночные торги происходили во мраке, продавцы и покупатели полагаются больше на слух, чем на зрение. К описываемому времени еще не стали типичны ночные очереди к дверям булочных. Перебой с хлебом (а это был главный продукт питания бедноты) пока не заметны для заезжего наблюдателя. Между шестью и семью часами рабочий люд отправлялся в мастерские. По дороге рабочие покупали на перекрестках улиц кофе с молоком, продаваемое в глиняных горшочках по два су. С их появлением на улицах город начинал новый день жизни.

Интересно проследить, как в этом повседневном ритме вычленяется бывшее влияние революции. Уже с первых страниц, посвященных Парижу, отмечается: «Париж уже не тот, что был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск некогда пышного города. Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатейших жителей... а те, кто здесь остались, живут... в тесном круге своих друзей»³¹.

Чуть ниже ссылаясь на слова знакомого аббата Н..., *Путешественник* оценил неудобства, причиняемые революцией: «Порядочный человек не знает теперь куда деваться, что делать и как провести вечер»³². Это восприятие эпохального исторического события на бытовом уровне. Общая оценка дается им через перевод отрывка из Рабле, отрывка, содержащего картины эсхатологические по своему содержанию. Завершается этот перевод словами: «О страшный гибельный потоп! *Потоп*, говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как *утившись* кровию»³³. Грядущий террор, о котором знал Карамзин, но не мог знать *Путешественник*, упомянут в виде возможной угрозы.

Масштаб происходящего расценивается сторонним наблюдателем, каким ощущает себя герой Карамзина, следующим образом: «Не думайте, однако, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции»³⁴. В кругах, где он вращался, революция воспринималась через бесконечные речи на темы политической

злободневности или утопического прожектерства. Сравнение событий, происходящих в стране политических действий с театральным представлением обыгрывается автором, население делится им на актеров и зрителей, наблюдающих и оценивающих действо. Патетика театральные монологов сравнивается с речами во время дружеских застолий и речами, произносимыми в Национальном собрании.

Вот как описываются речи на дружеском обеде: «... Появился хозяин и завел разговор о партиях, интригах, декретах Народного Собрания... Стол был хорош, но риторы не умолкали. Между прочим, отличил себя один адвокат, который хотел быть министром единственно для того, чтобы в шесть месяцев заплатить все долги Франции, умножить вдвое доходы ее, обогатить короля, духовенство, дворянство, купцов, художников, ремесленников...»³⁵

О политизированности разговоров в кофейнях упоминается несколько раз. Сходство с театральным представлением составляет описание заседания Народного собрания, при котором искусство ораторов определяло, как казалось стороннему наблюдателю, результаты голосования и характер принимаемых решений. Он отмечал, что «в заседаниях нет ни малой торжественности, никакого величия, но многие Риторы говорят красноречиво»³⁶. В умах европейцев, воспитанных на изучении «Речей» Цицерона и «Жизнеописаний» Плутарха, на идеализации римского сената и политиков античности, проза политической жизни вызывала невольное разочарование. «Актеры» большой политики не потрясали, а «зрители» удивляли своей беспечностью.

Историчность «Писем» проявляется, в частности, в том, что *Путешественник* при описании заседания Собрания выделяет знаковые фигуры весны 1790 г. (Мирабо и Мори), а не те имена, которые станут позднее героями дня. Высокая политика и ее уличное преломление соседствуют между собой. Эпизод посещения заседания Учредительного собрания завершается любопытной бытовой деталью: первой реакцией улицы на бурную дискуссию о церкви стала продажа бумажных табакерок с выскакивающим из них в виде чертика аббатом Мори, одним из участников дебатов. *Путешественнику* революция виделась результатом опасных умствований, а ее лидеры – красноречивыми и прожектерами.

Для героя Карамзина революция – досадное обстоятельство, подпортившее облик прекрасного города. Это обстоятельство, однако, не слишком мешало ему наслаждаться знакомством с Парижем. «Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом», – заметил он при расставании с городом и подвел итог своим парижским впечатлениям словами благодарности

городу: «Я не знал в Париже ничего, кроме удовольствия»³⁷.

Уличная суматоха и спокойный комфорт гостиничного номера, роскошь модных лавок и грязь мостовых, величие древних зданий и непринужденность болтовни в салонах, чарующее волшебство оперных и балетных спектаклей и театральность политических дебатов Национального собрания – контраст увиденного, который постоянно обыгрывается автором.

Обыгрывается им и сравнение революции с общенациональным спектаклем, настрой которого порожден особенностями народного характера, определяющим в котором является «отменная живость народных движений». «Система Декартовых вихрей могла родиться только в голове француза, парижского жителя»³⁸, – записано в письме от 2 апреля, и на протяжении страниц, посвященных пребыванию во Франции, эта вольтеровская мысль обыгрывается несколько раз. Карамзину удалось набросать выразительную картину жизни города, стоящего у порога новой индустриальной эпохи, коснувшись того пласта общественного развития, который связан не с историей событий, политических движений, конституционных учреждений, а с историей нравов и постепенно меняющихся вкусов.

Примечания

- ¹ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984; Марченко Н.А. История текста «Писем русского путешественника» // Там же; Ключкин К. Сентиментальная коммерция: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина // Новое литературное обозрение. 1997. № 25; Шмедке К. Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Логос. 2001. Вып. 3 (29).
- ² О том, что Карамзин побывал в Париже дважды, см.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998; Лотман Ю.М. Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х годов. (К генезису исторической концепции Карамзина) // XVIII век. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981; Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры.
- ³ Удачным представляется такое определение понятия: «Романтизм – это... общекультурное движение, культурно-исторический тип, охватывающий самые разнообразные явления – от философии и политической экономии – до моды на прически и костюмы. Но всех их объединяет одно – конфликт с действительностью, отвергавшейся с позиций высшего идеала» (Культурология / Под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д, 1996. С. 269).
- ⁴ Цит. по: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина... С.530.

- ⁵ История русского романа. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 69.
- ⁶ См.: *Лотман Ю.М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1790-х годов.; *Серман И.* Культура и свобода в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // *La revue russe*. Paris, 1997.
- ⁷ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина... С. 564.
- ⁸ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма...» Карамзина... С. 533; *Серман И.* Культура и свобода в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. С.27.
- ⁹ *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 66.
- ¹⁰ *Штедке К.* Субъективность как фикция. Проблема авторского дискурса в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // *Логос*. 2001. Вып. 3 (29), С.148.
- ¹¹ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма...» Карамзина... С.526. Термин «предромантизм» был впервые использован в 1912 г. французским ученым Д. Морне. В настоящее время литературоведы употребляют его в двух значениях: 1 – кризисные явления в просветительской традиции; 2 – отдельные черты, предвосхищающие романтизм. История возникновения и применения термина «романтизм» основательно проанализирована в книге «“Romantic” and its Cognates. The European History of a Word» (Manchester, 1972).
- ¹² *Карамзин Н.М.* Письмо в «зритель» о русской литературе // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
- ¹³ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* «Письма русского путешественника» Карамзина. С.553.
- ¹⁴ *Карамзин Н.* Письма русского путешественника. М., 1984. С.214.
- ¹⁵ Там же. С. 329.
- ¹⁶ Там же. С. 219.
- ¹⁷ См.: *Фонвизин Д.И.* Письма и дневники // *Фонвизин Д.И.* Соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С.420.
- ¹⁸ Это время, когда сосуществовали две моды: старая, требующая, чтобы мужчины носили аккуратные парики, и новая, проявляющаяся в подчеркнутой небрежности причесок и одежды. У Карамзина есть очень выразительное описание гуляющих на бульварах модников разных поколений: «Тут молодой растрепанный фронт встречается с пожилым, нежно напудренным петиметром» (*Карамзин Н.* Указ. соч. С. 220).
- ¹⁹ *Карамзин Н.* Указ. соч. С.2 64.
- ²⁰ О таком эпизоде упомянуто в «Письмах»: «Славный Турнфор, который объездил почти весь свет, возвратился в Париж и был раздавлен фиакром оттого, что он в путешествии своем разучился прыгать серною на улицах» (*Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 220).
- ²¹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 281.
- ²² Там же. С. 318.
- ²³ Там же. С. 222.
- ²⁴ Там же. С. 221.
- ²⁵ Там же. С. 341.
- ²⁶ Об отношении Карамзина к французскому театру см.: *Кафанова О.Б.* Н.М. Карамзин и западноевропейский театр // *Русская литература и зарубежное искусство*. Л., 1986.
- ²⁷ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 241.
- ²⁸ Там же. С. 195.
- ²⁹ *Мерсье Л.* Картины Парижа. М.; Л., 1937. Т. 2. С.90.
- ³⁰ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 221.
- ³¹ Там же. С. 223–224.
- ³² Там же. С. 224.
- ³³ Там же. С. 230. Стоит упомянуть, что определения «потоп», «наводнение», «ураган» применительно к революции будут постоянно употреблять историки первой четверти XIX в., причем не только в отрицательном значении. Например: «очистительное, благодетельное наводнение» у В. Скотта и Маколея.
- ³⁴ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 226.
- ³⁵ Там же. С. 222.
- ³⁶ Там же. С. 319.
- ³⁷ Там же. С. 321–322.
- ³⁸ Там же. С. 217.

УДК 930.1(09)(37+38)+929 Шофман

АНТИКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ А.С. ШОФМАНА

В.И. Кащеев

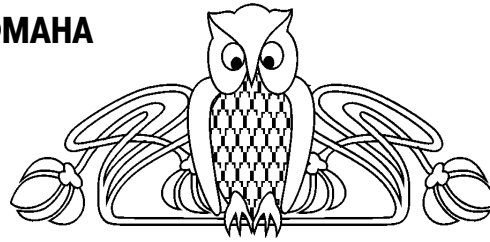
Саратовский государственный университет,
кафедра истории древнего мира
e-mail: istfak@info.sgu.ru

В статье изучается только одна сторона научного творчества А.С. Шофмана – история науки об античности в Казани – и показано, что в ряде его работ об антиковедах Ф.Г. Мищенко, М. М. Хвостове и В. И. Модестове содержатся обстоятельное рассмотрение их взглядов на историю, их научных методов, личностные характеристики ученых, а также анализ исследованных ими вопросов. Доказано, что, по мнению А.С. Шофмана, многие историки Казанского университета имели четко выраженные политические и общественные взгляды, которые повлияли на их интерпретацию прошлого. В статье приводится материал, свидетельствующий, что А. С. Шофман рассматривал развитие науки об античности в Казани с начала XIX в. по начало XX в., с одной стороны, как единый процесс, а с другой – как важную составную часть антиковедения в университетах России в целом. Автор приходит к выводу о том, что изучение творчества историков Казанского университета А. С. Шофман считал не только своим научным и профессиональным, но и личным долгом, признанием заслуг своих предшественников, которые исследовали вопросы античной истории и классической филологии в Казани.

Ancient History and Classical Scholarship at the University of Kazan as a Subject of A. S. Shofman's Research

V. I. Kashcheev

The author of this article examines only one part of Professor A.S. Shofman's work, that is the history of classical scholarship at Kazan and shows that the series of A.S. Shofman's studies on individual classical scholars – F.G. Mishchenko, M.M. Khvostov, V.I. Modestov – contains detailed consideration of their views on history, methods of their historical and philological research, their personal portraits as well as his own treatments of the things they wrote about. It is argued that in A.S. Shofman's view the majority of the historians at the University of Kazan had strong political opinions and social attitudes and these found expression in their interpretations of the past. The article gives a lot of examples to show that A.S. Shofman considered the development of classics and classical scholarship at Kazan from the beginning of the nineteenth to the beginning of the twentieth century as an indivisible process on the one hand and as an important and significant part of classical studies and historiography at the Russian universities as a whole on the other hand. The author comes to the conclusion that to study the work of the past historians at the University of Kazan was for A. S. Shofman not only intellectual and professional, but also personal duty, for it was an acknowledgement of the debt he owed to his predecessors in the ancient history and classical scholarship at Kazan.

Эта непрерывность движущегося вперед исторического труда и творчества есть всеобщее и необходимое, связующее единичные факты истории и придающее любому факту в его неповторимости определенное значение...

*И.Г. Дройзен. Энциклопедия
и методология истории
(пер. Г.И. Федоровой)*

Один из видных российских антиковедов Василий Иванович Модестов, работавший в различных университетах страны – Новороссийском (Одесса), Казанском, Св. Владимира (Киев), – в своих воспоминаниях, опубликованных в 1885 г., очень высоко оценил именно Казанский университет: «У него была своя школа математиков, воспитанная знаменитым [Н.И.] Лобачевским; у него была и до сих пор существует школа химиков, созданная [Н.Н.] Зининым и [А.М.] Бутлеровым и распространившаяся по другим русским университетам; в нем процветало преподавание славянских наречий в лице [В. И.] Григоровича, посвятившего этому университету лучшую пору своей плодотворной жизни; он всегда имел крупных людей также и на медицинском факультете и иногда на юридическом (напр[имер], [Д.И.] Мейер)». И далее, отметив трудности, с которыми столкнулся Казанский университет после ухода из него в 1871 г. ряда крупных профессоров, В.И. Модестов добавляет: «... Учреждения ценятся не по одному моменту их деятельности, а по всей ее совокупности. Если приложить к Казанскому университету такую именно мерку, то смело можно сказать, что ни один из русских провинциальных университетов не выдержит с ним сравнения»¹.

Спустя столетие в Казанском университете работал другой российский антиковед – Аркадий Семенович Шофман (1913–1993), посвятивший этому учреждению более сорока лет своей жизни². Он был знаком с процитированными выше словами В. И. Модестова³ и всецело разделял высокую оценку, данную его предшественником и коллегой Казанскому университету⁴. А.С. Шофман много сделал как для становления системы исторического образования, так и для развития исследований в области всеобщей истории в Казани во второй половине XX в. Он был не только крупным ис-

следователем истории античной Македонии и ранней истории эллинизма, но и историком науки, поэтому вполне оправданным представляется его обращение к истории антиковедения в Казанском университете.

Однако эта сфера научной деятельности Аркадия Семеновича до сих пор не привлекала внимания историков науки. Так, в некрологе, опубликованном в 1994 г., всего лишь отмечалось, что главной целью историографических исследований А.С. Шофман считал выяснение «позитивного вклада многочисленных западных и русских антиковедов в науку», знакомство «с ними общественности» и раскрытие «оригинального характера их исторических концепций»⁵. Примером такого подхода, по мнению авторов этой публикации, являются две работы Аркадия Семеновича о русских историках – Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостове⁶.

В сборнике научных статей, вышедшем в свет в 1999 г. и посвященном 85-летию со дня рождения А.С. Шофмана, была помещена небольшая статья В.Д. Жигунина, который писал, что как историограф Аркадий Семенович «изучал и зарубежное, и особенно отечественное антиковедение»⁷, что им было написано несколько глав в учебном пособии «Историография античной истории»⁸ и что он автор двух монографий о российских антиковедах, работавших в Казани, – Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостове⁹.

В своем основательном труде, посвященном истории отечественного антиковедения, Э.Д. Фролов ссылается на книгу Аркадия Семеновича о Ф.Г. Мищенко¹⁰, его статью о В.И. Модестове¹¹, а также широко использует его же монографию о М.М. Хвостове, указывая, что это исследование написано с привлечением архивного материала, и цитируя то место, где А.С. Шофман со ссылками на данные архива излагает содержание лекционного курса по методологии и философии истории, который М.М. Хвостов начал разрабатывать в 1905 году¹².

В 2004 г. к 200-летию юбилею Казанского университета была издана обстоятельная история этого высшего учебного заведения; в книге отмечается только то, что «важным рубежом в развитии кафедры всеобщей истории стал 1948 г., когда ее возглавил доцент А. С. Шофман, впоследствии ставший известным специалистом по античной истории и историографии античной истории»¹³. К сожалению, здесь ни слова не сказано о заслугах Аркадия Семеновича в исследовании истории античной Македонии и эпохи эллинизма, а также о создании им историографического направления в отечественном антиковедении, не говоря уже о его конкретных достижениях в изучении науки об античности в Казанском университете¹⁴.

Можно утверждать, что у А.С. Шофмана понастоящему не было предшественников в разработке этого исследовательского направления, если не считать всего лишь нескольких статей В.И. Мо-

дестова, С.П. Шестакова, Б.Б. Адлера и Н.П. Грацианского, посвященных памяти Н. М. Благовещенского, Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостова¹⁵, а также двух кратких статей доцента Казанского университета Н.П. Шкляева¹⁶.

Различные аспекты этой темы интересовали А.С. Шофмана на протяжении длительного периода времени – более сорока лет, которые составляют «казанскую эпоху» его жизни и деятельности.

Как известно, в 1948 г. он начал работать в Казанском университете, возглавив кафедру всеобщей истории¹⁷, а уже в 1951–1952 гг. в многотиражной газете «Ленинец» публикуется цикл его статей об истории университета. Тогда университет готовился к своему юбилею – 150-летию, и в этой подготовке Аркадий Семенович принимал самое непосредственное и активное участие. В юбилейном 1954-м году вышло несколько его статей и брошюра, посвященные этой теме. Но наиболее важными являются написанные им главы в коллективном труде «История Казанского государственного университета...», особенно первая глава о дореволюционном периоде¹⁸. В этих публикациях Аркадий Семенович затрагивает, между прочим, и вопросы развития антиковедения¹⁹.

В том же году был напечатан большой историографический обзор, в котором подробно рассматриваются основные проблемы истории античной Македонии²⁰. Этот труд стал важным в научном творчестве А.С. Шофмана в нескольких отношениях: прежде всего, с точки зрения становления его концепции македонской истории в древности и в связи с формированием его интереса к проблемам историографии античной истории. Именно в этой статье ученый ставит вопрос о недостаточной изученности достижений русской науки об античности, при том что она сыграла выдающуюся роль в исследовании древнего мира и разработке многих важных сюжетов античной истории ей принадлежит первенство²¹.

Проследившая этапы научной деятельности Ивана Кондратьевича Бабста, преподававшего в Казанском университете с 1851 по 1857 г., А.С. Шофман не ограничился академическим анализом его взглядов на историю Греции и Македонии IV века до н. э. Он считал И. К. Бабста «по существу первым крупным русским исследователем» этого периода античной истории²² и отметил многие конкретные его достижения как историка: вопросы о наемничестве в Элладе, о состоянии Македонии до царствования Филиппа II, об исторической роли этого царя, об этногенезе македонян etc²³.

Здесь же А. С. Шофман рассмотрел труд Степана Васильевича Ешевского, работавшего в Казанском университете с 1855 по 1857 год. Однако этот труд – специальный курс лекций, опубликованный под названием «Центр римского

мира и его провинции», относится к следующему, московскому периоду его деятельности (был прочитан в 1858 г.). В этой работе еще до выхода в свет 5-го тома «*Römische Geschichte*» Т. Моммзена обстоятельно исследуется история римских провинций в эпоху Империи²⁴.

В той же статье А.С. Шофман решительно выступил против распространенного в отечественной науке мнения о том, что Федор Герасимович Мищенко был лишь переводчиком античных авторов на русский язык. Аркадий Семенович показал, что Ф.Г. Мищенко был «неутомимым и плодовитым ученым как в области классической филологии, так и в античной истории»; важное значение имеют труды ученого о древней истории юга России, «эллинистической Греции, вопросов историографии и античного источниковедения»²⁵.

В 1956 г. в лектории Государственного музея Татарской АССР А.С. Шофман выступил с докладом, посвященным антиковедению в Казанском университете, в том же году значительно расширенная версия доклада была опубликована в виде брошюры²⁶. В ней исследователь показал не только основные направления в изучении античной истории, но и особенности ее преподавания в этом учебном заведении на протяжении длительного периода времени – с начала XIX века до 1910-х годов. На его взгляд, Казанский университет выдвинул «плеяду историков-античников, занявших важное место в исторической науке»²⁷. Аркадий Семенович предложил следующую периодизацию развития науки об античности в Казани:

- 1) изучение античной истории как части курса всеобщей истории – первая половина XIX в.;
- 2) более интенсивная разработка античной истории в Казанском университете представителями «школы Т. Н. Грановского» – 1850-е гг.;
- 3) развитие антиковедения под влиянием русской демократической мысли – 1860–1870-е гг.;
- 4) особенно интенсивная разработка проблем истории эллинистических государств – конец XIX – начало XX века²⁸.

В 1964 г. защитой докторской диссертации по истории античной Македонии завершился первый (ранний) период научной деятельности А. С. Шофмана. Таким образом, к этому времени он только обозначил основные проблемы изучения науки об античности в Казанском университете. С 1948 по 1964 г. главными исследовательскими темами Аркадия Семеновича были все-таки *история античной Македонии и история Казанского университета*.

С середины 1960-х гг. начинается научная акме А. С. Шофмана – период наиболее интенсивной и плодотворной работы, центральными темами которого стали: *ранний эллинизм* (история Александра Македонского и диадохов), *исто-*

риография античной истории и методология исторического познания. В течение двадцати лет (с 1965 по 1984 г.) историк создал, очевидно, лучшие свои труды: книги о восточной политике Александра Великого²⁹ и распаде его империи в результате борьбы диадохов за власть³⁰. В это время под его научной редакцией вышли пять выпусков сборника «Вопросы историографии всеобщей истории» (1965–1971), четыре выпуска другого сборника под видимо идеологизированным названием «Критика буржуазных концепций всеобщей истории» (1972–1976), несколько коллективных монографий по историографии всеобщей истории и учебное пособие о периодизации всемирной истории (1984). В 1966 г. начал свою работу созданный Аркадием Семеновичем научный семинар «Античный понедельник», и с этого времени под его научным руководством его учениками была подготовлена и защищена серия диссертаций по историографии античной истории³¹. К числу важных исследовательских направлений А.С. Шофмана в этот период нужно отнести изучение *истории антиковедения в Казанском университете*.

В одном из номеров журнала «Вестник древней истории» за 1968 г. в рубрике «К истории советской науки о древнем мире (1917–1967)» была опубликована статья³², в которой А.С. Шофман не только отметил достижения видных историков античности (И.К. Бабста, С.В. Ешевского, Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостова), филологов-классиков (В.И. Модестова, Д.И. Нагуевского, С.П. и Д.П. Шестаковых и Н.Ф. Дератани), историка искусства А.М. Миронова и исследователя античной философии А.О. Маковельского, работавших в Казанском университете до Октябрьской революции³³, но также показал основные достижения исследователей Казани в области антиковедения после образования в университете исторического факультета (1939) и реорганизации его в историко-филологический факультет (1940). В этой работе А.С. Шофман впервые отметил деятельность возглавляемой им кафедры всеобщей истории в области истории древнего мира и историографии античной истории³⁴.

Вопросам изучения и преподавания историографии всеобщей истории Казанского университета было уделено внимание в небольшой статье, опубликованной в журнале «Новая и новейшая история» (1973)³⁵. Здесь Аркадий Семенович отметил, что еще в 1940–1950-е гг. на этой кафедре возникло и стало интенсивно развиваться историографическое направление³⁶, и кратко изложил основные достижения своих учеников в исследовании историографических аспектов истории эллинизма³⁷.

В 1970-е гг. вышли в свет, пожалуй, лучшие труды А.С. Шофмана, посвященные российским антиковедам, работавшим в Казанском университете – две небольшие книги о Ф.Г. Мищенко³⁸ и М.М. Хвостове³⁹, а также основательная статья

о В.И. Модестове⁴⁰. Собрал и проанализировал огромный и разнообразный материал (в том числе ранее не опубликованный), Аркадий Семенович создал три монографических исследования, в которых даны творческие портреты видных представителей русской науки об античности. После публикации этих работ не остается сомнений в том, что Ф. Г. Мищенко и М.М. Хвостов особенно много сделали для развития антиковедения в стенах Казанского университета.

В последний период своей научной деятельности (1985–1993) А.С. Шофман занимался изучением *истории дипломатии античной Македонии*: по этой теме им было опубликовано несколько статей, однако закончить работу над задуманной книгой под названием «История македонской дипломатии» ему помешала смерть⁴¹. Еще одно направление его творческих усилий – *популяризация научных достижений в области античной истории* – завершилось изданием книги для чтения по истории древнего мира⁴² и рядом статей о известных женщинах древности. Однако и история антиковедения в Казанском университете продолжала интересовать исследователя.

В 1991 г. с особой тщательностью А.С. Шофман готовил свой доклад, предназначенный для конференции, посвященной 25-летию научного кружка «Античный понедельник», поскольку, видимо, понимал, что эта юбилейная конференция, возможно, для него последняя и что вряд ли ему удастся еще раз встретиться со своими учениками. Этот доклад он рассматривал как своего рода научное завещание, и далеко не случайно, что в качестве темы для этого важного выступления он избрал именно историю науки об античности в Казанском университете⁴³.

В докладе Аркадий Семенович отметил, что антиковедение возникло в этом учебном заведении со времени его основания, и обозначил не только основные тенденции в изучении и преподавании классических языков, античной литературы и культуры, а также истории древней Греции и Рима в Казани до Великой Октябрьской революции, но и показал особенности возрождения и основные этапы становления казанского антиковедения в советский период. Аркадий Семенович указал на ту важную роль, которую научный кружок «Античный понедельник», созданный в 1966 г., сыграл в развитии антиковедных традиций Казанского университета. А.С. Шофман обозначил следующие основные направления в деятельности этого научного сообщества:

- историография античной истории;
- международные отношения и дипломатия в древнем мире;
- история мировых религий в древности;
- популяризация научных знаний об античности⁴⁴.

Впервые в своих трудах он упомянул имя репрессированного профессора Б.В. Варнеке

(1878–1944), известного своими трудами по истории греческого и русского театра⁴⁵.

Приблизительно в это же время Аркадий Семенович закончил работу над текстом своей последней книги «Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения»⁴⁶, которая по основным идеям и отчасти по своей проблематике примыкает к трудам по истории антиковедения в Казанском университете. В ней А.С. Шофман подвел итог своей научной деятельности, и совсем не случайно в качестве эпитафии к книге он избрал слова своего университетского учителя С.А. Жебелева: «Работа людей моего поколения прошла в прошлом, и мы должны дать отчет в этом прошлом, каждый по своей специальности, отчет как самим себе, так и тем, кто идет и пришел уже нам на смену». Это сочинение представляет собой ряд очерков, посвященных творчеству учителей Аркадия Семеновича (С.А. Жебелева, И.И. Толстого, С.И. Ковалева) и его друзей и старших коллег (А.В. Мишулина, А.Г. Бокщанина, С.Л. Утченко). С анализом трудов этих исследователей и оценкой их творчества в книге соседствуют личные воспоминания автора, его размышления о принципах и методах работы историка. Таким образом, это сочинение проливает свет на научное творчество самого А.С. Шофмана и, в частности, на изучение им истории антиковедения в Казанском университете.

Рассматривая антиковедение как комплексную науку, А. С. Шофман полагал, что она состоит из четырех компонентов:

- изучения классических языков (греческого и латыни);
- античной литературы со всем ее жанровым разнообразием;
- античной культуры, в том числе науки и изобразительного искусства;
- истории античного мира⁴⁷.

По его мнению, в разное время эти аспекты антиковедения культивировались на различных кафедрах и факультетах Казанского университета, а античная тематика интересовала исследователей многих специальностей: историков, лингвистов, литературоведов, искусствоведов и философов⁴⁸.

Так, А.С. Шофман показывает, что, в соответствии с первым университетским уставом 1804 года, античные дисциплины были представлены в двух подразделениях Казанского университета: на *отделении нравственных и политических наук* изучалось римское право, а на *отделении словесных наук* – греческий язык и греческая словесность, древности и латинский язык, древняя история как часть курса всемирной истории. По уставу 1835 года курсы по античности преподавались на *философском и юридическом факультетах*: на первом – греческая словесность и древности, римская словесность и древности, а также всеобщая история; на втором – система римского законодательства и его история⁴⁹. В

соответствии со следующим университетским уставом (1865), на *историко-филологическом факультете* читались такие курсы, как история античной философии, греческая и римская словесность, история античной литературы, толкование греческих и латинских авторов, теория и история искусств (раздел античного искусства), всеобщая история, а на *юридическом факультете* одним из основополагающих курсов была история римского права⁵⁰. Наконец, по последнему дореволюционному уставу (1884) на *историко-филологическом факультете* все дисциплины по античности изучались и преподавались по двум кафедрам: филология, философия, а также теория и история искусств – по *кафедре классической филологии*, а древняя история – по *кафедре всеобщей истории*; традиционно система и история римского права была представлена на *юридическом факультете*⁵¹. Как знаток истории Казанского университета А.С. Шофман показывает здесь свою осведомленность в вопросах организации учебного процесса и научных исследований на различных этапах развития этого высшего учебного заведения.

Творчество казанских исследователей античности Аркадий Семенович рассматривает в контексте российской науки об античности XIX – начала XX века.

Однако Аркадию Семеновичу было важно показать читателю основы мировоззрения И.К. Бабста – ученика и последователя Т.Н. Грановского и выяснить воздействие исторической обстановки в России середины XIX века на общественные и политические взгляды казанского историка⁵². Таковую же задачу Аркадий Семенович ставит в большинстве своих трудов, посвященных казанским историкам античности.

По мнению А.С. Шофмана, в России первой половины XIX века было два направления в изучении «греко-македонских отношений»:

- всеобщие истории Московского университета («школа Т.Н. Грановского»), а также историки Харьковского университета;
- антиковеды Петербургского университета («школа М.С. Куторги») ⁵³.

Именно к первому из этих направлений Аркадий Семенович и отнес И.К. Бабста.

Аркадий Семенович показывает, что антиковедение в Казанском университете множеством невидимых нитей было связано с изучением античности во многих других университетских центрах России.

В первую очередь тесные научные контакты были установлены между казанскими антиковедами и историками *Московского университета*:

- один из ближайших учеников Т.Н. Грановского – И.К. Бабст работал в Казани;
- здесь же, правда, недолго, преподавал другой ученик Т.Н. Грановского – С.В. Ешевский, который после смерти П.Н. Кудрявцева занял кафедру всеобщей истории Московского

университета, ту самую, которую когда-то занимал сам Т.Н. Грановский;

- ученик П.Г. Виноградова и В.И. Герье – Михаил Михайлович Хвостов стал профессором Казанского университета и восемнадцать лет проработал именно здесь;
- в апреле 1918 г. на должность профессора латинского языка и словесности по кафедре классической филологии был избран Н.Ф. Дератани, до этого он занимал должность приват-доцента в Московском университете⁵⁴;
- воспитанница Московского университета, ученица профессора А.Н. Попова – Любовь Ивановна Савельева после окончания аспирантуры в 1947 г. работает в Казанском университете⁵⁵.

Невидимые нити, как показал А.С. Шофман, связывали Казань с другими университетами страны. Ученик Н.М. Благовещенского – В.И. Модестов всего лишь несколько лет трудился в Казанском университете, а затем переехал в Киев. Там у него учился Ф.Г. Мищенко, который со временем стал профессором Киевского университета, а потом был приглашен в Казань и занял кафедру классической филологии. Пятнадцать лет своей научной и общественной деятельности он провел в Казани.

Воспитанник Казанского университета – один из братьев Шестаковых – Дмитрий Петрович до 1912 г. работал в Варшавском университете, после чего на протяжении десяти лет – в Казани.

До 1920 г. профессор Александр Осипович Маковельский (1884–1969) преподавал в Казанском университете, а потом переехал в Баку⁵⁶.

Научных контактов с *Петербургским (Ленинградским) университетом* у казанских антиковедов было значительно меньше, чем с Московским, но они все же имели место. Так, Николай Михайлович Благовещенский (1821–1892) был профессором римской словесности Казанского университета, затем читал лекции в Петербургском университете, а позже стал ректором университета в Варшаве⁵⁷.

Однако научные взаимоотношения Казани с Ленинградским университетом Аркадий Семенович связывал, прежде всего, с именем одного из своих учителей – профессора Ленинградского университета, академика Ивана Ивановича Толстого (1880–1954). Как известно, в годы Великой Отечественной войны в Казани находились в эвакуации вместе с академическими институтами некоторые крупные ученые, среди них был И.И. Толстой. Сюда он прибыл летом 1942 г. и проработал в Казани больше трех лет, все это время напряженно занимаясь исследовательской и преподавательской деятельностью⁵⁸. На историко-филологическом факультете этот видный филолог-классик читал курс лекций по античной литературе. В 1944 г. в Казанском университете он организовал и возглавил кафедру классической

филологии, и соответственно на историко-филологическом факультете было создано классическое отделение. После отъезда И.И. Толстого из Казани кафедра и отделение классической филологии продолжили существовать⁵⁹.

Печальным образом с Казанью связано имя С.В. Меликовой-Толстой (1885–1942), преподававшей Аркадию Семеновичу в Ленинградском университете древнегреческий язык⁶⁰. В дороге во время эвакуации из блокадного Ленинграда она смертельно заболела и скончалась в больнице 31 июля 1942 г.⁶¹ через несколько дней после приезда в Казань. Похоронена в Казани на Арском кладбище⁶².

К слову сказать, Аркадий Семенович подчеркивал, что его *alma mater* – Ленинградский университет, хотя всегда оставался патриотом Казанского университета. С 1933 по 1938 г. А.С. Шофман учился на филологическом факультете ЛГУ по специальности классической филологии, и по окончании учебы ему была присвоена квалификация *филолога-классика*⁶³. Своими университетскими учителями он считал, кроме упомянутых выше И.И. Толстого и С.В. Меликовой, также Иосифа Моисеевича Тронского (1897–1970), проводившего занятия по латинскому языку, читавшего римских авторов и курс истории римской литературы⁶⁴; академика Василия Васильевича Струве (1889–1965), лекции которого А.С. Шофман вместе со своими коллегами-филологами слушал в общем потоке со студентами-историками⁶⁵; профессора Сергея Ивановича Ковалева (1886–1960) и Отто Оскаровича Крюгера (1893–1967)⁶⁶, читавших специальные курсы по истории древней Греции и Рима соответственно⁶⁷; академика Сергея Александровича Жебелева (1867–1941), ведшего курс по истории Северного Причерноморья в античную эпоху⁶⁸; другие специальные курсы Аркадий Семенович слушал у профессоров А.И. Малеина и П.Н. Беркова, а также у доцента М.С. Альтмана⁶⁹. Заведующим кафедрой классической филологии в те годы была Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955)⁷⁰, и, во многом благодаря ей, по окончании учебы Аркадий Семенович был оставлен при университете для преподавания⁷¹. Он вел занятия по латинскому языку на историческом факультете ЛГУ⁷².

Спустя почти полтора десятилетия, уже работая в Казанском университете, А.С. Шофман предпринял попытку восстановить утраченные научные контакты с коллегами из *alma mater* – об этом свидетельствует, в частности, его переписка с профессором С.И. Ковалевым. Аркадий Семенович стремился к тому, чтобы получить место в докторантуре при кафедре истории Древней Греции и Рима в Ленинградском университете и под научным руководством заведующего этой кафедры С.И. Ковалева завершить свою докторскую диссертацию. Но Сергей Иванович, который в это время занимался преимущественно проблемами римской истории, не взялся за научное руководс-

тво работой по истории античной Македонии. А Ксения Михайловна Колобова, которая «хотя и не занималась специально Македонией», но все же являлась «по своим основным интересам эллинисткой», отказалась руководить диссертацией Аркадия Семеновича «из-за крайней перегруженности всякого рода работой» – так объяснял ситуацию С.И. Ковалев⁷³. Судя по всему, А.С. Шофману не удалось уговорить Ксению Михайловну помочь ему завершить свою диссертацию даже «в качестве прикрепленного к <...> кафедре без отрыва от производства»⁷⁴.

Тем не менее Аркадий Семенович считал, что именно между антиковедами Казани и Москвы существовали традиционно прочные научные контакты. Он их всячески поддерживал и развивал: доброжелательным, дружеским отношением и деловитостью характеризовалось его сотрудничество с профессорами Московского университета Анатолием Георгиевичем Бокшаниным и Николаем Николаевичем Пикусом⁷⁵.

Антиковедение в Казанском университете, как его представлял себе Аркадий Семенович, – это не только изучение античной истории, это еще и исследование *классических языков и античной литературы, изобразительного искусства и философии древности*, а также римского права, хотя в работах, относящихся к раннему периоду его творчества, он интересовался преимущественно историографией античной истории в этом учебном заведении.

По его мнению, развитие антиковедения в университете началось с изучения и преподавания классических языков. А.С. Шофман отмечает деятельность профессора греческого языка и словесности С.А. Мистаки (1779 – конец 1860-х гг.), грека по национальности, который после подавления греческого восстания в 1821 г. бежал в Россию и с 1823 г. работал в Казанском университете: вел практические занятия по греческому языку, читал со студентами античных авторов и для учебных целей составил трехтомную хрестоматию греческих текстов⁷⁶. Аркадий Семенович называет и другие имена: С.Ф. Опацкого (1847–1900) – профессора классической филологии, преподававшего латинский язык, написавшего пособие о латинском синтаксисе и изучавшего сатиры Ювенала и сочинения Плиния Младшего⁷⁷, а также профессора Дария Ильича Нагуевского (1845–1918), преподававшего латынь, составившего грамматику этого языка, читавшего со студентами латинских авторов и издавшего 2-томное пособие по истории римской литературы⁷⁸.

Так, В.И. Модестов занимался трудами Тацита; в ученый совет Казанского университета он представил докторскую диссертацию, посвященную скорее филологическим проблемам – «Римская письменность в период царей». Представителем историко-филологического направления в антиковедении был Ф.Г. Мищенко – историк,

филолог-классик и переводчик трудов античных авторов на русский язык.

Аркадий Семенович показывает, что деятельность таких известных филологов-классиков, как Д.И. Нагуевский, братья Сергей Петрович и Дмитрий Петрович Шестаковы, Н.Ф. Дератани, историка античного изобразительного искусства А.М. Миронова и историка античной философии, автора 3-томного исследования о философии досократиков А.О. Маковельского, наряду с достижениями историков, подняло антиковедение в Казани на небывалую прежде высоту.

А.С. Шофман справедливо полагал, что с научной деятельности профессора права Г.И. Солнцева началось систематическое изучение римского права в этом высшем учебном заведении⁷⁹.

Антиковедение А.С. Шофман рассматривает, с одной стороны, как изучение истории и культуры античного мира, а с другой – как преподавание антиковедных дисциплин студентам. Он доказывает, что в первой половине XIX в. античная история как самостоятельная дисциплина в Казанском университете не преподавалась, а являлась лишь частью курса всеобщей истории⁸⁰. На его взгляд, в этот период только И.А. Верниковский и О.М. Ковалевский, читая лекции, могли заинтересовать студентов античной историей⁸¹, а востоковед Ф.И. Эрдман в своих курсах по древней истории основное внимание уделял древневосточным государствам⁸².

Аркадий Семенович отмечает высокий уровень лекций антиковеда В.И. Модестова⁸³ и детально анализирует лекционные курсы по античности медиевиста Н.А. Осокина, указывая на его эрудицию в области античной историографии и источниковедения, на оригинальность многих его суждений и на мастерство его исторических характеристик; однако при этом отмечают некоторые недостатки и упущения в курсах профессора Н.А. Осокина по истории Греции и Римской империи⁸⁴.

А.С. Шофман особенно подробно рассмотрел преподавательскую деятельность профессоров Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостова в Казанском университете⁸⁵, показав, что на протяжении многих лет оба они не только разрабатывали и читали курсы по различным антиковедным дисциплинам, но и много сил уделяли практическим занятиям со студентами⁸⁶. Много свидетельствовало о незаурядных качествах Ф.Г. Мищенко как педагога: чтение и толкование греческих авторов, которых он сам исследовал и хорошо знал, умение поставить интересные темы для рефератов и последующее их живое обсуждение в аудитории⁸⁷.

Ссылаясь на воспоминания Н.П. Грацианского, А.С. Шофман определил особенности лекционных курсов М.М. Хвостова, которые вовсе не давали слушателям знаний «в окончательном виде», а скорее подталкивали студентов к приобретению новых знаний, к их дальнейшему расширению, при этом важную роль играла, по

выражению Н.П. Грацианского, «историография вопроса»⁸⁸. Аркадий Семенович обращает внимание на тот факт, что, будучи хорошо знаком с системами преподавания античной истории и классической филологии в различных университетах Европы, М.М. Хвостов критически использовал зарубежный опыт в своих лекциях и на практических занятиях⁸⁹.

Важным элементом истории антиковедения конца XIX и начала XX в. в Казанском университете, по мнению Аркадия Семеновича, были лекционные курсы по римской литературе и римскому праву С.П. Шестакова, по истории античного искусства и истории эстетических учений в древности А.М. Миронова, по греческой философии и греческой религии А.О. Маковельского⁹⁰.

Аркадий Семенович нередко указывал на тесную связь, существовавшую на кафедре всеобщей истории Казанского университета во второй половине XX в., между изучением и преподаванием *античной истории*, с одной стороны, и *историографии античности* – с другой⁹¹.

А.С. Шофман кратко рассмотрел вехи жизненного пути профессора Б.В. Варнеке и показал, что после работы в Казани он оказался в Новороссийском университете; именно в Одессе, когда началась Великая Отечественная война, Борис Васильевич «встретил свою горькую судьбу»: в 1944 г. его арестовали вместе с другими одесскими профессорами, которым инкриминировали участие в организованном оккупационными властями «институте антикоммунистических исследований и пропаганды», а вскоре он умер в киевской тюремной больнице, как констатировалось в официальном документе, «от упадка сердечной деятельности»⁹². Сообщив, что в 1955 г. дело Б.В. Варнеке при пересмотре в прокуратуре Одесского военного округа было прекращено за недоказанность его вины, А.С. Шофман назвал этого профессора «очередной жертвой сталинских репрессий»⁹³.

В этой эмоционально сдержанной оценке нельзя не заметить глубоко личного отношения Аркадия Семеновича к трагической судьбе исследователя – его коллеги по Казанскому университету. Репрессии не коснулись самого А.С. Шофмана, но их очевидцем и свидетелем он был: от них пострадал его старший брат – Исаак Аркадьевич, которого он очень любил и искренне уважал. Все, связанное с этим, он тяжело переживал⁹⁴. Вспоминая свою учебу на филологическом факультете Ленинградского университета в 1936–1937 гг., Аркадий Семенович писал: «Затхлая атмосфера тех лет душила все кругом – и молодых, и старых, и студентов, и профессоров. Тогда существовал порядок, при котором каждый студент, у которого был арестован кто-то из членов семьи, был обязан тотчас доложить об этом в деканат. И каждое утро по длинному коридору факультета выстраивалась <...>длинная очередь студентов,

спешивших выполнить свою «патриотическую миссию». Однажды, когда был несправедливо репрессирован мой старший брат, стал в эту очередь и я»⁹⁵. Различным репрессиям подверглись учителя А.С. Шофмана по Ленинградскому университету: С.А. Жебелев⁹⁶, О.М. Фрейденберг⁹⁷, С.И. Ковалев⁹⁸ и О.О. Крюгер⁹⁹.

Нельзя сказать, что А.С. Шофман исчерпывающе осветил все аспекты исследовательской темы об антиковедении в Казанском университете. В качестве примера следует указать, как Аркадий Семенович изучал научное творчество Ф.Г. Мищенко. Основной сферой научных интересов Федора Герасимовича была история греческой литературы; далеко не случаен тот факт, что обе его диссертации посвящены именно этому разделу антиковедения; кроме того, будучи филологическим образованным, он занимался вопросами грамматики древнегреческого языка и критикой текстов античных авторов. Вне всякого сомнения, казанский профессор был видным ученым в области классической филологии, хотя некоторые его труды посвящены греческой мифологии и религии, политической истории и истории античной культуры, древней географии, этнографии и классической археологии¹⁰⁰.

Однако в книге, посвященной Ф.Г. Мищенко, Аркадий Семенович рассматривает ученого исключительно как историка античности, уделяя внимание его взглядам на античную историографию, на историю антиковедения (историографию античности), на эллинистическую историю и на историю юга России в древности¹⁰¹. Таким образом, до настоящего времени ожидает своего исследователя огромное научное наследие Ф.Г. Мищенко как филолога-классика и переводчика греческих авторов.

В интересной статье о В.И. Модестове Аркадий Семенович уделил внимание различным аспектам его творчества как историка античности, однако оставил без внимания многие стороны деятельности этого выдающегося русского филолога-классика.

Не все планы Аркадия Семеновича по изучению истории антиковедения в Казанском университете были выполнены: он, например, не написал, как задумывал, очерк о жизни и творчестве братьев Д.П. и С.П. Шестаковых¹⁰².

Ждут своей детальной разработки такие вопросы, как изучение в Казанском университете истории античной литературы, истории греческой философии, истории античного изобразительного искусства и изучение римского права.

Однако заслуга А.С. Шофмана состоит, в частности, в том, что он исследовал не только творчество отдельных крупных антиковедов, но и развитие антиковедения в Казани как некий единый процесс. Труды Аркадия Семеновича по этой теме дают именно целостную картину, пусть отдельные детали в ней и остались недостаточно проработанными.

На мой взгляд, интерес Аркадия Семеновича к истории антиковедения в Казанском университете стимулировался не только и, возможно, не столько чисто научными, академическими интересами. Время от времени он говорил своим ученикам, что знать достижения своих предшественников и ценить их – это не только научный, но и нравственный долг каждого исследователя.

А.С. Шофман постоянно размышлял над проблемой преемственности поколений в науке вообще и в антиковедении в особенности¹⁰³. Его волновал вопрос о том, какое наследие он оставил своим ученикам и последователям, сумел ли он передать им свой огромный исследовательский и жизненный опыт. В заключении к последней своей книге под названием «Не угаснет огонь Прометея. (Из истории советского антиковедения)» Аркадий Семенович написал: «Думая о сложном пути нашего поколения в науку, о том, как развивалась и набирала силы советская высшая школа, приходим к выводу, что мы не можем пройти мимо той плеяды блестящих учителей, неповторимым душевным и нравственным порывом которых всё это было достигнуто. Их деятельность была связана со стремлением передать другим свой житейский и профессиональный опыт, предостеречь от лишних ошибок. И это вполне естественно: старшие стремятся передать этот опыт молодым людям, стремятся научить тому, что знают сами. Так из века в век тянется эта нить, связывая между собой <...> поколения»¹⁰⁴.

Изучение жизни и творчества антиковедов Казанского университета позволяло Аркадию Семеновичу осмыслить свое место в непрерывной культурно-исторической традиции. Понимание этого давало ему ощущение целостности и полноты научного творчества, без чего он не мыслил себя.

О своих учителях Аркадий Семенович говорил, что «каждый из них был личностью в самом высоком смысле этого слова, сочетал в себе благородство, эрудицию и самопожертвование»¹⁰⁵. Смею утверждать, что эти слова полностью относятся к самому Аркадию Семеновичу Шофману.

Автор выражает благодарность Т. Бизяевой, предоставившей копии важных архивных материалов.

Примечания

- ¹ Модестов В.И. В Казани и в Киеве: 1867–1877. (Отрывок из воспоминаний) // Ист. вестник. 1885. Т. 22, нояб. С. 332.
- ² А.С. Шофман был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории 1 октября 1948 г. (см.: Архив Казан. гос. ун-та (далее – Архив КГУ), оп. 20, св. 70, д. 1239а (А.С. Шофман), л. 1), в этой должности он проработал до своего выхода на пенсию 31 августа 1986 г. (Там же. Л. 225), а с 1 сентября того же года вплоть до своей

- кончины 7 октября 1993 г. Аркадий Семенович работал на этой кафедре в качестве профессора-консультанта (Там же. Л. 228).
- ³ См.: *Шофман А.С.* В.И. Модестов как историк античности // История и историки: Историко-графический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 174.
 - ⁴ Выступая в 1991 г. с докладом на научной конференции, посвященной 25-летию научного кружка «Античный понедельник», А.С. Шофман говорил, что представители «всех слоев русского общества отмечали важную роль Казанского университета в развитии просвещения и науки в нашей стране», и в качестве примера ссылался на мемуары А.Ф. Керенского, полагавшего, что «Казанский университет считался одним из лучших в России» (см.: *Шофман А.С.* Антиковедение в Казанском университете: Итоги и перспективы. (Рукопись) // Отдел рукописей и редких книг Науч. б-ки им. Н.И. Лобачевского Казан. ун-та (далее – ОРРК НБЛ КГУ), ф. 24 (А.С. Шофман), ед. хр. 25, л. 2 об.; ср.: Мемуары А.Ф. Керенского // *Вопр. истории.* 1990. № 6. С. 117.
 - ⁵ А.С. Шофман (1913–1993) // *ВДИ.* 1994. № 1. С. 237.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ *Жигунин В.Д.* А.С. Шофман – ученый, учитель, человек // *Античность: События и исследователи.* Казань, 1999. С. 7.
 - ⁸ Имеются в виду три написанные А.С. Шофманом главы в кн.: *Историография античной истории: Учеб. пособие / Под ред. В.И. Кузищина.* М., 1980. См.: гл. 4 «Возникновение марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс об античности» (в соавт. с В.И. Кузищиным; с. 81–97); гл. 5 «Буржуазная историческая мысль во 2-й пол. XIX в. Позитивистская историография» (с. 98–124) и гл. 10 «Изучение античности в европейских странах социализма» (в соавт. с Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищиным и др.; с. 373–392). Показательно, что в главе, посвященной советской историографии античности (автор В.И. Кузищин), указываются только двухтомное исследование А.С. Шофмана по истории античной Македонии и его книга о восточной политике Александра Македонского (с. 363–364); здесь ничего не говорится о его трудах по истории антиковедения, в частности, по истории науки об античности в Казанском университете.
 - ⁹ *Жигунин В.Д.* Указ. соч. С. 7.
 - ¹⁰ См.: *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: Историко-графические очерки. СПб., 1999. С. 208, примеч. 75.
 - ¹¹ Там же. С. 212, примеч. 84.
 - ¹² Там же. С. 379, примеч. 57; 388; см. также с. 380, 382, 389, примеч. 78.
 - ¹³ *История Казанского университета: 1804–2004 / Гл. ред. И.П. Ермолаев.* Казань, 2004. С. 434. Далее указывается, что «заслугой А.С. Шофмана явилось возрождение в Казанском университете антиковедения» (Там же. С. 469).
 - ¹⁴ Для сравнения следует указать на очерки истории Казанского университета, изданные к 150-летию этого высшего учебного заведения, которые были написаны при активном участии А.С. Шофмана и в которых отмечается, что после Великой Отечественной войны на кафедре всеобщей истории «были заложены основы разработки отечественной историографии античности», при этом центральными стали два направления: «основные проблемы истории античной Македонии в русской историографии и изучение античной истории в Казанском университете» (Казанский университет: 1804–1979 / Отв. ред. М.Т. Нуржин и др. Казань, 1979. С. 241). Далее констатируется тот факт, что в последующие годы «продолжалось изучение научного наследия виднейших представителей русского дореволюционного антиковедения, особенно ученых университета»; примером могут служить две монографии А.С. Шофмана о Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостове, «в которых впервые дан целостный очерк жизни и деятельности двух видных русских антиковедов» и кратко указаны достижения Аркадия Семеновича в изучении истории античной Македонии и раннего эллинизма (Там же. С. 242–243).
 - ¹⁵ См.: *Модестов В.И.* Н.М. Благовещенский // *Историческое обозрение.* 1892. Т. 5. Отд. II. С. 1–16; *Шестаков С.П.* Ф.Г. Мищенко (некролог) // *Журнал Мин-ва народного просвещения.* 1907. Июль. Отд. 4. С. 39–74; *Адлер Б.Б.* М.М. Хвостов // *Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те.* 1922. Т. 31, вып. 2–3. С. 87–89; *Грацианский Н.П.* Памяти М.М. Хвостова // Там же. С. 91–104.
 - ¹⁶ См.: *Шкляев Н.П.* Казанский период научной деятельности профессора-античника Ф.Г. Мищенко (1889–1903 гг.) // *Учен. зап. Казан. ун-та.* 1956. Т. 116, кн. 5. С. 321–326; *Он же.* Н.М. Благовещенский // Там же. 1957. Т. 117, кн. 9. С. 112–116. См. также небольшую статью, которая, по всей видимости, оказалась неизвестной А.С. Шофману: *Кашуба М.В.* Ф.Г. Мищенко – выдающийся украинский еллинист // *Іноземна філологія.* Вип. 13. Питання класичної філології. № 6. Львів, 1967. С. 77–80.
 - ¹⁷ Об обстоятельствах, приведших А.С. Шофмана в Казань, см.: *Кащеев В.И.* Аркадий Семенович Шофман как исследователь античной Македонии // *Историки в поиске новых смыслов.* Казань, 2003. С. 14–15.
 - ¹⁸ История Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина: Материалы к обсуждению / Под общ. ред. Д.Я. Мартынова. Казань, 1954. С. 5–81.
 - ¹⁹ Позднее А.С. Шофман подготовил книгу об истории Казанского университета, которая, к сожалению, не была опубликована (см.: *Шофман А.С.* История Казанского университета. (Рукопись) // ОРРК НБЛ КГУ, ф. 24. ед. хр. 35.
 - ²⁰ *Шофман А.С.* Основные проблемы истории античной Македонии в историографии // *Учен. зап. Казан. ун-та.* 1954. Т. 114, кн. 5. С. 149–197.
 - ²¹ Там же. С. 176.
 - ²² *Шофман А.С.* Основные проблемы истории античной Македонии... С. 182.
 - ²³ Там же. С. 180–183.
 - ²⁴ Там же. С. 184.
 - ²⁵ Там же. С. 191.
 - ²⁶ *Шофман А.С.* Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956. 29 с.
 - ²⁷ Там же. С. 28.
 - ²⁸ Там же. С. 3.
 - ²⁹ *Шофман А.С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. 520 с.

- ³⁰ Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. 224 с. В историографической части введения к этой книге А.С. Шофман не только представил мнение И.К. Бабста о втором томе «Истории эллинизма» И.Г. Дройзена, но и проанализировал статью ученого о Деметрии Полиоркете (Там же. С. 9). Аркадий Семенович кратко охарактеризовал взгляды на историю диадохов и других казанских исследователей – С.В. Ешевского, Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостова (Там же). Таким образом, вполне естественно А.С. Шофман обращался к трудам антиковедов Казанского университета для решения конкретных исторических проблем.
- ³¹ См.: Кащеев В.И. Указ. соч. С. 26.
- ³² Шофман А.С. Из истории античной науки в Казанском университете // ВДИ. 1968. № 1. С. 199–204.
- ³³ Там же. С. 199–202.
- ³⁴ Там же. С. 203–204.
- ³⁵ Шофман А.С. Изучение и преподавание историографии всеобщей истории в Казанском университете // Новая и новейшая история. 1973. № 5. С. 210–212.
- ³⁶ Там же. С. 210.
- ³⁷ Там же. С. 210–211.
- ³⁸ Шофман А.С. Федор Герасимович Мищенко. Казань, 1974. 112 с.
- ³⁹ Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. 112 с.
- ⁴⁰ Шофман А.С. В.И. Модестов как историк античности // История и историки: Историографический ежегодник. 1975. М., 1978. С. 173–190.
- ⁴¹ См.: Габелко О.Л., Скоробогатов А.В. Предисл. к ст.: Шофман А.С. Последние дипломатические акции Филиппа II // Античность: События и исследователи. Казань, 1999. С. 18.
- ⁴² Шофман А.С. Древний мир в лицах и образах: Книга для чтения. Казань, 1990. 214 с.
- ⁴³ См.: Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете: Итоги и перспективы. (Рукопись) // ОРПК НБЛ КГУ, ф. 24. ед. хр. 25. 19 с. Текст был завершен 4 июля 1991 г. (с. 17). Последние две страницы рукописи (с. 18–19) представляют собой тезисы доклада; именно они были опубликованы в материалах конференции (см.: Он же. Антиковедение в Казанском университете: Итоги и перспективы // Античная история и современная историография: Материалы межвуз. науч. конференции, посвященной 25-летию «Античного понедельника». Казань, 1991. С. 44–46).
- ⁴⁴ Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). Л. 13–15, 18–19; Он же. Антиковедение в Казанском университете // Античная история... С. 45–46.
- ⁴⁵ Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). С. 5.
- ⁴⁶ Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения. (Рукопись). [Казань, 1991]. [2], 312, 39 с. Книга до сих пор не опубликована; Ее машинописный текст не имеет обозначенной автором даты написания; ориентиром может служить сделанная научным редактором профессором В. Д. Жигуниным надпись на титульном листе «В печать» и дата – 28/XII–91 г. Однако рукопись, к сожалению, еще не готова к печати, о чем свидетельствуют многочисленные неточности, фактические ошибки и композиционные противоречия как в основном тексте, так и в примечаниях.
- ⁴⁷ Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете // Античная история... С. 44.
- ⁴⁸ Там же. С. 44–45.
- ⁴⁹ Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). С. 3.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. Л. 3–4.
- ⁵² Шофман А.С. Основные проблемы истории античной Македонии... С. 179.
- ⁵³ Там же. С. 179.
- ⁵⁴ Шофман А.С. Из истории античной науки в Казанском университете // ВДИ. 1968. № 1. С. 202.
- ⁵⁵ Там же. С. 203.
- ⁵⁶ Там же. С. 202.
- ⁵⁷ Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). Л. 5 и 5 об. (ср.: Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 211). В своих трудах А.С. Шофман не упоминает о том, что Б.В. Варнеке оказался в Казани после Петербургского университета (ср.: Дружинина И.А., Чиглинцев Е.А. Наследие антиковедов Казанского университета в интеллектуальном контексте современности // Античность: Общество и идеи. Казань, 2001. С. 227).
- ⁵⁸ См.: Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения. (Рукопись). С. 125–126.
- ⁵⁹ Шофман А.С. Из истории античной науки... С. 203; Он же. Антиковедение в Казанском университете: Итоги и перспективы. (Рукопись). Л. 12; Он же. Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения. (Рукопись). С. 23.
- ⁶⁰ Портрет С.В. Меликовой как человека и университетского преподавателя представлен в неопубликованной книге А.С. Шофмана «Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения» (с. 22–23).
- ⁶¹ Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея... С. 24; ср.: Толстой И.И. София Венедиктовна Меликова-Толстая // Древний мир и мь: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 1997. [Вып. 1] С. 149.
- ⁶² Интересно отметить, что именно ту самую плиту с греческой надписью ΧΑΙΡΕ, которую спустя несколько лет на могилу С.В. Меликовой положил ее муж И.И. Толстой, неожиданно обнаружил Аркадий Семенович и затем часто посещал эту заброшенную могилу, чтобы «тихо произнести ΧΑΙΡΕ и еще раз вспомнить свою незабвенную студенческую юность и скромную труженицу, которая в то далекое и трудное время» дала ему основы знаний классических языков; см.: Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения. [Казань, 1991]. С. 24 (рукопись находится на хранении у Г. П. Мягкова).
- ⁶³ См. нотариально заверенную копию диплома об окончании А.С. Шофманом Ленинградского университета в его личном деле: Архив КГУ, оп. 20, св. 70, д. 1239а (А.С. Шофман). Л. 158.

- ⁶⁴ См.: *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея... С. 24–26.
- ⁶⁵ Там же. С. 28–30.
- ⁶⁶ Аркадий Семенович называл О.О. Крюгера *Отто Оттовичем*, возможно, именно так, как его в свое время именовали студенты.
- ⁶⁷ Там же. С. 26–28.
- ⁶⁸ Там же. С. 31–33.
- ⁶⁹ Там же. С. 30.
- ⁷⁰ Там же. С. 40.
- ⁷¹ Там же. С. 43.
- ⁷² Это подтверждает учившийся у него в 1939 г. В.Г. Борухович, впоследствии профессор Саратовского университета (устное сообщение В.Г. Боруховича). Судя по архивной справке, выданной в Архиве ЛГУ 23.09.1948 г., А.С. Шофман состоял в должности ассистента кафедры классической филологии филологического факультета с 1 сентября 1938 по 1 сентября 1940 г. (см.: Архив КГУ, оп. 20, св. 70, д. 1239а, л. 141 а). В своей автобиографии он, однако, указывает, что «после окончания университета был оставлен при университете преподавателем на историческом факультете, где работал до 15 августа 1940 г.» (Там же. Л. 6).
- ⁷³ ОРРК НБЛ КГУ, ф. 24. [Письма.] Письмо С.И. Ковалева А. С. Шофману от 12.02.1955 г. С. 2 (в настоящий момент фонд до конца не описан).
- ⁷⁴ Там же. С. 3.
- ⁷⁵ Подробнее см.: *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея... С. 56–57.
- ⁷⁶ *Шофман А.С.* Антиковедение в Казанском университете... Л. 4.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. Л. 4–5.
- ⁷⁹ Там же. Л. 6.
- ⁸⁰ *Шофман А.С.* Изучение античной истории в Казанском университете. С. 4.
- ⁸¹ Там же. С. 6–9; см. также: *Шофман А.С.* Казанский университет и польский просветитель Ян Верниковский // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 75–80.
- ⁸² *Шофман А.С.* Изучение античной истории в Казанском университете. С. 7.
- ⁸³ Там же. С. 16.
- ⁸⁴ Там же. С. 17–20; см. также: *Шофман А.С.* Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). Л. 10.
- ⁸⁵ Там же. С. 21, 28.
- ⁸⁶ *Шофман А.С.* Из истории античной науки... С. 201.
- ⁸⁷ См.: *Шофман А.С.* Федор Герасимович Мищенко. С. 15.
- ⁸⁸ См.: *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. С. 33; ср.: *Грацианский Н.П.* Памяти М.М. Хвостова. С. 103.
- ⁸⁹ См.: *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. С. 32–33.
- ⁹⁰ *Шофман А.С.* Из истории античной науки... С. 201–202.
- Впоследствии, работая под научным руководством одного из учеников А.С. Шофман – доцента Е.А. Чиглинцева, И.А. Дружинина детально изучила вопрос о преподавании классических дисциплин в Казанском университете в XIX – нач. XX в. (см.: *Дружинина И.А.* Преподавание античной истории в Казанском университете с 1804 по 1819 год // *Античность: Политика и культура.* Казань, 1998. С. 95–99); *Она же.* Античная история в учебном процессе Казанского императорского университета с 1819 по 1837 год // *Античность: События и исследователи.* Казань, 1999. С. 112–116; *Она же.* Предмет «Древностей» в Казанском университете (30–70-е годы XIX в.) // *Античность: Эпоха и люди.* Казань, 2000. С. 101–107; *Она же.* Изучение античности в Казанском университете (XIX – 20-е годы XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.
- ⁹¹ *Шофман А.С.* Из истории античной науки... С. 204; *Она же.* Изучение и преподавание историографии всеобщей истории... С. 211.
- ⁹² См.: *Шофман А.С.* Антиковедение в Казанском университете... (Рукопись). Л. 6.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Устное сообщение дочери Аркадия Семеновича – Э.А. Михайловой.
- ⁹⁵ *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея... С. 43.
- ⁹⁶ См.: *Тункина И.В.* «Дело» академика Жебелева // *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России.* СПб., 2000. [Вып. 2]. С. 116–161.
- ⁹⁷ Подробнее см.: *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея... С. 39–49. См. также: *Брагинская Н.В.* «...Имеют свою судьбу» // *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 424–433.
- ⁹⁸ См.: *Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) /* Изд. подгот. Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. СПб., 2003. С. 204.
- ⁹⁹ Там же. С. 227.
- ¹⁰⁰ См.: *Шофман А.С.* Федор Герасимович Мищенко. С. 19.
- ¹⁰¹ Там же. Гл. III: Ф.Г. Мищенко как историк античности. С. 45–105.
- ¹⁰² В настоящее время этот сюжет стал предметом изучения коллеги из Казанского университета Л.М. Шмелевой; см., напр.: *Шмелева Л.М.* Казанские антиковеды Шестаковы – университетская династия // *Историки в поиске новых смыслов.* Казань, 2003. С. 175–179; *Она же.* Научно-педагогическая деятельность С.П. и Д.П. Шестаковых в 20–30-е годы XX века // *Antiquitas iuventae.* Саратов, 2005. С. 197–206.
- ¹⁰³ *Шофман А.С.* Проблема смены поколений в отечественном антиковедении XX века // *Историческая наука в меняющемся мире.* Казань, 1993. С. 85–87.
- ¹⁰⁴ *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея: Из истории советского антиковедения. С. 311.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 312.

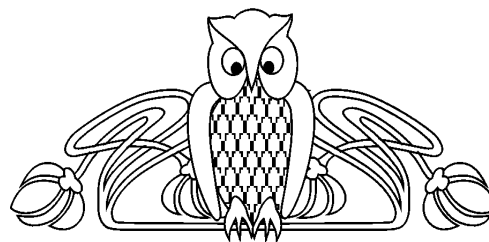

УДК 930.1(09)(470+571)

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» (1990-е – начало 2000-х гг.)

В.А. Митрохин

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории новейшего времени
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

Предметом внимания автора статьи стала отечественная историография русской эмиграции так называемой первой волны (20–30-е годы XX века). Исследуется период 1990-х – начала 2000-х гг. В работе представлены и анализируются различные направления научного поиска ученых-обществоведов: обобщение опыта политических течений, положение и эволюция разных социальных групп (казачество, интеллигенция и др.), культурное наследие выходцев из России, эмигрантское видение большевистской «реформации». Включение проблем русского зарубежья в канву общероссийской истории на протяжении этого времени проходило в условиях трансформации общественного уклада страны, что не могло не сказаться на характере исследовательского процесса и содержании работ. Автор уделяет особое внимание эволюции научных предпочтений отечественных исследователей, менявшихся под влиянием общественного процесса на рубеже XX–XXI вв.

Modern Native Historiography of Russian Emigration of the First Wave (20–30s of the XX Century)

V.A. Mitrokhin

This article considers the native historiography of Russian emigration of so-called the First Wave (20–30s of the XX century). The author researches the period of 1990s – the beginning of 2000s. Various directions of the scientific research of the social scientists such as summarizing of the experience of various political movements, position and evolution of various social groups (the Cossacks, intelligentsia, etc.), cultural inheritance of the Russian originated, and emigrant view of the Bolshevik “reformation” are presented and analyzed in the article. The inclusion of Russian foreign problems in the frames of the All-Russian history during that time was conducted in the circumstances of the transformation of the social lifestyle of the country and it influenced the character of the research process and the work content. Author pays special attention to the evolution of the scientific preferences of the native researchers, which changed under the influence of the social process of 1990s – the beginning of the 2000s.

Начавшаяся во второй половине 1980-х гг. трансформация общественного уклада страны создала новую ситуацию в разработке проблем эмиграции. Этот новый этап в историографии русского зарубежья вызвал качественное изменение методологических основ исследований (что наиболее зримо стало проявляться с начала 1990-х гг.), освобождение от идеологических штампов и стереотипов, расширение круга ис-

точников за счет привлечения ранее закрытых архивных материалов¹.

На новый уровень выходит межнаучная кооперация. В изучение наследия №2 России включаются ученые, представляющие разные специальности: историки, политологи, философы, литературоведы и т.д.²

Отличительной особенностью новейшей историографической ситуации явился отказ от сугубо негативного отношения к западной исторической мысли, что создавало почву для плодотворного научного сотрудничества с коллегами из-за рубежа. В 1991 г. в СССР состоялась первая международная научная конференция под руководством академика РАН Е. П. Челышева³, посвященная проблемам российского зарубежья. В научной среде укрепляется сознание необходимости соединения двух частей когда-то единого целого, разорванного революционными напряжениями 1917 г., российского народа. Радикальное изменение общественной ситуации в стране, распад Советского Союза привели к смене политической и идеологической конъюнктуры, акцентов в изучении истории эмиграции. В популярном направлении научных исследований, все чаще определяемом как «россика», с начала 1990-х гг. набирает силу процесс включения проблем зарубежной России в канву общероссийской истории.

В 1991 и 1993 гг. в России состоялись 1-й и 2-й Конгрессы соотечественников, на которых совместно с учеными РАН была поставлена тема российской эмиграции⁴. О необходимости самого пристального изучения различных аспектов истории российского зарубежья шла речь во время заседания «круглого стола» в Институте российской истории РАН⁵.

Стали образовываться центры по изучению российской эмиграции в Российской академии наук (Институт российской истории, Институт славяноведения и др.), в Российском институте культурологии Министерства культуры РФ и РАН. Весомый вклад в разработку эмигрантской проблематики стали вносить научные коллективы вузов (МГУ, РГГУ им. А.И. Герцена, Гуманитарная академия Вооруженных сил). Так, в 1993–1994 гг. вышли в свет коллективные работы, выполненные на кафедре отечественной истории новейшего

времени Историко-архивного института РГГУ в рамках программы изучения российского зарубежья⁷.

Показателем стабильного интереса к проблеме можно считать проведение многочисленных «круглых столов», международных и внутри-российских конференций⁸. Качественно новым моментом стало появление учебных пособий, библиографической и справочной литературы⁹.

В 1990-е гг. спектр исследований русского зарубежья все более усложняется, тем не менее политическая составляющая эмигрантской жизни по-прежнему сохраняет свою привлекательность для отечественных ученых. Несколько изменился ракурс рассмотрения проблематики. Традиционное для советской историографии восприятие «заграницы» через призму идейно-политического противоборства эмиграции и метрополии уходит в прошлое. Внимание исследователей обращается к малоизученным в советские времена аспектам жизни и деятельности эмигрантов, таким, как политическая футурология, взаимодействие с элитами стран-реципиентов, национальные факторы русской революции, традиционализм и модернизм в общественно-политическом развитии российского общества и т.д. Предметом углубленного анализа становятся отдельные политические течения.

Так, либеральная революция начала 1990-х гг. вызвала взлет интереса к истории и политической практике «февралистских сил» (прежде всего кадетов), представлявших и отстаивавших ценности «свободы и демократии» в России в первые десятилетия XX века.

Вектор научного поиска при этом был направлен на изучение и обобщение опыта кадетской эмиграции. Исследователи стремились разобраться в процессе становления кадетских организаций в условиях заграницы, выявить их роль и степень участия в попытках создания единого эмигрантского центра, определить основные тенденции развития кадетской эмиграции (в том числе демократов) на протяжении 1920-х годов¹⁰. Повышенное исследовательское внимание вызывали вопросы информационной деятельности¹¹, лидеров кадетского движения (как сохранивших верность партии, так и покинувших ее ряды) – П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, П.Б. Струве¹² и др. Анализ общественной активности «партии народной свободы» приводит к выводам, которые разделяются большинством исследователей: «Кадеты оказались неспособны руководить российским обществом ни в период мирного развития революции в 1917 г., ни возглавить под своими лозунгами белое движение, не смогли они также занять место лидера и оказать решающее влияние на подавляющую часть эмигрантской массы»¹³.

Было бы ошибкой утверждать, что политическая конъюнктурность, неизбежным следствием которой является субъективизм оценок, изживается в научно-исследовательской практике 1990-х

годов. Укоренившаяся на Западе традиционная комплиментарность в отношении российских либералов (при настороженном и критическом отношении к русскому консерватизму) транслировалась некоторыми авторами под видом собственных умозаключений¹⁴. Зачастую это приводило к выводам, никак не согласующимся с историческим опытом. Трудно объяснить, например, на чем основывается сентенция М.Б. Магловой о том, что в критические времена российские правящие элиты «для стабилизации режима обращались именно к идеям либерализма»¹⁵.

Новый уровень идеологизации общественной и научной жизни в 90-е гг. XX в. не мог не сказаться на научном изучении политического наследия противников либерально-буржуазной модели развития России. Современный период отечественной историографии не отмечен крупными исследованиями правого лагеря эмиграции, в частности монархистов.

Как правило, идеология и практика консервативного крыла российского зарубежья затрагивается в обобщающих, комплексных трудах по истории эмиграции¹⁶ либо при изучении явлений фашизма и национал-социализма¹⁷. Предметом особого внимания и полемики в научной среде является вопрос взаимодействия правых и фашистов. Устоявшийся в советское время стереотип в отношении русских консерваторов как разновидности «черносотенства», а также обвинение в сотрудничестве с гитлеровским фашизмом успешно переключались в современную историографию. Такого рода крен препятствует научному осмыслению мотивов и характера отношения эмигрантской правой волны к политическим процессам в Европе в 30–40-е гг. XX века¹⁸.

Предубежденный взгляд на сторонников русского традиционализма на протяжении 1990-х гг. пытались переломить как бывшие диссидент-почвенники, так и профессиональные историки. В работах С. Солдатова, М. Назарова, В. Баргневского, О. Баскакова и других авторов затрагиваются новые, ранее не изученные стороны истории русской эмиграции, переоцениваются некоторые устоявшиеся представления¹⁹. Например, О.О. Баскаков, исследовавший идеологию русской монархической эмиграции 20–30-х гг., считает, что взгляды этой части зарубежья ошибочно воспринимать как стремление к реставрации прежнего строя. По его мнению, это был поиск собственного пути развития, отыскание оптимального варианта разрешения наиболее проблем (как вариант – созыв Земского Собора в рамках доктрины «непредрешенчества») ²⁰.

Позиции некоторых историков в отношении правого фланга российской политической арены нашли отражения в энциклопедиях, выпущенных издательством РОССПЭН²¹.

Из пореволюционных течений после кратковременного взлета интереса к «сменовеховству»²² приоритет сохраняется за евразийством²³. Науч-

ное сообщество исследует генезис и динамику учения. Традиционно повышенным интересом пользуются политическое и культурное наследие сторонников евразийской идеи, его воздействие на русский эмигрантский мир, персоналии. Панорама современных взглядов и оценок евразийства отличается пестротой и многоплановостью. Присутствуют в ней и эмоциональные призывы к практическому воплощению евразийства, «которое является единственным приемлемым вариантом развития России»²⁴, и предупреждения о грядущей тирании, «недопустимости впадения в «азиатчину»²⁵. Обсуждаются (зачастую с полярных позиций) проблемы мессианства, взаимоотношений Запада и Востока и т.д.²⁶

С точки зрения одних исследователей, «государственно-политический идеал евразийства утончен», что в первую очередь связано с «преувеличением значения государства, отрицанием демократии, иллюзорностью идей духовной близости православия и ислама»²⁷. По мнению других, «евразийская соборная идея может быть осмыслена как плюрализм социально-политический, конфессиональный и национально-культурный»²⁸, она «четко обозначает свои методологические и понятийные аксиомы, на которых выстраивается «здание» продуманной мировоззренческой концепции»²⁹.

Политизированные, выходящие далеко за пределы научной дискуссии споры первой половины 1990-х, в конце десятилетия и в начале 2000-х гг. сменяются более взвешенными и аналитичными оценками «евразийского соблазна» (хотя по-прежнему разнящимися). Свой вклад в это внесли представители политических и юридических наук³⁰.

Заслуживающим уважения примером научного подхода к избранной проблематике может служить исследование С.П. Овчинниковой. С точки зрения автора, «деидеологизация» российской правовой системы привела к господству ценностной системы индивидуалистического типа (с превосходством ценностей личного блага по отношению к благу общему), что является грубым расхождением с традиционными ценностными иерархиями россиян (в свое время они отстаивались Н.Н. Алексеевым и другими евразийцами).

На основе проведенного социокультурного и ценностно-нормативного анализа состояния российского общества автор делает вывод о деструктивном характере происходящих в России изменений, разложении культурных форм и глубокой трагичности ценностного конфликта³¹.

Взрыв интереса к евразийской проблематике в 1990-е – начале 2000-х гг., с нашей точки зрения, – не только доказательство популярности учения, но и свидетельство исключительной значимости для будущего страны вопросов, затронутых евразийцами. По сути дела развернувшаяся полемика – это поиск оптимальной модели российской государственности в условиях динамично

меняющегося мира как внутри страны (крах нелиберальных «иллюзий» «младореформаторов» 1990-х гг.), так и за ее пределами (принципиальное изменение геополитической ситуации не в пользу России).

Историографический процесс 1990-х – начала 2000-х гг. привел к выделению в самостоятельное направление разработку проблем существования отдельных социальных групп. Исследовались их адаптация в странах-реципиентах, деятельность, место в эмигрантской среде.

В это время научным сообществом осознается важность освоения военно-политического наследия эмиграции для будущего страны. На смену огульному осуждению военной эмиграции как реакционной силы³² приходит концептуальное обновление, более вдумчивое и внимательное исследование теоретических изысканий (в первую очередь военно-доктринальных) представителей эмигрантской военной элиты.

С иных позиций, нежели в предыдущий период, представляется эволюция «белой идеи», отношение к фашизму как явлению европейской политической жизни, роль отдельных военных лидеров в политической истории зарубежья.

По мнению И.А. Дырина, исследование военной эмиграции позволяет восстановить преемственность и полноту отечественной военной мысли, способствует «развитию современных военно-политологических взглядов», что в свою очередь является вкладом в укрепление национальной безопасности России³³. Особое значение придавалось изучению русской военной доктрины, которая, с точки зрения автора, есть отражение «исторических, политических и военных традиций, науки, духа и психологии народа, ее составляющих»³⁴.

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. российская военная диаспора рассматривается как социокультурная общность людей, объединенных единством происхождения, языка, военно-политическими традициями и менталитетом. Характерной особенностью ее изучения стало выделение политической составляющей как важнейшей области жизни и деятельности. Некоторыми авторами военная эмиграция оценивается как «сложный социально-политический феномен мировой истории XX века» и важный фактор влияния в международных отношениях 1920–1940-х годов³⁵.

Проблемы политической истории зарубежья в той или иной степени нашли отражение при изучении таких аспектов жизни и деятельности военных, как белоэмигрантский «активизм»³⁶, военная периодика 20–30-х гг. XX века³⁷, эволюция патриотических настроений³⁸.

Заслуживает одобрения и поддержки изучение эволюции политических взглядов отдельных лидеров белого движения. Например, Г.М. Ипполитов предметом своих научных изысканий сделал военную и политическую деятельность

А.И. Деникина. Автор выражает несогласие (и доказательно представляет свою точку зрения) с распространенным мнением о политическом «одионочестве» бывшего вождя белого движения. Основательно проанализирована политическая позиция генерала, оформившаяся к концу 1930-х гг. и сводившаяся к решению двойной задачи – защите России от внешней агрессии и свержению большевиков³⁹.

Накопленные к началу 2000-х гг. научные знания обеспечили возможность подготовки обобщающих трудов по проблематике российского военного зарубежья. К разряду таких исследований можно отнести кандидатскую диссертацию Ю.С. Цурганова, проанализировавшего политическую деятельность эмигрантов в конце 1930–40-х гг.⁴⁰, а также докторскую диссертацию В.Ф. Ершова, задавшего целью изучения российского военно-политического зарубежья в 20–40-е гг. XX века⁴¹.

В.Ф. Ершов по итогам проведенного исследования и синтеза полученных данных приходит к выводу, что военная эмиграция была «важнейшим системообразующим фактором зарубежной России»⁴². Автор детально рассматривает все составляющие российского военно-политического зарубежья (административно-организационную, социальную, экономическую, идеологическую), выделяя при этом основные фазы его эволюции⁴³.

Проблема военной эмиграции тесно переплетается с изучением еще одного влиятельного слоя русского зарубежья – казачества (притом, что эмигрантская прослойка казаков была сравнительно невелика – примерно 2% от общей численности). По мнению З.С. Бочаровой, феномен казачества как уникального явления отечественной истории изучен недостаточно⁴⁴. В последние годы работа в этом направлении активизировалась. В ряде исследований, посвященных истории этого социального слоя (О.В. Ратушняк, Л.А. Попов, В.Ф. Мамонов, Ю.К. Кириенко и др.)⁴⁵, обобщен и систематизирован значительный материал по теме. Используя архивные данные и казачью периодику, ученые продвинулись в изучении таких сторон казачьей эмиграции, как структура и характер военной и хозяйственной организации, политические настроения (в том числе противоборство «самостийников» и сторонников единства с Россией), динамика расселения. Не остались без внимания лидеры казаков, активно влиявшие на общественно-политический процесс в эмигрантской среде и направлявшие деятельность союзов и объединений (П.Н. Краснов, В.А. Харламов, А.П. Богаевский, И.Ф. Быкадоров, Т.М. Стариков и др.)⁴⁶.

Многие исследователи отмечают специфический характер казачьей адаптации на чужбине (в частности, на это указывают в своих работах уральский ученый А.Л. Худобородов, а также Е.Б. Парфенова)⁴⁷. Казачество в экстремальных

условиях зарубежья проявило редкую в сравнении с другими социальными слоями (например, интеллигенцией) организованность и консолидацию, сумело сохранить традиции взаимопомощи и демократии⁴⁸.

Нравственные и культурные устои, на протяжении веков культивировавшиеся в казачьей среде, стали факторами высокой жизнеспособности в эмиграции.

В современной научной литературе имеется немало спорных положений, оценок, касающихся казачьей эмиграции. Предметами дискуссии являются вопросы политической ориентации ряда казачьих объединений и их лидеров (в частности, место и роль монархической составляющей), национал-социализм и его влияние на размежевание сил в казачьей среде, вольное казачье движение и его воздействие на умонастроения в эмиграции и т.д. Существующие разночтения в понимании казачьего прошлого являются лучшим аргументом в пользу дальнейшего внимательного, бережного и беспристрастного его изучения.

Интеллигенция, как влиятельный социальный слой зарубежной России, также стала предметом повышенного интереса исследователей в 1990-е – начале 2000-х годов. Именно в это время появляются работы А.В. Квакина, О.Ю. Олейника, В.С. Меметова и других авторов, непосредственно посвященные изучению феномена интеллигенции⁴⁹. Однако, как правило, исследование роли этой социальной группы осуществлялось через призму ее культурного воздействия на жизнь российской диаспоры и стран-реципиентов. Таким образом, интеллигентоведение развивалось бок о бок с исследованием культурного фактора зарубежной России.

С точки зрения Е.П. Челышева, в 1990-е гг. стало формироваться новое представление о культуре русской эмиграции как целостном феномене, в котором органически взаимосвязаны все области культуры⁵⁰. По мере повышения интереса к истории культурного наследия предметом специального изучения стали литературное наследие эмиграции⁵¹, творчество артистов театра и балета, положивших начало триумфальному шествию русской культуры за рубежом, деятельность театральных художников и критиков, чьи имена были незаслуженно забыты⁵². Тема эмиграции получила отражение на страницах научной и искусствоведческой литературы. С середины 1990-х гг. журнал «Балет» в специальной рубрике «История русского зарубежья» повествует о мастерах балета, имена которых практически не были известны в России⁵³. Не меньшую ценность в раскрытии темы культурной жизни эмиграции имели публикации на страницах журнала «Славяноведение»⁵⁴. Современные исследования культурной жизни российской диаспоры свидетельствуют о том, что эмигранты не только стремились к сохранению национального культурного достояния, но и оказывали серьезнейшее влияние на духовный мир

европейских и других стран⁵⁵. Так, О.И. Марар, исследовавшая творческую жизнь русских беженских колоний в славянских странах, рассматривает эмигрантское культурное воздействие как «целостный феномен, для которого характерной являлась тесная связь с лучшими достижениями родной страны, а также национальными культурами стран пребывания»⁵⁶. В отдельных случаях влияние выходцев из России было выдающимся. С точки зрения автора, решающую роль в спасении чешского балета сыграла деятельность главного балетмейстера Национального театра Праги – русской балерины Е. Никольской⁵⁷.

Прямое и принудительное влияния «русского искусства» на творческую жизнь другой европейской страны – Германии – отмечает еще один современный исследователь эмиграции – М.В. Филиппова. В частности, исследуя авангардистские тенденции в искусстве 1920-х гг., автор подчеркивает интернациональную роль русских художников той поры. В лице же одного из блестящих представителей авангарда Василия Кандинского М.В. Филиппова усмотрела не только духовного лидера группы «Синий всадник», но и творческого наставника в Веймаре, Дессау и Берлине⁵⁸.

Современный этап отечественной историографии характеризуется оживлением интереса к эмигрантской научной мысли⁵⁹, что наиболее ярко проявилось на примере исторической науки. В 1990-е – начале 2000-х гг. эта область научного поиска эмигрантов исследовалась М.Г. Вандалковской, Н.Е. Соничевой, Л.П. Лаптевой, В.Т. Пашуто и др.⁶⁰ Среди последних работ по данной проблематике заслуживает внимания диссертация А.А. Морозова, в которой доказательно и аргументировано представлен вклад русских ученых-медиевистов (Л.П. Карсавина, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокара) в разработку принципиально новых методов исследования исторического процесса в условиях ограниченности и кризиса позитивистской методологии. Особое значение при этом придавалось проникновению в прошлое через особенности мышления человека эпохи, а также через призму культурных и психологических характеристик средневековья⁶¹.

Противоречивые процессы «демократического переустройства» страны в 1990-е гг. актуализировали тему поиска пути оптимальной модернизации на переходном этапе страны. Возникла необходимость изучения, обобщения и по возможности использования в современных условиях опыта преобразований 20–30-х гг. XX в. в СССР. Следствием этого стало появление ряда трудов, авторы которых поставили своей целью изучение эмигрантского видения «большевистской реформации». Пестрая политическая картина русского зарубежья совершенно естественно предполагала разнообразие оценок процесса социалистического строительства в Советском Союзе, что нашло отражение в исследованиях отечественных обществоведов. Так, в диссертации М.К. Ковалевича

предпринята попытка обобщения и сопоставления на основе метода сравнительного анализа идеологических концепций и конкретных политических мероприятий сменовеховства, евразийства и Советской власти, объективно направленных на достижение политического компромисса⁶². Это позволило автору, с одной стороны, достаточно убедительно представить реакцию на преобразования в Советской России политических сил, стремившихся к новым формам взаимоотношений с новой властью, а с другой – показать, что советское государство на практике осуществляло более гибкую политику в отношении эмиграции, что недооценили представители практически всех политических сил зарубежья. На основании изучения поэмигрантских подходов к советской действительности автор делает вывод, что распространенная оценка советского однопартийного режима как «непримиримого противника» иных идеологий «недостаточно объективна, поскольку он продемонстрировал в 20-е годы способность к установлению политических компромиссов с общественно-политическими течениями, выдвигавшими потенциально опасные для советской системы... концепции»⁶³.

Реакция эмигрантской общественности на ход «советского эксперимента» в той или иной степени отслеживается в работах В.Ф. Ершова, Н.Е. Омельченко, Л.Н. Лисенковой, А.И. Доронченкова⁶⁴. Особого внимания заслуживает монография А.И. Доронченкова, выпущенная в 2001 г. в рамках государственной научно-исследовательской программы «Народы России: возрождение и развитие». Обращаясь к анализу разнообразных областей жизни российской диаспоры, автор исходит из целесообразности использования исторического опыта 20–30-х гг. для обустройства современной России: «...было бы неверным оставить без внимания эмигрантский анализ опыта советских лет... было немало разумного и достойного того, чтобы современные идеологи смогли извлечь из него необходимые обществу уроки»⁶⁵.

Исходя из этого посыла, А.И. Доронченков рассматривает национальный вопрос в трудах и дискуссиях российской эмиграции, реакцию зарубежья на конституционный процесс в Советской России. Пристальное внимание в работе уделено евразийскому видению советских преобразований. В этом смысле показательным представляется анализ воззрений одного из ведущих теоретиков «евразийского права», бывшего экстраординарного профессора Московского университета, участника белого движения Н.Н. Алексеева. Доронченков подчеркивает критическое отношение правоведа к попыткам восстановления в России абсолютной или «дуалистической» (парламентской) монархии. Еще более разрушительные последствия, с точки зрения ученого, будет иметь водружение «европейского строя в демократическом стиле». «Режим политических партий, – писал Алексеев, – ведет

к обилию грязи, отравляющей даже политически здоровые народы»⁶⁶.

Советские преобразования на этом фоне, хотя и заслуживали критики, но тем не менее вызвали определенный оптимизм и надежды на будущее.

Вслед за Н.Н. Алексеевым автор книги призывает с предельной осторожностью относиться к западным заимствованиям, придерживаясь линии поиска самобытного государственного пути: «Появились силы, выполняющие под видом борцов за демократию роль внедрителей в русскую жизнь ценностей западного мира. Но выбор основных параметров предстоящего пути еще не состоялся. Проблема их поиска до сих пор остается актуальной»⁶⁷.

Реакция русского зарубежья на преобразования в России явились предметом научных изысканий К.Г. Малыгина. Автор сосредоточил свое внимание на изучении левого и либерального кругов эмиграции, особенно делая акцент на их оценках «рыночного» (НЭП) этапа модернизации.

Трудно не согласиться со справедливым, хотя и не отличающимся оригинальностью выводом о том, что обобщение опыта социалистического строительства помимо научного имеет прикладное значение и «поможет наметить пути выхода из нынешнего российского кризиса»⁶⁸. Вызывает сомнение направление преодоления извечных спутников жизни людей – «таких атавизмов, как голод, нищета и тем более войны».

Для К.Г. Малыгина будущее процветание России связано с решающим влиянием западной цивилизации. «Очевидно, – пишет он, – что западная модель развития человечества убедительно продемонстрировала, что именно она наиболее полно отражает тенденцию развития цивилизации к указанному выше идеалу»⁶⁹.

Весьма спорный футурологический тезис автор работы пытается подкрепить исторической «аргументацией»: «Практически все представители значимых течений российской диаспоры... пришли к общим выводам – вектор движения общепланетарной цивилизации ориентирован на ценности западноевропейской модели»⁷⁰.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что данный вывод не согласуется с реалиями русского зарубежья 20–30-х гг. XX в. и не является научным. Представители ряда политических течений отвергли идею прозападной ориентации (сменовеховство, евразийство и др.) и были устремлены к разработке и реализации политики, отражающей российскую специфику.

Анализ отечественной традиции историографического освоения проблем русской эмиграции в очередной раз наталкивает на мысль о влиянии на научно-исследовательский процесс политических симпатий и предпочтений. Направленность и тематика исследований, избравшихся научным сообществом на протяжении десятилетий, с высокой степенью точности отражали эволюцию политических настроений, смену состояний со-

циальной психологии. Например, общественная психология времен «демократического переустройства страны» в 1990-е гг. складывалась в условиях перманентного стресса, слома устоявшихся социокультурных, политических стереотипов и, как отражение этих процессов, мучительного поиска новых ориентиров развития.

Вполне логичным в этой связи являлось обращение к эмигрантскому опыту исследования модернизации страны на переходном этапе, в частности эмигрантскому видению большевистской реформации.

Тем не менее при всей противоречивости и в каком-то смысле конъюнктурности научно-исследовательского процесса в отечественной историографии, была проделана огромная созидательная работа по осмыслению истории зарубежья, а следовательно, по расширению рамок понимания политической истории Российского государства в XX веке.

Примечания

- 1 Источниковая база изрядно пополнилась за счет публикации художественных, публицистических и научных произведений известных деятелей эмиграции. Так, с конца 1980-х гг. были опубликованы работы русских эмигрантов – генералов А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, А.В. Туркула, П.Н. Краснова и др.
- 2 Будет несправедливым недооценивать важную роль публицистических работ начала 90-х гг. Несмотря на некоторую (не всегда оправданную) романтизацию эмиграции, именно в книгах В.В. Костикова, А.Ю. Рудницкого, М.В. Назарова и других авторов тема обретает новое звучание. Многие из них использовали оригинальные источники и представляли интересные точки зрения на эмигрантскую действительность. Так, своеобразный взгляд «изнутри» характерен для книги М.В. Назарова, эмигранта 70-х гг. Автор попытался проанализировать уникальный опыт русской эмиграции с высоты познания ею сути разных общественно-экономических и политических систем, исследовал причины Октябрьской революции, перипетии Гражданской войны, взаимоотношения Запада и России. Определенную научную ценность имеет представленная картина состояния эмигрантских политических организаций в разное время их существования. По мнению Назарова, первая русская эмиграция – это «передовой дозор российской нации, посланный судьбой в небывалую экспедицию» (см.: *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание... М., 1990; *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний. М., 1991; *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.).
- 3 Е.П. Чельшев особое внимание уделял исследованию культуры русского зарубежья, рассматривая ее как целостный феномен, в котором органически взаимосвязаны все области культуры (см.: *Чельшев Е.П.* Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг. М., 1994. Т. 1. С. 7).
- 4 См.: Первый Конгресс соотечественников: Научно-информационные материалы. М., 1992. От имени РАН

- участникам Второго Конгресса соотечественников, состоявшегося 7–12 сентября 1992 г. в Санкт-Петербурге, была представлена исследовательская программа «Культура России в мировом контексте». Она предусматривала всестороннее изучение зарубежной России по четырем четко обозначенным направлениям: 1) историко-социологические проблемы эмиграции (исторически судьбы, этнические, социологические, миграционные аспекты и т.д.); 2) российская культура в эмиграции; 3) российская наука и техника за рубежом; 4) состояние и перспективы научных исследований культурного наследия эмиграции (архивы, библиография, преподавание и т.д.) (см.: Второй Конгресс соотечественников. СПб., 1993. С. 57–58).
- 5 Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. статей. М., 1993; *Тарле Г.Я.* Задачи изучения истории российского зарубежья: Заседание «круглого стола» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. 1994. № 1. С. 217–218.
 - 6 Объем и характер исследований, осуществленных в последние 10 лет, позволяют говорить о появлении нового направления в отечественной гуманитаристике – «эмигрантоведении». За прошедшие годы значительно расширилась география изучения российского зарубежья. Ценный вклад в исследование российской интеллигенции в эмиграции вносит деятельность Межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее роль и место в истории Отечества» (г. Иваново), Центра «XX век в судьбах интеллигенции (г. Екатеринбург). Вместе с тем следует отметить отсутствие продуманной координации в деятельности ведомств, учреждений, отдельных ученых.
 - 7 *Итолитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994.
 - 8 Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 годы: Междунар. науч. конф. М., 1993; Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Материалы науч. конф. М., 1993 (в работе данной конференции приняли участие около 250 ученых из 17 стран. В 1994 г. на основе материалов научного форума был издан двухтомный труд объемом около 1000 страниц); *Сибиневич М.* Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии // Славяноведение. 1994. № 4. С. 126–127; Культурная миссия российского зарубежья: история и современность. М., 1995; Российское Зарубежье: Итоги и перспективы изучения. М., 1997 и др.
 - 9 Общее и особенное в положении российской диаспоры первой волны: Учеб.-метод. пособие / Сост. А.В. Квакин. Тверь, 1992; Литература русского Зарубежья. 1920–1940 гг. М., 1993; Русская литература Зарубежья. Литературная ситуация: Учеб.-справ. пособие. Белгород, 1993 и др.
 - 10 См.: *Глебова Л.И.* Политическая деятельность кадетов в период эмиграции (20-е годы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; *Сунтелло А.В.* Идеиная борьба в либерально-буржуазной эмиграции по вопросам политического объединения русского зарубежья (1920–1930 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998; *Кувшинов В.А.* Кадеты за рубежом (1905–1943 гг.). М., 1997; *Спер-кач А.И.* Кадетская эмиграция в Германии (1920–1931 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988 и др.
 - 11 См.: *Яковлева Т.А.* Политическая история газет П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и А.Ф. Керенского в 20–30-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1995; *Маглова М.Б.* Эмигрантская либеральная печать в новой экономической политике. 1921–1928 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995 и др.
 - 12 См.: *Медушевский А.Н.* П.Н. Милюков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 20–41; *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н.Т.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993. Ч. 1; *Александров С.А.* Общественно-политическая деятельность П.Н. Милюкова в эмиграции (20-е годы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Иванова М.А.* Роль В.А. Маклакова в общественно-политической жизни России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–27; №3. С. 64–79; *Татарникова С. Н.* Философ в политике (заметки о П.Б.Струве) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1991. № 4. С. 64; *Гайденок П.П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. П. Струве) // Вопр. филос. 1992. № 12. С. 4–64; *Хашковский А.В.* Эволюция политических воззрений П. Б. Струве: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 1994.
 - 13 *Яковлева Т.Н.* Указ. соч. С. 180.
 - 14 Можно согласиться с З.С. Бочаровой, утверждающей, что многое из опубликованного в 1990-е гг., хвалебного в отношении эмиграции и ругательного в отношении Советской власти, являлось повторением того, «о чем на Западе уже давно было написано» (*Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х гг. // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102). Некоторые из публикаций этого времени отражали стремление авторов реабилитировать либеральную идеологию и ее сторонников, потерпевших сокрушительное поражение в 1917 году.
 - 15 *Маглова М.Б.* Указ. соч. С. 141.
 - 16 Одна из последних и интереснейших работ такого плана – коллективная монография «Русские без Отечества». Авторы поставили перед собой задачу посмотреть на эмиграцию под необычным углом зрения: противопоставив эмигрантов друг другу, проанализировать разные, но нераздельные социальные группы, соперничавшие и враждовавшие между собой (см.: Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000).
 - 17 *Онегина С.В.* Пореволуционные политические движения российской эмиграции 1925–1945 гг. Варианты российской государственной доктрины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Шабанов Я.В.* Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920–1930 гг. (по материалам Русского общевоинского союза): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

- ¹⁸ Необходимо отметить, что обещание в фашизме являлось средством манипулирования общественным сознанием не только в общественно-политической практике 1990-х – начала 2000 гг., но и в научной среде. Искусную тактику развешивания ярлыков за сам факт обращения к национальным или консервативным мотивам истории воспринимают молодые исследователи. Так, А.А. Пронин выражает в своей работе глубокую озабоченность в связи с тем, что из 248 диссертаций, защищенных по теме эмиграции с 1990 по 1999 г., 9 посвящены евразийству(!). С точки зрения автора обширного опуса по теме современной историографии эмиграции, «столь высокая популярность (!) среди, надо полагать, равнодушных к поискам российской национальной идеи исследователей учения, близкого к фашизму... вселяет тревогу за будущее страны» (Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 14). Такого рода «регулирование обществу» (что можно оценить как разновидность цензуры) не является открытием, поскольку имело место в прошлом, и это подмечается многими исследователями. Например, М.А. Реброва, изучающая деятельность меньшевиков в эмиграции, пишет: «Хроника показывает участие меньшевиков исключительно в общественной деятельности еврейских национальных общин, несмотря на то, что в своем Центральном органе меньшевики осуждали русские объединения эмигрантов, обвиняли их в грубом национализме» (Реброва М.А. Национальный вопрос в СССР в освещении меньшевистского журнала «Социалистический вестник». 1921–1965 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 7).
- ¹⁹ См.: Солдатов С. Россия в поисках исцеления. М., 1994; Назаров М. Кто наследник российского престола? М., 1996; Бартневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. Незвестные материалы по истории русской эмиграции 20–30-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- ²⁰ См.: Баскаков О.О. Идеология русской монархической эмиграции (20–30-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 14.
- ²¹ См.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биограф. словарь. М., 1997; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энцикл. М., 1996.
- ²² Бочарова З.С. Движение за возвращение на родину в российской эмиграции (1920-е годы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Квакин А.В. «Смена веков»: парижский этап деятельности // Русская эмиграция во Франции. СПб., 1995; Байлов А.В. От «века» к сменовеховству: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1996 и др.
- ²³ Историография евразийства весьма обширна. Библиографический указатель «О Евразии и евразийстве» содержит более 200 названий работ отечественных и зарубежных авторов и охватывает период с начала 20-х до 90-х гг. XX века. Отличительной особенностью изучения темы стало формирование двух диаметрально противоположных точек зрения (см.: О Евразии и евразийстве. М., 1994. Гл. III).
- ²⁴ Бе Гю Санг. Концепция евразийства в России: истоки и современность: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. С. 10.
- ²⁵ Омельченко Н.А. Споры о евразийстве. Опыт исторической реконструкции // Полис. 1992. № 3. С. 163.
- ²⁶ См.: Урханова Р.А. Евразийство как идейно-философское течение в русской культуре XX века: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993; Панарин А. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 60–70; Горяев А.Т. Евразийство как явление культуры России: историко-философский аспект: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993; Кривошеева Е.Г. Пореволуционное эмигрантское течение – евразийство (1921–1932 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Шумакова О.Н. Геополитические аспекты теории евразийцев: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996; Шапилов А.Б. Евразийство как феномен коммунистической культуры (двадцатые годы XX века): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1999; Соколов А. Об отношении евразийцев к фашизму // Россия XX. 2001. № 4. С. 164–188.
- ²⁷ Гогохия Е.Я. Русская революция 1917 года в идейно-политическом наследии евразийцев (1921–1931 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 179–182.
- ²⁸ Хобта В.В. Евразийство как явление российской политической культуры: Дис. ... канд. полит. наук. Уссурийск, 2001. С. 178.
- ²⁹ Колесниченко Ю.В. Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестн. Моск. ун-та. 1994. № 1. Сер. 12. Соц.-полит. исследования. С. 72.
- ³⁰ См.: Воронов Ю.М. Идеократия: опыт социально-политического анализа: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 1998; Пишун К.В. Политическое учение евразийства (опыт системной реконструкции и интерпретации): Дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 1999; Хобта В.В. Указ. соч.; Овчинникова С.П. Российская правовая государственность: евразийский проект Н.Н. Алексеева: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001.
- ³¹ Овчинникова С.П. Указ. соч. С. 21.
- ³² Традиция осуждения военной эмиграции, характерная для советской историографии, перекочевала в либеральную научную среду начала 1990-х гг. Так, В. В. Костиков, оценивая деятельность Русского общевоинского союза, ограничивается следующим пассажем: «В отличие от эмигрантской интеллигенции, которая оставила после себя заметный след, деятели РОВС, кроме нескольких кровавых дел, серии скандалов и интриг, ничем себя не проявили» (см.: Костиков В.В. Указ. соч. С. 371).
- ³³ См.: Дырин И.А. Указ. соч. С. 2–3.
- ³⁴ Там же. С. 18.
- ³⁵ Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг. (организация, идеология, экстремизм): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 36.
- ³⁶ Чистяков К.А. «Активизм» в среде российской эмиграции: идеология, организация, практика (1920–1930-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ³⁷ Шинкарук И.С. Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ³⁸ Тарасов Б.Ю. Проблема патриотизма в представлениях и настроениях российских эмигрантов 1920–30-х гг. (по материалам эмигрантской прессы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

- ³⁹ *Иттолитов Г.М.* Военная и политическая деятельность А. И. Деникина (1890–1947 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 358.
- ⁴⁰ Одна из задач, которую решает автор данного исследования, – выявление исторических, социальных и политических предпосылок, определивших различие подходов эмигрантов к политическим процессам в конце 30-х гг. (см.: *Цурганов Ю.С.* Российская военная эмиграция в Европе. 1939–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001).
- ⁴¹ *Ершов В.Ф.* Указ. соч.
- ⁴² Там же. С. 24.
- ⁴³ Не во всем с автором можно согласиться. Например, весьма неубедительно выглядят футурологические начертания В. Ф. Ершова. С его точки зрения приход к власти «белогвардейских экстремистов» привел бы к формированию в стране диктатуры латиноамериканского типа (см.: *Ершов В.Ф.* Указ. соч. С. 32). Отметим лишь, что даже в стане белых тактика террора подвергалась жесткой критике, а лидеры белого движения не допускали возможности предопределять форму и организацию власти вне России.
- ⁴⁴ *Бочарова З.С.* Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х годов // *Отечественная история.* 1999. № 1. С. 94.
- ⁴⁵ См.: *Ратушняк О.В.* История кубанских казаков в эмигрантской казачьей периодике // Из дореволюционного прошлого Кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 172–180; *Он же.* Южнороссийское казачество в первый год своей эмиграции // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 132–149; *Попов Л.А.* Оренбургские казаки в эмиграции // Оренбургское казачье войско: исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 131–142; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Екатеринбург; Челябинск, 1995. Т. 1; *Кириенко Ю.К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // *Вопр. истории.* 1996. № 10. С. 3–18.
- ⁴⁶ Проблема персонализации нашла отражение в одной из последних работ по политической истории казачества: *Мальшенко Г.И.* Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в северо-восточном Китае (1920–1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001.
- ⁴⁷ *Худобородов А.Л.* Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; *Парфенова Е.Б.* Казачья эмиграция в Европе в 1920-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- ⁴⁸ За границами России по самым скромным подсчетам оказалось около 100000 казаков, первоначально расселившихся в Турции и в европейских странах (Чехословакия, Югославия, Франция и т.д.). В дальнейшем в ареал расселения и колонизации земель вошли страны Латинской Америки и Австралии.
- ⁴⁹ См.: *Квакин А.В.* Российская интеллигенция и «первая волна» эмиграции. Тверь, 1994. *Он же.* Исход российской интеллигенции: проблемы изучения // *Интеллигенция России: уроки истории и современность.* Иваново, 1996; *Олейник О.Ю., Меметов В.С.* Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20–30-х годов XX века. Иваново, 1997.
- ⁵⁰ См.: *Чельшев Е.П.* Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 гг. М., 1994. Т. 1. С. 7.
- ⁵¹ См.: *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М., 1991; *Литература русского зарубежья. 1920–1940:* Сб. статей. М., 1993; *Михайлов О.Н.* Литература русского зарубежья. М., 1995; *Вернуться в Россию стихами... 200 поэтов эмиграции.* Антология. М., 1995; *Мышалова Д.В.* Очерки по литературе русского зарубежья. Новосибирск, 1995; *Литературная энциклопедия Русского зарубежья. Писатели Русского зарубежья. 1918–1940.* М., 1997.
- ⁵² См.: *Зоркая Н.М.* Иван Мозжухин // *Знание. Искусство.* 1990. № 9; *Северюхин Д.Я., Лейкина О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941); Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920–70-е гг. (Из собрания Ренэ Герра): Каталог выставки. М., 1995; *Нестев И.* Дягилев и музыкальный театр XX века. М., 1995; *Литаврина М.Г.* Театр русского зарубежья как культурно-исторический феномен (русские драматические труппы и студии в Западной Европе и США: 1920–1940-е гг.): Автореф. дис. ... д-ра искусствовед. М., 1997; *Марар О.И.* История российской артистической эмиграции в славянских странах: 1918–1939 годы (Чехословакия, Югославия, Болгария): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2000 и др.
- ⁵³ См.: *Дунаева Н.* Ида Рубинштейн, Аким Волынский // *Балет.* 1996. № 1. С. 32–36; *Орлов А.* Из воспоминаний о С. П. Дягилеве и русском балете за рубежом // *Там же.* С. 36–38.
- ⁵⁴ См.: *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–30-е годы) // *Славяноведение.* 1995. № 4; *Кьюсева Ц.* Русские художники-эмигранты в Болгарии // *Славяноведение.* 1996. № 4 и др.
- ⁵⁵ См.: *Еременко Л.И.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993; *Косик В.И., Тесельников В.А.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // *Педагогика.* 1994. № 5; *Муромцева Л.П., Перхарько В.Б.* Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20–30-е годы // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История.* 1994. № 3 и др.
- ⁵⁶ *Марар О.И.* Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁷ Там же. С. 19.
- ⁵⁸ См.: *Филитова М.В.* Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920–1933-х гг. (живопись и театр): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001. С. 24.
- ⁵⁹ См.: *Онаприенко В.И.* Русская наука в изгнании // *Вестн. АН СССР.* 1990. № 5; *Козлов Б.И.* Научное зарубежье России: задачи и программа комплексных исследований // *Проблемы изучения российского зарубежья:* Сб. статей. М., 1993; *Российские ученые и инженеры в эмиграции /* Под ред. В. Боршова. М., 1993. Одной из популярных форм реконструкции эмигрантской действительности 20–30-х гг. XX в. в 1990-е гг. стало углубленное рассмотрение взглядов эволюции мировоззрения отдельных представителей русской диаспоры. Многие исследователи отмечают антропоцентризм в качестве отличительной особенности современного

- российского эмигрантоведения. Статистический анализ показывает, что за период с 1990 по 1999 гг. более 2/3 диссертационных исследований (169 или 68% от общего числа защит) посвящены жизни и творчеству конкретных лиц. Лидерами этого своеобразного рейтинга стали: И.А. Бунин (20 дис.), Н.А. Бердяев (18 дис.), И.А. Ильин (12 дис.), В.В. Набоков (10 дис.) и т.д. (см. *Пронин А.А.* Указ. соч. С. 10, 12).
- ⁶⁰ *Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Она же.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; *Соничева Н.Е.* Георгий Владимирович Вернадский // *Историки России XVIII–XX вв.* М., 1995. Вып. 2; *Лантева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // *Вестн. Моск. ун-та.* Сер. 8, История. 1994. № 1; *Пауто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992 (в данной работе представлена наиболее полная картина русской эмигрантской историографии).
- ⁶¹ *Морозов А.А.* Русская медиевистика в эмиграции (Л.П.Карсавин, П.М. Бицилли, Н.П. Оттокар): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. С. 15.
- ⁶² *Ковалевич М.К.* Русская политическая эмиграция и Советская власть: поиск возможностей идейно-политического компромисса: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997.
- ⁶³ Там же. С. 12. Согласимся с автором работы и в том, что со стороны Советской власти компромисс не носил стратегического характера и не допускал перестройки политической системы по плану оппозиции. Тем не менее идейный плюрализм, имевший место в общественной жизни страны в 20-е гг. XX в., не мог не сказаться на умонастроениях как широких народных масс, так и правящей элиты. Этой позиции придерживается, например Михаил Агурский. С его точки зрения, идеологи сменовеховства (и в первую очередь Н.В. Устрялов, сыгравший, по мнению автора, «выдающуюся роль в советской истории») во многом предопределили выдвижение Сталиным лозунга построения социализма в одной отдельно взятой стране (см.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980).
- ⁶⁴ *Ершов В.Ф.* Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности // *Кентавр.* 1995. № 4. С. 56–70; *Омельченко Н.А.* Русский опыт: революция 1917 года в России и политическая практика большевизма в общественно-политической мысли российского зарубежья (1917 – начало 1930-х). М., 1995;
- Лисенкова Л.Н.* Политические деятели российской эмиграции об альтернативах революции 1917 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Доронченков А.И.* Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. СПб., 1997; *Он же.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
- ⁶⁵ *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны»... С. 205.
- ⁶⁶ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 284, 291, 292.
- ⁶⁷ *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны»... С. 205.
- ⁶⁸ *Малыхин К.Г.* Русское зарубежье 20–30-х годов. Оценка большевистской модернизации: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 4.
- ⁶⁹ Там же. С. 36. Воистину неиссякаем источник «интеллигентского благодушия», о котором в свое время писал русский эмигрант Иван Наживин. Будто бы и не было истории России со шведскими, французскими, немецкими и иными нашествиями, истории, которая, по меткому выражению И.А. Ильина, больше напоминает «историю осажденной крепости». Не было агрессивного «оцивизовывания», выкорчевывания национальных культур и истребления народов в бесчисленных колониальных войнах, которые велись представителями западных стран в различных уголках мира. Вновь все надежды на будущее оздоровление общества представители российской «интеллектуальной элиты» связывают с западным влиянием... Можно было бы это списать на счет традиционного интеллигентского фантазирования, однако в нынешних условиях очередного передела сфер влияния в мире ложный выбор общественного развития будет иметь трагически последствия для страны. Хотелось бы посоветовать повнимательнее ознакомиться с мемуарами русских генералов (например, А.А. фон Лампе, А.И. Деникина и др.), имевшими богатый опыт общения с «цивилизованными» нациями. Все они отмечали своекорыстие, национальный эгоизм, цинизм их представителей, именовали «профессиональными колонизаторами», «вековыми врагами национальной России» и т.д. Наивно полагать, что за прошедшие десятилетия природа западных народов сильно изменилась. Наконец, не очевидны для многих последствия изощренной формы колониализма уже американского образца, осуществляемого под видом либеральных реформ...
- ⁷⁰ *Малыхин К.Г.* Указ. соч. С. 39.

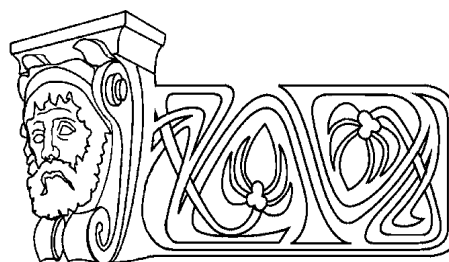

УДК 9(4-13+4-15)(072.8)

ПРОГРАММА КУРСА ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В СРЕДНИЕ ВЕКА

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: sar-sredvek@mail.ru

Настоящая программа подготовлена профессором кафедры истории средних веков А.Н. Голямичевым на основе многолетнего опыта преподавания указанной дисциплины на историческом факультете Саратовского университета. Предлагаемый вариант программы включает в себя как изложение содержания курса средневековой истории славян, так и логики ее осмысления в рамках лекционных и практических занятий, а также самостоятельной работы студентов, имеющей особое значение в связи с ограниченностью бюджета учебного времени, выделяемого учебными планами для аудиторных занятий. Именно на самостоятельную работу студентов нацелен прилагаемый к программе список опубликованных на русском языке источников и литературы.

The Programme of the Course «Southern and Western Slavonic History during the Middle Age»

A.N. Galyamichev

The author of this programme – professor Alexander Nicolaevich Galyamichev. Galyamichev composed this programme after long standing teaching this course in the historical faculty of the Saratov University. This programme contain the course's maintenance and a logic of teaching and study. Course consist of the lectures and practical lessons. Student learn some problem of Soutern and Western Slavonic history during the middle age without a lecturer. In the programme students can find a list of sourses and scientic literature by Russian language.

Курс истории южных и западных славян занимает своеобразное и очень важное место в структуре высшего исторического образования в России. С момента создания первых историко-филологических факультетов в университетах России история зарубежных славянских народов стала предметом всестороннего научного изучения, а ее преподаванию уделялось первостепенное внимание.

Это определялось исключительной значимостью изучения славянской истории, знания ее особенностей и закономерностей для образованного русского человека, поставившего своей целью осмысление всемирно-исторического развития в целом и места России на различных этапах этого развития.

Во-первых, южные и западные славяне – ближайшие западные соседи нашей страны, с которыми на протяжении столетий русский народ был связан многообразными экономическими, политическими и культурными связями. Во-вторых, славянские народы являются не просто пространственно-географическими соседями

России, брошенными рукой Судьбы на самое приоритетное из направлений ее внешней политики. Зарубежные славяне связаны с русским народом общностью происхождения, родством языков и культуры, сходством многих явлений общественного и государственного строя, наконец, близостью исторических судеб. Своеобразной чертой духовной жизни всех славянских народов было и остается чувство славянской взаимности, сохранение представлений о единстве славянского мира, духовном родстве славянских народов. Изучая историю зарубежного славянства, можно с особой отчетливостью выявить многие закономерности истории нашего Отечества, являющегося неотъемлемой частью славянского мира. Характерно, что в западной науке предметом славяноведения считается история славян в целом, т.е. включая Россию, в то время как в отечественной историографии славистами называют специалистов в области истории зарубежных славянских народов, а также межславянских связей. В-третьих, славянские страны переживают сегодня период динамичного обновления социально-экономического и политико-правового строя, настойчиво ищут пути к возможно полной реализации того огромного потенциала, которым располагает каждый славянский народ в отдельности и славянский мир в целом, и потому осмысление исторического прошлого славянства видится необычайно актуальной научной и образовательной задачей.

К сожалению, в последние десятилетия наметилась тенденция к вытеснению из учебных планов исторических факультетов многих университетов России курса истории южных и западных славян, к включению (как правило, формальному) этого материала в рамки преподавания истории стран Зарубежной Европы, к замене курса славянской истории курсом истории западных соседей России (с отказом от рассмотрения славянского мира как особой общности народов, которая скреплена неразрывными узами духовного родства). В последнем варианте учебника, подготовленного специалистами кафедры истории южных и западных славян Московского университета, не нашлось места для многих сюжетов, которые в течение десятилетий являлись классическими для исторической славистики.

Поэтому представляется необходимым обратиться к разработке программы курса истории

южных и западных славян (к счастью, в Саратовском университете дело до его упразднения еще не дошло) в том его виде, в каком он будет в состоянии решать те краеугольные задачи, о которых речь шла выше.

Разумеется, предложенный вариант предполагает самостоятельное изучение студентами многих вопросов истории зарубежных славянских народов, поскольку бюджет учебного времени позволяет осветить в лекционном курсе лишь наиболее значимые теоретические проблемы, требующие привлечения широкого круга фактов, как правило, из истории нескольких славянских стран.

Хронологически предлагаемый вариант ограничен рубежом XVIII–XIX вв., с которым принято связывать грань между эпохами Славянского Средневековья и Славянского Возрождения. Этот курс («История южных и западных славян в средние века») автор программы в течение многих лет читает студентам исторического факультета Саратовского университета. На дневном отделении он преподается в четвертом семестре обучения (параллельно с курсом западноевропейского средневековья), что позволяет вписать славянскую историю в общий контекст истории Европы, а также широко обращаться к сравнительно-историческим наблюдениям во время лекционных занятий.

В прилагаемый к программе список литературы вошли (для обеспечения его возможно большей компактности) лишь учебные пособия, научно-популярные работы, а также монографические исследования, посвященные узловым вопросам курса средневековой истории южных и западных славян.

Введение

Славянские страны и народы на карте мира.

Общие культурно-языковые корни современных славянских народов. Сходство исторических судеб славянских народов и проблема славянской цивилизации. Межславянские связи в прошлом и настоящем. Идея славянской взаимности.

Споры об исторической роли славян в историографии XVIII – XIX вв. Идеология германского «Drang nach Osten» и ее историческая составляющая. Славянофильство в России.

Вопрос о прошлом и будущем славянских народов в идеологии германского фашизма.

Современные представления о роли славянских народов во всемирной истории.

Славяноведение как комплексная научная дисциплина, основные этапы его развития. Предмет славяноведения на Западе и в России. Роль русской науки в изучении исторического прошлого славянских народов.

Место эпохи средневековья на пути исторического развития зарубежных славянских народов. Особенности содержания, периодизации и хронологических рамок славянского средневековья.

Часть 1. Древние славяне

Содержание понятия «древние славяне». Источники по истории древних славян. Проблема происхождения славян и основные этапы ее научного изучения. Расширение территории славянского расселения в эпоху Великого переселения народов.

Общественный строй славян в VI–VIII вв. Основные хозяйственные занятия славянских племен. Разложение первобытно-общинных отношений. Складывание элементов социального неравенства. Политическая организация общества. Племенные союзы.

Славяне и Византийская империя в VI–VIII вв. Заселение славянами Балканского полуострова. Особенности славянской колонизации. Славинии как социально-политическое явление ранневизантийской истории. Интеграция славян в структуру византийского общества и государства. Влияние славян на характер социально-экономической эволюции ранневизантийского общества. Вопрос о роли славян в истории Византии в исторической науке прошлого и настоящего.

Часть 2. Зарубежные славянские народы в период раннего средневековья

2.1. Ведущие тенденции раннесредневекового развития южных и западных славян

Несовпадение хронологических рамок и содержания социально-экономических процессов раннего средневековья на Западе и славянском Востоке Европы. Особенности становления раннесредневековых славянских государств и народностей. Своеобразие форм общественного и государственного устройства. Славянская община. Споры вокруг проблемы славянского феодализма.

Общее и особенное в развитии западнославянского и южнославянского регионов.

2.2. Болгария в VII – начале XI в.

Болгарские земли к последней четверти VII в. «Союз семи славянских племен». Протоболгары, их вторжение на северо-восток Балканского полуострова и образование Первого Болгарского царства. Особенности социально-экономического и политического строя Болгарского государства в конце VI – VIII вв.

Правление хана Крума и его значение. Болгаро-византийские отношения. Принятие христианства. Завершение процесса формирования древнеболгарской народности. Укрепление государства. Расцвет Первого Болгарского царства при Симеоне Великом.

Болгария при преемниках Симеона. Богомилское движение. Войны Болгарии, Руси и Византии на рубеже 60–70-х гг. X в. и их последствия. За-

падно-Болгарское царство. Завоевание Болгарии Византией.

2.3. Сербия, Хорватия и Словения в VIII–XI вв.

Районы и структура расселения славянских племен на Балканском полуострове. Формирование раннесредневековых славянских народностей и судьбы дославянского населения.

Сербия в VIII – начале XII в. Особенности естественно-географических условий, социально-экономического и политического развития сербских земель. Борьба Византии и Болгарии за сербские земли в IX – начале XI в. Первые попытки государственного объединения Сербии. Возвышение Рашки при Чеславе. Сербо-византийские отношения в XI в. Зетская держава и ее распад.

Хорватия в VIII–XI вв. Социально-экономическое и политическое развитие. Региональные особенности в развитии Далматинской и Посавской Хорватии, их географическая и культурно-историческая обусловленность. Франкская экспансия в конце VIII – начале IX в. и ее последствия.

Образование Хорватского государства и его укрепление в первой половине X в. Оформление церковной организации. Ослабление центральной власти во второй половине X в. и борьба с внешними врагами. Включение хорватских земель в состав Венгерского королевства.

Словения в VII–XI вв. Природно-географические особенности словенских земель и их влияние на историческое развитие. Племенные княжества и попытки их объединения. Внешняя агрессия в словенские земли. Словения в составе Баварского герцогства, государства франков и Священной Римской империи во второй половине VIII–XI вв. Великая Карантия, особенности ее социально-экономического и политического строя.

2.4. Чехия и Словакия в период раннего средневековья

Естественно-географические особенности чешских и словацких земель и их дославянское прошлое.

Расселение славян на территории Чехии и Словакии. Племенные союзы. «Княжество Само».

Великоморавская держава. Образование Великоморавской державы и особенности ее общественного строя. Борьба против немецкой агрессии. Принятие христианства. Миссия святых Кирилла и Мефодия и ее культурно-историческое значение. Внешнеполитические успехи Великой Моравии при Святополке. Венгерское нашествие и падение Великой Моравии. Присоединение Словакии к Венгрии. Историческое значение Великоморавской державы.

Чехия в X–XII вв. Возникновение Чешского государства. Легенды о его древнейшем

прошлом. Святой Вацлав и историческое значение его правления. Подъем внешнеполитического могущества Чехии во второй половине X в. «Эпоха Болеславов».

Кризис Чешского государства на рубеже X и XI веков. Становление системы градской организации и ее характерные черты. Чешско-германские отношения. Место Чехии в составе Священной Римской империи и эволюция ее международно-правового статуса.

Процесс разложения системы градской организации во второй половине XII в., его причины и социально-политические последствия.

Словакия в X–XII вв. Политический статус словацких земель в рамках Венгерского королевства. Особенности этнополитического и социально-экономического развития.

2.5. Польша в VIII – начале XII в.

Причины запоздания процессов социально-экономического и политического развития польских земель. Складывание союзов славянских племен на территории Польши и образование Древнепольского государства. Принятие христианства. Держава Болеслава I Храброго. Кризис Польского государства во второй половине 30-х гг. XI в. Восстановление христианства и государственности. Новый подъем внешнеполитического могущества Польши при Болеславе II Щедром. Особенности социально-экономического и политического развития Польши в конце XI – начале XII в. Завещание Болеслава IV Кривоустого и начало раздробленности.

2.6. Полабские и прибалтийские славяне

Территория расселения полабских и прибалтийских славян и ее естественно-географические особенности. Хозяйственный и общественный строй. Особенности социально-политической структуры общества. Религия и роль жречества.

Борьба полабских и прибалтийских славян против немецкой агрессии. Попытки государственного сплочения славянских племен. Вендская держава.

Крестовый поход 1147 г. против полабских и прибалтийских славян. Захват славянских земель немецкими и датскими феодалами. Немецкая колонизация и германизация славянского населения. Следы славянского прошлого в топонимике Восточной Германии. Историческая судьба сербов-лужичан.

2.7. Культура южных и западных славян в эпоху раннего средневековья

Язычество древних славян. Славянская мифология.

Христианизация славянского мира и ее культурно-историческое значение. Создание славянской письменности. Святые Кирилл и Мефодий. Значение их деятельности для развития славянской культуры. Деятельность учеников Кирилла и Мефо-

дия в Болгарии и других южнославянских землях. «Золотой век» славянской культуры в Болгарии царя Симеона Великого. Климент Охридский и создание кириллицы. Югославянско-русские культурные связи в X–XI вв.

Особенности культурного развития славянских стран западного христианского мира.

Часть 3. Зарубежные славяне в период классического средневековья

3.1. Основные черты развития славянских обществ в XII–XV вв.

Славянские страны и народы на рубеже раннего и классического средневековья. Региональные особенности путей становления крупного землевладения. Своеобразие процессов возникновения и раннего развития средневековых городских центров. Изменения в социальной и политико-правовой структуре славянских обществ. Формирование централизованных государств и сословных монархий.

Наращение различий в развитии южных и западных славян.

3.2. Болгария в XII–XIV вв.

Болгария под властью Византии. Социально-экономическое развитие. Влияние византийских политико-правовых отношений. Положение болгарских земель в составе империи. Болгарская церковь. Попытки восстановления государственной независимости. Восстание 1185–1187 гг. и образование Второго Болгарского царства.

Второе Болгарское царство. Внешняя политика Болгарии на рубеже XII и XIII вв. Столкновение с Латинской империей и его исторические последствия.

Укрепление Болгарского государства в годы правления Ивана Асеня II. Место Болгарского царства в системе международных отношений на Балканах. Государственный строй. Аграрные отношения. Развитие городов, ремесла и торговли.

Упадок Второго Болгарского царства во второй половине XIII в. Монголо-татарские набеги. Восстание Ивайлы. Социально-экономическое и политическое развитие болгарских земель в XIV в. Турецкое завоевание.

3.3. Сербия во второй половине XII – первой половине XV в.

Образование государства Неманичей и особенности его развития в конце XII–XIII вв. Оформление церковной организации. Усиление Сербии в первой половине XIV в. и его причины. Апогей могущества средневекового Сербского государства в годы правления Стефана Душана. «Законник Стефана Душана». Особенности социально-экономического развития и государственного строя Сербо-греческого царства.

Раздробление и упадок Сербского государства во второй половине XIV в. Борьба с турецкой агрессией. Битва на Косовом поле и ее исторические последствия.

Деспотовина, особенности ее социально-экономического развития и международно-правового статуса. Завоевание Сербии турками.

3.4. Босния в XII–XV вв.

Естественно-географические особенности Боснии. Вхождение боснийских земель в состав Венгерского королевства и их политический статус. Особенности социально-экономического развития Боснии. Боснийская церковь.

Подъем Боснии в XIV в. и его причины. Бан Твртко и образование Боснийского королевства. Турецкая агрессия. Завоевание боснийских земель турками.

3.5. Хорватия в XII–XV вв.

Особенности политического статуса хорватских земель в составе Венгерского королевства. Аграрный строй. Городское развитие. Своеобразие этнополитической и социальной структуры.

Политическая борьба XV в. Нарастание турецкой опасности. Наступление турок на хорватские земли.

3.6. Города Далматинского побережья Адриатики в XII–XV вв.

Судьбы городов Далмации в эпоху раннего средневековья. Античное наследие и его влияние на хозяйственный уклад, политический строй, повседневную жизнь и культурное развитие далматинских городов.

Расцвет городов Далмации в XII–XV вв. и его причины. Своеобразие экономического развития. Роль далматинских городов в международной торговле. Политический строй. Особенности процесса формирования и структуры коммунального устройства. Города Далмации в системе международных и межгосударственных отношений Восточного Средиземноморья.

Возвышение Дубровника. Дубровницкая республика.

3.7. Словения в XII–XV вв.

Словенские земли в составе Священной Римской империи. Переход словенских земель под власть Габсбургов. Эволюция аграрных отношений. Развитие городов. Особенности этносоциальной структуры.

Турецкие вторжения в словенские земли.

3.8. Социально-экономическое развитие западных славян в XII–XIV вв.

Социально-политические последствия разложения системы градской организации в Чехии и Польше. Внутренняя колонизация. Становление частновладельческого поместья. Возникновение городов.

Немецкая колонизация XIII века. Вопрос о ее роли в исторических судьбах западных славян в историографии прошлого и настоящего. Сельская колонизация и ее последствия. Немецкое право, его основные черты и влияние на эволюцию правовых отношений в чешской и польской деревне. Немецкая городская колонизация. Основание городов «на зеленом дерне». Немецкие общины в древнейших городских центрах Чехии и Польши. Городское право в чешских и польских землях: ареалы семей права, особенности содержания.

Социально-экономическое развитие Чехии и Польши в XIII–XIV вв.: общее и особенное.

3.9. Чехия в XIII–XIV вв.

Укрепление Чешского государства в XIII в. Отражение монголо-татарского нашествия. Пржемысл Оттокар II. Основные черты его внутренней и внешней политики. Экономическое развитие. «Серебряный фактор» в чешской истории XIII в. Формирование сословной структуры общества. Эволюция системы государственного управления.

Политический кризис начала XIV в. Его причины, характер и последствия. Утверждение на чешском престоле династии Люксембургов.

«Золотой век» средневековой истории Чехии в период правления Карла IV. Укрепление государства. Законник «*Majestas Carolina*». Экономическое развитие. Внешняя политика Карла IV. Место Чехии и Праги в политической концепции Карла IV.

3.10. Гуситское движение в Чехии

Обострение социально-политических противоречий в чешских землях в конце XIV – начале XV в. Движение за реформу церкви. Предшественники Гуса. Национальный вопрос. Учение и деятельность Яна Гуса. Ян Гус и Иероним Пражский на Констанцском соборе.

Восстание 1419 г. и начало гуситских войн. Основание Табора. Таборитский хилиазм.

Крестовые походы против гуситов 1420–1422 гг. Военное искусство гуситов. Ян Жижка.

Религиозная и политическая борьба в гуситской Чехии. Пражане и табориты.

Заграничные походы гуситов. Прокоп Великий. Отклики на гуситское движение в странах Европы. «Гуситский вопрос» на Базельском соборе.

Обострение борьбы между пражанами и таборитами в середине 30-х гг. XV в. Базельские и Пражские компактаты. Битва у Липан и окончание гуситских войн.

Чехия во второй половине 30-х–40-е гг. XV в. Социально-экономические и политические последствия гуситских войн.

Внутриполитическое и международное положение Чехии в годы правления Иржи из Подебрад.

Место гуситской эпохи в исторических судьбах чешского народа.

3.11. Польша в XII–XV вв.

Внутреннее состояние и внешнеполитическое положение польских земель в XII–XIII вв. Монголо-татарское нашествие и его последствия. Тевтонский орден и усиление внешней опасности. Территориальные потери Польши.

Борьба за восстановление государственного единства польских земель в конце XIII – начале XIV в. Владислав Локеток.

Укрепление Польского государства в годы правления Казимира III Великого. Законодательство Казимира III. Особенности государственного строя Польши.

Внешняя политика Польши в XIV–XV вв. Войны с Орденом. Кревская уния. Великая война. Грюнвальдская битва и ее историческое значение. Тринадцатилетняя война и возвращение Восточного Поморья. Закат могущества Тевтонского ордена.

Незавершенность процессов территориального объединения польских земель и централизации Польского государства. Рост шляхетских привилегий. Кошицкий привилей. Нешавские статуты.

3.12. Словакия в XI–XV вв.

Словацкие земли в составе Венгерского королевства. Административно-территориальная организация. Экономическое развитие. Немецкая колонизация и начало горных разработок. Особенности городского развития. Этносоциальная структура словацкого общества. Матуш Чак Тренчинский и его политика.

Отклики на гуситское движение в Словакии. Движение «братриков». Словакия в центре борьбы за венгерскую корону.

3.13. Культура западных славян

Ведущие тенденции развития культуры западнославянских народов в XII–XV вв. Черты славянской самобытности. Культурная политика Карла IV как культурно-исторический феномен.

Архитектура. Чешская готика эпохи Карла IV. Формирование архитектурного облика Праги. Готическая архитектура в Польше. Архитектурные памятники Кракова.

Готическая скульптура в Чехии и Польше. Каменная пластика собора св. Вита. Готическая скульптура в Польше. «Вавельские головы».

Изобразительное искусство. Живопись «прекрасного стиля» в Чехии.

Историческая мысль. Хроники Козьмы Пражского, Галла Анонима, Лаврентия из Бржезовой, Яна Длугоша.

Образование. Основание Пражского (Карлова) и Краковского (Ягеллонского) университетов. Их роль в развитии чешской и польской культуры.

Гуситское движение и его влияние на развитие культуры. Гуситская песня и ее место в

истории мировой музыкальной культуры. Развитие чешского литературного языка. Начало культурно-просветительной деятельности Общины чешских братьев.

Начало книгопечатания в Чехии и Польше.

3.14. Культура южных славян

Культура православных славянских народов. Архитектура. Изобразительное искусство. Образование и просвещение. Болгарские книжные школы. Евфимий Тырновский. Григорий Цамблак. Константин Философ.

Сербский эпос и его место в истории мировой литературы.

Культура католических южнославянских народов. Архитектура. Изобразительное искусство. Образование. Историческая мысль. Фома Сплитский.

Особенности культурного развития городов Далматинского побережья. Влияние идей итальянского гуманизма и искусства раннего Возрождения. Дубровницкая литература.

Часть 4. Южные и западные славяне в XVI–XVIII вв.

4.1. Исторические судьбы зарубежных славянских народов в XVI–XVIII вв.

Общее и особенное в развитии южного и западного славянства: экономика, политика, культура.

«Второе издание крепостничества» в славянских землях: общие черты и региональные отличия.

Славянские страны и народы в системе международных отношений в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе.

Реформация и славянский мир.

Культура Возрождения в славянских странах.

4.2. Южные славяне под властью Османской империи в XVI–XVIII вв.

Социально-экономические и демографические последствия турецкого завоевания. Особенности общественного и государственного строя Османской империи. Военно-ленная система. Миграции населения, изменения его этнического состава. Исламизация части славянского населения.

Начало разложения военно-ленной системы, его причины и социально-экономические последствия. Деревня и город на Балканах во второй половине XVI – XVIII вв. Усиление национального и религиозного гнета.

Борьба южнославянских народов против турецкого ига. Гайдуцкое движение.

Войны центрально-европейских государств против Османской империи и освободительная борьба балканских славян. Австро-турецкая война

1593–1606 гг. и Тырновское восстание в Болгарии. Война «Священной лиги» против Турции и освободительное движение южных славян. Сербское восстание 1688–1690 гг. Исход сербов из Косова и образование Воеводины. Австро-турецкие войны первой половины XVIII в. и отток сербского населения на земли Габсбургской империи.

Россия и южные славяне в XVIII веке. Русско-турецкие войны и освободительная борьба южных славян. Переселение южно-славянского населения в Россию.

Черногория и ее борьба за независимость. Образование Черногории. Своеобразие ее природных условий. Социально-экономическое развитие. Политический строй. Начало борьбы против турецкого господства. Роль православной церкви.

Административные реформы митрополита Даниила Негоша. Русско-черногорские связи в XVIII в. Владыка Петр I. «Законник Петра I Негоша». Битва при Крусах и обретение Черногорией фактической независимости.

4.3. Хорватия в XVI–XVIII вв.

Битва при Мохаче и ее последствия. Склады Военной Границы. Австро-турецкая война 1593–1606 гг. и ослабление турецкого натиска.

Антигабсбургская оппозиция в хорватских землях. Заговор Зринских.

Хорватия в XVIII в. Реформы Марии-Терезии и Иосифа II и их социальные и политические последствия.

4.4. Словения в XVI–XVIII вв.

Словенские земли в условиях турецкой экспансии. Реформация и контрреформация. Народные движения XVI–XVII вв.

Экономический подъем Словении в XVIII в. и его причины.

4.5. Далмация и Истрия в XVI–XVIII вв.

Венецианская экспансия в Далмации и ее последствия. Упадок городов Восточной Адриатики в XVI–XVIII вв.

Особенности развития Дубровника. Дубровник и Османская империя. Расцвет Дубровника в XVI веке.

Экономический упадок и политическое ослабление Дубровника во второй половине XVII–XVIII вв.

4.6. Чехия в XVI–XVIII вв.

Битва при Мохаче и переход Чехии под власть Габсбургов. Политика Габсбургов в чешских землях и складывание антигабсбургской оппозиции. Восстание 1547 г.

Обострение политических и религиозных противоречий в конце XVI – начале XVII в. Восстание чешских сословий 1618–1620 гг. и начало Тридцатилетней войны. Военные действия на

территории Чехии. Валленштейн и чешские земли.

Политические, социально-экономические и демографические последствия Тридцатилетней войны для чешских земель. Католическая контр-реформация. Экономический и культурный упадок Чехии в XVII в. Утверждение барщинно-фольварочной системы. Крестьянские движения.

Экономическое развитие чешских земель в XVIII веке. Реформы Марии-Терезии и их последствия. Восстание 1775 г. Отмена личной зависимости крестьян. Реформы Иосифа II.

4.7. Словакия в XVI–XVIII вв.

Турецкая агрессия и ее последствия. Анти-габсбургские выступления венгерской шляхты. Восстания 1678 и 1703 гг.

Экономическое развитие Словакии в XVIII в. Расцвет горного дела и металлургии. Политика просвещенного абсолютизма в словацких землях.

4.8. Польша в конце XV – XVIII вв.

Развитие городов, ремесла и торговли в конце XV – первой половине XVI в. Переход к барщинно-фольварочной системе. Ее историческая роль.

Борьба между шляхтой и магнатами в XVI в. Ослабление королевской власти. Международное положение Польши. Люблинская уния и образование Речи Посполитой. Государственный строй Речи Посполитой и ее внешняя политика в конце XVI – XVII вв.

Речь Посполитая во второй половине XVII – XVIII вв. Экономический и политический кризис второй половины XVII – начала XVIII в., его причины. Участие Речи Посполитой в войнах. Ослабление роли Польши в системе международных отношений в первой половине XVIII в.

Речь Посполитая во второй половине XVIII в. Экономическое развитие. Реформы 60-х годов. Барская конфедерация. Первый раздел Речи Посполитой.

Политическая обстановка в 70–80-е гг. Движение за реформы. Польша и Великая Французская революция. Конституция 3 мая 1791 г. Второй раздел Речи Посполитой. Восстание 1794 г. Третий раздел Речи Посполитой.

4.9. Культура южных славян в XVI–XVIII вв.

Культура православных славянских народов. Роль православной церкви как хранительницы славянской культуры. «Дамаскины». Жития святых.

Русско-болгарские и русско-сербские культурные связи. Организация школьного дела в Воеводине.

Устное народное творчество времен турецкого ига.

Культура Хорватии, Далмации и Словении. Расцвет культуры Далмации и Дубровника в эпоху Высокого Возрождения. Развитие исторической и политической мысли в Хорватии. М. Орбини. Ю. Крижанич.

Влияние Реформации на хорватскую и словенскую культуру.

Развитие образования в хорватских и словенских землях в XVIII в. Наука и литература эпохи Просвещения.

Босния – культурная и профессиональная контактная зона.

4.10. Культура западных славян в XVI–XVIII вв.

Культура Чехии. Особенности развития чешской культуры в XVI – начале XVII в. Литературная и просветительская деятельность общины чешских братьев. Ян Амос Коменский и его место в истории педагогики. Развитие чешского литературного языка. Историческая мысль. Культурно-историческая роль книгопечатания.

Император Рудольф и место его двора в развитии европейской культуры на рубеже XVI–XVII вв. Иоганн Кеплер и Тихо Браге в Праге.

«Эпоха тьмы» и упадок национальной чешской культуры в XVII–XVIII вв.

Эпоха Просвещения в чешских землях.

Культура Словакии. Развитие словацкой культуры в XVI в. Образование. Ренессансная архитектура.

Словацкое Просвещение.

Польская культура. Расцвет польской культуры в эпоху Возрождения. Борьба за польский язык. Книгопечатание. Общественно-политическая мысль. А. Фрыч-Моджевский.

Всемирно-историческое значение научных открытий Н.Коперника.

Литература. М. Рей. Я. Кохановский.

Культурное развитие эпохи Просвещения. Эдукационная комиссия и реформа школьного дела. Развитие науки и общественно-политической мысли. Г. Коллонтай. Я. и А. Снядецкие. Ст. Сташиц.

Основные источники и литература

1. Учебники и учебные пособия

Историография истории южных и западных славян. М., 1987.

История южных и западных славян: Курс лекций. М., 1979.

История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1.

Источниковедение истории южных и западных славян. М., 1998.

Макова Е.С. История южных и западных славян. Период феодализма (VI – середина XVIII в.). М., 1987.

2. Источники

- Анна Комнина. Алексиада. М., 1965.
- Антология чешской и словацкой философии. М., 1982.
- Болгарская народная поэзия. М., 1953.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях в XI – XIII вв. М., 1987.
- Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975.
- Византийский земельный закон. Л., 1984.
- Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
- Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.
- Гуситское движение в освещении современников. М., 1992.
- Другош Ян. Грюнвальдская битва. М., 1962.
- Ильинский Г.А. Грамоты болгарских царей. М., 1911.
- Иордан. О происхождении и деяниях готв. М., 1960.
- История средних веков: Хрестоматия / Сост. В.Е. Степанова, А.Я. Шевеленко. М., 1988. Ч. 1–2.
- Калиганов И.И., Польшанский Д.И. Родник Златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. М., 1990.
- Книга законов султана Селима I. М., 1969.
- Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
- Коменский Я.А. Избр. педагогические сочинения. М., 1982. Т. 1–2.
- Коменский Я.А. Сочинения. М., 1997.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
- Крижанич Ю. Политика. М., 1997.
- Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
- Леонтьевский А.В. «Искусство возможного» в политике Карла IV Люксембурга. Волгоград, 1995.
- Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
- Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. М., 1978.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1963.
- Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
- Песни южных славян. М., 1976.
- Польские мыслители эпохи Возрождения. М., 1960.
- Послания магистра Иоанна Гуса. СПб., 1903.
- Поэты Далмации эпохи Возрождения XV–XVI веков. М., 1959.
- Поэзия славян: Сборник лучших поэтических произведений славянских народов в переводах русских писателей. СПб., 1871.
- Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Руколь Б.М. Гуситское движение. М., 1964.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991–1995. Т. 1–2.
- Сербский эпос. М., 1960. Т. 1–2.
- Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989.
- Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970.
- Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века. М., 1972.
- Феофилакт Симокатта. История. М., 1957.
- Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.
- Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. М., 1938–1939. Т. 1–2.
- Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского, С.Д. Сказкина. М., 1949–1950. Т. 1–3.
- Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1–2.
- Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1987. Т. 1.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1981.
- Югославские народные песни. М., 1956.
- Эпос славянских народов. М., 1959.

3. Исследования

- Ангелов Д. Богомилство в Болгарии. М., 1954.
- Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. 1–3.
- Бажова А.П. Россия и югославы в конце XVII – начале XIX века. М., 1996.
- Бернштейн С.Б. Константин Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980.
- Бромлей Ю.В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.
- Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии. К изучению процесса классообразования у славян. М., 1964.
- Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981.
- Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944.
- Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.

- Всемирная история. М., 1957. Т. 3.
- Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М., 1963.
- Голенищев-Кутузов И.Н.* Славянские литературы. М., 1973.
- Горина Л.В.* Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972.
- Грачев В.П.* Сербская государственность в X–XIV вв. (критика теории «жупной организации»). М., 1972.
- Греков Б.Д.* Избр. труды. Т. 1: Винодол. Польша. Польская Правда. М., 1957.
- Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.
- Грот К.Я.* Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава, 1889.
- Дмитриев М.В.* Православие и Реформация: реформационное движение в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990.
- Достян И.С.* Борьба сербского народа против турецкого ига: XV – начало XIX в. М., 1958.
- «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967.
- Дринов М.С.* Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.
- Дринов М.С.* Южные славяне и Византия в X веке. М., 1876.
- Егоров Д.Н.* Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. М., 1915. Т. 1–2.
- История Болгарии. М., 1954. Т. 1.
- История Венгрии. М., 1971. Т. 1.
- История Византии. М., 1967. Т. 1–3.
- История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 2: Средневековая Европа. М., 1992.
- История крестьянства в Европе. М., 1985–1987. Т. 1–3.
- История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. 1–2.
- История славянских языков. М., 1985.
- История Польши. М., 1955. Т. 1.
- История Чехословакии. М., 1956. Т. 1.
- История Югославии. М., 1963. Т. 1.
- Истрин В.А.* 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
- Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. 2-е изд. СПб., 1998.
- Кареев Н.И.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.
- Королюк В.Д.* Древнепольское государство. М., 1957.
- Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985.
- Костомаров Н.И.* Старый спор: Последние годы Речи Посполитой. Смоленск, 1994.
- Кочубинский А.А.* Братья подобои и чешские католики в начале XVII века. Одесса, 1873.
- Краткая история Болгарии. М., 1987.
- Краткая история Венгрии. М., 1991.
- Краткая история Польши. М., 1993.
- Краткая история Чехословакии. М., 1988.
- Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903.
- Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании. СПб., 1859.
- Ламанский В.И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
- Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.
- Лаптева Л.П.* Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.
- Лаптева Л.П.* Гуситское движение в Чехии XV в. М., 1990.
- Лаптева Л.П.* История Чехии периода феодализма (V век – 1648 г.). М., 1993.
- Лебедев И.А.* Последняя борьба балтийских славян против онемечения. М., 1876. Т. 1–2.
- Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М., 1876.
- Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001.
- Любавский М.К.* История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1917.
- Любович Н.Н.* История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитары. Варшава, 1883.
- Макова Е.С.* Загреб в XVI в. М., 1976.
- Макова Е.С.* Из истории социально-экономического развития славонского города XIII–XVII вв. М., 1980.
- Макушев В.В.* Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867.
- Мананчикова Н.П.* Дубровник XIII – первой половины XV века: Проблемы торговли. Воронеж, 1999.
- Маркевич А.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.
- Мацек Й.* Гуситское революционное движение. М., 1954.
- Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М., 1956–1959. Т. 1–2.
- Мьельников А.С.* Культура чешского Возрождения. М., 1982.
- Мьельников А.С.* Эпоха Просвещения в чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
- Мьельников А.С.* Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVII–XIX вв. СПб., 1997.

- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 2000.
- Наумов Е.П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975.
- Неедлы З.Р.* История чешского народа. М., 1952. Т. 1.
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Новодворский В.В.* Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория. Киев, 1910.
- Озолин А.И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962.
- Озолин А.И.* Бюргерская оппозиция в гуситском движении. Саратов, 1973.
- Османская империя и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984.
- Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Павинский А.И.* Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII–XIII вв. СПб., 1871.
- Пальмов И.С.* Чешские братья в своих конфликтах до начала сближения их с протестантами. Прага, 1904.
- Подопригорова Н.Н.* Дубровник: Структуры власти и правящая элита. Воронеж, 2003.
- Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
- Радченко К.Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1988.
- Рандин А.В.* Гуситская революция и Пражский университет. Йошкар-Ола, 1994.
- Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985.
- Раннефеодальные государства и народности. Южные и западные славяне. VI–XII вв. М., 1991.
- Разумовская Л.В.* Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV века. М.; Л., 1958.
- Разумовская Л.В.* Очерки по истории польских крестьян в XV–XVI вв. М., 1968.
- Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888–1915. Т. 1–3.
- Рубцов Б.Т.* Гуситские войны. М., 1955.
- Рубцов Б.Т.* Ян Гус. М., 1958.
- Рубцов Б.Т.* Подвиги таборитов. М., 1962.
- Рубцов Б.Т.* Исследования по аграрной истории Чехии XIV – начала XV в. М., 1963.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Седов В.В.* Славяне в Раннее средневековье. М., 1995.
- Славянские древности. Очерки по истории культуры славянских народов. М., 1997.
- Сырку П.А.* Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898.
- Тананаева Л.И.* Рудольфинцы. Пражский художественный центр на рубеже XVI–XVII вв. М., 1995.
- Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
- Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX вв. М., 1976.
- Успенский Ф.И.* Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.
- Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. СПб., 1913. Т. 1; Л., 1927. Т. 2; М.; Л., 1948. Т. 3.
- Фишер И.Р.* Крестьянство Чехии в период позднего феодализма. Йошкар-Ола, 1990.
- Флоринский Т.Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века. СПб., 1882.
- Флоринский Т.Д.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888.
- Флоря Б.Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. Эпоха средневековья. М., 1992.
- Фортинский Ф.Я.* Приморские Ведские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1877.
- Фрейденберг М.М., Чернышов А.В.* Коммунальный строй далматинских городов XII–XIV вв. Калинин, 1983.
- Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984.
- Шаферова Л.А.* Котор XII – начала XV веков: Социально-экономические отношения южнодалматинского города. Красноярск, 1990.
- Шаферова Л.А.* Города Сербского средневекового государства. XII – первая половина XV вв. Красноярск, 2002.
- Якубский В.А.* Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975.
- Ясинский А.Н.* Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1895.
- Ясинский А.Н.* Очерки и исследования по социально-экономической истории Чехии в средние века. Юрьев, 1901. Т. 1.
- Ястребов Н.В.* Этюды о Петре Хельчицком и его времени. СПб., 1908.

ПРАВО

УДК [343.25:347.965](470-89)(09)+929

«НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ...»

(К вопросу об участии лидеров «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева и В. А. Маклакова в общественном движении за отмену смертной казни в России в начале XX века)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: istfak@info.sgu.ru

В работе раскрывается участие в российском аболиционистском движении политических защитников, депутатов Государственной Думы, ученых-правоведов, передовых мыслителей, известных деятелей отечественной культуры. Особое внимание обращено на роль и значение в этой борьбе Л. Н. Толстого, толчком к выступлению которого и написанию им всемирно известного письма «Не могу молчать», послужила встреча с лидером московской «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьевым. В статье сделан вывод о том, что, несмотря ни на что, представители «молодой адвокатуры» довели начатое ими дело до конца – уже будучи в составе Временного правительства они инициировали принятие постановления об отмене смертной казни в России, что можно считать важнейшим политико-правовым прецедентом в жизни нашего государства.

«Ne Mogu Molchat...»

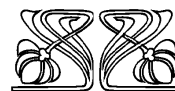
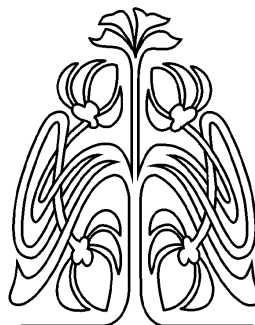
(about the Participation of N.K. Muraviev and V.A. Maklakov, the Leaders of «Molodaya Advokatura» in the Public Movement for the Abolishment of the Deach Penalty in Russia in the Beginning of the XX Century)

Y. V. Varfolomeev

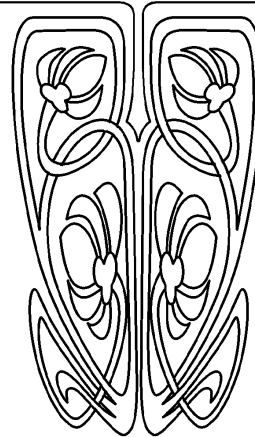
In work participation in the Russian abolitionist movement of political barristers, deputies of the State Duma, scientists-jurists, the advanced thinkers, known figures of Russian culture is opened. The special attention is inverted on a role and value in this struggle L. N. Tolstoy, which write of the world famous letter «I can not be silent» after the meeting with the leader Moscow «Jeune Barreau» N. K. Murav'evym. In article the conclusion that, in spite of on anything, representatives of «Jeune Barreau» have finished the business begun by them is made – already being in Vremennoye Government they initiated acceptance of the Decision about a cancellation of a death penalty in Russia, that it is possible to count the major political and law precedent in life of our state.

На протяжении столетий моралисты и проповедники, юристы и политики подтверждали убедительными доводами политико-правовую необоснованность и нравственную недопустимость наказания смертной казнью. Казалось, эта проповедь должна была уже войти в норму жизни и сознание современного человечества, но гуманная идея, ставшая триумфом морали и политики, давала мало надежд на то, что смертная казнь в государстве отомрет естественной смертью. Начало XX века в очередной раз высветило эту проблему в России с новой силой, когда «...из-под пепла догоревшего костра, – образно писал профессор С.П. Мокринский, – внезапно запылало в небе сплошное кровавое зарево, и смертная казнь стала опять центральным пятном, по яркости и силе красок, в общей, уже и помимо того суровой, картине отечественной уголовной репрессии»¹.

В конце 1904 г. требование отмены смертной казни стало одним из лозунгов российского освободительного движения. На съездах,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

в ученых обществах, на собраниях и митингах, всюду, где находила себе выражение общественная мысль, общественная воля, всюду раздавался призыв: «долгой смертную казнь». Особая роль в общественном протесте против применения смертной казни в России принадлежала политическим защитникам из кружков «молодой адвокатуры». Логичным продолжением их борьбы за права человека, как субъекта юриспруденции, стало выступление против применения высшей меры наказания – смертной казни, являющейся, безусловно, посягательством на самое сокровенное и главное право человека – право на жизнь. Неудивительно, что именно «молодые адвокаты» как наиболее последовательные правоведа-правозащитники выступили в первых рядах российской общественности в борьбе за отмену смертной казни. Впервые, в самое горячее для страны время, в 1905 г., громко и привлек внимание общества и правительства к этой проблеме один из лидеров московской «молодой адвокатуры» В.А. Маклаков.

28 августа 1905 г. в еженедельнике «Право» вышла в свет статья присяжного поверенного Маклакова «Смертная казнь и законность». Эта взволнованная и глубоко аргументированная публикация юриста-практика открыла собой широкую дискуссию по проблеме законности применения подобного вида наказания в России и стала, одновременно с этим, отправной точкой в процессе формирования общественного движения за отмену смертной казни. Одной из главных причин появления данной статьи, именно в середине 1905 г., стало то, что «смертные приговоры, – по словам Маклакова, – участились до небывалых размеров»². В подтверждение его вывода можно привести статистические данные. Усиленное применение смертной казни со всей очевидностью стало проявляться с 1905 г. За этот год было вынесено 62 смертных приговора, а приведено в исполнение – 30. По сравнению с предыдущим годом эти цифры были довольно высокими³. В 1904 году, по официальным данным, было приговорено к высшей мере наказания 11, а казнено – 7 человек, причем, по сведениям профессора Н.С. Таганцева⁴, среднегодовое количество смертных казней за последнее перед этим десятилетие (1895–1904) составляло 15.

Опасность учащения приговоров с назначением высшей меры наказания усугублялась еще и тем, что в России, по справедливому замечанию автора статьи, смертная казнь назначалась «... не по общему, для всех равному закону, а по специальному усмотрению власти <...> смертный приговор, таким образом, пишется не судом, а министром, не после разбора дела, а еще до ознакомления с ним. Это, – утверждал Маклаков, – самобытная особенность смертной казни у нас...»⁵. Как правоведа, он теоретически еще допускал возможность ее применения в тех странах, где она назначена судом по обязательному для всех

общему закону, и только в этом случае, с точки зрения юриспруденции, высшую меру наказания можно было признать правовым явлением. Но русских юристов беспокоило то, что в России сложился своеобразный институт правоприменения, когда подсудность определялась не по закону, а по усмотрению власти – «... виселица не по суду, а по воле министра»⁶, – констатировал подобный произвол автор статьи. Политические защитники, часто и непосредственно соприкасавшиеся в юридической практике с этим явлением, озабоченно сигнализировали обществу о том, что реальность «... оказалась хуже закона, и смертную казнь применяют у нас там, где ничего не дает на это ни права, ни основания. Смертная казнь, – резюмировал Маклаков, – часто у нас незаконна»⁷. Адвокаты были первыми, кто летом 1905 г. столкнулся с фактами массового, бесконтрольного применения смертной казни по усмотрению административных властей.

Особую обеспокоенность в обществе, по мнению лидера московской группы политических защитников Н.К. Муравьева, вызывала деятельность военно-полевой юстиции, когда «... назначаются бессудные казни по приговорам так называемых полевых «судов» и вовсе без суда»⁸. Поэтому своей статьей В.А. Маклаков привлекал внимание к данной проблеме, и с правовых позиций мотивировал протест против передачи дел военному суду, который «... должен судить по судопроизводственным правилам военного времени с соблюдением кратких сроков, – подчеркивал Маклаков, – с головокружительной быстротой, с ограниченным правом обжалования и т.д.»⁹. Но при этом, если не смешивать материальных норм права с процессуальными, такой суд должен применять, несомненно, общие уголовные нормы, изложенные в Уложении о наказаниях, а не специально-военные. Таким образом, автор статьи доказывал неправомерность обоснования передачи дел военным судам одной лишь ссылкой на «Положение об охране государственного порядка».

На проблему юридического соотношения военного положения и положения об усиленной охране обратил внимание и профессор Н.А. Гредескул. Солидаризуясь с политическими защитниками Маклаковым и Муравьевым, он утверждал, что правительство, вводя в известных местностях военное положение, продолжало применять там же и положение об усиленной охране. «А между тем это совершенное «беззаконие», – констатировал Гредескул, – беззаконие не с какой-либо возвышенной точки зрения, а прямо с точки зрения русского, драконовского действующего закона»¹⁰, так как по российскому законодательству введение в какой-либо местности военного положения, одновременно с этим, исключает собою действие усиленной охраны.

На основе своего опыта и примерах из практики коллег по «молодой адвокатуры» В.А. Мак-

лаков показывал, насколько произволен смертный приговор, назначенный не судом, а простым административным распоряжением в тех случаях, когда их сочли делами «исключительной важности»¹¹. Подобная судебно-административная практика, уже сама по себе противозаконная, и, по мнению Маклакова, «...носит на себе отпечаток того печального времени, когда законность не была в почете, когда только строгостью, решительностью, беспощадностью «спасали Отечество»¹². Следовательно, такой упрощенный взгляд на закон и соответствующее ему упрощенное судебное разбирательство вызывали у защитников серьезные опасения. «Самые элементарные понятия о праве, усвоенные не только юристами, но ставшие неотъемлемым достоянием всякой культуры, – с тревогой отмечал коллега Маклакова Н.К. Муравьев, – были попорчены, брошены в грязь грубой рукой высших местных властей, преступно забывших о праве, привыкших к безграничному произволу»¹³.

Обоснованные сомнения возникали у адвокатов и в связи с проблемой соблюдения судьями всех условий привлечения обвиняемых по законам военного времени. В делах политических статей 18 «Положения об охране государственного порядка» был совершенно точно определен ряд случаев, при наличии которых должна применяться смертная казнь. Без наличия этих признаков смертного приговора де-юре быть не должно. «Но соблюдают ли это судьи, – задавал вопрос Маклаков, – раз они свое право понимают иначе и применяют, вообще, *все законы военного времени*, включая и смертную казнь?»¹⁴. Было очевидно, что под флагом судебной репрессии велась беспощадная борьба с определенными общественными силами, т.е. по сути, политическая борьба. Следовательно, эта «борьба велась не с преступлением, – резюмировал проф. С.П. Мокринский, – но с человеком того настроения, которое признавалось преступным. Преступление было не более, как симптомом, показателем настроения»¹⁵.

Как правило, двери военных судов, оставались закрыты для публики, и о том, что там происходило, было крайне мало известно, а та информация, которая все-таки просачивалась из-за стен суда и попадала на страницы печатных изданий, отнюдь не вносила успокоения в умы неравнодушной общественности. «Нечего удивляться, что в общей атмосфере бессудия не только граждане теряют всякое представление о праве и законе, но дичают и сами судьи, – характеризовал эту ситуацию Н.К. Муравьев, – во времена величайшей анархии и путаницы понятий провозглашающие с высоты судейского кресла “исполнением постановленных в надлежащем порядке судебных приговоров” бессудные убийства, совершаемые карательными экспедициями...»¹⁶.

В своей статье на конкретных примерах Маклаков показывал насколько произволен смертный приговор, назначенный не судом, а администра-

тивным распоряжением, приговором, который произносился за закрытой дверью, без возможности кому-либо убедиться в его справедливости. Эта озабоченность политических защитников косвенно подтверждалась целым рядом кассационных жалоб, оставленных без последствий, хотя и в приговорах, и обвинительных актах не приводились пункты, свидетельствующие о наличии в преступном деянии признаков, подпадающих под основания ст. 18 Положения. «Все соединилось, чтобы сделать особенно гнетущим мрачное и дикое явление смертного приговора, – подытоживал В.А. Маклаков. – Он произволен, назначается не судом, не законом, а административным распоряжением; произносится за закрытой дверью, без возможности убедиться в его справедливости. И рядом с этим возникает сомнение в том, что он был даже формально законен, что он не результат неверного понимания права. Так поставлено дело там, где речь идет о человеческой жизни»¹⁷.

Набатная статья одного из лидеров «молодой адвокатуры» сподвигла различные слои русского общества в поход против смертной казни. Одними из первых к этой проблеме обратились коллеги Маклакова – московские адвокаты. На собраниях присяжных поверенных Московской судебной палаты 20 сентября и 2 октября 1905 г. было поддержано его выступление и выводы, содержащиеся в статье¹⁸. Корпорация адвокатов осудила применение смертной казни и высказалась за ее отмену, поэтому эти собрания «...следует считать, – по мнению Е.И. Розенталя, – началом многолетней общественной кампании»¹⁹.

В октябре 1905 г. на II Всероссийском съезде профессионального Союза адвокатов проблеме смертной казни в России был посвящен отдельный вопрос, по которому делегаты заслушали доклад В.А. Маклакова. После обмена мнений съезд единогласно решил: «1) учредить особую лигу для борьбы со смертной казнью; 2) составить воззвание, воспроизводящее в существенных частях доклад Маклакова и распространить его в обществе; 3) объявить бойкот всем лицам, участвующим в произнесении и исполнении смертных приговоров, и для этой цели составить и распространить всеми возможными способами списки указанных лиц; 4) устраивать во всех местах митинги интеллигенции с протестами против смертной казни, чтения, публичные лекции и т.д.»²⁰. На этом же съезде был избран комитет только что созданной Лиги, в который вошли политические защитники М.М. Винавер, В. А. Маклаков, Н.В. Тесленко и В.И. Добровольский, один из основателей и лидеров первого московского кружка политической защиты И.Н. Сахаров, профессор М.М. Ковалевский, известный психиатр Н.Н. Баженов и доктор П.П. Кащенко. Таким образом, «Лига борьбы против смертной казни» стала координационным центром, своеобразным организационным штабом и авангардом обще-

российской общественной кампании за отмену высшей меры наказания.

Новый этап в развернувшемся движении противников смертной казни в России наступил с началом деятельности Государственной Думы. В ответном адресе на тронную речь императора депутаты Государственной Думы акцентировали внимание на соблюдении законности в стране и, в частности, на вопросе смертной казни: «...Государственная Дума считает, – писали они Николаю II, – недопустимым применение даже и по судебному приговору наказания смертью. Смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема. Государственная Дума считает себя вправе заявить, что она явится выразительницей единодушного стремления всего населения в тот день, когда постановит закон об отмене смертной казни навсегда. В предвидении этого закона страна ждет приостановления ныне же вашей, государь, властью исполнения всех смертных приговоров»²¹.

Взволнованное депутатское обращение не нашло никакого отклика в верхах. Министерская декларация от 13 мая 1906 г. ни одним словом не затронула вопрос о смертной казни, очевидно, не придавая ему никакого серьезного значения. Между тем как раз в те дни прибалтийский генерал-губернатор утвердил смертный приговор над 8-ю лицами, осужденными военным судом. Этот приговор незамедлительно был приведен в исполнение, причем их кассационным жалобам не было дано хода. Было ясно, что надежда на приостановление смертных приговоров, в ожидании отмены высшей меры наказания, совершенно тщетная, и ведущая думская фракция – партия народной свободы – 18 мая без промедления внесла свои законодательные предложения по этому вопросу в Государственную Думу.

Депутаты надеялись, что в ближайшем будущем им удастся принять один из величайших законодательных актов, который станет поворотным пунктом в истории России. «Наказание смертью будет вычеркнуто, – не то с уверенностью, не то как заклинание писал В.Д. Набоков, – из категории тех мер, к которым государство прибегает для того, чтобы поддерживать авторитет своих велений»²². Большинство известных правоведов того времени сходились к той мысли, что закон об отмене смертной казни станет кардинальной сменой вех в истории этико-юридических и уголовно-политических воззрений целого народа. В случае его принятия он «...разверзнет пропасть, отделяющую старую юстицию, не чуждающуюся крови, требующую эшафотов и палачей, допускающую истребление преступников, от юстиции новой, не знающей кровавых жертв»²³.

Вместе с тем русские аболиционисты отдавали себе отчет в том, что даже в большинстве крупных западно-европейских государств, таких как Англия, Франция, Германия, Австрия, Испания, усилия их единомышленников еще не при-

вели к успеху, хотя высшая мера наказания в этих странах была явлением исключительным, а число смертных приговоров было значительно меньше, чем в России. В то же время для России вопрос о смертной казни имел особенно трагическое значение, так как «...по нашему действующему праву, – указывал профессор В.Д. Кузьмин-Караваев, – в ряду деяний, обложенных смертной казнью, стоят и общие преступления, и нарушение в мирное время воинской дисциплины, и преступления политические в самом широком смысле слова <...> Подобной широкой постановки смертной казни не знает ни одно цивилизованное государство <...> Применение смертной казни стало у нас на практике <...> повседневым, заурядным явлением»²⁴.

В краткой объяснительной записке к законопроекту, составленной профессором В. Д. Набоковым, указывалось на то обстоятельство, что «...еще в 80-х годах прошлого столетия редакционная комиссия по составлению проекта уголовного уложения, состоявшая из первейших авторитетов науки уголовного права, высказала единогласное мнение, что “Россия могла бы сделать новый дальнейший шаг по историческому пути, начертанному еще с царствования императрицы Елизаветы”, и не только по возможности ограничить число случаев применения смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе из списка уголовных наказаний, налагаемых по общим законам»²⁵. Автор записки акцентировал внимание на том, что современные события красноречиво свидетельствовали об огромной опасности, которую представляло сохранение в руках государства, даже как исключительной меры наказания, такого страшного карательного орудия, как смертная казнь.

В обоснование бесполезности применения высшей меры наказания Набоков справедливо утверждал, что «...вера в устрашающее значение смертной казни окончательно утрачена. Она осталась в законодательствах лишь как пережиток старого варварства»²⁶. Авторы законопроекта считали отмену смертной казни важным и обязательным шагом на пути обновления России и призывали правительство «...навсегда покончить с этим наследием жестоких и кровавых времен»²⁷.

На заседании в Думе 19 июня 1905 г., посвященном обсуждению законопроекта, по существу, развернулась жаркая полемика между авторами законопроекта и правительственными чиновниками. Обсуждение открылось обширной речью докладчика – В. Кузьмина-Караваева. Вслед за докладчиком выступил министр юстиции И.Г. Щегловитов. Для придания весомости своей позиции он даже сослался на мнение известного криминалиста профессора Ф. фон Листа, высказанное 25 лет назад о том, что сохранение в России смертной казни «будет одобрено всеми теми, для кого политические соображения имеют большую ценность, чем болезненные, хотя и навеянные идеальными

стремлениями, гуманитарные идеи»²⁸. Вслед за министром юстиции слово было предоставлено главному военно-морскому прокурору, который ограничился формальным отводом законопроекта по ст. 55 Основного закона. Но появление на трибуне одиозной фигуры главного военного прокурора В.Н. Павлова произвело такой взрыв гнева и негодования депутатов, что заседание Думы пришлось прервать и объявить перерыв. После перерыва возмутителя спокойствия генерала Павлова в зале уже не было. Речью товарища министра внутренних дел А.А. Макарова, заявившего, что в той постановке, какую дал вопросу думский законопроект, он не имеет отношения к ведомству министерства внутренних дел, закончились объяснения руководителей карательных ведомств царского правительства.

Таким образом, в ходе обсуждения этой инициативы высшие правительственные чиновники с полной определенностью выразили непримиримо-отрицательное отношение к думскому проекту. Несмотря на то, что с процедурной точки зрения вопрос по рассмотрению законопроекта был исчерпан, все же некоторые депутаты посчитали невозможным оставить без возражений речь министра юстиции. Выступая один за другим, депутаты Государственной Думы юрист В.Д. Набоков, адвокаты А.Р. Ледницкий и Ф.И. Родичев, протоиерей Н.В. Огнев и военный юрист В.К. Федоровский стали поочередно крушить аргументацию Щегловитова, подвергнув ее детальной критике.

Политический защитник А.Р. Ледницкий, в ответ на заявление министра юстиции о том, что смертная казнь – единственное средство борьбы с анархистами, расшатывающими устои государственной власти, возразил: «Разве мы не видим, как поступают с теми чиновными анархистами, которые своими руками гораздо больше расшатывают устои государственной власти и государственного организма, чем анархисты, выводимые министерством юстиции из социалистов; как поступают с теми, которые, оставаясь на постах государственных деятелей, устраивали погромы»²⁹. В завершение своего выступления Ледницкий эмоционально и смело напомнил о тех борцах за свободу, которые за сто лет русской истории сложили свои головы на плаху. И, наконец, он коснулся страшной проблемы судебных ошибок при назначении смертной казни, ошибок, тем более возможных, когда правосудие вверялось органам мало пригодным для осуществления судебных функций.

После непродолжительного обмена мнениями была принята резолюция в редакции, предложенной председателем Думы. Мотивировка была изложена депутатом В.Д. Набоковым в следующем виде: «Согласно ст. 57 учр. гос. думы, если дума разделяет изложенные в заявлении соображения о желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона, то соответствующий законопроект вырабатывается

и вносится в думу подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью. В случае отказа министра или главноуправляющего от составления такого законопроекта, думою может быть образована для его выработки комиссия из своей среды. Из того, что г.г. министры удалились, и из тех заявлений, которые они сделали, явствует, что они не намерены составлять законопроекта на основании положений, принятых думой. Поэтому дума должна передать этот законопроект в комиссию 15-ти, чтобы <...> законопроект был бы окончательно отредактирован и внесен на окончательное, второе рассмотрение государственной думы»³⁰.

В состав комиссии вошли профессор В.Д. Набоков, В.Д. Кузьмин-Караваев, М.М. Ковалевский, Л.И. Петражицкий, Н.А. Гредескул, приват-доцент С.А. Котляревский и три политических защитника – Л.М. Брамсон, М.М. Винавер и А.Р. Ледницкий. В соответствии с резолюцией эта комиссия представила на рассмотрение Государственной Думы доклад, в котором был изложен проект закона об отмене смертной казни: «Статья 1-я. Смертная казнь отменяется. Статья 2-я. Во всех случаях, в которых действующими законами (уголовное уложение, уложение о наказаниях уголовных и исправительных, воинский и военно-морской уставы о наказаниях) установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием»³¹.

Без прений и единогласно Дума приняла этот законопроект, ставший первым детищем законодательного творчества первых русских народных представителей. Но, как известно, незавидная судьба ожидала этот высокогуманный и прогрессивный законопроект либералов. В конце июня он поступил в Государственный совет на предварительное рассмотрение. Причем обсуждение законопроекта обнаружило как сторонников, так и противников отмены смертной казни. Так, например, профессор Н.С. Таганцев произнес блестящую речь в пользу отмены смертной казни, а в изданной вслед за этим статье подверг обстоятельному разбору и уничтожающей критике все доводы, высказанные в Совете противниками отмены смертной казни. Последние, по-видимому, численно преобладали, если судить по составу той комиссии, которая была избрана для обсуждения вопроса по существу. К сожалению, комиссия еще не успела приступить к работе, когда последовал роспуск Думы, а вслед за этим и Государственного совета. Впоследствии законопроект об отмене смертной казни неоднократно обсуждался в думских комиссиях и на пленарных заседаниях в Думе всех трех созывов, но так и не был утвержден.

Итак, хроника драматических событий вокруг этого законопроекта складывалась не в пользу здравого смысла и прогрессивной общечеловеческой ответственности. 19 июня 1906 г. депутаты единогласно вотировали отмену смертной казни. 9 июля Государственная Дума была распущена. 20 августа

были учреждены печально знаменитые военно-полевые суды. Только до середины декабря по их приговорам было казнено более 550 лиц, в том числе и несовершеннолетние.

Тем не менее передовая российская общественность не оставляла попыток остановить маховик репрессий карательной машины самодержавия, добиться утверждения думского законопроекта об отмене смертной казни. В отечественной юриспруденции и литературе, в сознании русского общества на протяжении нескольких лет поднимался и вызревал мощный протест против наказания смертью. Эти мысли давно уже были развиты и стали непререкаемыми истинами для русской науки. Ученые-правоведы, такие как В.Д. Спасович, С.М. Неклюдов, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, А.Ф. Кистяковский, Н.Д. Сергеевский с профессиональных позиций выступили против смертной казни.

В общественное движение, инициированное политическими защитниками, включились не только юристы, но также известные деятели культуры, писатели, публицисты и ученые. Три колосса нашей словесности – Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой в своих произведениях гениально изобразили муки приговоренного к смерти человека, с одной стороны, и показали чувства протеста, испытываемого вольными и невольными свидетелями казни – с другой. Во всемирной литературе, пожалуй, нет более потрясающего протеста против смертной казни, чем того, который вложил в уста своего героя из романа «Идиот» Достоевский. Это и понятно, Федор Михайлович сам пережил ужас обряда, предшествующего казни. К тем же самым выводам пришел и Тургенев, изобразив драматизм ситуации в, казалось бы, простом и спокойном, но поразительно сильном описании казни Тропмана. И, наконец, потрясающий рассказ Крыльцова Неклюдову, герою толстовского «Воскресения», о казни двух его товарищей. В продолжение этой темы на страницах произведений А.П. Чехова³² и В.М. Дорошевича³³ нашли свое отражение трагические картины царской каторги и жуткие подробности при описании приведения в исполнение сахалинских квалифицированных казней.

Вслед за корифеями отечественной литературы и публицистики XIX в. выступили современные правозащитники-гуманисты. Весной 1906 г. по инициативе московских политических защитников М.Н. Гернета, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова был издан сборник статей «Против смертной казни», в котором приняли участие передовые мыслители В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Кропоткин, В.В. Розанов и др. Злободневное и яркое звучание сборника привело к немедленному его запрету властями, но все-таки через год табу сняли, и в 1907 г. он был вновь переиздан³⁴. Вслед за этим в 1908 г. Московским отделением Шлиссельбургского комитета был издан «Рассказ о семи повешенных» Л.Н. Андреева,

и в этом же году был напечатан известный очерк В.Г. Короленко «Бытовое явление».

Остросоциальный жанр публицистики высокого гражданского звучания, избранный Короленко, сблизил его с представителями «молодой адвокатуры». Писатель и политические защитники, как правило, первыми оказывались на месте разыгравшейся жизненной драмы, будь-то крестьянские беспорядки или погромы, рабочие забастовки или военные восстания, и там по горячим следам расследовали причины трагических событий и давали свою оценку случившегося. Таким образом, очень часто они оказывались вместе и на громких политических процессах, и на заседаниях военно-полевых судов, а информация политических защитников служила бесценным источником для будущих произведений Короленко.

Пожалуй, самое веское слово против смертной казни возвысил в то время Л.Н. Толстой. Толчком к выступлению великого писателя, судя по всему, послужила его встреча с лидером московской «молодой адвокатуры» Н.К. Муравьевым. При содействии³⁵ авторитетного юриста и общественного деятеля Н.В. Давыдова утром 12 мая 1908 г. политический защитник Н.К. Муравьев приехал в Ясную Поляну, где имел весьма продолжительную беседу с Львом Николаевичем. Это была вторая встреча присяжного поверенного Муравьева с яснополянским мыслителем, и она оставила след не только в их взаимоотношениях, но также и в русской литературе, и в общественной жизни страны.

Со свойственным ему вдохновением и литературным блеском³⁶ «молодой адвокат» рассказал писателю о многочисленных политических процессах, на которых он и его коллеги из «молодой адвокатуры» участвовали в последнее время. «Я много рассказывал ему о впечатлениях, связанных с моими многочисленными выступлениями по разным процессам, – вспоминал подробности этой встречи Николай Константинович, – про мои адвокатские скитания по России. Я говорил ему о политических кругах, о террористах, <...> о смертных казнях (подчеркнуто мною. – Ю.В.), о палачах, о священниках, которые благословляют казнимых, и о том, как они умирают»³⁷. Искренность, профессионализм и достоверность Муравьева в изложении политических коллизий в стране, страшные подробности о смертных казнях сильно взволновали Льва Николаевича. «Волнуясь сам, – вспоминал адвокат, – я видел, что волну и его. Прощаясь, Лев Николаевич благодарил меня и сказал: «Какою интересною жизнью вы живете!»³⁸. Эти слова сопереживания и восхищения подвижническим трудом политических защитников из уст великого писателя свидетельствовали о его созвучном понимании насущных проблем России.

Впечатления Льва Николаевича от этой встречи с «молодым адвокатом», от образно представленных Муравьевым судебных драм,

оказались настолько сильными, что на следующий день, 13 мая, Толстой написал свое всемирно известное произведение мощной публицистической силы – письмо «Не могу молчать». Бесспорное влияние «мучительных рассказов»³⁹ известного политического защитника на создание «...этого замечательного, – по словам Н.К. Муравьева, – протеста против смертной казни...» отметили и очевидцы его визита в Ясную Поляну – Д.П. Маковицкий⁴⁰ и Н.Н. Гусев⁴¹.

С именем Л.Н. Толстого и его позицией по отношению к смертной казни лидер московских политических защитников Муравьев связывал работу одной из групп помощников присяжных поверенных, где под его руководством, начиная с 1908 г., изучались правовые вопросы назначения судами смертной казни. На конкретных примерах из судебной практики Н.К. Муравьев обращал внимание молодых адвокатов, прежде всего, на нравственную составляющую применения высшей меры наказания в каждом отдельном случае. Слова сочувствия и понимания, высказанные великим гуманистом эпохи Муравьеву при их встрече, и он и его коллеги по «молодой адвокатуре» справедливо расценили как «...благословение на дальнейшую работу...»⁴². Воспринимая Толстого как своего духовного наставника и солидаризуясь с ним, молодые адвокаты обратились к нему с приветственным письмом.

Судя по всему, престиж этой группы защитников и ее успехи были настолько значительными, что прием в ее состав производился лишь по рекомендации двух членов группы и при баллотировке большинством голосов. Эта процедура почти в точности соответствовала той, которая в свое время была установлена при приеме новых членов в отдел уголовных защит при Московской консультации помощников присяжных поверенных. Несмотря на тщательный и строгий отбор кандидатов, уже к началу 1909 г. в состав адвокатской группы, занимавшейся правовыми вопросами по отмене смертной казни, входили 45 человек⁴³.

По примеру московской группы политических защитников, возглавляемой Муравьевым, подобные организации стали возникать и в других городах России. Их активная деятельность в союзе с местной интеллигенцией и учащейся молодежью способствовала поступательному развитию общественного движения за отмену смертной казни. Но, несмотря на впечатляющий размах этого движения и широкие массовые протесты по всей стране, смертная казнь в самодержавной России так и не была отменена.

Вместе с тем можно утверждать, что представители «молодой адвокатуры» все-таки довели начатое дело до конца. Так, 12 марта 1917 г. Временное правительство, в министерстве юстиции которого работало подавляющее большинство бывших политических защитников во главе с А. Ф. Керенским, приняло Постановление об отмене смертной казни⁴⁴. Даже несмотря на то,

что спустя 4 месяца после этого исторического события, из-за тяжелой обстановки в войсках, смертная казнь была частично и только на фронте восстановлена, этот короткий отрезок торжества одного из гуманистических идеалов, каким является отмена смертной казни, можно считать важнейшим политико-правовым прецедентом в жизни Российского государства.

Примечания

- 1 Мокринский С.П. Смертная казнь и борьба с политическими преступлениями // Право. 1906. № 22. Стб. 1984.
- 2 Маклаков В.А. Смертная казнь и законность // Право. 1905. № 34. Стб. 2775.
- 3 «Высокие» цифры смертных казней этих лет, конечно, не идут ни в какое сравнение с периодом большевистского «красного террора». П.А. Сорокин в своих показаниях по делу Конради напомнил статистику казней за годы Первой русской революции и последующей реакции: 1901–1905 гг. – 93; 1906 г. – 547; 1907 г. – 1139; 1908 г. – 1340; 1909 г. – 771; 1910 г. – 129; 1911 г. – 73. Для сравнения: в 1918 г. в ответ на убийство Урицкого в советской России было казнено более 1300 заложников всего за несколько дней, т. е. больше, чем в царской России за весь «рекордный» 1908 год! «По сравнению с нашими днями (20-е годы XX в. – Ю. В.), – с горечью констатировал С.П. Мельгунов, – эпоха «Бытового явления», даже не бледная копия...». (Подробнее см.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С. 4.)
- 4 Цит. по: Клоков В. Смертная казнь в России в последнее пятилетие // Право. 1910. № 7. Стб. 352.
- 5 Маклаков В.А. Указ. соч. Стб. 2775.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Муравьев Н.К. Предисловие к книге д-ра Гаазе «Суд в классовом государстве» // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 223.
- 9 Маклаков В.А. Указ. соч. Стб. 2776.
- 10 Гредескул Н.А. Поправки закона // Право. 1906. № 21. Стб. 1909.
- 11 См.: Маклаков В. А. Указ. соч. Стб. 2777–2780.
- 12 Там же. Стб. 2781.
- 13 Обращение Н. К. Муравьева к Первой Государственной Думе в защиту рядовых участников Севастопольского восстания (Вместо речи в заседании суда) // «Стой в завете своем...». С. 76.
- 14 Там же.
- 15 Мокринский С.П. Указ. соч. Стб. 1985.
- 16 Муравьев Н.К. Указ соч. С. 223.
- 17 Маклаков В.А. Указ. соч. Стб. 2782.
- 18 Право. 1905. № 42. Стб. 2487–3493.
- 19 Розенталь Е.И. Московский кружок молодых адвокатов. (К проблеме участия интеллигенции в освободительном движении конца XIX–XX вв.) // Тр. Государственного

- исторического музея. Материалы и исследования. М., 1995. Вып. 90. С. 158.
- ²⁰ Право. 1905. № 40. Стб. 3365–3366.
- ²¹ Право. 1906. № 51. Стб. 4015.
- ²² *Набоков В. Д.* Отмена смертной казни // Право. 1906. № 21. Стб. 1901.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Право. 1905. № 8. Стб. 478.
- ²⁵ Право. 1906. № 51. Стб. 4017.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Стб. 4024.
- ²⁹ Там же. Стб. 4026.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Стб. 4027.
- ³² См.: *Чехов А. П.* Остров Сахалин. (Из путевых записок). М., 1895.
- ³³ См.: *Дорошевич В. М.* Сахалин. (Каторга). М., 1903.
- ³⁴ *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 132.
- ³⁵ Д. П. Маковицкий записал 12 мая: «Утром приехал Муравьев, защищавший Павловцев, Ростовцева, Шипочко.

- Он прислан Давыдовым, чтобы порассказать Л. Н. о военных судах и их приговорах». См. подробнее: *Маковицкий Д. П.* У Толстого (1904–1910). Яснополянские записки. М., 1979. Кн. 3. С. 84.
- ³⁶ Д. П. Маковицкий после этой знаменательной встречи составил о Н. К. Муравьеве такое мнение: «Молодой, 28–30 лет, скромный, приятный, точно выражающийся, владеющий речью (поэт) и вдохновляющийся – нравственно чуткий» (*Маковицкий Д. П.* Указ. соч. С. 85.).
- ³⁷ Л. Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 303.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 305.
- ⁴⁰ См.: *Маковицкий Д. П.* Указ. соч. С. 86.
- ⁴¹ Л. Н. Толстой и его близкие. С. 305.
- ⁴² Там же. С. 303.
- ⁴³ См.: Отчет Комитета помощников присяжных поверенных округа Московской Судебной Палаты за 1908–1909 гг. М., 1909. С. 70–75.
- ⁴⁴ В разработке проекта этого постановления принимала участие рабочая группа юристов во главе с тов. министра юстиции, бывшим лидером столичной группы «молодой адвокатуры» А. С. Зарудным.

УДК 341(470+571)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ

В. С. Хижняк

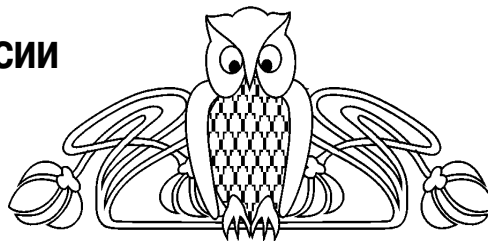
Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории государства и права
E-mail: istfak@info.sdu.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей международно-правовой жизни современной России. В работе дано определение такого понятия, как «международно-правовая жизнь», анализируются ее основные признаки, отличия между международно-правовой и внутригосударственной правовой жизнью. Освещаются такие процессы, которыми характеризуется данное явление, как унификация и глобализация. Разъясняются некоторые понятия, которые напрямую связаны с международно-правовой жизнью, например, «национальный интерес» и «интернациональный интерес». Автор приходит к выводу, что международно-правовая жизнь современной России должна осуществляться с учетом основных принципов международного права.

The International Legal Life of Russia

V. S. Hizhnyak

The article is devoted to the consideration of the features of the international legal life of modern Russia. In this work the definition of such a concept as international legal life is given. Also the author examines the characteristic attributes, and the differences between international legal and interstate legal life and their ratio. The author examines such processes as unification and globalization by which the given phenomenon is characterized. The definition of some concepts, which are directly connected to international legal life is given, for example, «national interest» and «international interest». The elements

of international legal life are considered in the work the author comes to the conclusion, that the international legal life of modern Russia should be carried out taking into account the basic principles of international law.

В современной науке под правовой жизнью принято понимать совокупность всех форм юридического бытия общества. Она выражается как в правовых актах, так и в иных проявлениях права, в том числе и негативных¹.

Подобное понятие применимо и к международной правовой жизни.

Международно-правовую жизнь можно охарактеризовать, в сущности, теми же признаками, что и внутригосударственную правовую жизнь. К ним относится обусловленность правовой жизни юридическими правилами поведения и соответствующими юридическими последствиями; тесная взаимосвязь с экономической и политической жизнью и т. д. Однако следует учитывать, что международно-правовая жизнь является составной частью международной жизни, а международное право, в свою очередь, создается путем согласования волеизъявлений различных государств. Оно может быть адаптировано к национальным условиям только при помощи определенных

внутригосударственных механизмов. Поэтому у международно-правовой жизни есть некоторые черты, которые не присущи внутригосударственной правовой жизни. Международно-правовую жизнь нельзя назвать частью духовной сущности какого-либо народа. Она отражает те ценности, к которым стремится мировое сообщество в целом. Учитывая, что интересы мирового сообщества могут быть далеко не однородны, следует отметить, что категория «международно-правовая жизнь» более абстрактна, чем внутригосударственная правовая жизнь.

В то же время на современном этапе абстрактность понятия «международно-правовая жизнь», сводится к минимуму такими процессами, как глобализация и унификация, а также тем фактом, что на первое место выступают интернациональные, а не национальные интересы.

Под глобализацией понимают всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему. Социальная, экономическая и политическая жизнь обретают мировой масштаб².

Унификация законодательных систем происходит как путем заключения международных договоров, содержащих унифицированные нормы, так и путем принятия модельного закона³.

Словари русского языка определяют «интерес» как особое внимание, уделяемое чему-либо, что-то значительное, то, что служит на пользу кому-либо, чему-либо⁴. Таким образом, национальный интерес – это предмет особого внимания всей нации, то, что в конечном итоге может принести выгоду каждому и нации в целом. Интернациональный интерес – предмет особого внимания народов.

В юридической литературе «национальный интерес», как правило, определяется учеными как общий интерес людей, составляющих нацию. Национальный интерес есть продукт процесса согласования интересов лиц, живущих по законам конкретного государства и равных перед этим законом. Национальные интересы каждого государства различаются по видам в зависимости от той сферы международной жизни, к которой они относятся. Например, национальный интерес России в экономической сфере состоит в формировании единого, жизнеспособного и эффективного национального хозяйственного комплекса, от результатов деятельности которого зависит благосостояние всего населения⁵.

Если национальный или национально-государственный интерес – это приоритеты всей нации, то интернациональный интерес объединяет общие интересы государств, интересы мирового сообщества в целом.

Действительно, растущая в настоящее время интеграция государств создает ситуацию, в которой крах интересов одного государства в

международных отношениях вызывает поражение интересов другого. Поэтому национальные и интернациональные интересы тесно переплетаются, но между ними продолжает сохраняться некоторая грань. Национальные интересы могут совпадать в определенной мере (и даже в довольно значительной) с интересами мирового сообщества (интернациональными интересами), но при этом первые продолжают сохранять свою национальную принадлежность. Национальные интересы отражают приоритеты конкретного государства и обладают индивидуальными особенностями. Полное слияние национальных и интернациональных интересов равносильно отказу государства от его суверенитета. Содержание национальных интересов государства меняется в зависимости от внутренних и внешних условий. Однако они всегда определяются внутренними потребностями страны⁶.

Взаимосвязь национальных и интернациональных интересов государства и его внешней политики и дипломатии очевидна. Внешняя политика отражает эти интересы, и ее эффективность зависит от решения вопроса о соотношении таких двух категорий, как национальные и интернациональные интересы. Дипломатия же, в свою очередь, является средством достижения этих интересов. Следует отметить, что интересы государства взаимосвязаны не только с внешней политикой, но и с политикой вообще. Функция политики состоит в координации интересов различных субъектов международного права. «Чем более развита социально-политическая система, тем выше роль и шире возможности политики в координации интересов», – отмечает И.И. Лукашук⁷.

Наличие общих интересов в политике различных государств – это главная предпосылка возможности согласования их политики.

Интересы государства способны влиять не только на политику, но и на право. Проблема соотношения интересов и права имеет существенное практическое значение. Особой сложностью она отличается в международно-правовой сфере. В этом соотношении первичны интересы государства и вторично право. Последнее призвано защищать первые.

Интересы государства отражаются на формировании норм международного права. Безусловно, такое влияние будут оказывать только те интересы, которые не противоречат основным установлениям этого права.

На наш взгляд, объективной возможностью повлиять на становление норм международного права обладают в большей степени интересы интернациональные, чем национальные, хотя, как указывалось выше, национальные интересы тесно переплетаются с интернациональными.

Интернациональные интересы объединяют национальные интересы различных государств и, влияя на содержание той или иной нормы,

способствуют установлению правовой защиты общих для всех государств интересов.

Безусловно, каждое государство обладает законными интересами, которые следует уважать, но общие интересы, отражающие необходимость решения глобальных проблем, угрожающих существованию человечества, стали неотъемлемой частью национальных интересов государств.

Международное сообщество представляет собой особое социально-политическое образование, обладающее своими интересами, однако этот факт не отрицает существования у каждого из его членов определенных индивидуальных интересов, которые необходимо привести в гармоничное соотношение с интересами иных членов сообщества и сообщества в целом.

Международно-правовая жизнь Российской Федерации – это часть международно-правовой жизни. В ней сочетаются два элемента. Во-первых, она отражает внутреннюю правовую жизнь российского государства и показывает менталитет российского народа. Во-вторых, она существует на международном уровне и поэтому должна учитывать и отражать интернациональные интересы. Так как она является частью, то должна как можно гармоничнее сочетаться с целым. Таким образом, международно-правовая жизнь России характеризуется следующими признаками:

- 1) является частью международно-правовой жизни и разновидностью общественной жизни;
- 2) связана как с внутригосударственными, так и с международными юридическими предписаниями;
- 3) отчасти выражает внутреннюю правовую жизнь российского государства и показывает менталитет российского народа, а отчасти отражает интернациональные интересы;
- 4) тесно взаимосвязана с социально-экономической и политической жизнью не только России, но и международного сообщества;
- 5) отражает уровень юридической действительности не только в России, но и на международной арене;
- 6) отражает отношение к праву (прежде всего такого субъекта, как государство), причем как к национальному, так и к международному;
- 7) обладает позитивными и негативными составляющими, как и внутригосударственная правовая жизнь;
- 8) связана с его внутренней и внешней политикой.

Тот факт, что международно-правовая жизнь России связана как с внутригосударственными, так и с международными юридическими предписаниями, означает, что она должна соответствовать и тем и другим. Такие предписания содержатся в Конституции РФ, концепции внешней политики РФ, некоторых других внутригосударственных нормативно-правовых актах, а также в основных принципах международного права и в требовани-

ях международно-правовых документов. Россия сама участвует в создании таких нормативно-правовых актов, при этом необходимо, чтобы в них отражались как национальные, так и интернациональные интересы. Не последнюю роль здесь играют дипломатические представительства.

В настоящее время в этой сфере существует ряд проблем. Так, на встрече Президента РФ и российских дипломатов 12 июля 2002 г. указывалось, что дипломатические представительства мало внимания уделяют защите российского бизнеса за рубежом, предоставлению качественной информации посольствами Президенту РФ, в то время как ему нужны профессиональный анализ и компетентный прогноз. Только на основе надежной информации можно прогнозировать дальнейшее развитие ситуации в мире, выработать адекватную внешнеполитическую стратегию Российской Федерации⁸. Указанные недостатки сказываются на международно-правовой жизни современной России. Во-первых, отказ от активной защиты российского бизнеса за рубежом влечет за собой и отказ от создания норм международного права, которые могли бы служить защите таких интересов. Во-вторых, отсутствие у Президента РФ качественной информации о деятельности российских дипломатических представительств может привести к неэффективности устанавливаемого внешнеполитического курса и всей внешнеполитической деятельности российского государства.

Международно-правовая жизнь России отличается от международно-правовой жизни СССР, и прежде всего это связано с различиями в социально-экономической, политической жизни, что сказывается на авторитете государства в международных отношениях.

Россия в своих политических акциях не может с полной уверенностью опереться на поддержку других государств и на ту экономическую базу, которая была у Советского Союза. Однако СССР часто решал свои внешнеполитические проблемы за счет внутренних.

Само отношение России к международному праву несколько отличается от отношения Советского Союза. Советский Союз, придерживаясь принципа добросовестного соблюдения международных обязательств, рассматривал международное право в большей степени как инструмент оказания влияния на международные отношения. При этом по возможности ограничивалось влияние международного права на национальное. Исключалась вероятность прямого применения норм международного права на территории СССР (т.е. применение без издания специального внутригосударственного нормативно-правового акта, делающего применение норм международного договора правомерным). Считая нормы своего права наиболее демократичными и прогрессивными, Советское государство, естественно, старалось внедрить

их в международное право. Отказавшись от разжигания мирового пожара революции, СССР стал разрабатывать идею о направлении других государств на путь развития коммунизма мирными средствами. О прогрессивности норм «буржуазного» права и их демократичности, как правило, умалчивалось. В реализации прав человека за рубежом, к примеру, усматривались только недостатки. При подобном отношении к праву других народов и презумпции большого влияния этих норм на современное международное право нельзя было ожидать, что советское государство максимально откроет свое право для влияния международного. Отсюда ясно, почему советское право оказывало определенное влияние на международное право и при этом само было не очень восприимчиво к влиянию последнего.

Российская Федерация делает свою правовую систему более открытой для влияния международного права. Международное право не рассматривается исключительно как инструмент оказания влияния на международные отношения, а добросовестное соблюдение международного права выступает и как одно из необходимых правил для полноправного участия государства в международно-правовой жизни.

Конституция Российской Федерации 1993 г. стала первой конституцией нашего государства, в которой появились конкретные нормы, затрагивающие соотношение российского и международного права. Ст. 15 гласит: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Важно подчеркнуть, что эта норма закреплена не как «рядовая» конституционная норма, а как норма высшего порядка – общеправовой принцип (для права России) и одна из основ конституционного строя РФ. Кроме того, в Конституции РФ есть и другие нормы, указывающие на характер соотношения российского права с международным (например, п. «г» ст. 106, п. «в» ст. 125).

Тот факт, что Конституция Российской Федерации определяет место норм международных договоров в правовой системе РФ, указывает на большую предрасположенность российского права к восприятию международного права по сравнению с советским. И тем не менее существующее соотношение российского и международного права нельзя охарактеризовать как приоритет последнего перед внутригосударственным, поскольку в Конституции установлены механизмы, препятствующие проникновению в российскую правовую систему норм, противоречащих ее устоям.

Позитивными составляющими международно-правовой жизни Российской Федерации можно назвать те же факторы, что и для правовой жизни в целом: право, (как национальное, так и международное); национальную и между-

народную правовую систему, нормативно-правовые акты и т.д.⁹ Однако следует учитывать, что, когда мы говорим о международном праве, понятия «правовая система» и «система права» совпадают.

Негативными составляющими международно-правовой жизни Российской Федерации можно назвать те же факторы, что и для правовой жизни в целом (преступления и правонарушения, правовой нигилизм и т. д.)¹⁰. В отношении международно-правовой жизни следует выделить еще и такие факторы, как двойные стандарты по отношению к различным субъектам международного права, неоправданное вмешательство во внутренние дела других государств и т. д.

Нельзя забывать о политике двойных стандартов, которая существует в современных международных отношениях. После распада так называемого «соцлагеря» в мире остался только один «полюс» – сильное с политической и экономической точки зрения государство США. В связи с этим деятельность ООН, которая была направлена на уравнивание таких двух «полюсов», как СССР и США, становится все менее и менее эффективной. Гуманитарная интервенция США представляет опасность для современных международных отношений. Ее сущность сводится к присвоению права применять вооруженную силу против государств, которые, по мнению Соединенных Штатов, нарушают права человека или осуществляют недемократический режим. Подобная политика, безусловно, противоречит принципам Устава ООН. Противостоять этой политике может сильное единое международное сообщество, а не сообщество государств, разделяемых противоречиями. В противном случае мы можем в будущем прийти к ситуации, когда международное сообщество будет руководствоваться не нормами, выработанными сообща всеми его членами, а предписаниями США и даже национальным правом этого государства. К сожалению, в мировом сообществе нет единства, необходимого для противостояния гуманитарной интервенции и политике двойных стандартов.

Отметим тенденции, способствующие активному участию России в международно-правовой жизни:

1) российское право становится более восприимчивым к предписаниям международного права. В то же время пока не наблюдается тенденции к деградации механизма, предохраняющего национальное право России от нежелательного влияния международного права. Это указывает на сохранение в ближайшем будущем дуализма в соотношении национального права России и международного права, а значит, и на продолжение их взаимодействия;

2) развивается и организационно-правовой механизм взаимодействия на внутригосударственном уровне, за счет того, что все большее число

государственных органов Российской Федерации включается в процесс применения международного права на территории России;

3) усиливается на международном уровне влияние российского права и внешней политики на развитие определенных институтов и норм международного права (однако, к сожалению, эту тенденцию нельзя назвать достаточно устойчивой).

Международно-правовая жизнь должна осуществляться на принципах, общих для международного права. Это, в первую очередь, добросовестное соблюдение международных обязательств, суверенного равенства государств, всеобъемлющего уважения прав человека, неприменения силы и угрозы силой, территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ и т.д.

Примечания

¹ См.: Малько А.В. Современная правовая политика и

правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь.

² Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 1.

³ См.: Павлова Л. Международное право в правовой системе государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 3. С. 57.

⁴ См.: Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1. С. 672; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 252.

⁵ См.: Соколов В.В. Национальные экономические интересы: выработка консенсуса // Внешняя политика и безопасность современной России: Хрестоматия: В 2 т. М., 1999. Т. 1, кн. 2. С. 262–285.

⁶ См.: Лукашук И.И. Глобализация... С. 78–95.

⁷ Там же. С. 90.

⁸ Российская газ. 2002. 13 июля.

⁹ См.: Малько А. В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999.

¹⁰ Там же.

УДК [34:61](470)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

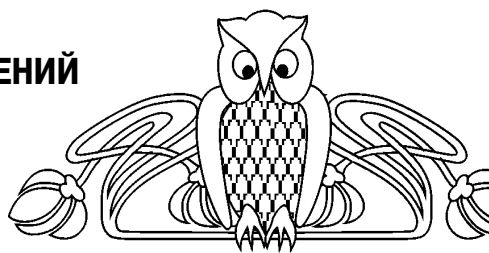
Н.В. Косолапова

Саратовский государственный университет,
кафедра публичного права
E-mail: knv18@yandex.ru

Из функционирующих в системе государственного здравоохранения, наряду с федеральными, муниципальными и ведомственными учреждениями, негосударственных коммерческих и некоммерческих медицинских организаций наиболее привлекательны автономная некоммерческая медицинская организация (АНМО) и автономное некоммерческое учреждение (АНУ).

Основным источником доходов АНМО и АНУ являются предоставляемые ими услуги, которые должны подразделяться на две основные категории: базовые и дополнительные. Базовыми считаются услуги, входящие в Программу государственных гарантий по предоставлению гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи. Дополнительные услуги, предоставляемые АНМО и АНУ, относятся к платным услугам, не входящим в Программу государственных гарантий.

На наш взгляд, введение новой формы государственной (муниципальной) организации позволит обеспечить эффективное функционирование основной части государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Однако для введения новой формы некоммерческой организации – государственной некоммерческой организации – необходимы разработка и принятие специальных федеральных законов.

Organizational and Legal Forms of Modern Medical Institutions in the Russian Federation

N.V. Kosolapova

At present, within the system of state public health service beside federal, municipal and departmental medical institutions, there are non-governmental commercial and non-profit medical organizations. The most attractive legal forms among non-profit medical organizations are autonomous non-profit medical organization (ANMO) and autonomous non-profit institution (ANI).

Main source of income of ANMO and ANI is the service they provide. The services specified in ANMO and ANI agreements are subdivided into two main categories: basic services and extra services. Services are considered basic if they are included into the Programme of State Guarantees of Free Medical Assistance to the Citizens of the Russian Federation. Extra services provided by ANMO and ANI are paid services that are not included into the Programme of State Guarantees.

In our opinion, introduction of a new form of state (municipal) organization will ensure efficient work of the most part of state and municipal health care institutions. However, to introduce a new form of non-profit organization – state non-profit organization – it is necessary to develop and adopt special federal laws.

Современные медицинские учреждения характеризуются многообразием и спецификой административно-правового статуса.

В системе Министерства здравоохранения и социального развития РФ находится 18 тыс. лечебно-профилактических учреждений ЛПУ на 1,6 млн коек, в том числе 8862 больницы, 1532 специализированных диспансера, 6306 самостоятельных поликлиник. В отрасли функционирует 210 самостоятельных станций переливания крови, 3172 станции скорой медицинской помощи, 43362 фельдшерско-акушерских пункта, 54 специализированных яслей-сада на 3720 мест и 254 дома ребенка на 22030 мест. В учреждениях Министерства здравоохранения и социального развития России работают более 3 млн человек, в том числе 2 млн врачей, медицинских сестер и фармацевтов. Обеспеченность населения койками круглосуточного пребывания составляет 108,7 на 10 тыс. человек и продолжает оставаться избыточной¹.

Однако существующая система управления здравоохранением в целом сложна и громоздка². Она страдает всеми присущими отечественной управленческой культуре организационными патологиями, и прежде всего господством структуры над функцией³. Долгие годы у руководителей отрасли действовал стереотип: возникла проблема – надо создать новую структуру для ее решения. В результате согласно последнему варианту номенклатуры учреждений здравоохранения, утвержденному в октябре 2005 г., в стране насчитывается 142 типа учреждений здравоохранения, в том числе 32 больничных, 10 амбулаторно-поликлинических, 26 типов специализированных больничных центров, 9 санаторно-курортных учреждений. Многие из них дублируют друг друга в своих функциях, кроме того, для каждого требуются ведомственные инструкции и специальные документы, особые формы отчетности и учета и т.п.

В зависимости от формы собственности современные медицинские учреждения подразделяются на государственные, муниципальные и частные. В свою очередь государственные учреждения могут быть федеральными или находиться в ведомстве субъектов Федерации.

Государственные учреждения здравоохранения подведомственны федеральным (Министерству здравоохранения и социального развития РФ) и территориальным органам управления здравоохранением.

Самостоятельную группу образуют ведомственные государственные учреждения здравоохранения, которые находятся в ведении государственных органов, не являющихся органами управления здравоохранением общей компетенции (например, Министерство обороны Российской Федерации, Министерство внутренних дел РФ, Министерство железнодорожного

транспорта РФ и др.); либо созданы государственными организациями самостоятельно – помимо каких-либо государственных ведомств, которые и осуществляют управление своими учреждениями здравоохранения.

В настоящее время многие из государственных предприятий, для охраны здоровья работников которых были созданы государственные ведомственные учреждения здравоохранения, изменили свою форму собственности – стали частными, а соответствующие ведомственные учреждения здравоохранения остались государственными. Это обстоятельство явилось причиной возникновения следующего вопроса: во всех ли случаях должно предусматриваться существование и финансирование за счет государственных средств (либо продолжение существования и продолжение государственного финансирования) специальных государственных медицинских учреждений, оказывающих медицинскую помощь работникам этих частных организаций, предприятий?

Ответ на этот вопрос лежит, скорее, в сфере государственной политики, нежели в сфере права и организации здравоохранения. Если будет принято решение о том, чтобы сохранить ведомственное здравоохранение, то необходимо осуществить ряд организационных мер.

Первая заключается в том, чтобы сформировать ведомственное здравоохранение как совокупность независимых подсистем – ведомственной подсистемы государственной системы здравоохранения, ведомственной подсистемы частной системы здравоохранения (если какие-то ведомственные организации имеют «свои», частные учреждения здравоохранения) и, если это необходимо, ведомственной подсистемы муниципальной системы здравоохранения.

При этом ведомственная подсистема государственной системы здравоохранения будет состоять из организаций здравоохранения, находящихся в государственной собственности. В состав этой подсистемы необходимо также включить те органы управления государственно-властных ведомств, которые дают обязательные для «своих» ведомственных учреждений здравоохранения указания. Согласованные управленческие решения в данной подсистеме могут формироваться координационными комиссиями, составленными из представителей (руководителей) таких органов управления ведомств.

Другой путь более соответствует цели ведомственного здравоохранения – максимально полнее учесть особенность охраны здоровья в конкретной сфере деятельности. В соответствии с этой целью можно сформировать единую для определенной сферы деятельности (например, для деятельности на железнодорожном транспорте) систему здравоохранения конкретного ведомства, включающую в себя как государственные, частные, так и (если таковые есть) муниципальные ор-

ганизации здравоохранения. Органом управления (активным элементом) подобной системой может быть Координационная комиссия, формируемая из представителей органов, дающих обязательные указания для входящих в систему организаций здравоохранения.

Медицинские учреждения являются юридическими лицами. Коммерческие учреждения здравоохранения могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Некоммерческие учреждения здравоохранения могут создаваться в формах, финансируемых

собственником учреждений, а также в других формах, предусмотренных законом.

Прошедшее десятилетие, с точки зрения функционирования системы здравоохранения, характеризовалось многочисленными попытками построения новой модели здравоохранения, способной к выживанию и развитию в условиях недофинансирования и серьезных структурных диспропорций, еще более усугубляющих финансовый кризис в отрасли. Существенные изменения произошли и в организационно-правовом, имущественном, функциональном статусе современных лечебных учреждений (таблица).

Организационно-правовой анализ системы здравоохранения и лечебно-профилактических учреждений

Оценочные критерии	1990	2005
Система здравоохранения	Государственная, административная централизованная система	Децентрализованная система. Медицинские учреждения: государственные – федеральные и уровня субъектов Федерации – и муниципальные. Развитие частного сектора
Ресурсы здравоохранения	Контролируются и распределяются государством	Ресурсы для деятельности медицинских учреждений приобретаются на рынке товаров и услуг, за исключением врачебного и сестринского персонала, при этом рынок труда не сформирован, а распределительная система не функционирует
Имущественное право	Принадлежит государству	Собственность государственная – федеральная и субъектов Федерации, муниципальная. Комитеты по управлению имуществом передают на правах оперативного управления имущественный комплекс для эффективного управления администрации медицинских учреждений
Финансирование	Государственное бюджетное финансирование. Удельный вес платных услуг для населения незначителен	Бюджетное финансирование – государственное для лечебно-профилактических, санаторно-курортных учреждений федерального уровня. Субъект Федерации – государственное финансирование лечебно-профилактических и иных учреждений здравоохранения. Муниципалитет – из бюджета муниципального образования Федеральные и территориальные фонды обязательного медицинского страхования (ОМС) – в объеме базовой программы ОМС Добровольное медицинское страхование и предпринимательская деятельность (развивается преимущественно в крупных городах), иные источники. Сформулировано понятие «консолидированный бюджет лечебного учреждения»

Продолжение таблицы

Оценочные критерии	1990	2005
Рынок медицинских услуг	«Медицинская услуга» как терминологическое определение рыночных отношений не используется. Применяется терминология «медицинская помощь»	В теоретическом, практическом определении и экономической сущности рынок медицинских услуг не сформирован. Стоимость медицинской услуги как товара в государственных и муниципальных учреждениях формируется произвольно, регулируется органами исполнительной власти и не соответствует рыночной ее составляющей
Государственная программа по обеспечению населения РФ бесплатной медицинской помощью	Программы нет. Планирующие показатели – сеть, мощность коечного фонда, врачебного и сестринского персонала, число посетителей в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Финансовые показатели – стоимость койко-дня и стоимость одного посещения по профилям	Государственная программа по обеспечению населения бесплатной медицинской помощью утверждается Правительством РФ по объемам и видам медицинской помощи, рассчитывается в финансовых ресурсах – бюджет консолидированный федеральный и федерального фонда ОМС. Субъект Федерации – государственная программа не подлежит корректировке в сторону уменьшения, при наличии экономических ресурсов субъект вправе увеличивать объем и виды медицинской помощи. Бюджет консолидированный – утверждается администрацией, законодательным собранием и является обязательным для выполнения на территории субъекта. Расчет объемов видов медицинской помощи, финансовых ресурсов производится для государственных медицинских учреждений и по муниципальным образованиям. Муниципальные образования – программа государственных гарантий по обеспечению населения бесплатной медицинской помощью в объеме и видах не меньше программы, утвержденной на уровне субъекта Федерации. Бюджет консолидированный муниципалитета и территориального фонда ОМС
Нормативно-правовые основы деятельности медицинских учреждений	Отраслевые нормативно-правовые акты – приказы Минздрава СССР и РСФСР об утверждении Положений по номенклатуре медицинских учреждений	Устав медицинских учреждений разрабатывается администрацией, согласовывается с органом управления здравоохранения и утверждается органом исполнительной власти. На основании регистрационного удостоверения производится регистрация в государственных и муниципальных структурах
Лицензирование, аттестация, аккредитация	Отсутствует	Лицензионные комиссии федерального, окружного уровня и уровня субъекта Федерации. Деятельность медицинского учреждения вне зависимости от форм собственности подлежит лицензированию
Сертификация управленческих кадров здравоохранения	Отсутствует	Управленцы, имеющие высшее медицинское образование, подлежат сертификации
Система управления лечебно-профилактическими учреждениями (ЛПУ)	Административная, командная	Сохраняет в полном объеме признаки административно-командной системы

Окончание таблицы

Оценочные критерии	1990	2005
Организационная структура управления ЛПУ	Регламентируются отраслевыми нормативно-правовые акты – приказами Минздравов СССР и РСФСР	Сохраняет организационную структуру в параметрах 60–70-х гг. XX в.
Качество оказания медицинской помощи	Отсутствуют параметры оценки качества, экспертиза носит только отраслевой характер	Создание уровневой системы экспертизы качества оказания медицинской помощи в ЛПУ. Созданы независимые структуры по экспертизе качества – страховые медицинские организации, общества потребителей
Технология, стандартизация	В теоретическом и практическом приложении не используется	Разрабатываются теоретические и практические основы технологических процессов и стандартизации в здравоохранении

Изменения в медицинских учреждениях произошли под влиянием принятой в 1993 г. Конституции РФ, законодательных актов, макроэкономических изменений и, в незначительной степени, отраслевых нормативно-правовых актов. Децентрализация системы и изменение имущественного положения, при котором комитеты по управлению имуществом органов исполнительной власти различных уровней передают имущественный комплекс администрации медицинских учреждений на правах оперативного управления, очевидно, должны были повлиять на эффективность использования мощностей, финансовых и материально-технических ресурсов. Однако из-за низких объемов финансирования отрасли поставленные цели не были достигнуты. Поэтому в здравоохранении назрела необходимость проведения организационно-правовой реформы.

Интересно то, что в настоящий момент ни один законодательный акт не содержит определения понятия «учреждение здравоохранения» (ЛПУ, медицинское учреждение). Более того, медицинские учреждения квазигосударственной системы здравоохранения представлены на сегодняшний день в качестве самостоятельных и потому не выделяемых категорий. В единой системе здравоохранения они рассматриваются как база мощностей и ресурсов здравоохранения. Данная ситуация привела к тому, что внутри самой системы здравоохранения значимо медико-организационное положение медицинских учреждений, в то время как за пределами системы определяющим является их организационно-правовой статус. Пренебрегая организационно-правовой самостоятельностью медицинских учреждений, система здравоохранения считает их объектами, через которые проходит вектор управления, берущий свое начало от органа управления здравоохранением. Данное положение опирается на ведомственное установление номенклатуры должностей, поскольку должности руководителей учреждений здравоохранения отнесены к

номенклатуре вышестоящего органа управления здравоохранением.

Как в системе здравоохранения бывшего СССР, так и в системе здравоохранения современной России медицинские учреждения не рассматривались в самостоятельном значении, в отрыве от системы здравоохранения, объектом которой они являются. Формирование активов медицинских учреждений осуществляется в расчете на медико-организационные показатели (число коек, число посещений и т.д.). На практике показатели мощностей медицинских учреждений сравниваются с расчетными нормативами, что позволяет рассматривать эти учреждения в качестве места реализации нормативов. В силу постоянного влияния социально-экономических факторов в условиях рынка подобные нормативы (как правило, затратные) не соблюдаются. Это приводит к необходимости реструктурирования медицинской помощи, в первую очередь в рамках утвержденной Правительством РФ Программы государственных гарантий обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной медицинской помощью⁴. На этом фоне начинает формироваться избыток мощностей, использование которых в рамках действующего законодательства не оправдывает освоения средств бюджетно-страхового портфеля отрасли. Если добавить к этому, что в самом бюджетно-страховом портфеле финансирования медицинских учреждений средства обязательного медицинского страхования (ОМС) превратились из дополнительных в основные, то вести речь о стабильном и эквивалентном финансовом обеспечении медицинских учреждений не приходится.

Все это позволяет констатировать состояние асимметрии правового положения медицинских учреждений в условиях монопольного права публичных институтов управления лечебно-профилактической сетью в отрасли. К таким публичным институтам относятся органы управления здравоохранением, которые на правах юридического лица, но не являющиеся им по

сути (ст. 53 ГК РФ), начинают активно применять менеджмент в отношении медицинских учреждений федеральной и муниципальной систем здравоохранения. Это ведет к тому, что учреждения здравоохранения в лице своих руководителей включаются в систему управления здравоохранением, не имея публичных правомочий по закону. Как следствие этого имущественные интересы медицинских учреждений начинают противоречить целям публичных учреждений – органов управления здравоохранением – на протяжении всей вертикали администрирования. Таким образом, медицинские учреждения федеральной и муниципальной систем здравоохранения выступают в условиях рыночных отношений не как субъекты права – юридические лица, а исключительно как объекты публичного управления.

Несмотря на то что в отношении правового статуса медицинских учреждений применимы нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 53 ГК РФ), регламентирующие статус юридического лица, фактически они являются обезличенными объектами затратно-распределительного размещения материальных ресурсов на цели, связанные с организацией охраны здоровья, при которой их профильная деятельность не имеет ни имущественного содержания, ни правовой формы.

В системе государственного здравоохранения наряду с федеральными, муниципальными и ведомственными медицинскими учреждениями функционируют негосударственные коммерческие медицинские центры в форме ЗАО, ООО и т.д. и негосударственные некоммерческие медицинские организации, к основным формам которых относятся ассоциации – объединения юридических лиц по профессионально-ведомственному признаку, некоммерческие партнерства (НП), автономные некоммерческие организации (АНО) и т.д.

В отношении негосударственных коммерческих медицинских центров, функционирующих как ЗАО, ООО и т.д., нужно отметить, что они в полной мере обладают правами юридического лица, но на рынке медицинских услуг главной целью их деятельности является максимизация прибыли, так как именно за счет прибыли эти структуры могут развиваться в конкурентной среде. А это значит, что в основе их деятельности лежит коммерческий, а не социальный маркетинг. Медицинские учреждения, функционирующие в условиях рыночной экономики, стремятся к увеличению текущей прибыли. Они производят оценку спроса и затрат применительно к разным уровням цен. Выбор приходится на такие цены, которые обеспечивают максимальное возмещение затрат. Текущие финансовые показатели для учреждения важнее долговременных. Подобный подход ограничивает их использование в реализации социально значимых программ.

Учитывая особенности правового статуса

федеральных, муниципальных и ряда ведомственных учреждений здравоохранения (не успевших изменить правовой статус), а также специфику экономической деятельности негосударственных коммерческих организаций, хотелось бы остановиться на такой перспективной форме юридических лиц, как некоммерческие организации.

Некоммерческие организации в полной мере обладают всеми качествами юридического лица. В свое время субъекты санаторно-курортной сферы России создавали СКО – санаторно-курортные объединения (ассоциации), т.е. некоммерческие организации, взаимодействующие на договорной основе с исполнительными органами Фонда социального страхования Российской Федерации и страхователями (предприятиями, организациями и т.д.), на предмет обеспечения работающих граждан и членов их семей санаторно-курортными путевками за счет средств государственного социального страхования. Подобный подход позволил, с одной стороны, поднять планку доступности санаторно-курортного лечения для большинства граждан страны, а с другой – упорядочить численность самих субъектов санаторно-курортной сферы. Данный опыт может быть востребован и при решении вопросов, связанных с правовыми и организационными преобразованиями субъектов лечебно-профилактической сети здравоохранения.

Предоставление государственным и муниципальным медицинским учреждениям статуса юридического лица необходимо по следующим причинам:

- создаются условия для преодоления иждивенческих мотивов в деятельности администрации и трудовых коллективов медицинских учреждений;
- расширяются возможности привлечения дополнительных средств помимо финансирования из бюджета и системы ОМС;
- активизируется деятельность по заработыванию средств, развитию платных услуг, эффективному использованию ресурсов, экономии и снижению неоправданных потерь на коммунальные и хозяйственные расходы;
- открываются возможности развития конкуренции между медицинскими учреждениями, стимулирующей их к увеличению количества предоставляемых услуг, сохранению и улучшению их качества, к более рациональному использованию имеющихся ресурсов;
- достигается организационно-правовое разграничение функции финансирования медицинской помощи населению и функции предоставления такой помощи, т.е. обеспечивается разделение покупателей и производителей медицинских услуг;
- складываются благоприятные институциональные условия для структурных преобразований в системе медицинского обслуживания населения, а именно для перемещения части

стационарной помощи в амбулаторно-поликлинический сектор.

Для того чтобы добиться предоставления государственным и муниципальным лечебно-профилактическим учреждениям прав юридического лица их собственниками (региональными и муниципальными органами власти), необходимо, на наш взгляд, применить следующий организационно-правовой механизм: принять правительственное постановление о государственной регистрации учредительных документов государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждений, которое установит обязательную перерегистрацию учредительных документов указанных учреждений. В качестве необходимого условия для перерегистрации следует сформулировать требование предоставления прав юридического лица всем территориально и структурно обособленным ЛПУ. Чтобы избежать поспешности и негативных последствий, на осуществление перерегистрации целесообразно отвести два–три года.

В связи с этим необходимо широкое организационно-правовое и методическое обеспечение намечаемых преобразований, включающее прежде всего реализацию программ переподготовки и повышения квалификации, в том числе и переподготовки руководителей ЛПУ по специальности «менеджер здравоохранения». Получив статус юридического лица, ЛПУ будут осуществлять бухгалтерский учет самостоятельно или путем заключения договоров на бухгалтерское обслуживание (например, с централизованными бухгалтериями органов управления здравоохранением, центральными районными больницами и т.п.).

Элементы функциональной модели государственной (муниципальной) некоммерческой организации имеют прецедент и в сфере образования. Федеральные законы «Об образовании»⁵ и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»⁶ закрепили за образовательными учреждениями статус, по сути, особой формы некоммерческой организации. Это стало возможным, поскольку перечень форм некоммерческих организаций, содержащийся в ГК РФ, не является замкнутым, и допускается введение новых форм федеральными законами без внесения поправок в ГК РФ. Нормы, относящиеся к образовательному учреждению, недвусмысленно ориентированы не на «выполнение заданий» учредителя, а на автономную реализацию образовательных функций. Так, выборность руководителей вузов представителями их коллективов не соответствует инструментальной модели учреждения, несовместима с жесткой административной иерархией и была бы немыслима применительно к управленческим структурам, правоохранным органам и т.п.

Одна из наиболее привлекательных юридических форм некоммерческой медицинской

организации – автономная некоммерческая медицинская организация (АНО).

Создание и организация деятельности всех некоммерческих организаций, в том числе АНО, регламентировано Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁷.

В соответствии с названным законом некоммерческой организацией является «...организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками (учредителями)». Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав (право на охрану здоровья), а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Автономной некоммерческой организацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная физическими и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов в целях предоставления услуг в области культуры, образования, здравоохранения, физической культуры, спорта и иных услуг. Имущество, переданное АНО её учредителями (учредителем), является собственностью АНО. Учредители АНО не сохраняют прав на имущество, переданное ими в собственность этой организации. АНО вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям, для достижения которых создана указанная организация. Такой деятельностью признается приносящее доход (прибыль) производство товаров и услуг, отвечающих целям создания АНО.

Высший орган управления АНО в соответствии с учредительными документами – коллегиальный высший орган управления АНО. Основная функция высшего органа управления АНО – обеспечение соблюдения некоммерческой организацией целей, в интересах которых она была создана. Для АНО лица, работающие в этой организации, не могут составлять более чем одну треть общего числа членов коллегиального высшего органа управления некоммерческой медицинской организацией.

Исполнительный орган некоммерческой медицинской организации может быть коллегиальным и (или) единоличным. Он осуществляет текущее руководство деятельностью некоммерческой организации и подотчетен высшему органу управления АНО. К компетенции исполнительного органа АНО относится решение всех вопросов, которые не составляют исключительную компетенцию высшего коллегиального органа управления АНО, определенную федеральным законодательством и учредительными документами АНО. Немаловажно то, что АНО может выполнять свои обязательства по медицинскому обслуживанию не

только по традиционным договорам возмездных услуг, но и по договорам целевых взносов.

Некоммерческая медицинская организация в форме АНО имеет в собственности обособленное имущество, отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (в отличие от существующих учреждений здравоохранения).

На наш взгляд, некоммерческие медицинские организации, созданные в форме АНО или какой либо иной форме, должны иметь право:

- предоставлять медицинские услуги либо в пределах местных бюджетов и средств ОМС или обязательного социального страхования, либо согласно договорам с иными субъектами рынка или другими территориями;
- оговаривать цены на медицинские и сервисные услуги, устанавливая таким образом прямую зависимость между предоставляемыми услугами и доходами;
- формировать и извлекать доходы в соответствии с действующим законодательством;
- приобретать имущество, владеть и распоряжаться им с целью наиболее эффективного его использования;
- брать денежные средства займы у коммерческих и некоммерческих кредитно-финансовых учреждений в рамках годовых лимитов;
- оставлять у себя остатки (излишки) денежных средств, образовывать резервы и инвестировать их в финансово-кредитные операции, незапрещенные действующим законодательством;
- организовывать собственные управленческие структуры (например, общественные комитеты здравоохранения (ОКЗ)) вне контроля со стороны органов управления здравоохранением исполнительной власти территорий;
- принимать на работу любых работников и в любом количестве по своему усмотрению;
- определять оплату и условия труда, а также управлять своими собственными внутривидовыми производственными отношениями;
- принимать на работу медицинский персонал (врачей и медсестер) и направлять его деятельность.

Главным источником доходов некоммерческих медицинских организаций являются предоставляемые ими услуги. Юридическую базу материального благосостояния некоммерческих медицинских учреждений составляют договоры, заключаемые с различными покупателями. Это: специалисты первичного звена здравоохранения – врачи общей практики и семейные врачи, страховые компании и общества взаимного страхования, фонды ОМС и региональные отделения Фонда социального страхования РФ (в случае если они будут обладать всеми качествами юридического

лица), предприятия (организации), частные лица, желающие на добровольной основе получать платную медицинскую помощь.

Представляется, что услуги, предусмотренные в договорах некоммерческих медицинских организаций, должны подразделяться на две основные категории: базовые услуги и дополнительные услуги. Базовыми считаются услуги, входящие в Программу государственных гарантий по предоставлению гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи. Дополнительные услуги, предоставляемые некоммерческими медицинскими учреждениями, относятся к платным услугам, не входящим в Программу государственных гарантий.

В договорах с покупателями, заключаемых некоммерческими медицинскими организациями, созданными в форме АНО, должны быть оговорены виды, уровень и качество предоставляемых услуг, цена, условия наблюдения за деятельностью АНО (информация и доступ к ней), имеющиеся механизмы подстраховки на случай, если организация не справляется со своими договорными обязательствами, механизмы внесения в договор дополнений и изменений. Договоры, заключаемые некоммерческими медицинскими организациями с покупателями, могут быть следующих видов.

1. «Пакетные» договоры – когда покупатель частями выплачивает стационару годовую причитающуюся сумму в обмен на гарантию получения пакета услуг определенного ассортимента и уровня. В подобных договорах должны оговариваться такие показатели, как, например, время ожидания, длительность стационарного пребывания, процент случаев, при которых для оказания помощи пациентам потребуется не более одного дня, и т.д. Срок действия подобных договоров варьирует от года до трех лет.
2. Договоры с оплатой издержек при определенном объеме услуг. При использовании данного вида договоров некоммерческие медицинские организации получают фиксированную плату за базовый объем работ (выраженный в количестве оказанных услуг), имевших место в случаях оказания услуг. Все, что выходит за пределы этого уровня, оплачивается покупателем по стоимости конкретного случая. Подобный принцип позволяет достаточно надежно осуществлять процесс планирования. С точки зрения покупателя такие договоры должны предусматривать максимальный объем случаев или услуг, что помогает эффективно контролировать расходы.
3. Договоры с оплатой по конкретным случаям. Этот вид договоров может использоваться при финансировании дополнительных направлений к узким специалистам, включая те случаи, когда плательщики не вступали в

прямою договоренность с некоммерческими медицинскими организациями.

Некоммерческие медицинские организации обязаны предоставлять определенные виды медицинских услуг, не оговоренные в договорах (например, услуги интенсивной или неотложной терапии, относящиеся к системе жизнеобеспечения). Расходы по таким услугам должны компенсироваться либо самой организацией, либо, если речь идет о срочной госпитализации, покрытие этих расходов берут на себя муниципальные структуры управления здравоохранением.

Формируя сеть некоммерческих медицинских организаций в форме АНО или какой-либо иной форме и организуя её менеджмент, необходимо стремиться к установлению таких тарифов на медицинские услуги, которые были бы не ниже ставок, принятых на федеральном уровне. В этом случае некоммерческие медицинские организации должны будут следить за тем, чтобы их затраты, включая основные и накладные расходы, покрывались за счет полученных по договорам средств, что, в свою очередь, приведет к использованию разумной ценовой политики. Покупатели, вступающие в договорные отношения с некоммерческими медицинскими организациями, будут стремиться приобрести качественные медицинские услуги по разумным (приемлемым) ценам. В итоге это приведет к тому, что формирование цен будет происходить на основе предельной себестоимости с целью наиболее полного использования основных фондов некоммерческой медицинской организации.

Деятельность некоммерческих медицинских организаций должна осуществляться с учетом внутренних потребностей и ориентироваться на соответствие не отраслевым нормам и нормативам, а условиям финансового самообеспечения. В результате этого из лечебно-профилактической сети, основу которой должны составить некоммерческие медицинские организации, постепенно

станут исчезать непроизводительные мощности, что позволит системе здравоохранения отказаться от идеологии имущественного иждивенчества.

Таким образом, введение новой формы государственной (муниципальной) организации позволит обеспечить эффективное функционирование основной части государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Однако для введения новой формы некоммерческой организации – государственной некоммерческой организации – необходима либо разработка и принятие специального федерального закона о государственных и муниципальных некоммерческих организациях, либо определение искомого статуса в рамках проекта федерального закона о медицинских организациях.

Примечания

- 1 *Акопян А.С.* Организационно-правовые формы медицинских организаций и платные медицинские услуги в государственных учреждениях здравоохранения // Экономика здравоохранения. 2004. № 56. С. 10.
- 2 *Комаров Ю.М.* Почему пробуксовывают реформы в здравоохранении // Врачебная газ. 2002. № 4. С. 14.
- 3 *Пригожин А.И.* Организационные управленческие патологии // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 3.
- 4 Постановление Правительства РФ от 26 октября 1999 г. № 1194 «О Программе государственных гарантий обеспечения граждан Российской Федерации бесплатной медицинской помощью» // СЗ РФ. 1999. № 44. Ст. 5322.
- 5 Федеральный закон от 13 января 1996 г. «Об образовании» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1474.
- 6 Федеральный закон от 22 августа 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.
- 7 СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

УДК 343.985.4

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

А.Н. Иванов

Саратовский государственный университет,
кафедра публичного права
E-mail: istfak@info.sgu.ru

В статье на основе анализа представлений ведущих ученых-криминалистов дается авторское суждение о понятии и сущности следственного осмотра, уточняются признаки, объекты и основания классификации данного следственного действия. Предлагается выделение дополнительных объектов (а соответственно и видов) следственного осмотра. Уточняется понятие места происшествия. Особое внимание уделено исследованию теоретических проблем осмотра места происшествия, являющегося основным видом следственного осмотра. Предложения и выводы, сформулированные автором, имеют не только теоретическую, но и практическую значимость.

Improvement of Conceptual Apparatus of Investigatory Inspection

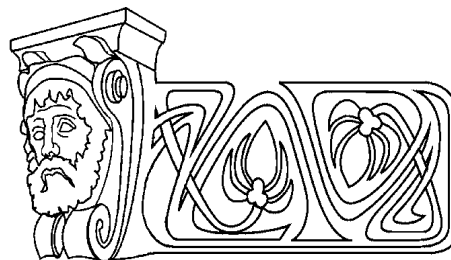
A.N. Ivanov

The author of the article makes his conclusions relating concept and essence of the investigative examination, signs, objects and basis of the investigative activity classification basing them on analysis of the prominent specialists in crime detection arguments.

The author suggests picking out the additional objects of the investigative examination and making more precise the concept of the place of incident. The author pays special attention to studying the theoretical problems of the incident place investigation. The author's conclusions have not only theoretical but practical meaning also.

Изменения, произошедшие изменения в политической и социально-экономической сферах, внесли существенные коррективы в шкалу ценностей информации, используемой в процессе расследования уголовных дел. Если раньше основная роль в процессе доказывания отводилась идеальной информации, то теперь на первое место выходят материальные следы. Рост организованной преступности, снижение уровня правосознания отразились на объективности показаний потерпевших, свидетелей и т.д. Поэтому особую роль в доказывании играют следственные действия, направленные на обнаружение материальной информации. Среди таких следственных действий основное значение, безусловно, имеет следственный осмотр, который направлен на обнаружение, сбор и исследование материальных следов.

Понятие и сущность следственного осмотра были предметом изучения отечественных учёных-криминалистов Р.С. Белкина, И.Е. Быховского, Л.В. Виницкого, В.А. Жбанкова, В.П. Колмакова,

И.Х. Максимова, В.И. Попова, Д.П. Рассейкина, И.В. Терзиева, А.Г. Филиппова, И.Н. Якимова и др. И всё же данная тема не может быть признана исчерпывающе исследованной.

Одно из первых развёрнутых определений осмотра дано в учебнике по криминалистике, опубликованном в 1963 г. А.Н. Васильевым. Согласно данному определению осмотр как следственное действие есть личное восприятие следователем объектов с целью их исследования (изучения) и обнаружения материальных следов преступления¹. Следует заметить, что целями осмотра являются не только «исследование объектов и обнаружение материальных следов преступления», но и их фиксация. Кроме того, обнаруживать, исследовать и фиксировать нужно не только следы преступления, но и следы, указывающие на отсутствие преступного события.

В.П. Колмаков под следственным осмотром понимал процессуальное действие следователя, в котором он с участием указанных в законе лиц обнаруживает, непосредственно воспринимает, исследует, оценивает и фиксирует состояния, свойства и признаки материальных объектов, связанных с расследуемым событием, с целью выявления фактических данных (доказательств) и выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу². По поводу данного определения заметим, что указание на то, что осмотр проводит следователь с участием указанных в законе лиц, излишне. Во-первых, потому, что осмотр также могут проводить прокурор и дознаватель, во-вторых, потому, что упоминание о том, что он осуществляется с участием указанных в законе лиц, равным счётом ничего не добавляет к уточнению сущности данного следственного действия.

М.П. Хилобок следственный осмотр определял как следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии следователем или лицом, производящим дознание, объектов, имеющих значение для раскрытия и расследования уголовного дела, в целях их изучения, обнаружения и исследования признаков, свойств и состояния этих объектов, их взаиморасположения³.

Н.А. Селиванов под следственным осмотром понимает следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии, исследовании,

фиксации соответствующих объектов следователем и изъятии некоторых из них в качестве вещественных доказательств с целью расследования и предупреждения преступлений⁴. На наш взгляд, указание автора на изъятие объектов в качестве вещественных доказательств не совсем корректно. Те или иные предметы (ст. 81 УПК РФ) становятся вещественными доказательствами лишь после их осмотра и вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами и приобщении к уголовному делу (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Кроме того, далеко не все виды следственного осмотра связаны с изъятием каких-либо предметов. Не совсем верно сформулированы и цели осмотра. Расследование и предупреждение преступлений – основная цель уголовного судопроизводства, следственный осмотр преследует более узкие и специфические цели, отличающие его от иных следственных действий.

Р.С.Белкин следственный осмотр определял как следственное действие, проводимое для непосредственного обнаружения и исследования объектов, имеющих значение дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения⁵. Как ни странно, из приведённых выше определений исчез один из важнейших признаков, характеризующих любое следственное действие, – направленность на собирание доказательственной информации. Получается, что объекты изучаются в целях обнаружения и исследования их признаков, свойств и состояний. На самом же деле признаки, свойства, состояние и т.д. объектов исследуются и фиксируются с целью получения фактических данных, имеющих значение для установления истины по делу.

В.А.Образцов и А.А.Топорков считают, что следственный осмотр представляет собой один из процессуальных способов исследования материальных объектов по уголовным делам путём непосредственного восприятия следователем признаков объекта с помощью органов чувств, а также инструментальным и экспериментальным способами⁶. Указанное определение представляется нам наименее удачным из вышеперечисленных, поскольку из него неясно, чем следственный осмотр отличается от иных невербальных следственных действий, например таких, как следственный эксперимент или проверка показаний на месте.

Е.П.Ищенко под следственным осмотром понимает процессуальное действие, производимое в порядке ст. 177 УПК РФ и состоящее в непосредственном осмотре следователем местности, жилища, предметов и документов в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела⁷. Думается, что упоминание статьи 177 УПК РФ в определении излишне. Изменение нумерации статей уголовно-процессуального закона не меняет сущности следственного осмотра. Можно было не перечислять в определении и объекты осмотра, тем более что автор не дал их

исчерпывающего перечня (например, не указаны помещения, не являющиеся жилищем).

Л.А.Иванов считает, что следственный осмотр – это процессуальное действие, проводимое в определённой ситуации в строгом соответствии с законом уполномоченными лицами путём использования научных методов, технических средств и тактических приёмов, разработанных и рекомендованных криминалистикой, с целью обнаружения, исследования, оценки и фиксации свойств и признаков материальных объектов и состояния окружающей среды, связанных с изучаемым событием, и установления фактических данных при расследовании и предупреждении преступлений⁸. На наш взгляд, упоминание о том, что осмотр проводится в строгом соответствии с законом, излишне, равно как и указание об использовании научных методов, технических средств и тактических приёмов, разработанных и рекомендованных криминалистикой. Указанные выше признаки можно отнести к любому следственному действию, они нисколько не способствуют уяснению сущности следственного осмотра.

О.Я.Баев под следственным осмотром понимает следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии и изучении следователем любых объектов в целях исследования обстоятельств деяния, обнаружения, фиксации и изъятия предметов, документов, веществ и следов, которые имеют или могут иметь значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела⁹.

Несмотря на некоторые (в основном редакционные) различия в определениях, практически все авторы указывают на такой специфический признак осмотра, как непосредственность восприятия следователем объектов, имеющих значение дела, их признаков, свойств, состояния и т.д. Несомненно, что участие лица, проводящего осмотр, необходимо на всех его этапах. Вместе с тем наблюдение объектов и процессов в условиях, опасных для жизни, требующих от человека специальной тренировки, в ряде случаев исключает непосредственное присутствие следователя в том или ином месте, среде (преимущественно при осмотре места происшествия). Опосредованное восприятие обуславливается и тем, что не все необходимые в тех или иных случаях органолептические приёмы могут быть использованы в целях познания состояний, свойств и признаков объектов. В этих случаях, как справедливо указывает ряд авторов, необходимо привлекать соответствующих специалистов, увеличивающие возможности человека в познании. Поэтому при определении сущности осмотра указание на непосредственность восприятия является, на наш взгляд, излишним.

С учётом вышеизложенного полагаем, что следственный осмотр – это следственное действие, заключающееся в непосредственном либо

опосредованном восприятии и изучении объектов (материальных носителей информации) с целью обнаружения, исследования, оценки и фиксации их свойств и признаков, связанных с изучаемым событием, и получения фактических данных, имеющих значение для установления истины по уголовному делу.

По вопросу о классификации видов следственного осмотра также отсутствует единое мнение.

Традиционно одним из оснований классификации видов следственного осмотра является объект осмотра. По этому основанию обычно выделяют такие виды осмотра, как осмотр места происшествия; осмотр предметов; осмотр документов; осмотр трупа; осмотр участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия¹⁰. Указанные виды осмотра детально изучены, обстоятельно освещены в криминалистической литературе и не вызывают с нашей стороны каких-либо возражений. Кроме того, среди объектов (а соответственно и видов) осмотра ряд авторов выделяет: осмотр следов¹¹; осмотр животных и их трупов¹²; осмотр транспортных средств¹³; машин и механизмов, водной и воздушной среды, насекомых, растений, предметов ритуальных культов¹⁴; энергетических объектов¹⁵; освидетельствование живых лиц¹⁶. Мы выступаем против чрезмерного дробления объектов материального мира (и соответственно видов осмотра) в криминалистических целях. Осмотр следов (очевидно, в данном случае имелись в виду материально-фиксированные отображения и следы вещества) неотделим от осмотра предметов, документов, участков местности или помещений. Осмотр водной, и тем более, воздушной среды обычно осуществляется в рамках осмотра места происшествия. Осмотр предметов ритуальных культов есть не что иное, как разновидность осмотра предметов. Необходимость выделять указанные объекты в качестве самостоятельных видов, на наш взгляд, отсутствует. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что под классическое определение «предметы» как индивидуально-определённые тела (вещи), имеющие устойчивое внешнее строение, не подпадает обширная область вещественных объектов, не обладающих собственной устойчивой формой и пространственными границами¹⁷. Во-первых, это жидкие, полужидкие, сыпучие и газообразные вещества, находящиеся в специально приспособленных емкостях, или в виде отделившихся частиц, растворов и т.д., а также материалы. Во-вторых, сложные материальные комплексы. В первом случае отсутствие собственных устойчивых пространственных границ, свойственных предметам, усложняет их осмотр, предъявляя ряд специальных требований к приёмам их изъятия, фиксации, процессуального оформления¹⁸. Во втором случае наличие сложных материальных комплексов не позволяет без всяких оговорок

назвать результат их исследования вне места происшествия осмотром предметов. Например, при фиксации хода и результатов осмотра транспортного средства, отбуксированного с места дорожно-транспортного происшествия, в протоколе осмотра предметов сложно отвлечься от мысли об условности названия данного процессуального документа. Ещё больше вопросов о том, как именно называть протокол, возникает при осмотре животных. Ни один из протоколов, содержащихся в Перечне бланков процессуальных документов досудебного производства, не подходит по своему названию для фиксации процесса и результатов осмотра животных. Очевидно, данный вопрос требует более пристального изучения.

Мы не согласны с точкой зрения ряда исследователей, считающих освидетельствование одним из видов (разновидностью) следственного осмотра. На первый взгляд, освидетельствование, которому посвящена ст. 179 УПК РФ, в процессуальном и тактическом планах имеет немало общего с осмотром, порядок проведения которого закреплён в ст. 176, 177 и 180 УПК РФ. Однако этот факт (как и в случае с допросом и очной ставкой) ещё не является основанием отнесения их к одной классификационной группе. Такой вывод нам позволяет сделать анализ статей закона, регламентирующих производство этих следственных действий. Глава 24 УПК РФ называется «Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент». В названии данной главы законодатель, на наш взгляд, не случайно разделяет осмотр и освидетельствование. Кроме того, объектом освидетельствования является тело живого лица, а объектом осмотра – материальная обстановка, предметы и документы и т. д. Следственный осмотр проводит сам следователь, как правило, непосредственно воспринимающий свойства и признаки материальных объектов, имеющих значение для дела. Освидетельствование в ряде случаев производится врачом, без непосредственного участия следователя (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). При освидетельствовании следователь в определённых законом случаях бывает ограничен в выборе средств фиксации его хода и результатов (если освидетельствование сопровождается обнажением лица, фотографирование, видеозапись и киносъемка проводятся только с согласия данного лица). Нормы УПК РФ, регламентирующие производство осмотра, таких ограничений не содержат. Изложенное дает нам основание считать освидетельствование самостоятельным следственным действием.

Иногда в самостоятельный вид следственного осмотра выделяют осмотр почтово-телеграфных отправлений, а также фонограмм звукозаписи, выполненных в ходе контроля и записи переговоров. Такой подход не представляется нам верным, не столько потому, что с криминалистической точки зрения осмотр почтово-телеграфных отправлений, а также фонограмм по сути есть не что иное, как

осмотр документов либо предметов¹⁹, сколько потому, что наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, а также контроль и запись переговоров – самостоятельные следственные действия. Тот факт, что их составным элементом является осмотр, никак не опровергает сказанное выше. Осмотр в большей или меньшей степени выступает неотъемлемой частью ряда других следственных действий (например, обыска, выемки, проверки показаний на месте, следственного эксперимента, предъявления для опознания). Однако это не умаляет их самостоятельного значения.

В криминалистике имеются и иные основания классификации осмотра. Так, Р.С.Белкин различает первоначальный, повторный и дополнительный виды осмотра места происшествия²⁰. Аналогичным образом выделяют виды осмотра и в иных работах. Интересно, что если сущность первоначального, повторного и дополнительного²¹ осмотра в криминалистической литературе обычно раскрывается, то об основном не говорится ни слова. Очевидно, поэтому О.Я.Баев отмечает, что основным является, как правило, первоначальный по последовательности осмотр. Потребность дополнительного осмотра ранее уже осмотренного объекта обуславливается теми же ситуациями, что и повторного, разновидностью которого он, в сущности, и является²². Возникает вопрос, может ли быть повторный осмотр основным? На наш взгляд, может. В то же время дополнительный осмотр всегда является повторным. Таким образом, целесообразно выделять виды осмотра по последовательности: первичный и повторный, который в свою очередь имеет разновидности в зависимости от объема: основной и дополнительный.

Осмотр места происшествия, без сомнения, основной вид следственного осмотра. От того, насколько качественно произведен осмотр места происшествия, зависит успех дальнейшего расследования преступлений. Данные, полученные в ходе осмотра, имеют существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, квалификации деяния, выявления лиц, причастных к совершению преступления.

Методологическая сложность определения понятия «осмотр места происшествия» во многом обусловлена тем, что оно основывается на понятии «место происшествия».

В этой связи необходимо уточнить, что понимается под местом происшествия. Уяснение этого вопроса имеет не только теоретическое значение, но и самое непосредственное отношение к практической деятельности, поскольку позволит разграничить различные виды следственного осмотра (осмотр места происшествия, осмотр местности, осмотр помещения).

Анализ специальной литературы свидетельствует о существовании двух противоположных точек зрения по данному вопросу. Суть раз-

ногласий в основном сводится к определению параметров района, охватываемого понятием «место происшествия». Так, ряд исследователей отождествляют понятия «место происшествия» и «место преступления». Например, Д.П. Рассейкин писал, что местом происшествия является территория или помещение, где непосредственно произошло подлежащее следственному осмотру событие²³. Осмотр места происшествия – одно из первоначальных следственных действий. Он может проводиться до возбуждения уголовного дела. Иногда следы преступления могут быть обнаружены на значительном расстоянии от места, где преступление непосредственно было совершено. Например, неправомерный доступ к компьютеру и находящейся на нем информации может быть осуществлен с другого компьютера, территориально расположенного на значительном расстоянии от объекта преступного посягательства. Поэтому определение места, где произошло «подлежащее осмотру событие» (особенно на первоначальном этапе расследования, когда обычно проводятся осмотры места происшествия), нередко сопряжено с большими трудностями. В процессе исследования обстановки не всегда можно сделать достоверный вывод о характере происшедшего события по обнаруженным следам. Например, в определенном районе обнаружены явления, которые могут трактоваться по-разному: они могут возникнуть как в связи с совершением здесь криминального события, так и быть следствием подготовки в данном месте преступления, наступлением последствий преступления либо сокрытия его результатов. Зачастую для того чтобы точно установить, что преступное событие произошло не в том месте, где обнаружены его следы, требуется значительное время. Вывод о характере события, его противоправности или правомерности иногда может быть сделан лишь по результатам всего расследования. Кроме того, место, где непосредственно произошло преступление, может окружать территория, не имеющая следов преступления, но позволяющая познать его обстановку.

При неправомерном доступе к компьютерной информации, совершенном удаленно (например, с помощью сети Интернет), какое-то одно целостное место происшествия отсутствует вообще, поскольку в данном случае может быть несколько мест происшествия: а) рабочее место, рабочая станция — место обработки информации, ставшей предметом преступного посягательства; б) удаленное место управления сетевыми ресурсами, хранения или резервирования информации, в частности сервер, ставший предметом преступного посягательства или сохранивший свидетельства о нем и о работе системы за определенный период; стример; в) место использования технических средств для неправомерного доступа к компьютерной информации; г) место наступления вредных последствий (несанкционированное уничтоже-

ние, блокирование, модификация либо копирование компьютерной информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети), место хранения информации, полученной в результате неправомерного доступа к данным, содержащимся на машинных носителях или в ЭВМ. Местом происшествия может быть одно помещение, где установлен компьютер и хранится информация, ряд помещений, в том числе в разных зданиях, соединенных компьютерной сетью или находящихся на различных территориях, связанных сетью Интернет. Очевидно, что в последнем случае осмотр каждого из указанных мест должен оформляться самостоятельным протоколом осмотра места происшествия.

Наконец, не совсем ясно, что имел в виду Д.П.Рассейкин, говоря о событии, подлежащем осмотру. Очевидно, вернее было бы вести речь не об осмотре события, а об осмотре его последствий. Указанные соображения свидетельствуют об узковости данного определения.

А.В.Дулов и П.Д.Нестеренко полагают, что место происшествия – это помещение или участок какой-нибудь территории, где непосредственно произошло расследуемое событие, а также иные прилегающие к ним места, на которых могут быть обнаружены относящиеся к этому событию данные и их последствия²⁴. Из этого определения не совсем ясно, что авторы понимают под относящимися к расследуемому событию данными и их последствиями. Материальные следы происшедшего явления могут находиться на значительной по размерам площади, далеко не всегда прилегающей к месту, где произошло само преступление. Отсюда можно сделать вывод, что место происшествия может быть шире, чем место преступления, как по охватываемой им территории, так и по характеру событий, включаемых в содержание этих понятий.

С учетом исследуемой проблемы более правильно нам представляется иная позиция, согласно которой место происшествия – это не только территория или помещение, где осуществлялось противоправное действие (бездействие) либо наступили вредные последствия содеянного, но и место, где обнаружены связанные с ним обстоятельства (вредные последствия)²⁵.

Так, Р.С.Белкин под местом происшествия понимает участок местности или помещения, где были обнаружены следы преступления, требующего расследования²⁶. Поскольку само обнаружение следов события, требующего расследования, всегда является происшествием, по мнению Р.С. Белкина, то и место обнаружения этих следов является местом происшествия, а его осмотр – осмотром места происшествия²⁷. В целом не возражая против данного определения, заметим, что автор допустил редакционную неточность, говоря, что место происшествия – это местность, где были обнаружены следы. Следовательно при осмотре может и не обнаружить

каких-либо следов, однако это не значит, что он не должен составлять протокол осмотра. Задачи осмотра не сводятся лишь к обнаружению следов. Их круг значительно шире. Более того, следы преступления могут быть обнаружены и в ходе обыска, следственного эксперимента и т.д., но это вовсе не означает, что место их обнаружения является местом происшествия. В наиболее общем виде задачи осмотра сформулированы в ст. 178 УПК РФ, согласно которой к задачам осмотра кроме обнаружения следов преступления также относятся: обнаружение других вещественных доказательств²⁸; выяснение обстановки происшествия; выяснение иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Более точное определение сформулировано Л.А.Ивановым, который считает, что под местом происшествия следует понимать определенное пространство, где непосредственно произошло происшествие или имеются его последствия, есть (или могут быть следы) объекты или явления, имеющие доказательственное значение²⁹. Однако не совсем ясно, что автор понимает под определенным пространством.

Интересно определение места происшествия, данное В.П. Колмаковым: «местом происшествия может быть определенный пространственный участок территории, суши, водной поверхности и дна водоемов, помещений, где обнаружены материальные последствия его»³⁰. В.П.Колмаков в целом точно указал, что следует понимать под пространством, которым охватывается понятие «место происшествия». Вместе с тем следы преступления нередко располагаются не только на участке земной поверхности, в помещении и т.д., но и в иных сферах и пространственных объектах. Поэтому В.В.Степанов справедливо предлагает расширить перечень сфер, включаемых в пространство, подлежащее осмотру в качестве места происшествия, добавив туда и подводную среду, подземные природные образования либо искусственные сооружения³¹. Кроме того, по нашему мнению, не совсем верно говорить, что место происшествия – это пространственный участок, где совершено преступление. Происшествие включает в себя как преступление, так и другие деяния, внешне напоминающие криминальные события, но таковыми не являющиеся, о чем следователь нередко не знает, когда производит осмотр места происшествия.

Таким образом, место происшествия – это территория, акватория, участок местности, водная поверхность, подводная среда, подземное природное образование или искусственное сооружение, помещение, в пределах которого осуществлялось противоправное действие (бездействие) либо наступили его вредные последствия, или обнаружены причинно связанные с подлежащим расследованию событием следы.

При расследовании преступлений нередко приходится осматривать не только отдельные

участки местности, но и помещения, строения, транспортные средства, трупы и иные объекты. Именно эти обстоятельства обуславливают трудоемкость осмотра, его сложность, необходимость проведения длительных по времени и разнообразных по характеру организационных и подготовительных мероприятий, решение большого количества сложных задач, возникающих в связи с осмотром. Эти обстоятельства характеризуют комплексный характер действий, осуществляемых при подготовке, в ходе осмотра и непосредственно после его окончания. Указанные свойства осмотра места происшествия дали основание В.И.Попову сформулировать следующее определение данного следственного действия. Он считает, что понятием осмотра места происшествия охватывается комплекс следственных и розыскных мероприятий, направленных на обнаружение и закрепление вещественных доказательств и следов преступления, на выявление механизма и мотивов преступления, на использование данных осмотра в целях розыска по горячим следам³². На наш взгляд, полностью согласиться с подобным определением нельзя.

Осмотр места происшествия является видом следственного осмотра – следственного действия, закрепленного в УПК РФ, поэтому он не может быть комплексом первоначальных следственных действий. Также неверно говорить об осмотре как совокупности розыскных мероприятий³³.

Деятельность участников осмотра места происшествия представляет собой сложный комплекс различных мероприятий. К их числу могут относиться: оказание помощи потерпевшим; принятие мер, направленных на ликвидацию последствий преступления; опрос очевидцев произошедшего события и иных свидетелей; детальный осмотр обстановки; обследование прилегающей местности, зданий и помещений, применение служебно-розыскных собак, другие организационные и оперативно-розыскные мероприятия. Однако деятельность одних участников осмотра места происшествия осуществляется в непроцессуальной форме (в рамках оперативно-розыскных мероприятий, проводимых параллельно с осмотром), а других – в процессуальной, реализуемой в соответствии с нормами УПК РФ в ходе осмотра³⁴.

В юридическом энциклопедическом словаре под осмотром места происшествия понимается следственное действие, состоящее в непосредственном изучении помещения или местности, где совершено преступление или обнаружены его следы³⁵. Недостатком данного определения является то, что в качестве объектов осмотра называются лишь помещение или местность и ничего не говорится об иных объектах, исследуемых в рамках осмотра места происшествия (подводной среде, подземных природных образованиях и искусственных сооружениях). Непонятно, в чем заключается отличие осмотра места происшествия от других следственных действий, так как

изучить помещение или местность, где совершено преступление или обнаружены его следы, можно и в процессе обыска, следственного эксперимента, проверки показаний на месте. Кроме того, не совсем ясно, кто же изучает помещения или местность.

Более точное определение было дано В.П.Колмаковым, который считал, что под осмотром места происшествия нужно понимать следственное действие, в котором следователь совместно с указанными в законе лицами непосредственно воспринимает, исследует, фиксирует и оценивает состояния, свойства и признаки материальных объектов, имеющих на участках местности или в помещении, с целью обнаружения там следов и других вещественных доказательств, выяснения обстановки и всех обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу³⁶. В целом не возражая против данного определения, заметим, что и оно не лишено некоторых недостатков. Так, В.П.Колмаков, а за ним и многие другие криминалисты³⁷ говорят о непосредственном восприятии следователем (и иными указанными в законе лицами) «состояний, свойств и признаков материальных объектов». Действительно, участие лица, производящего осмотр (как и иных обязательных участников осмотра), необходимо на всех стадиях его производства. Однако исследование объектов и процессов в условиях, требующих от следователя специальной тренировки и соответствующей экипировки, иногда исключает непосредственное присутствие следователя в той или иной зоне, среде и т.д. Повышенная опасность некоторых объектов осмотра (например, взрывных устройств) требует соблюдения особых правил предосторожности при работе с ними. В некоторых случаях, обусловленных конкретными условиями, в которых производится осмотр (например, под водой, под землей, осмотр взрывных устройств и т.д.), следователь может воспринимать интересующие его объекты непосредственно либо опосредованно. В последнем случае для осмотра должны использоваться необходимые технические средства и привлекаться соответствующие специалисты. Поэтому указание В.П.Колмакова на непосредственность восприятия не совсем оправданно. Наряду с обязательными участниками осмотра при его производстве могут присутствовать и факультативные – лица, чье участие в данном следственном действии непосредственно не оговаривается в законе. В связи с этим нельзя полностью согласиться с В.П.Колмаковым считавшим, что следователь воспринимает, исследует, фиксирует и оценивает состояния, свойства и признаки материальных объектов лишь совместно с указанными в законе лицами. В отдельных случаях следователь должен воспринимать, исследовать, фиксировать и оценивать не только состояния материальных объектов, но и свойства окружающей их среды (воздуха, воды и т.п.).

Р.С.Белкин под осмотром места происшествия понимал неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события³⁸. На наш взгляд, не совсем верно говорить о том, что осмотр места происшествия направлен на установление следов преступника. Ведь наряду со следами преступника могут быть выявлены следы потерпевших, животных и т.д., имеющие существенное значение для установления истины по делу. Кроме того, осмотр места происшествия направлен на получение информации материального характера, а не любых фактических данных, позволяющих сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события.

С учетом изложенного можно сформулировать следующее определение: осмотр места происшествия – это вид следственного осмотра, проводимый для исследования фиксированного пространства, где непосредственно произошло расследуемое событие, имеются или могут быть его последствия или иные причинно связанные с ним объекты, в целях обнаружения, исследования и фиксации материальной информации, значимой для установления истины по делу.

Примечания

- 1 Криминалистика / Отв ред. А.Н. Васильев. М., 1963. С. 309.
- 2 Колмаков В.П. Следственный осмотр. М., 1969. С. 18.
- 3 Криминалистика / Под ред. Б.А. Викторова, Р.С. Белкина. М., 1976. С. 244.
- 4 См.: Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 96.
- 5 См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 152.
- 6 См.: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / Под ред. В.А. Образцова. М., 1999. С. 176 (авторы раздела – В.А.Образцов и А.А.Топорков).
- 7 См.: Ищенко Е.П. Криминалистика: Краткий курс. М., 2003. С. 127.
- 8 См.: Иванов Л.А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. Саратов, 1993. С. 7.
- 9 См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М., 2003. С. 75.
- 10 См.: Белкин Р.С. Указ. соч. С. 152; Ищенко Е.П. Указ. соч. С. 128; Криминалистика / Под ред А.Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 212.
- 11 Колмаков В.П. Указ. соч. С. 27.
- 12 Селиванов Н.А. Указ. соч. С. 96; Белкин Р.С. Указ. соч. С. 152; Криминалистика: Учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. А.А. Закатова, Б.П. Смагоринского. М., 2003. С. 129; Криминалистика / Под ред. А.Г. Филиппова. С. 212; Руководство по расследованию преступлений. М., 2002. С. 389.
- 13 Белкин Р.С. Указ. соч. С. 152.
- 14 Иванов Л.А. Указ. соч. С. 8.
- 15 Криминалистика / Под ред. А.А. Закатова, Б.П. Смагоринского. С. 129.
- 16 Белкин Р.С. Указ. соч. С. 152; Колмаков В.П. Указ. соч. С. 27; Криминалистика / Под ред. А. В. Дулова. Минск, 1998. С. 290–291; Учебник уголовного процесса / Отв. ред. А.С. Кобликов. М., 1995. С. 187; Криминалистика / Под ред. А. Г. Филиппова. С. 212.
- 17 См.: Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / Под общ. ред. В.Я. Колдина. М., 2002. С. 9.
- 18 Там же.
- 19 См.: Тактика следственных действий. Саратов, 2000. С. 18.
- 20 Белкин Р.С. Указ. соч. С. 153 (очевидно, автор подразумевал виды следственного осмотра).
- 21 Н.А. Селиванов пишет, что повторный осмотр отличается от дополнительного тем, что заключается в полном осмотре того, что уже осматривалось ранее (в более благоприятных условиях, с большей тщательностью или другим субъектом), тогда как дополнительный – в изучении некоторой части объекта, по тем или иным причинам не осмотренной в первый раз (см.: Селиванов Н.А. Указ. соч. С. 97).
- 22 Баев О.Я. Указ. соч. С. 78–79.
- 23 Рассейкин Д.П. Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. Саратов, 1967. С. 69. Аналогичная точка зрения встречается в работах и других исследователей (см.: Тактика следственных действий. Саратов, 2000. С. 28; Водяницкий В.П. К вопросу о понятии места происшествия // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 1976. Вып. 1. С. 47).
- 24 Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 109.
- 25 См.: Осмотр места происшествия. М., 1960. С. 7; Криминалистика / Под ред. А.Н. Васильева. М., 1971. С. 289; Хаматов Р.Б. О плюральном характере места происшествия // Вестн. Сарат. гос. академии права. 2000. № 3 (22). С. 32–33.
- 26 Белкин Р.С. Указ. соч. С. 117; Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997. С. 52.
- 27 Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Указ. соч. С. 52.
- 28 На наш взгляд, данная формулировка не совсем оправданна. Материальный объект становится вещественным доказательством лишь после его осмотра, установления его относимости к делу и вынесения постановления о приобщении к делу в качестве вещественного доказательства.
- 29 См.: Иванов Л.А. Указ. соч. С. 21.
- 30 Колмаков В.П. Указ. соч. С. 51.
- 31 См.: Степанов В.В. О понятии места происшествия // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 2004. Вып. 12.

- ³² Попов В.И. Осмотр места происшествия. М., 1959. С. 8–9.
- ³³ См.: Степанов В.В. Место происшествия как информационная система // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 11–12.
- ³⁴ Очевидно, речь должна идти о тактической операции, которую можно назвать «сбор информации о произошедшем событии и его участниках». Осмотр места происшествия является одним из элементов такой тактической операции.
- ³⁵ Юридический энциклопедический словарь. М., 1987. С. 281.
- ³⁶ Колмаков В.П. Указ. соч. С. 52–53.
- ³⁷ См., например: Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1995. С. 23; Юридический энциклопедический словарь. С. 281; Рассейкин Д.П. Указ. соч. С. 11; Максотов И.Х. Осмотр места происшествия. Л., 1965. С. 21–22; Селиванов Н.А. Указ. соч. С. 95; Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999. С. 354.
- ³⁸ Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Указ. соч. С. 52.